Стивен Фрай

Дури еще хватает

ВОСПОМИНАНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биография Стивена Фрая, рассказанная им самим, богата поразительными событиями, неординарными личностями и изощренным юмором. В Англии книга вызвала настоящий ажиотаж и волнения, порой нездоровые, — в прессе, королевской семье, мире шоу-бизнеса и среди читающей публики. А все потому, что, рассказывая о своей жизни, Фрай предельно честен и откровенен, и если кое-где путается в показаниях, то исключительно по забывчивости, а не по злому умыслу. Эта книга охватывает период зрелости — время, когда Фрай стал звездой, но еще не устал от жизни. И это самый скандальный период его биографии: жизнь и творчество национального достояния Британии держались на весьма сомнительных опорах, в чем он и признается себе и всем спустя двадцать лет. Фрай ничего не утаивает, выкладывая все как на духу. Вас ждут встречи с друзьями и близкими Фрая: с Хью Лори, сестрой Джо, Беном Элтоном, Эммой Томпсон, Роуэном Аткинсоном и многими другими звездными персонами. Фрай рассказывает удивительные, почти анекдотические истории о своих приключениях в компании принца Чарлза и принцессы Дианы, лондонской полиции, оксфордской профессуры и прочих персонажей. Приготовьтесь к невероятным взлетам и падениям вместе с одним из самых обаятельных, остроумных и просто умных людей нашего времени.

- Стивен Фрай
  -
  - Глава первая
  - Повторение пройденного
  - Весьма нескладно, но… в правильном духе
  - Вопрос морали или медицины?
  - Ранние дни
  - Заметки о карьере в шоу-бизнесе
  - Жизнь идет
  - Досточтимый дневник
  - Послемыслие
  - Вклейка
- notes
  - Сноски
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48

- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92

- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136

- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171

○ Примечания переводчика и редактора

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52

- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96

- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140

- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146

Стивен Фрай
Дури еще хватает

MORE FOOL ME by Stephen Fry
Copyright © 2014 by Stephen Fry

Книга издана с любезного согласия автора и литературного агентства «Синопсис»

Фото из архивов Стивена Фрая, Хью Лори, BBC Photo Library, ITV/Rex Features, Immediate Media

© Сергей Ильин, перевод, 2015
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2015

* * *

Глава первая

Мемуары, посвященные шоу-бизнесу, большой привлекательностью не отличаются. Сама по себе линейная хронология успехов, провалов и совершаемых наудачу попыток пролезть в новую для тебя сферу достаточно скучна. А тут еще необходимость избрать способ описания твоих соратников и современников:

«Она была *восхитительной* партнершей, всегда *невероятно* забавной, страшно веселой и участливой. Знать ее означало — *обожать*».

«Его талант захватил меня сразу. До чего же *великолепен* был он во всем, за что брался. В нем присутствовал блеск, своего рода светозарность».

«У нее всегда находилось время для почитателей, какими бы назойливыми те ни были».

«Какой же это был *совершенный* брак, какими *идеальными* супругами они были. Воистину золотая пара».

Я мог бы описать здесь актеров, ведущих или продюсеров телепрограмм со всей точностью, оставив в стороне лишь их серийное многобрачие, хроническое домашнее насилие, разнузданный фетишизм и умопомрачительные покушения на бутылку, порошки и пилюли.

Но имею ли я право на такую честность по отношению к другим, какая сулит им шишки, синяки и ожоги? Я более чем готов быть жгуче и уязвительно честным на свой собственный счет, однако мне попросту недостает качеств, которые позволили бы поведать миру, что продюсер Ариадна Бристоу есть агрессивно порочная, вероломная сучка, которая то и дело выставляет на улицу своих ни в чем не повинных подчиненных лишь потому, что они как-то не так на нее посмотрели; или что Майку Дж. Уилбрахему, прежде чем он сможет хотя бы начать обдумывать подготовку к съемкам очередной сцены, необходимо отсосать у микрофонного техника, засунув при этом палец в зад второго кинооператора. Все это несомненная правда, беда только в том, что нет на свете никакой Ариадны Бристоу, как, впрочем, и Майка Дж. Уилбрахема. ИЛИ ВСЕ-ТАКИ ЕСТЬ?

Актеру Руперту Эверетту удается в его автобиографических сочинениях демонстрировать язвительность двух, так сказать, сортов: стервозную и вкрадчивую. Получается очень смешно, однако я и думать боюсь о том, что меня могут счесть способным на сочинительство подобного рода. Впрочем, я рад порекомендовать вам оба тома его автобиографических

воспоминаний, «Красные дорожки и прочие банановые шкурки» и «Пропащие годы». Идеальное чтение для отпуска и на Рождество.

Итак, мне следует подумать о том, как представить вам третье издание моей жизни. Должен признать, что написание этой книги было поступком таким тщеславным и нарциссическим, какой только можно вообразить. *Третий* том истории моей жизни? Существует множество вполне пригодных для чтения однотомных биографий Наполеона, Сократа, Иисуса Христа, Черчилля и даже Кэти Прайс[1]. Так какое же право имею я утомлять публику еще одним потоком анекдотов, автобиографических сведений и исповедальных признаний? Первый написанный мной том содержал воспоминания о детстве, второй — хронику университетской жизни и удачного стечения обстоятельств, позволившего мне начать карьеру актера и сочинителя, а также замелькать на радио и телевидении. Между концом второй книги и вот этой самой минутой, в которую я набираю данное предложение, залегло больше четверти века, я провел это время, бестолково снимаясь на телевидении и в кино, выступая по радио, сочиняя то да се, влипая в те или иные неприятности и обращаясь в типичного представителя умалишенных, твиттеристов, гомосексуалистов, атеистов, обладателя неприятнейшей всепролазности и любых иных качеств и явлений, какие приходят вам в голову, когда вы меня видите.

Я исхожу из предположения, что, открывая эту книгу, вы уже более-менее знаете, кто я такой. И прекрасно понимаю — да и как может быть иначе? — что, если человек пользуется известностью, люди должны как-то к нему относиться. Есть те, кто меня на дух не переносит. Я хоть и не читаю газет и не подвергаюсь оскорбительным нападкам на улицах, но достаточно хорошо знаю, что среди британской публики и, осмелюсь сказать, публики иных стран немало людей, которые считают меня кичливым, назойливым, лживым, самодовольным, себялюбивым, псевдоинтеллектуальным и нестерпимо действующим на нервы — черт знает кем. И мне понятно, по какой причине. Есть и другие — люди, которые чаруют и смущают меня бурными восторгами на мой счет, осыпают меня хвалами и приписывают мне качества без малого божественные.

Я не хочу, чтобы эта книга получилась чрезмерно застенчивой. Мне есть что сказать о конце 1980-х и начале 1990-х, хотя, возможно, вы сочтете мой рассказ бессвязным. Надеюсь, что, пока я буду перескакивать от темы к теме, какая-то хронология образуется сама собой. Разумеется, без анекдотов того или иного

рода мне обойтись не удастся, но рассказывать вам о частной жизни других — это не мое дело, я могу говорить только о своей. Что касается жизни правильной, организованной, тут я считаю себя человеком несведущим. Возможно, потому я и впадаю в непростительный грех гордыни, предлагая миру третий том моей автобиографии. Может быть, здесь, в этих дебрях слов, я и *отыщу* мою жизнь — отыскать ее вне дутого предприятия, которое именуют писательством, мне пока что не удалось. Я, клавиатура, мышь, экран — и ничего больше. Ну еще перерывы на черный кофе, посещения уборной да время от времени твиттера и электронной почты. Я могу заниматься этим часами и в полном одиночестве. В таком, что, если мне все же приходится снимать телефонную трубку, голос мой нередко оказывается хриплым, каркающим, поскольку я много дней ни с единой живой душой не разговаривал.

Ну-с, и куда ж нам отсюда плыть?

Давайте посмотрим.

Повторение пройденного

Мне часто снится один и тот же сон. В три часа ночи кто-то звонит в мою дверь. Я вылезаю из постели, нажимаю на кнопку переговорного устройства.

— Полиция, сэр. Можно войти?

— Конечно, конечно.

Нажимаю на другую кнопку, впускаю их в дом. Полицейские пропевают, словно псалмы, обвинения, разобрать которые мне не удается. Арестовывают меня, надевают наручники. Все проделывается вдруг, очень быстро и добродушно. Один из полицейских просит разрешения сфотографироваться со мной.

Сны монтируются как фильмы, и следующий эпизод разворачивается уже в зале суда, где судья, куда менее благожелательный, приговаривает меня к шести месяцам заключения и каторжным работам. Судья исполнен отвращения ко мне, человеку, который должен бы понимать, что к чему, но совершил столь глупое преступление и подал столь срамной пример впечатлительным молодым людям, невесть по какой причине питающим ко мне уважение. Судья желал бы приговорить меня к сроку более долгому, но вынужден руководствоваться буквой закона.

Слышатся возгласы одобрения и насмешки, меня отводят в обезьянник, затем сажают в фургон, восхитительно изукрашенный и на редкость богато снабженный хрустальными бокалами, ведерками со льдом и бутылками поразительно разнообразного спиртного.

— Надрызгайтесь от души, Стивен. Теперь вам не скоро выпить удастся.

Я в тюрьме. Все заключенные высыпали из камер, чтобы встретить меня. Приветственные клики их оглушительны и ни малейшей угрозы не содержат.

Огромная столовая… Я усаживаюсь за стол — на колоссальном общем плане, точно Коди Джаррет, сыгранный Джеймсом Кэгни в фильме «До белого каления»{2}. Затем план поясной: некто спокойный и невозмутимый, как лишенный возраста Энди Дюфрейн{3} Тима Роббинса, снимает мой поднос со стола.

Ясно, что в кутузку я попал не за какое-то пугающее сексуальное или финансовое преступление, потому что в таком случае мои товарищи по заключению избивали бы меня и мучили. Я совершил нечто дурное, осуждаемое «обществом», однако прочих преступников и даже полицейских забавляющее.

Газет мне никто не показывает. Говорят, что они меня только расстроят. Все очень странно.

Меня навещают друзья. Они всегда сидят по другую сторону решетки. Хью и Джо Лори. Ким Харрис, мой первый возлюбленный. Мой литературный агент Энтони и театральный — Кристиан. Моя сестра и ЛА Джо. Все они что-то недоговаривают, однако мне уютно в тюрьме и я сострадаю им, вынужденным покидать ее и возвращаться в мир суматохи и бизнеса.

Я драю в коридорах полы электрическим полотером. У него два вращающихся диска со впрессованными в них мягкими шлифовальными подушечками, мне нравится держать его, будто отбойный молоток, ощущать его мощь, нравится, что я способен не позволить ему, тянущему меня вперед, точно ретивая собака на поводке, вырваться из моих рук и отправиться в свободный полет. Полы обретают глянцевитый блеск. Вот это жизнь.

Ко мне подходит, покашливая, старый зек, тугая самокрутка, когда он заговаривает со мной, покачивается в его губах вверх-вниз. Старик видел письмо в офисе начальника тюрьмы, где он ежедневно наводит порядок и чистоту. Мне намерены увеличить срок. Я никогда не выйду отсюда.

Я принимаю новость достойно. Очень достойно.

А затем просыпаюсь, или же сновидение сходит на нет, или переливается в нечто странное, глупое и совсем другое.

Ну что же, теперь можно без помех заняться истолкованием этого сна. Моя настоящая жизнь — тюрьма, и потому реальное узилище стало бы для меня избавлением. Такова выжимка, как выражаются в Голливуде. Я — один из тех, кто, подобно столь многим британцам определенного сословия и времени, рожден, чтобы следовать установленному порядку вещей. Школы сменяются оксбриджскими колледжами, а те сменяются, если так можно выразиться, Судебными иннами, или Би-би-си, или армейскими полками, или линейными кораблями, или одной из двух палат парламента, или «Олбани»{4}, или клубами Пэлл-Мэлл либо «Сент-Джеймсом». Это мир очень мужской, очень англосаксонский (время от времени в него допускают, поскольку расовые предрассудки вульгарны, одного-другого еврея), очень уютный, абсурдный и устарелый. Если вам хочется увидеть его последний парад, состоявшийся как раз перед моим появлением на свет, прочтите первые восемь-девять глав «Лунного гонщика» из бондианы, но имейте с самого начала в виду, что мир этот одновременно потешен, фантастически осмотрителен, бессмысленно амбициозен и завлекателен до того, что мурашки по коже.

Во второй моей мемуарной книге, «Хроники Фрая», да и в первой, «Моав — умывальная чаша моя»[1], я отмечал, что вечно был обуян манией прилепиться к чему-либо, принадлежать, участвовать. Половина моей личности, писал я в «Моав», стремится стать частью племени, другая — держаться от племени подальше. Все клубы, в каких я состою, — шесть так называемых джентльменских и бог знает сколько еще журналистских распивочных в стиле Сохо — суть яркие свидетельства того, что душа моя ищет себе место в британском обществе. Быть может, для таких, как я, тюрьма — клуб самый лучший.

«Так уж оно устроено», — говорит в «Побеге из Шоушенка», любимом во всем мире, Ред, которого сыграл Морган Фримен.

Интерпретаций я остерегаюсь. Интерпретировать мою жизнь и ее мотивы отказываюсь, поскольку не пригоден для этого. Займитесь этим сами. Сочтите меня и мою историю отталкивающей, чарующей, отражающей давно ушедшую эпоху, типичной для поколения, время которого истекло. И обо мне, и о моей жизни можно сказать все что угодно.

Если хотите нагнать на людей тоску, расскажите им ваши сны. Похоже, я неправильно начал. Прошу прощения, однако уверять, что эти мемуары в чем-то экспериментальны, не стану, а лишь попрошу вас приготовиться к скачкам во времени — то вперед, то назад. Опыт письменного рассказа о том периоде моей жизни чем-то походит на сон — неожиданный, прихотливый, отталкивающий, пугающий, невероятный, кристально ясный и одновременно до ужаса затуманенный. Дело мое — весьма, впрочем, далекое, как я полагаю, от Божественной комедии — состоит в том, чтобы стать Вергилием ваших Данте и провести вас так прямо и мягко, как мне удастся, по кругам моего личного ада, чистилища и рая. На следующих страницах я постараюсь быть настолько правдивым, насколько смогу, а интерпретации и поиски, в общих чертах говоря, мотивов предоставлю вам.

Весьма нескладно, но… в правильном духе

{5}

Помимо прочего, существует и такая проблема: приступая к рассказу, я вынужден полагать, что вам известна предыдущая часть моего прошлого.

Берти Вустер, герой и рассказчик историй П. Г. Вудхауза о Дживсе, в начале каждой новой книги обычно говорит читателю что-то вроде: «Если вы — один из верных старых друзей, знакомых с событиями моей прежней жизни, которые описаны в книгах “Моав — умывальная чаша моя” и “Хроники Фрая”, вам сейчас самое время заняться домашними делами — пойти погулять, помыть кошку, попробовать разгрести завалы электронной почты и тому подобное, — а я пока расскажу новичкам, что было раньше…» — хотя, конечно, называет он не «Моав» и «Хроники», а, скажем, «Фамильную честь Вустеров» или «Ваша взяла, Дживс». Весьма сомнительно также, что он поминает электронную почту. Впрочем, общий смысл вы поняли.

Существуют отдаленные шансы, что вы уже натыкались на двух предшественников мемуара, который держите сейчас в руках, — в этом случае я представляю себе, как вы начинаете нетерпеливо постукивать ступней, когда я норовлю провести непосвященных по старому, уже пройденному вами пути. «Да-да, мы все это знаем, кончай волынку тянуть». Я едва ли не слышу, как вы бормочете в дальней дали: «Нам бы чего-нибудь свеженького. Смачненького. Скандального. Про шоу-бизнес. Наркотики. Самоубийства. Сплетни какие-нибудь».

Время от времени я сталкиваюсь в сутолоке потягивающих вино гостей, всегда предваряющей званые, к примеру, обеды, с людьми, которые рассказывают мне, какое великое удовольствие доставила им та или иная моя книга. Это чудесно и мило, но немного конфузит. «Просто не знаю, что и сказать», как говаривала альтер-эго Агаты Кристи популярная писательница Ариадна Оливер (столь великолепно сыгранная Зои Уонамейкер в телевизионных экранизациях). Так или иначе, через час с чем-нибудь я, разогретый несколькими бокалами вина, могу начать рассказывать, что случается за обеденным столом довольно часто, какую-нибудь историю. И вижу, как те самые люди, которые признавались в любви к моим книгам, покатываются со смеху и удивленно ахают, когда я добираюсь до кульминации моего рассказа. И, пока они утирают слезы самозабвенного веселья, я

думаю: «*Минуточку! Именно* эта история описана, слово в слово, в книге, которая им, как они только что говорили, так нравится!» Стало быть, они либо вруны и книгу вообще не читали, чем, сказать по правде, отличаемся все мы, — жить, *не* читая книг, особенно книг твоих знакомых, намного легче, — *либо*, что на самом деле еще вероятнее, книгу-то они *прочитали*, но попросту забыли все в ней сказанное.

Что остается у стареющего человека от книги, которую он прочитал, как не запах, вкус, скоротечный парад смыслов и персонажей, приятных или не очень? Со временем я научился не обижаться. Никто из писателей не ждет, что каждое его слово навеки запечалится в памяти читателя.

Такого рода худая память — отнюдь не проклятие, скорее благословение. Все мы, как читатели, становимся немного схожими с персонажем Га я Пирса из фильма «Помни», только без сопутствующих ему физических опасностей. Что ни день, то приключение. Каждое перечитывание как новое чтение. По крайней мере, это верно в отношении книг, прочитанных недавно. Я могу почти дословно пересказать «Шерлока Холмса», Вудхауза, Уайльда и Во, которых безумно любил в детстве (не говоря уж о Бигглзе, Энид Блайтон и Джорджетт Хейер[{6}]), но не просите меня изложить сюжет последнего прочитанного мной романа. А роман-то был хороший — «Вопрос Финклера» Говарда Джейкобсона, отмеченный Букеровской премией. Прочитать его мне следовало, когда он только вышел, года два или три назад, но, вообще говоря, от современной литературы я безнадежно отстал. Практически все, что я ныне читаю, — это биографии, книги по истории или научно-популярные. Я отложил «Вопрос Финклера», прочел его от корки до корки около трех месяцев назад и получил огромное удовольствие. Помню, я много смеялся, помню, что там был уличный грабитель (расист?), помню очень толковые, убедительные рассуждения об антисемитизме, и вообще это прекрасная, поразительно умная проза. Однако, оставляя в стороне фамилию Финклер и то уличное нападение, я, честно говоря, могу сказать о книге только одно: она мне понравилась. Я вышел из того возраста, когда сюжетные ходы, разговоры и даже отдельные фразы застревают в памяти.

От тротуара к квартире Ватсона и Холмса в доме 221Б по Бейкер-стрит ведут семнадцать ступенек, Нантский эдикт был отменен в 1685 году, а битва при Креси состоялась 26 августа 1346 года (запомнить дату мне не составило труда, поскольку это день рождения моего отца). Я могу, не заглядывая в Википедию, осыпать вас бесполезными сведениями *какого угодно* рода. Точные

фразы Холмса, Дживса, мистера Микобера{7} и Джимлета (десантника-диверсанта, составляющего пару Бигглзу) так и плещутся в моей памяти — в особенности обыкновение рядового из Французской Канады «Траппера» Трабли шипеть «*sapristi!*»[2] всякий раз, как его будят{8}.

Собственно говоря, я все еще храню дома большинство произведений капитана У. Э. Джонса, создателя Бигглза и Джимлета (и их женского эквивалента, сердечной и героичной «Уоролс из ЖВС[3]»). Симпатичным строем (по крайней мере, у меня на полке, если не в порядке публикации) стоят «Джимлет приходит на помощь», «Джимлет скучает» и «Джимлет проводит зачистку». Всего один скрытый выпад против гомосексуализма — зато какой! Даже «Монти Пайтону» не удалось его превзойти, хотя, читая пародию «Биггл расстегивает брюки» в одной из книг «Пайтонов», я хохотал так, что дело кончилось сильным приступом астмы. Честное слово. Сам факт, что они явно читали первоисточник, обращая, как и я, особое внимание на стиль и манеру, заставлял меня валиться на спину, упоенно месить ногами воздух и сипеть, словно умирающий эмфиземик. Наверное, я хочу сказать всем этим, что через год примерно перечитаю книгу Говарда Джейкобсона и она станет для меня новым сюрпризом.

Один из моих друзей заметил недавно: как нелепо, что люди столь редко перечитывают книги, — ведь не слушаем же мы любимую музыку всего по одному разу. Ну ладно, умолкни. Ты меня отвлекаешь. Весь смысл этого начального раздела состоял в том, чтобы подвести неосведомленных читателей к теме *«La Vie Fryesque»*[4]. И если вы добрались до этого места и читали также предыдущие мои покушения на автобиографию, то уже предупреждены: вас ждут повторы, а то и противоречия. То, что я помню сейчас, может отличаться от того, что я помнил десять лет назад. Однако, если вы считаете, что знакомы с историей моей жизни, какой та предстала к концу «Хроник Фрая», и снова читать ее сжатое изложение вам ни к чему, можете спокойно перескочить от одной черной стрелы к другой или просто захлопнуть книгу и заняться мелкими хозяйственными делами — ну, скажем, развернуть телевизор, который почему-то стоит так, что экран его хорошо виден всем вашим домашним, но только не вам. А я тем временем попробую как можно проворнее пересказать существенные обстоятельства ранней моей жизни.

У вас, мог бы добавить я, всегда остается возможность вот прямо сейчас отложить эту книгу, скачать электронные версии или купить бумажные «Моав — умывальная чаша моя» и «Хроники Фрая» и запоем прочитать их в названном порядке,

избавив нас обоих от любых повторов, но мне не хочется показаться вам корыстолюбивым писакой, норовящим увеличить продажи своих сочинений. Мы все стоим выше отталкивающего меркантилизма подобного рода.

→

Итак, с чего начать мне пересказ моей истории? С какого места? Отколе? Алистер Куки, британский журналист, более всего известный радиопередачами из Америки, которые он делал для Би-би-си, как-то рассказал мне, что, печатаясь молодым еще человеком в «Манчестер Гардиан» легендарного Ч. П. Скотта, однажды представил ему статью, в которой присутствовало слово «отколе».

— Скажи-ка мне, паренек, — попросил Скотт, пристукнув двумя пальцами по этому оскорбительному слову, — что бы такое значило твое «отколе»?

— Э-э… «откуда»?

— Точно! Ты бы еще «откудова» написал. Иди поправь.

Куки хватило глупости настоять на своем:

— И Шекспир, и Филдинг часто использовали слово «отколе».

— Ну, если б они писали для «Манчестер», мать ее, «Гардиан», так не использовали бы, — ответил Скотт.

Итак. Позвольте мне, пока другие предаются хлопотам по хозяйству, начать пересказ для новоприбывших читателей. Другие смогут подключиться к нам, когда я его завершу. Начать оттуда, стало быть. Мне больше нравится «оттоле», но ничего не попишешь. Скотт, надо полагать, знал, о чем говорит.

Изгнанный из многих школ, наш герой (я о себе, не об Алистере Куки или Ч. П. Скотте, — пытаюсь написать абзац в манере Кристофера Ишервуда/Салмана Рушди, рассказывая о себе в третьем лице, но это не затянется, обещаю), пережив отрочество, замаранное безрассудствами, страданиями, глупой и душераздирающей влюбленностью, бессмысленными самообольщениями — впрочем, скоротечными — и тьмой позорных поступков, лукавый, дерзкий, коварный и бог весть что воображавший о себе дурачок, угодил в тюрьму за мошенничество с кредитными картами и — будучи еще подростком — оказался на пороге жизни, в которой его ожидали крах, тюремная отсидка, изгнание из семьи и жалкое бесчестье. Сумев каким-то образом увернуться от всего перечисленного, он завершил школьное образование и получил стипендию

Кембриджского университета. Ну, не так чтобы «сумел увернуться», но скорее прорвался благодаря чудесам, которые творили его безупречно милосердные родители, и собственному запоздалому открытию, что ему очень и очень нравится учиться, а перспектива остаться без настоящего образования для него непереносима, в особенности без образования, полученного среди каменных плит, башен и двориков Кембриджа, в котором его герои, наподобие Э. М. Форстера, Бертрана Рассела, Дж. Э. Мура, Людвига Витгенштейна, Альфреда Теннисона и Уильяма Вордсворта, предавались глупым забавам, суровым трудам, восторженному товариществу, чувствительной дружбе и лишь наполовину серьезному *sacra conversazione*[5] и читали на ковриках перед каминами основательные, величаво интеллектуальные местные издания, жуя гренки с анчоусами и сардинами и беседуя с университетскими донами, вербовавшими агентуру для МИ6 и КГБ.

То обстоятельство, что Джонатан Миллер и Питер Кук из «По ту сторону Фринджа», Джон Клиз, Грэхем Чепмен и Эрик Айдл из «Монти Пайтона» и Тим Брук-Тейлор с Биллом Одди из «Леденцов», не говоря уж о Жермен Грир, Клайве Джеймсе, Дугласе Адамсе, Дереке Джекоби, Иэне Маккеллене, Питере Холле, Ричарде Айре, Николасе Хайтнере{9} и прочих, тоже имели некоторое отношение к этому университету, было для меня стимулом менее осознанным, хотя, если говорить начистоту, полагаю, что какая-то малая часть моей персоны мечтала о славе и признании, пусть и в неясной пока форме.

Невозможно, думаю я, только-только подрастая, сознавать, что ты — великий актер, даже если ты Станиславский, Брандо или Оливье. И еще в меньшей степени взрослеющий человек уверен, что сумеет сделать хоть какую-то карьеру на сцене или на экране. Всем же известно, что там «не протолкнуться». Думаю, каждый сознавал в те дни принципы, изложенные Малколмом Гладуэллом{10} в книге «Исключения. История успеха», где тот вполне убедительно доказывает, что никто не смог бы преуспеть без 10 000 часов практических занятий. Никто — ни Моцарт, ни Диккенс, ни Билл Гейтс, ни «Битлз». А мы в большинстве своем тратим 10 000 часов на мечтания, и, что касается актерской игры, могу сказать точно: я много думал, что не прочь попробовать в ней свои силы, но дальше этих дум не шел. Полагаю, это первая из моих рецензий — «Миссис Хиггинс юного Стивена Фрая украсила бы любую гостиную Белгравии» — ударила мне в голову в возрасте примерно одиннадцати лет.

«Ооооох… — Воздух со свистом втягивается в грудь. — Девятьсот девяносто девять безработных актеров на одного

устроенного, молодой человек». Как часто в молодости я слышал на попойках эти слова, неизменно сопровождавшиеся честнейшим взглядом, тонкий смысл коего заключался в том, что с моей-то физиономией и жердевидной фигурой мне и мечтать о первых ролях нечего, а лучше бы подумать о какой-то другой деятельности.

«Барристер ведь тоже немножко актер» — такой утешительной, обнадеживающей мантрой обзавелась моя лучезарная мама. Какое-то время я был с ней согласен и в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет заверял норфолкских землевладельцев и их жен (когда мы бывали у них в гостях), что полон решимости податься в юристы. Книга Нормана Биркетта «Шесть великих адвокатов» стала моей постоянной спутницей. Со свойственным мне отталкивающим апломбом одинокого зубрилы я изводил родных рассказами о величавых судебных триумфах Маршалла Холла (первого моего героя) и Руфуса Айзекса, великой ролевой модели любого еврейского мальчишки, поскольку этот человек возвысился до звания маркиза Рединга и должности вице-короля Индии. Начав с плодового базара в Спитфилдзе, он кончил тем, что ему делали реверансы и кланялись, величая его Вашим Высочеством, в вице-королевском дворце Нью-Дели. Представьте! А ведь он в отличие от Дизраэли всегда оставался *практикующим* евреем. Не то чтобы таким был и я или кто-то из ближайшей родни моей матери. Мы были, по бессмертному выражению Джонатана Миллера, не евреями, а просто евреистыми типчиками. Далеко не беззаветными. Но ведь, как показали нацисты, ты вовсе не обязан практиковать (даже всего лишь 10 000 часов) еврейскую веру, тебя и без этого будут бить, ссылать, мучить, обращать в раба или убивать за нее, и потому ты вправе носить звание еврея с гордостью. Обряды, генитальные увечья, отказ от устриц и ветчины — пусть они идут куда подальше, как и любое наугад взятое правительство Израиля; в остальном можете считать меня горделивым евреем.

При взгляде из двадцать первого века мое произрастание и формирование в сельском Норфолке кажутся причудливым реликтом. Думаю, весь наш образ жизни даже тогда выглядел устарелым. Рыботорговец, который приезжал по средам в тележке, влекомой цокающей копытами лошадью, грузовики с углем, фургончики мясника, бакалейщика и пекаря, доставлявшие тот фураж, какого садовники не могли принести к задней двери нашего дома и вручить стряпухе, чья невестка три раза в неделю мыла, ползая на коленях, полы. Ни тебе центрального отопления, ни водопровода, только уголь и дрова в очагах и печах да викторианская насосная станция, качавшая

воду, одним из источников коей была цистерна, заполнявшаяся ласковыми дождями и снабжавшая все ванны и умывальники мягкой, но ржаво-буроватой жидкостью, а другим — подземный водоносный пласт, питавший питьевой водой единственный в доме кран, низко торчавший над деревянной бадейкой из стены в огромной викторианской кухне, которую согревала лишь пожиравшая кокс плита «Ага». У нас имелась сервизная буфетная, кладовка продуктовая, просто кладовки, моечные и наружная моечная с огромной раковиной, наполнить которую можно было лишь с помощью большого медного насоса, вручную. Снаружи сервизной буфетной, рядом с дверью на лестницу в погреб, висел длинный шнур, тянувшийся к пузатому красно-бело-синему колоколу. Если кто-то из нас, детей, застревал в саду, а мы требовались в доме, взрослые дергали за шнур. Лязганье колокола различалось за полмили, на местной свиноферме, где я любил проводить порой время, любовно созерцая поросят. Стоило мне услышать его, желудок мой всякий раз словно наполнялся свинцом, потому что, если не близилось время ленча или обеда, лязганье это почти неизменно означало Неприятности. Колокол вызванивал новость о том, что меня в чем-то Уличили и ждут, когда я замру на ковре перед письменным столом отцовского кабинета и Объясню Мой Поступок.

Возвращаемся в дом: на стене рядом с колоколом висела вполне предсказуемая панель со звонками, уведомлявшая слуг минувшей эпохи о том, в какую комнату им надлежит поспешить, чтобы согнуться в поклоне и получить, целиком обратясь в слух, приказания. Наша панель не походила на те, что знакомы всем по нынешним телесериалам и фильмам о загородных домах, — с колокольчиками, от каждого из которых тянется в свою комнату дома проволочка, — наша висела на стене передового для своего времени викторианского дома и выглядела как деревянный ящик. На крышке его были напечатаны названия комнат, и над каждым красовалась красная звездочка в белом кружке, начинавшем мелко подрагивать, когда в соответственной комнате нажималась кнопка электрического звонка. Говорили, что дом моих родителей был одним из первых в этом уголке Норфолка особняком «с электрическим приводом». Уверен, проводка его ни разу не менялась со времени постройки дома в 1880-х и до того дня (наступившего почти полтора столетия спустя), когда отец наконец-то продал его. В 1960-х я был еще мальчиком, а керамическим коробкам предохранителей и массивным двойным и тройным электрическим вилкам из бакелита и меди насчитывалось лет восемьдесят, самое малое, и слепящие своей белизной тройные вилки, которые я видел в домах друзей,

неизменно поражали меня, и точно так же поражали, вызывая отнюдь не преходящую зависть, ковровые покрытия от стены до стены, цветные телевизоры и теплые батареи отопления, воспринимавшиеся друзьями как нечто само собой разумеющееся. Я уж не говорю о легкости, с которой они добирались до кинотеатров, магазинов и кофеен. Заурядные, современные дома друзей не могли, конечно, похвастаться шпалерными сливовыми и грушевыми деревьями, росшими вдоль фронтонов наших надворных построек, равно как и стенными шкафами с деревянными филенками, на которых вручную были вырезаны «льняные складки», — у нынешнего антиквара от одного взгляда на них приключился бы оргазм, — но моему безутешному деревенскому взору дома эти представлялись столь же *волнующими*, сколь *тусклыми* были и жизнь моя, и мой дом.

Пройдемте, как выразился бы агент по недвижимости, от кладовок и двери в погреба, мимо звонковой панели и колокольного шнура к неизменно закрытой, обитой сукном двери, что ведет в собственно дом. Там вы увидите коридоры, столовую, гостиную, большую парадную лестницу и кабинет моего отца. Вход воспрещен. Рядом с суконной дверью уходила наверх *черная* лестница, ведшая в наши владения.

Мы с братом занимали две огромные спальни на третьем этаже, все прочие верхние комнаты (одна из которых уже была разделена на две) отводились для гостей и лишней мебели или просто использовались как чердачное пространство. Эти несуразных пропорций помещения, в одном из которых еще уцелело немного обоев Уильяма Морриса, были изначально задуманы как спальни для слуг. Построивший дом архитектор Уитвелл Элвин совершил перед тем ошибку, возводя в нашей деревне дом приходского священника, — комнаты для прислуги оказались там слишком маленькими. По-видимому, слуги, жившие в этих узких комнатушках, остро переживали одиночество и тоску по дому, и потому Элвин, получив возможность соорудить еще один дом, создал в нем для слуг огромные покои, в которых горничные и лакеи (занимавшие, разумеется, безжалостно изолированные спальни) могли по ночам беседовать и утешать друг дружку.

Лучшим архитектурным творением Элвина стал не наш дом и не дом приходского священника, а деревенская церковь. Чтобы увидеть Бутонскую церковь, стоит проехать многие *мили*. «Деревенский кафедральный собор» — так ее именовали. Названием этой главы я обязан сэру Николасу Певзнеру, великому архивариусу британской архитектуры, объездившему все наши графства и описавшему каждое достойное того здание

Соединенного Королевства. «Весьма нескладен, но выстроен в правильном духе» — так отозвался он о бутонском соборе Св. Михаила Архангела{11}. Помню, я процитировал этот отзыв Певзнера Джону Бетчеману{12}, который во время моих школьных каникул или сельской ссылки (временного исключения из школы) приехал к нашей церкви со съемочной группой и кем-то из друзей по «Викторианскому обществу». Мне, самозваному специалисту по местным достопримечательностям, поручили исполнение волнующей миссии — сопровождать компанию выдающихся визитеров, рассказывая им о батском известняке, битом камне, украшенных лиственным орнаментом шпицах, фасках, своеобразных готических влияниях и прочей претенциозной чуши, какая только посетит мою голову (забитую в то время жаргонными словечками достойного Бэнистера Флетчера{13}): «отметьте влияние клюнийского стиля» и прочий словесный понос того же рода, как будто они и сами не знали все это без писклявого нахала двенадцати лет, который вел себя, как профессор архитектуры из Института искусства Курто{14}. Великий поэт-лауреат (или это звание в ту пору только ожидало его?) был очень дружелюбен и терпелив, а я лишь годы спустя узнал, что отношения Бетчемана и Певзнера были отнюдь не самыми сердечными, несмотря на то, что каждый так ценил британскую архитектуру, да, в сущности, и повысил ее ценность; возможно, цитировать сэра Николаса мне не стоило. Помнится, остаток того дня я провел, как гость устрашающе сведущей, милейшей Гермионы Хобхауз из «Викторианского общества», объезжавшей страну в поисках неизвестных мини-шедевров Пьюджина и Джильберта Скотта{15}.

Уитвелл Элвин, может быть, и создал изумительный собор, однако основными его интересами (вне, надо полагать, исполнения обязанностей бутонского священника в течение пятидесяти одного года) были редактирование «Куотерли Ревю», ворчливая переписка со своими великими викторианскими современниками наподобие Дарвина и Гладстона и отчасти «неподобающие» отношения с молодыми женщинами, самой приметной из которых была его «благословенная девушка» леди Эмили Бульвер-Литтон, дочь вице-короля, впоследствии вышедшая за воистину великого архитектора Эдвина Лаченса, более всего известного созданием колониального Нью-Дели и сотрудничеством с садоводом Гертрудой Джекилл{16}. Лаченс спроектировал также Бутонскую усадьбу, «среднего изящества» образчик его творчества. Возведя собор в Бутоне (из зависти, можно предположить, к превосходившему его талантом Лаченсу и ревности к нему же, умыкнувшему возлюбленную Эмили) и дом

приходского священника при нем, Уитвелл Элвин построил наш дом — в знак благодарности к двум засидевшимся в девицах сестрам, которые финансировали его величавое пасторское безрассудство.

Просто для того, чтобы показать вам нелепую старомодность нашего жилища, скажу следующее: уборными нам служили клетушки с бачками под самым потолком. Обязанности появившихся позже изукрашенных фаянсовых цепочек с надписью «тяни» изначально исполняли торчавшие рядом с унитазами рычажки, которые полагалось поворачивать, чтобы добиться слива, *вверх*. У раковин в комнатках перед уборными сливных отверстий не было. Вы наполняли раковину водой, подергивая за подпружиненный кран, умывались или ополаскивали руки, а затем приподнимали ее бортик, на котором имелась щель стока, защищавшая раковину от переполнения, — вода выливалась, а бортик сам собой возвращался на место. Представить себе эту конструкцию вам, наверное, трудно, а мне не хватает умения описать ее кратко и ясно. Ну и ладно. Вот еще: у ванны, стоявшей на больших львиных лапах, имелся длинный керамический рычаг, который следовало, чтобы закупорить сливное отверстие, повернуть и опустить. Ванная комната — одна из немногих, известных мне, — была оборудована собственным камином.

Мы с братом были единственными обитателями дома, которым дозволялось, когда мы болели, растапливать камины в наших спальнях. Невозможно преувеличить удовольствие, которое я испытывал, когда просыпался темным зимним утром и видел еще тлевшие на решетке угли. В остальных случаях согреться зимой можно было, лишь навалив на себя гору тонких шерстяных одеял или заманив в постель кошку-другую. Об одеялах пуховых либо стеганых я и слыхом тогда не слыхивал.

Как-то раз я нашел на чердаке электрический обогреватель «Димплекс» и притащил его в мою комнату. Обнаружив, что я уж три дня держу его включенным на полную мощность (что не мешало пару по-прежнему валить из моего рта и носа), отец заставил меня сесть за стол и подсчитать, исходя из стоимости киловатт-часа, во что обошлось ему мое расточительство. Разумеется, решение этой арифметической задачи лежало далеко за пределами моей компетентности. Обогреватель исчез, а мой страх перед математикой значительно усугубился.

За стенами дома садовники производили то, чем не могли снабдить нас во время их еженедельных визитов бакалейщик, мясник, пекарь и рыбный торговец. Яблоки, груши и картофель запасались на зиму в надворных постройках; джемы, солености и вареные чатни приготовлялись по осени нашей кухаркой миссис

Райзборо. Салат-латук, помидоры, огурцы, красные турецкие бобы, бобы зеленые, горох, кабачки, спаржа, инжир, тернослива, сливы, вишни, ренклоды, клубника, ревень, малина, черная смородина и прочие щедрые дары сада и огорода питали нас всех. Молоко привозили ежедневно в вощеных коробках, которые мы высушивали и использовали в качестве каминной растопки; местные фермеры поставляли нам яйца и темно-желтое сливочное масло, приглаженное резными деревянными лопаточками и завернутое в жиронепроницаемую бумагу. Я ничего не слышал о супермаркетах и не бывал ни в одном, пока мне не стукнуло… даже и догадаться не могу, сколько лет. Если нам требовалась ежевика для пирогов, которые пекла миссис Райзборо (ежевично-яблочных), я усаживал в коляску мою маленькую сестру Джо, провозил ее по тропе для верховой езды и самолично собирал ягоды. В октябре готовилась смесь для рождественских пудингов и разливалось по чашам яблочное желе… уверен, множество людей проделывает то же самое и сейчас, — возможно, их даже больше стало благодаря разгулу конкурсов на лучший пирог или плюшку, которые занимают ныне немалую часть времени на всех телеканалах. Винному камню и засахаренному дуднику повезло в этом смысле меньше. По всей нашей стране мужчины и женщины все еще выращивают овощи, яблоки, груши, ягоду; надеюсь, моя детская идиллия не представится им слишком непонятной. Конечно, для меня детство и близко к идиллии не лежало, каким бы прекрасным оно ни может (и должно) казаться по прошествии столь долгого времени, после стольких перемен в обычаях и нравах.

В нашем распоряжении имелись травяной теннисный корт и бадминтонная лужайка, но по какой-то причине мы на них почти не бывали, разве что приходили туда с гостившими у нас американскими кузенами.

За конюшнями стоял коттедж с собственным огородом, там жила работавшая у отца супружеская чета, с коттеджем соседствовал полный крикливых гусей загон. Я часто сгонял этих агрессивно шипевших птиц к стволу грецкого ореха, вокруг которого они гагакали и хлопали крыльями, как будто он был священным храмом, который вот-вот осквернят и разрушат язычники. Я хоть и вырос в деревне, но отношения с животными у меня никогда не складывались.

В заросшем чем попало старом хлеву и на обнесенном зеленой изгородью земельном участке, полном сломанных солнечных часов и засоренных прудков, мы с моей сестрой Джо находили, приручали и наконец притаскивали в дом одичавших кошек с котятами, которых выдворял из своего жилища почти

невероятно эксцентричный священник деревенской церкви, — будучи человеком глубоко религиозным, он не мог, конечно, поверить, что у любого животного есть душа, и потому считал, что их можно выбрасывать в свое удовольствие на улицу, как мусор. Лошадей у нас не было, поскольку отец превратил стоявшие напротив дома монументальные конюшни в лабораторное здание. Он был конструктором, физиком, инженером-электронщиком — дать точное определение невозможно. Конюшенные кормушки наполнились инструментами, стойла — токарными и фрезерными станками и иной машинерией; в огромных помещениях наверху, где, наверное, спали когда-то грумы, поселились осциллографы, амперметры и электронные приборы самого удивительного и непостижимого рода. После десяти-двадцати лет его работы ароматы припоя, чистящего средства и фреона изгнали все же десятками лет стоявшие здесь запахи навоза, соломы и седельного мыла.

Рипхэм, ближайшая к нам деревня, в которой имелись настоящие магазины и пабы, находилась в трех милях от дома, и обитатели ее думали о моем отце — в тех редких случаях, когда он попадался им на глаза, — как о Сумасшедшем Изобретателе. Если ему по какой-то причине — мама, скажем, лежала в постели с гриппом — приходилось отправляться туда за табаком, он, совершенно как иностранный турист, вставал посреди почтовой конторы, потерянно протянув перед собой ладонь с деньгами и ожидая, когда из нее вынут нужное их количество. Думаю, он немного пугал деревенских жителей, а Вордсвортов мир «стяжаний и трат» пугал отца.

Но все это не идет ни в какое сравнение с тем, как пугал он меня. Я видел в нем сплав мистера Мэрдстона с Шерлоком Холмсом — с легкой примесью дяди Квентина из «Великолепной пятерки»{17}. С последним его роднили зловеще мрачное лицо и нетерпимое до рыка отношение к неподобающему поведению детей, а с великим детективом — нечеловеческий блеск ума и худоба курильщика трубки. Сам Холмс заметил однажды, что гений — это бесконечная способность по части страданий, а я, какой бы благоговейный страх ни внушал мне отец, какие бы гнев и ненависть к нему меня ни обуревали, ни разу не усомнился в том, что он самый настоящий гений и есть. Да и сейчас не сомневаюсь. Не уверен, однако, что между семью и девятнадцатью годами мог встретить его взгляд или услышать его недовольное фырканье, ворчание и вздохи без того, чтобы не ощущить острое желание обомочить штаны или унестись прочь, рыдая от унижения и страдания. Сейчас, на девятом десятке лет,

он сооружает, начав с нуля, 3D-принтер собственной конструкции. И я, зная его достаточно хорошо, питаю полную уверенность, что, когда он закончит, мы получим самое надежное и элегантное устройство из всех присутствующих ныне на рынке.

Мама была и остается самым теплым и добрым человеком из всех, кого вы когда-либо знали. Однако любовь ее и чувство долга были и всегда будут обращены прежде всего к отцу. И *vice versa*[6]. Как тому и быть надлежит. Их брак всегда казался мне настолько идеальным, что я нередко гадал, не он ли сгубил мои шансы достичь отношений, хоть в чем-то столь же совершенных. Чушь, конечно, поскольку и брат мой, и сестра блаженно счастливы в своих браках. Дальше в этой книге мы еще доберемся, если у вас хватит терпения, до наиболее вязких топей, наиболее зловонных и грязных болот моей бесполезной и отталкивающей личной жизни. Пока же нам еще предстоит покончить с повторением пройденного.

Одна из замечательных услуг, оказанных Дж. К. Роулинг всем английским писателям определенного поколения, состоит в том, что о проводах в школу детям можно больше не рассказывать. Разумеется, никакой Хогвартс-экспресс семилетнего Стивена не ожидал и ни сливочного пива, ни волшебных шоколадных лягушек он тоже не видел, но все остальное было, в общем и целом, очень похоже. В школьных вагонах немыслимо взрослые на вид двенадцатилетки нахлобучивали на головы канотье или махали ими из окон, а мы напрягались, как мулы, и цеплялись за наших матерей, воображая близящиеся месяцы разлуки, которые нам предстоит провести в обществе этих устрашающих старших учеников. «Они решат, что я дурак». «Они решат, что я слабак». «Они решат, что я зауряден». Какие только волны незрелой несостоятельности не окатывали меня. Лишь два года спустя, читая незаменимую антологию Нэнси Митфорд{18} «Положение обязывает», я узнал, что слово «заурядный» используется лишь «заурядными» людьми, — новость довольно удручающая.

До того как лет десять, что ли, назад Паддингтонский вокзал почистили, отмыли, обновили и украсили памятником его прославленному и благородному медведю, я и близко к нему не мог подойти без того, чтобы меня не хватил приступ медвежьей болезни.

Каждый, с кем мы знакомимся, — и это продолжается до конца жизни — сильнее нас, лучше знает систему, видит нас насквозь и находит увиденное решительно никуда не годным. Каждый, кого ты встречаешь, несет, так сказать, за спиной здоровенную дубину, а у тебя только и есть что ватная палочка.

Думаю, я уже писал об этом когда-то или, может, спер у кого-нибудь, — в любом случае мое наблюдение вряд ли можно назвать свежим, и я сильно удивлюсь, если вы с ним не согласитесь. Весь остальной мир был на Том Уроке, который мы пропустили по причине зубной боли или приступа поноса, том, где *они* — все прочие ученики — узнали, как этот самый мир устроен, и с тех пор чувствуют себя в нем легко и уверенно. А вот *мы*, все мы, урок пропустили и с тех пор чувствуем себя беззащитными. *Другим* известен некий секрет, и никто из них не знает его лучше, чем дети, которые на несколько лет старше тебя.

В семь лет отправиться за двести миль от дома в приготовительную школу — это, как и тележка рыботорговца, как подвешенные в 1880-х колокольчики для прислуги, как стряпуха, что принимает овощи от почтительно снявших шляпы садовников, представляется безумно глупым, английским, величавым и устарелым.

А стало быть, вам следует понять, прежде чем я двинусь дальше, что вопреки всему мной уже сказанному мы были *бедны*. Не как церковные мыши, не бедны по-крестьянски, а просто бедны в сравнении с людьми самого разного рода, посылавшими своих детей в такие же школы, как моя, — бедны в сравнении с теми, чьи званые обеды посещались моими родителями. Да-да, званые обеды, куда мужчины являлись в галстуках-бабочках и где женщины «удалялись» после сыра из столовой в гостиную, дабы позволить мужчинам прибегать в разговоре к крепким выражениям, курить сигары и пить портвейн. Мама поделилась со мной своим верным, я полагаю, мнением, что этот давний и ныне отмерший ритуал (отмерший, могу вам сказать, даже в королевских дворцах — но о них несколько позже) на самом деле позволял женщинам посещать уборные, не привлекая внимание мужчин к тому обстоятельству, что эти сладостные создания носят в себе такие штуки, как мочевой пузырь, который им — подобно любому мужчине и любой лошади — необходимо опорожнять.

Мы были бедны в том смысле, что мама водила древний «Остин A35» с пощелкивавшими индикаторами, а отец — «Остин 1800», произведенный в пору расцвета британской некомпетентности во всем, что касалось двигателей (а перед ним заездил до полной неупотребимости «Ровер 90»). Мы никогда не ездили в отпуск, а всякий раз, как в пору моего детства и отрочества мы с мамой отправлялись в обувной или одежный магазин, я, помнится, ежился и корчился от смущения, когда она объясняла (слишком громко, на мой слух), что та или эта пара обуви «разорительно дорога», а эти брюки ей «вряд ли по

карману». Рос я, разумеется, быстро, а средств на покупки у нее было мало. Школьную учебу (каким-то образом мы с братом оказались в двух не так чтобы безумно великолепных, но тем не менее едва ли не самых дорогих частных школах Англии) оплачивал, я в этом уверен, мамин отец, милый моему сердцу еврейский иммигрант, который умер, когда мне было десять, и которого мне хотелось бы, очень хотелось бы узнать получше. И рос я с вполне иллюзорным — «необоснованным», сказали бы мы сейчас, — чувством горестной обездоленности. Признание это повергает меня в замешательство, ибо чего мне, спрашивается, не хватало? Какой надо быть дешевкой, чтобы считать сельский особняк с прислугой и огромными комнатами ужасным, а в современном доме с цветными телевизорами, газовыми плитами, морозильниками, ковровым покрытием и центральным отоплением видеть несбыточную мечту о роскоши?

Да, так вот. Я попал в глостерширскую приготовительную школу, далекую от Норфолка, но на свой манер очень красивую. Я уже описал в «Хрониках Фрая» мою ненасытимую жажду сладостей. Отдал страницы панегирикам, посвященным кондитерским магазинам, и исписал другие, бичуя себя за воровство и тайные махинации, до которых довела меня наркотическая зависимость от всего, что сладко, — полагаю, сама она была порождена черт знает откуда взявшимся чувством, что со мной обошлись несправедливо и плохо. Может быть, сахар был для меня заменителем родительской любви и домашнего процветания, коих я чувствовал себя лишенным. Возможно, я от рождения получил склонный к нарциссическим фантазиям разум. Наделенный им ребенок верит, что он на самом-то деле непризнанный сын какого-нибудь герцога или что в один прекрасный день ему пришлют из адвокатской конторы письмо, извещающее о баснословном завещании неведомого кузена, единственным наследником коего он стал. Коронные суды переполнены этими несчастными, уже успевшими, впрочем, вырасти. Я же оказался птицей редкой — более редкой, чем приличный человек в футболке с надписью «Холлистер»[{19}], — фантазером, чьи фантазии, похоже, сбылись. Масса тех, кто ненавидит знаменитостей, сказали бы, что большинство из них — нарциссисты. Возможно, так оно и есть. Как ни странно, ненависть к себе — один из главных симптомов клинического нарциссизма. Только объяснив себе и миру, до чего ты себя ненавидишь, и можно получить в ответ бесперебойный поток похвал и преклонений, которых ты, по твоему разумению, заслуживаешь… по крайней мере, так уверяет теория.

Приготовительную школу я пережил — *едва-едва*. Школа

«Стаутс-Хилл», обращенная ныне в курорт, была удивительной, построенной в середине восемнадцатого века замковой фантазией в стиле неоготики Строберри-Хилл, скрещенной с рококо (если вам по силам представить себе такую помесь) и укомплектованной подземельями, зубчатыми стенами, старшим слугой (мистером Дили) и совершенно причудливыми персонажами наподобие мистера Содона, у которого неуправляемо тряслись руки и которого мы до бесконечности передразнивали.

Только в последний мой школьный год один из учителей рассказал мне, что Содон был блестящим юношей и настоящим военным героем, чей разум повредила полученная в окопах Фландрии контузия, от которой он так и не оправился. Вспоминая сейчас, какое несчетное число раз я крался за ним, потряхивая дрожащими, как у него, руками, с отвисшей, как у него, челюстью, и бормотал какую-то чушь, и пускал, как он, слюну изо рта, и изображал его качливую, ныряющую походку, а он ничего об этом не знал, а встречные мальчишки, завидев меня за его спиной, разражались визгливым смехом… думая об этом сейчас, я испытываю такой стыд, что готов проткнуть себе горло самопиской. И еще хуже становится мне от воспоминаний о том, как озарялось его лицо при виде смеющихся мальчиков. Он, полагаю, верил, что это проявления приязни и радости, и в сознании его начинал подрагивать далекий образ счастливой жизни, наполненной смехом и дружбой, жизни, какой она была до того, как дробящая кости, повреждающая разум война уничтожила все, чем он был. А ведь когда на глаза ему попадалось улыбающееся лицо, то примерно в 99 процентах случаев он видел перед собой вовсе не дружескую улыбку, хоть и не знал того, но издевательскую ухмылку юного изверга, который считал его нелепым, недоразвитым и ничего, кроме презрения, не заслуживающим. Все время, какое я там провел, его почти каждый день преднамеренно мучили, пародировали и жестоко дразнили. И что теперь толку в моих извинениях? Будь он все еще жив, ему исполнилось бы, я думаю, лет 120, и я плачу, пока пишу это. Плачу над моей бессердечной, невежественной, хвастливой порочностью, над сотнями, тысячами Содонов, у которых не было даже прибежища, не было стоявшей среди зеленых покатых холмов Глостершира школы, которая приютила бы их.

Мистер Содон был, по-моему, как-то связан через жену с основателем и директором школы Робертом Ангусом. Ангус произвел на свет трех дочерей, каждая из которых была более-менее помешана на лошадях, в особенности самая младшая, Джейн. Звездным выпускником школы стал Марк Филлипс, тогда

уже готовившийся, как спортсмен-конник, к мексиканской Олимпиаде, а впоследствии женившийся на принцессе Анне. Искусство верховой езды было в «Стаутс-Хилл» не платным факультативом, как фехтование или игра на фаготе, но частью повседневного расписания. После сдвоенного урока латыни мы спускались в конюшни для столь же серьезного (и, на мой вкус, более скучного) урока, посвященного тайнам наездничества. Я и сейчас еще могу многое порассказать о седельных луках, мартингалах, трензелях, мундштуках, оберчеках, кимблуикских и ливерпульских мундштучных удилах (и даже о такой штуке, как удила Чифни, не позволяющие лошади вставать на дыбы), о подпругах и скребницах, каждую мелкую деталь и должное использование коих мы должны были освоить, прежде чем нам дозволялось забраться хотя бы на пони. Запахи седельного мыла и жира для кожи, которые столь редко встречаются мне в нынешние времена, пробуждают во мне воспоминания с той же силой, что и ароматы креозота, гвоздики и сахарной ваты. Я считаю себя — пусть некоторые и полагают, будто я интеллектуал, рационалист и носитель почти ледяной логики, — человеком эмоциональным, чувствительным, ведомым по жизни скорее сердцем и прочими органами, чем мозгом. Обоняние, как все мы знаем, пробуждает память быстрее и надежнее, чем любое из остальных четырех чувств. И аромат седельного мыла уводит меня туда, куда *вас* может уводить запах ландышевого лосьона для рук, которым пользовалась ваша бабушка, или смрад пота и грязи в школьной спортивной раздевалке.

В 2009 году я поклялся (не прибегая, разумеется, к нехорошим словам, которые, впрочем, бормотал, выпадая из поля зрения камеры), что день, когда меня едва не сбросила понесшая теннессийская прогулочная лошадка, стал последним — больше меня никто и никогда, *никогда*, до самой моей смерти, верхом на лошади не увидит. Дело было во время съемок документального сериала, в котором я посещал каждый из штатов Американского союза.

Унижение, которое я претерпел при съемках заставки к фильму «Черная Гадюка рвется в бой», уже более-менее наполнило меня решимостью в седло отныне не садиться. Мы снимали ее в штаб-квартире Королевского английского полка в Колчестере, а идея состояла в том, что я, глупейший генерал Мелчетт, буду сидеть, принимая парад, на коне, между тем как ведомое капитаном Блэкэддером подразделение — в коем служат бедный старый рядовой Болдрик, благородный осел лейтенант Джордж (Хью Лори) и задерганный капитан Дарлинг (Тим МакИннерни) — проходит, равняясь направо, мимо меня

под волнующий марш «Британские гренадеры», понемногу перетекающий в сочиненную Говардом Гудоллом музыкальную тему «Черной Гадюки». Практики ради я сунул ногу в стремя полковничьего коня, коего звали, сколько я помню, — и уже это должно было послужить мне предостережением — Громобоем, взлетел в седло и поехал вперед, воркуя и пощелкивая языком на манер, который успокоил бы и наполнил дружелюбием даже тиранозавра, только что получившего из своего банка неприятную новость. Я проехался вдоль всего плац-парада, чувствуя себя относительно уверенно, повторяя имя Громобоя, поглаживая его морду, ласково похлопывая по крупу, уверяя голубчика, что он в полной безопасности, а я его люблю.

И вот мы с Громобоем мирно стоим, ожидая съемки. Камера, мотор и… музыка. При первом взреве труб Громобой встал на дыбы, заржал, точно баньши, помолотил копытами воздух и поскакал галопом по плац-параду — так, словно его слепень ужалил. Хью на помощь мне не пришел, потому как уже повалился на землю, содрогаясь от безудержного хохота — такого, что он и дышать-то почти не мог. Меня отделяли от сплошного бетона самое малое восемь с половиной футов, я отчаянно сражался за жизнь, а мой лучший друг полагал, что ничего смешнее в жизни не видел. Мужчины.

Ну-с, вам нетрудно будет представить, что двадцать лет спустя, в одном из южных штатов Америки, я забирался на теннессийскую прогулочную лошадку не без некоторой опаски. На том этапе съемок документального сериала о пятидесяти штатах Америки[7] мы находились в Джорджии, гостили у очень добродушного семейства, которое жило в доме плантатора, не изменившемся, казалось, со дней Скарлетт О’Хара. И было ясно, что мой дискомфорт от лошадиного соседства передается и многим другим.

— Вы на ее счет не волнуйтесь, — успокаивала меня, выговаривая слова с чудесной медлительностью коренной южанки, милейшая хозяйка дома. — Еще не рождалась на свет лошадка настолько смирная…

Последнее слово, *docile*, было произнесено на американский манер — так, точно оно рифмуется с *fossil*[8] или с английским обозначением замечательно мелодичной птички, певчего дрозда — *throstle*. Прелестное слово, не правда ли? Однако вернемся к смирной лошадке.

— Все это очень мило, — помнится, пропыхтел я, пытаясь взгромоздить мою тушу на спину бедного животного, — однако мы с лошадьми никогда не ладили, а потому и я никогда не пытался сладить с лошадью. Они знают, что не нравятся мне, и

вечно впадают в панику.

Я только еще подходил к ней — тихо, благоразумно, неспешно, кудахтая, протягивая ей яблоко, тыкаясь носом в ее морду, — а зверюга уже прижала уши, волосья на боках ее встали дыбом, шкура задергалась, она забила копытами, словно учуяв во мне Сатану.

— Только не эта лапушка, — последовало благодушное мурлыканье.

Пять минут спустя — камера как раз успела запечатлеть мой позор — «прогулочная лошадка», спятив от ужаса, который внушал бедняге ее всадник, то есть я, а может быть (подобно любой долбаной лошади, когда-либо рождавшейся на долбаный свет), напрочь перепугавшись таких совершенно неожиданных и жутких явлений, как ветер, деревья, небо, плавно скользящая в вышине птичка, прогуливающаяся курица, забор, кружащий на ветру лист, бабочка — выбирайте сами, — пошла галопом и проломилась сквозь изгородь кораля, я же тем временем визжал и трясся в седле, бестолково пытаясь нажать на тормоза.

— Ну, должна сказать, она себя *ни разу в жизни* так не вела…

Вы могли бы думать, что приготовительная школа, стоящая посреди идиллической сельской местности с озером, лесом, купами деревьев и холмистыми угодьями, школа, в которой катание на терпеливых, покорных пони являлось обязательным для всех ее учеников, могла бы наделить меня обычной человеческой компетентностью по части верховой езды. Ей это не удалось, как не удалось наделить меня обычной человеческой компетентностью по части жизни. Я не умею и никогда не умел ездить верхом и точно так же не умею и никогда не умел жить. Во всяком случае, никогда не чувствовал, что умею.

Итак (должен предупредить, я все еще обращаюсь к новеньким), я пережил шесть лет приготовительной школы и на четырнадцатом году жизни перебрался в «Аппингем», старомодную частную школу славного графства Ратленд. Именно там на меня, противореча Филипу Ларкину, любовь свалилась, как огромное Нет[{20}]. С тех пор бóльшая часть моей жизни была ответом на нее. Впрочем, на мое счастье, существовали еще и книги.

Я ненадолго вернусь в Бутон, к моим ранним годам, чтобы объяснить, как действовали на меня книги в пору, когда я добрался до Большой Школы. Любые цифровые выдумки доставляют мне наслаждение, однако страшно подумать, как мало я знал бы о писаном слове, если бы родился двадцатью пятью годами позже.

Я не настолько глуп, чтобы влиться в ряды глашатаев рока, возвещающих, что интернет и социальные сети — вестники скорой гибели грамотности, литературы, способности к сосредоточению и «подлинного» человеческого общения. Печатный пресс после его изобретения проклинали как могильщика человеческого разума. Ученым уже не нужно будет знать все, они смогут просто «наводить справки». Когда появился роман, его проклинали как явление разрушительное, развлекательное, поверхностное и пагубное для морали. Такими же визгливыми воплями протеста были встречены народный театр, мюзик-холл, кинематограф, затем телевидение, видеоигры и теперь вот социальные сети. Вообще-то говоря, подростки — существа куда более дюжие, чем полагают люди пожилые. Издевки, брань, троллинг — все это, разумеется, ужасно, однако, поверьте мне, подросткам живется сейчас лучше, чем сто лет назад, когда телесные наказания, садистские избиения и сексуальные надругательства сходили всем с рук и в школе, и дома.

Так или иначе, мой отец, принадлежащий к поколению радио (или «беспроводному» поколению, как это тогда называлось), считал, что телевидение допустимо в качестве средства освещения, скажем, похорон Черчилля, высадки человека на Луну или серьезных новостей, и наш маленький черно-белый домашний «ящик» был сослан в угол кухни, а антенной ему служила воткнутая в антенное гнездо и прилепленная синтетической резиной к стене проволочка. Мама приклеила к нему сбоку вырезанную из газеты карикатуру — домохозяйка объясняет подруге: «Когда-то у нас был самый первый цветной телевизор, но теперь весь цвет вылинял».

Бессонница, особенно в жаркие ночи, составляла одно из главных злосчастий моего детства и юности. Единственным ответом на нее было чтение, однако и оно порождало нелепую проблему. Если я открывал окна, комнату быстро наводняли огромные мотыльки, майские жуки, жуки июньские и всякого рода кошмарные членистоногие, водившиеся в Норфолке, — подобные спятившим крылатым лобстерам, они бросались прямиком к прикроватной лампе, забирались под абажур и там хлопали крыльями, бились и зудели. А я, увы, до жути боялся мотыльков, — страх решительно неразумный, я знаю, но мучительно реальный.

Несмотря на эти ненавистные порхливые помехи, мне удавалось перелопатить по нескольку сотен книг в год. У родителей книг имелось много, и бóльшую их часть я вскоре проглотил не по одному разу. Источником чтения служил и

громоздкий серый фургон передвижной библиотеки, машина эта появлялась каждый второй четверг на перекрестье двух узких дорог невдалеке от нашего дома. Не уверен, что такая служба существует и поныне, мне это кажется сомнительным. Похоже, теперешние муниципалитеты слишком заняты, чтобы еще и чинить дороги, давать детям образование или опорожнять мусорные баки.

Одним воскресным днем, пока отец работал в конюшнях «напротив» и никакой угрозы не представлял, я, двенадцатилетний, смотрел по маленькому телевизору экранизацию пьесы «Как важно быть серьезным», снятую Энтони Асквитом. Живо помню, как я сидел на деревянном кухонном табурете — раскрасневшийся, с приоткрытым ртом, ошарашенный тем, что вижу и в особенности — *слышу*. Я просто-напросто и понятия не имел о том, что язык способен творить такое. Что он может танцевать, подскакивать, щекотать, писать кренделя, кружиться, обманывать и соблазнять, что его ритмы, придаточные предложения, повторы, каденции и краски могут возбуждать в точности как музыка.

Услышав, как Алджернон говорит Сесили: *«Надеюсь, Сесили, я не оскорблю вас, если скажу честно и прямо, что в моих глазах вы зримое воплощение предельного совершенства?»*{21} — я скрючился, захихикал и повторил эти слова, не веря своему блаженству. Повторил столько раз, что они навеки впечатались в мою память. Мне еще предстояло торжественно повторять их миссис Райзборо (несколько озадаченной).

«Ох, оставьте вы ваши глупости. Этак вы Нянюшку с ума сведете».

К тому времени миссис Райзборо повысили в звании — она стала няней моей сестры и почему-то считала это большим продвижением по службе (хотя, как и прежде, готовила, гладила и исполняла другие несчетные работы по дому), вследствие чего предпочитала, чтобы ее называли Нянюшкой Райзборо, а не миссис Райзборо. Имя, данное ей при крещении, Долли, использовалось лишь в кругу ее собственной семьи, да и там ее муж Том, коему она и была обязана своей фамилией, предпочитал называть супругу на джейн-остин-диккенсовский манер «миссис Райзборо». Она умерла в прошлом году, дожив почти до ста лет. За прошедшие годы я несколько раз навещал старушку и страшно жалею, что похороны ее прошли без меня. Не уверен, что еще существует где-нибудь подобное сочетание независимости, силы и безоглядной верности. Ее сын Питер стал владельцем очень успешной и популярной норфолкской закусочной, носящей название «Крысоловы», и Нянюшка Райзборо

вместо того, чтобы сидеть себе за столиком с более чем заслуженной чашкой супа, настояла на том, что будет мыть посуду в кухне за баром, — и мыла даже в свои девяносто с лишним лет.

Возможно, в тот давний день мои бесконечные уверения, что я **надеюсь не** оскорбить ее, сказав честно и прямо, что в моих глазах она зримое воплощение предельного совершенства, слегка досаждали ей, однако миссис Райзборо давно привыкла к моему поведению, бывавшему по временам столь необузданным, причудливым и глупым, что сейчас его наверняка диагностировали бы как «синдром гиперактивности с дефицитом внимания».

Та фраза Уайльда и многие другие из услышанных мной в фильме — *«Сесили, в мое отсутствие вы приготовите политическую экономию. Главу о падении рупии можете опустить. Это чересчур злободневно»* — совершенно завладели моим воображением. Видеозаписи в ту пору не существовало, и лучшее, что я мог сделать, — воображать себя живущим в мире этого поразительного фильма, оказавшегося, о чем сообщила мне мама (после того, естественно, как терпеливо снесла известие, что и она тоже — зримое воплощение предельного совершенства) экранизацией пьесы, экземпляра которой, с сожалением признала она, в нашем доме нет.

И потому в следующий четверг я, единственный клиент (потребитель? пользователь? — как это тогда называлось?), нетерпеливо стоял на пересечении двух дорог, ожидая голубовато-серой передвижной библиотеки. Водитель остановил у обочины то, что, сколько я знаю, именуют мебельным фургоном, вышел, чтобы открыть заднюю дверь и опустить на землю лесенку, взъерошил мне волосы и пришлепнул, когда я начал подниматься, по попке (в те дни взрослым разрешалось, что вполне разумно, совершать такие поступки, и никто не волок злодеев в суд и не поджигал их дома). Библиотекарша, милейшая старушка в кардигане и при множестве бус, также имела склонность ерошить мои волосы. Она часто говорила мне: ты прочел столько книг, что сам скоро станешь книгой. Ребенок, читающий книги, особенно летом, выглядел очень странно и, разумеется, нездорово, — впрочем, меня всегда считали таковым по причине моей ненависти к любым организованным играм и спорту.

— Вы когда-нибудь слышали, — спросил я, едва дыша от волнения, — о пьесе под названием «Как важно быть серьезным»?

— Ну конечно, дорогой мой, и, думаю, она стоит у нас вон на той верхней полке.

Это был далеко не самый большой раздел драмы, какой вы когда-либо видели в библиотеке. Немного Шоу, Пристли и Шекспира, но также — о чудо! — избранные комедии Оскара Уайльда. Старушка проштемпелевала книгу роскошным пружинистым шлепком, который никогда больше не прозвучит на этих берегах. В последний раз книга, как показал мне предыдущий штампик, выдавалась в 1959-м. Я поблагодарил библиотекаршу, спрыгнул на землю и полетел — по дорожке, вокруг дома, вверх по лестнице — к себе в спальню.

«Веер леди Уиндермир», «Женщина, не стоящая внимания», «Идеальный муж», «Как важно быть серьезным». Я перечитывал их снова, и снова, и снова, а две недели спустя опять оказался на перекрестке, снедаемый нетерпением еще пущим.

— Есть у вас что-нибудь еще из Оскара Уайльда?

— Ну, вот тут я не вполне уверена… — Она подняла очки для чтения, свисавшие на изящной серебряной цепочке с ее шеи, подтолкнула их вверх по носу и прошлась вокруг стола, оглядывая полки так, точно видела их впервые. — Ага, вот ты где.

«Полное собрание сочинений Оскара Уайльда». Это было больше, много больше того, на что я мог хотя бы надеяться. Я снова бросился на кровать и приступил к чтению. Некоторые из написанных в сократовской манере диалогов, например «Упадок искусства лжи» и «Критик как художник», привели меня в легкое замешательство, а «Душа человека при социализме» местами оказалась выше моего разумения. Стихи я откровенно невзлюбил, за вычетом «Баллады Редингской тюрьмы», показавшейся мне — по выбору темы — странноватой для такого блестящего, ничем не ограниченного повелителя слов. Сказки довели до слез и доводят по сей день, а «Портрет Дориана Грея» затронул во мне какие-то струны, ясно определить которые я не мог, растревожил и взволновал до глубины души. «*De Profundis*» я также нашел прекрасным, но загадочным. Я не был уверен, что понял значение ссылок на «тюрьму», «позор», «скандал» и так далее, поскольку полагал, что это письмо — просто художественное произведение, аллегорический смысл которого мне пока не доступен.

Эту книгу я продержал четыре недели и когда наконец вернул ее в разъездную библиотеку, то любезнейшая библиотекарша отказалась взять у меня шесть пенсов штрафа за задержку. Я же спросил, нет ли у нее еще каких-нибудь книг этого самого Оскара Уайльда.

Она указала на обложку:

— Если здесь сказано «Полное собрание сочинений», следует полагать, что оно полное, не так ли, молодой человек?

— Хм. — Трудно было не увидеть правоту этих слов. —

Ладно, но, может быть, есть что-нибудь *про* него?

Мягкие, напудренные щечки старушки слегка порозовели, и она дрогнувшим голосом спросила, сколько мне лет.

— О, я много чего прочитал, — заверил я. При моем росте и голосе, который так и не сломался, а просто постепенно становился все ниже, я обычно сходил за ребенка старше моих настоящих лет; в то время, если память мне не изменяет, я только-только перевалил за тринадцать.

— Ладно. — Она порылась на нижних полках и извлекла оттуда книгу «Процессы Оскара Уайльда», написанную человеком по имени Г. Монтгомери Гайд.

Книга произвела на меня впечатление удара в зубы. В живот. В промежность. Но более всего — в сердце. Прочитать о характере этого блестящего, обаятельного, мягкого, исключительно доброго и одаренного ирландца, а потом узнать правду о внезапном и злосчастном третьем акте его жизни, о трех судебных процессах (многие забывают, что после иска, который он сдуру предъявил маркизу Куинсберри, уголовных процессов над ним состоялось два, а не один, поскольку на первом присяжные вынести вердикт не смогли), об изгнании, о нищенских и несчастливых путешествиях, а затем жалкой смерти в Париже, — это было едва ли не выше моих сил.

И все же.

И все же книга подтвердила то, что в глубине души я знал всегда. То, что мы с ним обладали схожей «природой», как сказал бы он, или «сексуальностью», как мы называем это теперь.

История Оскара Уайльда надрывала мое сердце. Передвижной библиотеки мне было уже недостаточно. Единственным местом, куда я мог обратиться, была городская библиотека Нориджа, отстоявшая от нашего дома на двенадцать миль. Иногда мне хватало энергии добираться туда на велосипеде, иногда я ехал автобусом, курсировавшим раз в день по будням, — он останавливался на все том же перекрестке без двадцати семь утра.

До интернета и созданных Бернерсом-Ли[{22}] чудес Всемирной паутины наилучшее приближение к метаинформации и гиперссылкам давали карточки из деревянных ящичков библиографического и предметного каталога библиотеки.

Я начал с поиска других книг Монтгомери Гайда. Одной была «Любовь, что таит свое имя». Еще более поразительной оказалась его «Другая любовь». Вскоре я уже не вылезал из городской библиотеки Нориджа, выписывая имена из библиографий каждой прочитанной мною документальной книги (библиография — это список названий и писателей, которыми автор пользовался как

источниками), а затем бросаясь к каталогам, дабы выяснить, имеется ли в библиотеке экземпляр чего-то, относящегося к только что обретенной мной новой нити, ведущей в мир запретной любви. Таким манером я и проведал о бароне Корво[23], он же Уильям Рольф, о его «Венецианских письмах», у читателя которых глаза лезут на лоб, а штаны съезжают набок, о Нормане Дугласе, Т. К. Уорсли, «Y» (авторе анонимной автобиографии гея), Робине Моэме, Ангусе Стюарте, скандальном Майкле Дэвидсоне, Роджере Пейрфитте, Анри де Монтерлане, Жане Жене, Уильяме Берроузе, Горе Видале, Джоне Ричи[24] и десятках, десятках других. Это был примерный эквивалент щелканья по WEB-ссылкам, отнимавший, разумеется, много времени, но волновавший до того, что у меня спирало в груди дыхание. Попутно — и это было счастливым совпадением — я приобретал своего рода альтернативное литературное образование, параллельно тому, какое давала мне школа. Невозможно же читать Жене или читать о нем и не натолкнуться на имя Жан-Поль Сартра (полностью, насколько мы знаем, гетеросексуального), как невозможно прикоснуться к Робину Моэму, не познакомившись попутно с Полом Боулзом и всей танжерской компанией[25]. Берроуз ведет к Дентону Уэлчу[26], Корво — к Бенсонам, Рональду Фербенку, Стивену Теннанту, Гарольду Эктону[27] и так далее; в итоге благодаря столь же счастливому, сколь и случайному стечению обстоятельств мне открылся мир художников и писателей, геев и вовсе не геев, что само по себе было наградой.

А родись я в 1980-х? Всю защиту и поддержку, в каких нуждалась моя сексуальность, я отыскал бы в телевизионных программах наподобие «Голубые — люди как люди», в целующихся геях из телесериалов «Жители Ист-Энда» и «Бруксайд», в гей-парадах, проходящих по улицам Лондона, и в миллиардах интернет-сайтов, смачных и пресных. Разумеется, я до некоторой степени сожалею о том, что мое детство, юность и ранняя пора возмужания предшествовали всему этому многоцветью, свободе, терпимости, — прекрасный новый мир геев уберег бы меня от ощущения моей обреченности на скрытность, изгнанничество, убогие секс-шопы и полицейские суды, — и все же я очень, очень рад, что единственный, какой был мне доступен, путь к гордому приятию и поддержке моей геевской натуры прошел через литературу. Думаю, я в любом случае полюбил бы Шекспира, Китса, Остин, Диккенса, Теннисона, Браунинга, Форстера, Джойса, Фитцджеральда — тех, кого грубовато-добродушный преподаватель одной из моих частных школ именовал «важными птицами», — однако я

благодарю мою сексуальность (и наблагодариться не могу) за то, что она, в частном моем случае, наделила меня любовью к чтению и самовосприятием куда более полным, нежели те, какие я получил бы от *gay tube* и *xhamster.com*.

Итак, я учусь теперь в школе «Аппингем», зная, что, технически говоря, принадлежу к презираемому, особому тайному племени, но почти не подозревая, что сексуальность, толкающая тебя к рукоблудию, никогда не будет главным вопросом жизни, что это мелочь, пустяки. Ударило же мой, так сказать, корабль в самую середку, продырявило ниже ватерлинии и отправило пускать пузыри с океанского дна не что иное, как любовь. Любовь обратила меня в затонувшее судно. Любовь — глупое слово, затертое, бесконечно повторяемое поэтами-лириками и сочинителями текстов популярных песенок; любовь — тема столь многих пьес, поэм и фильмов; любовь — слезливая сюжетная линия, которая вечно путается под ногами у каждого хорошего рассказа. Любовь пришла и ударила меня в лицо с такой силой, что я и по сей день страдаю головокружениями и размягчением мозга. Я распростерся на ринге, признал себя побежденным и, опустившись на дно морское, позволил ракушкам лепиться к моей гниющей палубе — если вы простите мне смешанную метафору. Впрочем, настоящая жизнь становится порою столь сложной, что чистая, не смешанная метафора утрачивает всякую убедительность. Правда же относительно любви… ну, помните просьбу Одена:

> Будет резкой, как смена погоды?
> Будет робкой иль бури сильней?
> Жизнь мою переменит ли с ходу?
> О, скажите мне правду о ней![28]

Ответом на третью строку будет подчеркнутое «да». Сложите вместе маниакально дурное поведение в классе, наркотическую зависимость от сладостей (описанную в любовных, дотошных подробностях на страницах «Хроник Фрая»), ненависть к спортивным играм и страх перед ними (парадоксальным образом сменившиеся ныне любовью почти ко *всем* видам спорта) и это новое, заставлявшее гулко биться сердце, рвавшее душу чувство — и вы получите Стивена, слишком возбужденного, чтобы с ним могли справиться какие угодно школы, учителя или родители, не говоря уж о нем самом.

В общем, из «Аппингема» меня выперли в первый триместр младшего шестого класса, едва я приступил к двухлетним занятиям по программе повышенного уровня. Экзамены обычного

уровня я сдал в четырнадцать лет, тогда это было нормальной процедурой: если школа считала, что вы способны их сдать, вам предоставлялась такая возможность. Я мог быть зрелым в том, что касается образования, но в плане физическом и эмоциональном был таким же зрелым, как новорожденный щенок. Но далеко не столь симпатичным.

За что меня выгнали? Кто-то из читателей задастся именно этим вопросом, кто-то (возможно, их будет больше) закипятится, закричит: «Не книга, а канитель какая-то!» С другой стороны, обходить весь эпизод молчанием, словно в расчете на то, что читатели, пребывающие во мраке неведения, сами обо всем догадаются или побегут покупать предыдущий том моей автобиографии, — мне это представляется неучтивым. И потому я еще раз напомню тем, кому не любы повторения: вы можете отложить книгу, смешать себе полезный для печени коктейль из сывороточного протеина, связать чехольчик для смартфона или просто вздремнуть.

А выгнали меня из школы после того, как я получил от директора моего «дома» разрешение съездить в Лондон на собрание «Общества Шерлока Холмса», самым молодым членом которого я тогда был. Я собирался представить собранию мою статью о метризации Т. С. Элиотом холмсовского описания жизни, облика и привычек профессора Мориарти, обратившегося в «Популярной науке о кошках, написанной Старым Опоссумом» в Таинственного Кота Макавити. Идея была такая: провести на собрании субботний вечер, погулять по Лондону в воскресенье *и* понедельник, объявленный выходным, потому что на него пришлась серебряная годовщина королевы и принца Филиппа, и в тот же день вернуться последним поездом в школу. Но получилось так, что меня (и моего друга Джо Вуда, который не был прирожденным нарушителем закона, а сопутствовал мне просто из верности) вдруг обуяла киномания. Мы раз за разом и еще за разом смотрели «Приключения кота Фрица», «Заводной апельсин», «Кабаре», «Крестного отца», которых круглосуточно крутили в больших кинотеатрах Вест-Энда. А когда мы вышли из этого загула, была уже среда.

Тихими овечками мы вернулись в школу, и она с волчьим аппетитом сожрала нас. Джо, за которым прежде грехов не числилось, «сослали в деревню» до конца триместра. Мне показали красную карточку.

Родители попробовали испытать другой образовательный центр, местную классическую школу прямого субсидирования «Пастон», известную тем, что в ней когда-то учился юный Горацио Нельсон[{29}]. Для меня эта славная страница ее прошлого была

пустым звуком, и я обзавелся привычкой соскакивать с автобуса, который вез меня к школе, в городке Эйлшем, на полпути между моим домом и Норт-Уолшемом, где находилась школа, и тратить весь день и все деньги, какие мне удавалось стибрить из маминой сумочки, на пинбол, сигареты и «фанту». В скором времени и «Пастон» устал от меня. Первым делом школа пожелала, чтобы я прошел курс обычного уровня. Я гневно (а также, смею сказать, надменно и дерзко) заявил, что уже сдал экзамены обычного уровня, сдал очень хорошо и был отчислен из «Аппингема», проучившись половину первого триместра в шестом классе и проходя курс повышенного уровня. Почему я должен снова опуститься до четвертого класса? «Потому что мы здесь исходим из возраста учеников». Такой ответ показался мне неубедительным. А может быть, школа чувствовала, что я чистой воды показушник и за душой у меня ничего нет. Так или иначе, я понемногу обращался в презрительно ухмылявшегося подростка из разряда «Видал я ваше обра-на-хер-зование». Пинбол и курево — они были самыми возвышенными из моих устремлений.

Однако и эти скромные развлечения требовали денег. Когда я со скандалом вылетел из «Пастона», родители отправили меня в «Норкит» — «Норфолкский колледж искусств и технологии», находившийся в Кингс-Линне. И там я обзавелся привычкой еще более дорогостоящей — пристрастился к карточной игре. Наша компания курила и попивала пиво в пабе под названием «Мешок с шерстью», часами играя в старинную разновидность трехкарточного покера. Я радостно сошелся с сообществом весьма начитанных и обаятельных молодых эксцентриков Кингс-Линна. Мы встречались, чтобы поговорить о бароне Корво, писали статьи для странноватого журнала «Неусопех-пресс» (слово «неуспех» искажено было намеренно), изобрели собственный алфавит и устраивали «Вечеринки парадоксов», пропусками на которые служили сочиняемые нами парадоксы. Вы можете счесть все перечисленное претенциозным, но я, обнаружив в Кингс-Линне такую компанию, пришел в совершенный восторг. Это было все равно что найти в пустыне не воду, но бутыль со смесью трех соков — айвы, карамболы и китайской сливы. Оригинально. Странно. Чревато новыми возможностями. Соблазнительно. И, как мы говорим почти обо всем, что нам нравится, живительно.

По крайней мере, «Норкит» позволил мне заниматься по программе повышенного уровня. Однако вследствие начавшегося у меня романа с прелестной и умной девушкой из нашей группы (да-да, 10 с чем-то процентов моего существа вполне готовы откликаться на женскую привлекательность), полного равнодушия к учебе и отчаянной первой любви, которая так

запутала мою жизнь в «Аппингеме» и еще продолжала сжигать меня изнутри, я становился все менее ответственным, предсказуемым и способным на что-то надеяться.

Ужасное это дело — оглядываться назад и понимать, что вырос ты в своего рода позолоченном веке. Тускневшем, но тем не менее позолоченном. 1970-е принято изображать серыми, безотрадными, умученными гиперинфляцией, обремененными неудачами, забастовками и внезапными вспышками классовой борьбы. Конечно, когда вы смотрите какую-нибудь серию «Суини»{30}, вам трудно приравнять сыгранного Джоном Тоу угрожающего, скрипящего зубами, хлещущего виски, дымящего сигаретами, плюющего на условности детектива Джека Ригана из Летучего отряда к неубедительно изображающему оксфордский выговор, любящему кроссворды и классическую музыку, водящему классический «Ягуар», одетому в твид инспектору Морсу, который появился одно поколение спустя{31}. Брутальный реализм первого сериала никак не вяжется с уютной белибердой второго, и это проливает свет на многое. Подобным же образом великолепная уравновешенность сериала «Вверх и вниз по лестнице»{32} сильно выигрывает в сравнении с жутким снобизмом и прилипчивым *noblesse oblige*[9] ужасного «Аббатства»{33}. Говорю это и чувствую себя виноватым: у меня есть друзья-актеры, которые играют в этом фильме, и играют великолепно, однако против правды не попрешь.

В музыкальном же отношении 1970-е были поразительны даже для человека вроде меня, не особенно привязанного к поп— или рок-музыке. Скажем, начало 1973-го резко отличается от его конца — и в музыке, и в моде. Явились облегающие, слегка расклешенные от колен брюки, а широкие клеши откланялись. Каждую неделю вы могли видеть в программе *«Top of the Pops»* молодых Элтона Джона, Дэвида Боуи или Марка Болана (а возможно, и Гари Глиттера с Джимми Сэвилом), не говоря уж о группах наподобие *Mud, Slade, Wizzard, Roxy Music* и о мириадах причудливых юмористических песенок и эклектических миксов. Однако миром правили гиганты альбомных записей — *Led Zeppelin, The Rolling Stones, The Who, Pink Floyd, Genesis, Yes*… несколько лет спустя разразился панк — все это на расстоянии в паре ударов сердца от распада *The Beatles.* За двадцать пять лет, прошедших между появлением рэпа и нынешним днем, музыка — если только мой слух не изменил мне — не претерпевала ничего подобного тогдашней замечательно быстрой, будоражащей воображение, красочной и фундаментальной смене стилей. Эсид-хаус, транс, гаражный панк и прочая электронная танцевальная музыка проистекали из хип-хопа, сменяя друг друга и образуя

более-менее неразрывную последовательность. Фотография одетого по моде 1990-х восемнадцатилетнего молодого человека ничем не отличается от фотографии восемнадцатилетнего молодого человека, одетого по моде двадцать первого века.

Но дело не в этом, совсем не в этом. Мы привычно стенаем о притязаниях на чью-то поддержку, которые, как нам говорят, присущи нынешней молодежи. По-моему, это чушь. Ей просто-напросто известно, какую *действенную* поддержку получало мое поколение. Я происходил из вполне обеспеченной семьи и тем не менее после того, как меня изгнали из закрытой школы, учился исключительно за государственный счет. Мне оплачивали расходы на жилье, питание и транспорт, на обучение, на все. Мало того, задолжав в кембриджском книжном магазине, я отправлял фотокопию его счета на четыреста с чем-то фунтов (тогдашних — теперь это больше тысячи) в Норфолк, в Нориджский отдел народного образования. Мой тьютор прилагал к счету записку, в которой говорилось, что, как студент, стремящийся сделать в будущем ученую карьеру, я безусловно нуждаюсь в этих книгах. И мне тут же высылали чек на проставленную в счете сумму. Я рассказываю истории вроде этой моим крестникам и племянникам, которые только что вышли, обремененные долгами, из университета, и вижу, что им хочется дать мне в зубы. Посильнее.

Закончив университет, я поселился с моим другом и кембриджским любовником Кимом на квартире в Челси, и жизнь представлялась нам бесконечно интересной и простой. Нынешний выпускник предложений получает не густо — непрестижная, низкооплачиваемая, как в «Макдоналдсе», работа, бесконечные вообще никак не оплачиваемые интернатуры (да и то, если он знает нужных людей) и нижняя ступенька лестницы покупательной способности, которая находится выше, да и привлекательностью отличается меньшей, чем та, что в мои ранние дни считалась средней.

Но, минуточку, — вы снова заставили меня забежать вперед. Итак, «Норкит». Трехкарточный покер старинного образца, пиво, девушка, ни малейшего интереса к учебе и… бегство.

Точные обстоятельства Первого Великого Побега как-то стерлись из моей памяти. Мне было семнадцать лет, год стоял 1974-й, я, помнится, согласился съездить на какой-то музыкальный фестиваль и повидаться там с моим другом Джо Вудом. Если вкратце излагать эту долгую историю (длинно она изложена в «Моав — умывальная чаша моя»), то в моем распоряжении оказались кое-какие кредитные карточки. Иными словами, я их украл. Короткая рука закона вяло нащупывала меня

целых три месяца и наконец сцапала в суиндонском отеле «Уилтшир», весьма удобно расположенном прямо напротив полицейского участка.

Имя свое я назвать отказался. Мои бедные старики, отец и мать, и так уж натерпелись достаточно, не правда ли? Коварный полицейский, без моего ведома обшаривавший в соседней комнате мой багаж, вошел и медленно, шепотом продиктовал имена, найденные им на форзацах книг, которые я возил с собой во время своих приключений. Большая их часть была, разумеется, уворована с полок библиотек, книжных магазинов и домов друзей, и на титульных листах их были начертаны имена самые разные. В конце концов, когда сержант-детектив уже беседовал со мной в комнате для допросов, я услышал «Стивен Фрай?», сказанное негромким голосом за моей спиной. Я повернулся и ответил: «Что?» — и только тогда понял, что попал в ловушку. Имя это, естественно, значилось в полицейском списке пропавших без вести, и в скором времени родители договорились с адвокатом — мужем моей жившей неподалеку крестной матери. Игра окончена, я погиб.

Последовали несколько месяцев заключения в тюрьме с прелестным названием «Паклчерч». От освобождения под залог я отказался (не думаю, впрочем, что моим родителям его предложили) и провел две недели в «Паклчерче», а затем снова предстал перед суиндонским мировым судьей, ожидавшим, что я заявлю о своей невиновности. Я же заявил, что виновен по всем статьям, и был отправлен обратно в тюрьму, а полиция принялась с удручающей неторопливостью собирать и накапливать документы, поступавшие из семи графств, в которых я мошеннически использовал чужие кредитные карточки. После возвращения в «Паклчерч» я обрел статус настоящего зека, получил обмундирование другого цвета и был приставлен к работе.

Время проходило достаточно легко и приятно. Господи, да я же провел четырнадцать лет в системе закрытых школ, а тюремная по сравнению с ней — ничто. Другие заключенные этого заведения для малолетних преступников, бывшие и покрепче, и в большинстве своем постарше меня, плакали, перед тем как заснуть. Бедняги, до тюрьмы они не провели вне дома ни одной ночи.

На процессе меня представлял добрый друг моих родителей, импозантный сэр Оливер, в ту пору — видный королевский адвокат, а ныне — судья в отставке. Я опасался, что его громкое имя и репутация могут вызвать у мировых судей раздражение: столичная пушка прикатила палить по провинциальным воробьям

— это должно было оскорбить их *amour-propre*[10]. Беспокоило меня и то, что они могут нетерпимо отнестись к юнцу, который в отличие от других малолетних преступников получал какие угодно возможности и блага, но всякий раз демонстративно плевал на свое счастье. Я виновато поеживался, думая об очевидной разнице между моими «жизненными возможностями», как мы теперь выражаемся, и таковыми же моих злополучных товарищей по «Паклчерчу», родившихся в среде, полной бедности, невежества, грязи и надругательств.

Судьи, однако ж, пришли к заключению, что, поскольку я происхожу из хорошей семьи (а возможно, и потому, что я принадлежу к одному с ними классу, — мысль, от которой я краснею), необходимость в тюремном заключении отпадает, а оно в ту пору и для юноши моих лет принимало вид «короткого, резкого шока», как выразился министр внутренних дел Рой Дженкинс, — зловещего исправительного центра, бывшего тогда последним писком моды. Вот его я боялся: знакомые по «Паклчерчу» зеки рассказывали, что жизнь там сводилась к бесконечным пробежкам, спортзалам, тяганию штанги, питанию стоя и снова пробежкам — хоть к Олимпиаде готовься. Такой исправительный центр снабжал наш мир негодяями, обладавшими превосходной физической формой, идеальными кандидатами на пост вышибалы ночного клуба или головореза, который вытрясает долги из клиентов наркодилера. На мое счастье, меня — принимая во внимание месяцы, которые я уже отсидел (плюс другие указанные возможные причины), — приговорили к двухлетнему испытательному сроку под присмотром родителей.

Теперь мы переходим от образа ничтожного юнца, лежащего на каменном полу тюремной камеры, — оконная решетка отбрасывает тени прутьев на его сотрясаемое рыданиями тело, в углу попискивают, переговариваясь и писая, крысы, — переходим от этой жалкой (и полностью неточной) картины к торжественному молчанию во время поездки домой из суиндонского мирового суда, к строгому лицу сидящего за рулем отца: челюсти его крепко сжаты, глаза сурово взирают на дорогу.

У меня создается впечатление, что я набрасываю биографию кембриджского шпиона, а она сама по себе есть отдельный жанр литературы — документальной и беллетристической. Однако при всяком описании Кима Филби либо Га я Бёрджесса и людей их круга или, скажем, крота из «Шпион, выйди вон!» ле Карре (не надо, нет тут никакого спойлера) непременно подчеркивается, что раннее лишение родительской опеки и сама природа старомодного и классического английского образования

наделяют человека определенного рода обаянием, умом, двойственностью, коварством (я и в самых ранних моих воспоминаниях о первых школьных годах уже ношу кличку «Хитрый Фрай») и почти патологической потребностью испытать свои силы, к чему-то примкнуть, — то есть всеми качествами пятизвездного, двадцатичетырехкаратного предателя и шпиона. Я, разумеется, ни тем ни другим не был и не стал, однако, учись я в Кембридже в «ничтожное и бесчестное десятилетие», в 1930-е, а не в начале тэтчеризма — преимущественно между «зимой недовольства» и Фолклендской войной, — я, возможно, и вошел бы в Кембриджскую пятерку, обратив ее в Кембриджскую шестерку. Сомневаюсь, впрочем. Не уверен, что секретная разведслужба, или МИ6, как ее принято теперь называть, этот самый закрытый из всех когда-либо существовавших в Великобритании клуб для избранных, принял бы в свои члены еврея. Виктор Ротшильд подошел к этому ближе всех, состоя, подобно Бланту и Бёрджессу, в «кембриджских апостолах», но даже он, обаятельный первоклассный крикетист, украшенный орденами герой войны и водивший «Бугатти» искатель приключений, попал в МИ5, а не в МИ6. Некоторые и поныне считают, что Ротшильд-то и был в той компании пятым. Скорее всего, о том, кто им был, мы никогда не узнаем. Однако разница между двумя этими службами колоссальна: 6 — высший класс, 5 — извините-подвиньтесь. Уверен, сейчас это не так, однако правда состоит в том, что я обладаю множеством необходимых шпиону качеств, вплоть до любви к крикету, клерету и «Клубландии».

Воспитание, которое могло при других обстоятельствах использоваться для хитроумной тайной измены моему племени, привело вместо этого к простой публичной насмешке над ним в пьесе «Латынь!», первом моем настоящем литературном опыте, за которым последовали скетчи, сочинявшиеся для кембриджских «Огней рампы» и, уже после университета, для «Черной Гадюки», «Фрая и Лори» и так далее. Подобно сатире берлинских кабаре 1930-х, которая, по словам Питера Кука, «столь многое сделала для предотвращения успехов Адольфа Гитлера», сатира «Шоу Фрая и Лори» (какой бы она ни была), направленная против приватизации, помешательства на свободном рынке и так далее, обладала силой и эффективностью котенка, вооруженного резиновым штыком, однако ничего иного мы и не ожидали. Не ожидали мы, впрочем, и того, что четверть века спустя страной будут править старые итонцы. Вернее сказать, что они будут — в лице Дэмиэна Льюиса, Доминика Уэста, Тома Хиддлстона, Эдди Редмэйна и — хм! — моего коллеги Хью — заправлять на

американском телевидении и определять кассовый успех фильмов.

Творивших между двумя войнами писателей Британии (мужчин) можно, как проницательно отметил в «Детях солнца» Мартин Грин{34}, разделить на два «отряда»: тех, кто, подобно Джорджу Оруэллу, учился в Итоне и жалел об этом, и тех, кто, подобно Ивлину Во, там не учился и жалел уже об этом. Я не могу, разумеется, отрицать, что принадлежу ко второму отряду, поскольку сомневаюсь, что мне кто-нибудь поверит. Великое преимущество получаемого в Оксбридже образования заключается не в том, что, стоит вам получить диплом, как некая мафия принимается проталкивать вас вверх по лестнице, и даже не в самом образовании или образе жизни, которые обеспечивает каждый из этих университетов; подлинное его преимущество в том, что вам никогда не приходится сознавать тот прискорбный факт: вы в Оксбридже не учились. Многие этого и не хотели, и совершенно искренне, многие отделываются словами: «Ну да, я мог бы поступить и туда, но в Уорике преподавание поставлено лучше», есть и такие, кто кипит от гнева, обнаруживая, сколь многие из нас подвизаются на эстраде, на телевидении, в профессии юриста и на государственной службе. Как кипел бы и я, если бы туда не пролез. То же самое можно сказать и об Итоне. Поучиться в нем было бы неплохо, но, с другой стороны, меня, вероятно, вышибли бы оттуда намного раньше, и кто знает, какие преступные гнусности я совершил бы, обзаведясь галстуком «старого итонца» и лживыми, как у шпиона, повадками?

Да, так где мы теперь? А, молча едем с моими родителями из тюрьмы «Паклчерч» домой, в Норфолк.

Последовали двенадцать месяцев — 1976–1977. Мой первый год самообладания. Возможно, первый и *единственный*. Каждый день я отсиживал на занятиях годового курса повышенного уровня, сумев уговорить Нориджский городской колледж позволить мне его прослушать. А помимо этого читал Шекспира, пьесу за пьесой, записывая их краткое содержание, описывая каждого персонажа и каждую сцену. Я пожирал Чосера, Мильтона, Спенсера, Драйдена, Попа и прочих литературных гигантов, полагая, что должен обратиться в их знатока еще до того, как Кембридж согласится хотя бы взглянуть в мою сторону. В первый раз прочитал «Уллиса» с комментариями Энтони Бёрджесса. Работал не полный день в нориджском универмаге. Не крал, закон не нарушал. Был, это следует сказать, человеком на редкость целеустремленным, трезвым, чистым и сосредоточенным.

Фортуна улыбнулась мне, я получил стипендию Куинз-колледжа и возможность изучать английскую литературу. Если вы прочли «Хроники Фрая», вы сейчас не читаете эти строки, а все еще свежуете кролика или описываете под стилистические изыски Джека и Мэг Уайт круги по беговой дорожке спортивного зала. Все, что я рассказываю, вам уже известно, поэтому я попотею пока для других, вы же начнете там, где я остановился в прошлый раз.

В Кембридже я сыграл во множестве пьес. Я полюбил блестящего классициста и шахматиста (и, что много важнее, чудесного человека) Кима — почти Филби — и поселился вместе с ним. Писал статьи для университетских журналов. Сочинил упомянутую выше пьесу «Латынь! или Табак и мальчики», которая была поставлена в Кембридже, а затем принята Эдинбургским фестивалем. Это привело меня к знакомству с рослым малым, обладателем красного пятнышка на каждой щеке и милейшей манеры произносить «Здорово!». Это был Джеймс Хью Кэлум Лори, человек, имя которого можно убедительно произнести шестнадцатью способами.

«Привет, я Кэлум Лори Хью Джеймс».

«Лори Джеймс Хью Кэлум, к вашим услугам».

«Джеймс Лори Кэлум Хью, чем могу быть полезен?»

Et cetera[11]. Столько возможных перестановок, однако он предпочел зваться Хью Лори — под этим именем его знал маленький мир Кембриджа, и под этим же знает ныне более широкий мир… чего?.. ну, в общем, более широкий.

Учась на последнем курсе, мы вместе с друзьями — Эммой Томпсон, Тонни Слаттери, Полом Ширером и Пенни Дуайер — поставили шоу. Оно получило новую тогда премию, называвшуюся «Премией Перрье», и в результате мы показали его в Лондоне, потом в Австралии, а потом записали на Би-би-си.

Получается нечто линейное и скучное, даже если вы ничего этого прежде не читали.

Мы с Кимом делили квартиру в Челси; Хью, Эмма, Пол и я начали работать в Манчестере над постановкой шоу для телекомпании «Гранада». Нас, так сказать, совокупили с Беном Элтоном, Шивоной Редмонд и Робби Колтрейном, чтобы создать новую труппу, исполняющую комические скетчи. Шоу, которое у нас получилось, «На природе», большого успеха не имело, однако мы нравились друг другу, да и возможности у нас появлялись все новые.

Мы с Кимом разошлись, но и поныне остаемся наиближайшими друзьями. Начались мои пятнадцать лет так называемого «целибата». Я получал от газет и журналов

предложения писать статьи, сыграл на вест-эндской сцене в пьесе Алана Беннетта «Сорок лет службы», снялся в «Черной Гадюке II».

Затем настал черед музыкальной комедии Ноэла Гэя «Я и моя девочка». Я работал над либретто, иными словами, над фабулой, диалогами и текстами нескольких песенок. Среди написанного Ноэлом Гэем обнаружилась очаровательная песенка «Солнце нагрело шляпу», и нам с постановщиком Майком Оккрентом удалось использовать ее как вступление ко второму действию спектакля. Все как-то чувствовали, что куплет:

Раньше он поджаривал
Негритосов в Тимбукту,
Но вот он возвратился —
Чтоб с вами сделать ту же штуку —

требует небольшой доработки[12]. Благодаря моему лирическому таланту, гилбертовскому остроумию и поразительным познаниям в области географии, сельского хозяйства и ботаники куплет этот вышел из-под моих плетущих волшебные узоры пальцев в следующем виде:

Раньше он поджаривал
Абрикосы в Тимбукту,
Но вот он возвратился —
Чтоб с вами сделать ту же штуку.

И никто ничего не заметил. Не было писем от разгневанных малийцев с отрицанием того, что они хоть раз в жизни, пусть даже в шутку, поджарили хотя бы один-единственный абрикос. Ни угроз убийства от гильдии профессиональных жарщиков абрикосов из города Атланта, штат Джорджия. Был только успех постановки пьесы в Вест-Энде, а затем на Бродвее. Она принесла мне деньги. И я начал тратить их как буйнопомешанный: винтажные автомобили, загородный дом и так далее.

Каждый мой день заполнялся сочинительством книжных рецензий для ныне покойного журнала «Лиснер», статей общего толка для таких журналов, как «Арена», и радиоскетчей для множества программ, в которых выступал Нед Шеррин.

Я подружился с Дугласом Адамсом. Вступил в пожизненную любовную связь со всем, имеющим касательство к компьютерам и цифровому миру.

В 1986-м, когда мы только-только закончили снимать «Черную Гадюку II» и жили с Хью и другими в одном доме, актер,

имя которого я по очевидным причинам называть не стану, предложил мне на пробу «дорожку» противозаконного стимулирующего средства — кокаина.

←

Правильно, теперь могут вернуться те, кто считает, что впитал в себя книги «Моав — умывальная чаша моя» и «Хроники Фрая». Из последней вы, вернувшиеся, уже знаете, что, по-видимому, я появился на свет с наклонностью впадать в наркотическую зависимость от всего, что начинается на «К». От конфет и вообще сахара ($C_{12}H_{22}O_{11}$) в обличии конфет, коврижек и какао-бобов (переработанных в шоколад), от курева, кредитных карточек (прежде всего чужих), комедии, Кембриджа, классических автомобилей, клубов и так далее.

Но кокаин. О боже. Тут следует вести себя осторожно. Если я буду разглагольствовать о нем слишком пространно, это произведет впечатление отталкивающего бахвальства: «Мать честная, ну какой же он безудержный, больной на всю голову малый, наш Стиви. Втыкает марафет, что твоя чокнутая рок-звезда».

Если начну плакаться, выйдет не лучше: «Я был в плену недуга, и имя этому недугу — наркотическая зависимость». Есть тут что-то самодовольное, сопливое и лицемерное; во всяком случае, так скажут многие.

Мы это уже слышали. В коротких журнальных статьях, в длинных слезливых исповедях. Это новость вчерашняя. Вроде как. Да, но это пятнадцать лет моей жизни, и я буду не прав, если не дам вам хотя бы нюхнуть, так сказать, аромата моих кокаиновых лет.

Вопрос морали или медицины?

Перечень
• Букингемский дворец
• Виндзорский замок
• Сандринхэм-Хаус
• Кларенс-Хаус
• Палата лордов
• Палата общин
• «Рицъ»
• «Савой»
• «Клариджз»
• «Дорчестер»
• «Баркли»
• «Коннот»
• «Гросвенор-Хаус»
• Клуб «Уайис»
• Клуб «Брукс»
• Клуб «Будлз»
• Клуб «Карлтон»
• Клуб «Объединенный Оксфорд и Кембридж»
• «Клуб Ист-Индии, Девоншира, спортивных и частных школ»
• «Морской и военный клуб»
• Клуб «Реформа»
• Клуб «Путешественники»
• «Армейский и морской клуб»
• «Королевский автомобильный клуб»
• The RAF Club
• Клуб «Бифштекс»
• Клуб «Гаррик»
• Клуб «Сэвил»
• Клуб «Артс»
• «Челси артс клуб»
• Клуб «Савидж»
• «Сохо-Хаус»
• Клуб «Граучо»
• Телецентр Би-би-си
• «Фортнум энд Мэйсон»
• Дирекция Независимого телевидения
• «Лондонские студии»
• Студии «Шеппертон»
• Студии «Пайнвуд»
• Студии «Элстри»

• «20-й век Фокс»
• Редакция «Дэйли Телеграф»
• Редакция «Таймс»
• Редакция «Лиснер»
• Редакция «Татлер Вог»
• «Ванити Фэр — Вог-Хаус»

Пользуюсь настоящей возможностью, чтобы безоговорочно извиниться перед владельцами, управляющими и работниками перечисленных выше именитых и неименитых заведений, а также перед сотнями частных домов, офисов, приборных панелей автомобилей, столов, каминных полок и любых полированных поверхностей, которые с легкостью можно добавить к этому постыдному списку. Вы, может быть, хотите, чтобы за прошлые мои преступления меня отовсюду изгнали, запретили, забаллотировали или как-то еще покарали; что же, тогда вам самое время протянуть руку к телефонной трубке и позвонить в полицию или секретарю клуба. Содеянного не воротишь. Признаюсь: я нарушал закон и употреблял в общественных местах вещество, официально признанное наркотиком класса А. Я, можно сказать, повергал роскошные дворцы, благородные дома и безупречные изысканные учреждения в состояние жалкого бесчестья.

Одно дело тогда, другое теперь, и все же некоторые из вас придут в ужас, читая это, — и не потому, что вас так легко потрясти, но потому, что *вы были обо мне лучшего мнения*. К тому же у вас могут иметься дети, которые вдруг да и прочитают о моих плачевных похождениях, и вы опасаетесь, что они воспримут прочитанное как разрешение или потачку попыткам воспроизвести длинную дорожку кокаина, которая протянулась из 1986-го в 2001-й. Ах, Стивен, *как вы могли*? Такая слабость, такое недоумие, такое самопотворство. Такое оскорбление деятельному, завидному уму, коим наградила вас природа, уютному и любящему дому, в котором взрастили вас ваши родители.

Вот тут-то и возникает адское затруднение. Мы оказываемся перед необходимостью выбора между тем, что можно назвать подходом, построенным на наркотическом пристрастии, и подходом, построенным на личной ответственности. Существуют и всегда будут существовать те, кто о наркотической зависимости и слышать не желает. Если говорить подробнее, они отвергают посылку, обозначающую такую зависимость как болезнь, которая овладевает человеком столь же уверенно и устойчиво, сколь и любое хроническое расстройство наподобие диабета или астмы.

Они видят лишь слабость, отсутствие твердости характера, недостаток силы воли и хилые попытки найти себе оправдания. А уж когда они слышат удостоенных общественного внимания типчиков, которые разглагольствуют о «трудностях» и «стрессах», их просто рвать тянет. Нет, вы только посмотрите: богатые, привыкшие к непомерным гонорарам, перезахваленные, забалованные «знаменитости», получив первую дозу гнусного порошка, опускаются на четвереньки, и носом втягивают его, и хрюкают, точно откапывающая трюфели свинья, а потом, после долгих лет беззаботного злоупотребления этой дрянью, угробив носовые перегородки, обратившись в параноиков и растеряв немногих своих настоящих друзей, принимаются блеять: «Так я же больной! Я страдаю наркотической зависимостью! Помогите!»

Я намеренно расписываю это самыми черными красками и все-таки знаю: некоторые из вас увидят в последнем предложении корректный или по меньшей мере убедительный анализ. На наркоманов принято взирать, морща в отвращении нос, — точно так же, как на болезненно тучных бедняг, ковыляющих вперевалку по супермаркетам средне-западных штатов Америки. Но эти несчастные моллюски могут, по крайней мере, оправдываться бедностью и неведеньем как главными причинами пристрастия к медленно убивающему их высокофруктозному кукурузному сиропу, мороженому и сосискам, зажаренным в кукурузном тесте. А где взять такие оправдания рок-звезде, биржевому кудеснику, актеру, радиожурналисту, автору бестселлеров или эстрадному комику?

Противоположный угол ринга занимает полный антипод этого безжалостного приговора. Он пытается доказать, что наркотическая зависимость есть состояние, нередко унаследованное или врожденное, а единственный способ преодолеть его, пусть даже оно не является «настоящей» болезнью, состоит в том, чтобы *относиться к нему как к болезни*.

Я хорошо понимаю, с каким презрением, завистью, негодованием, пренебрежением и нетерпимостью взирают в нашем мире многие на столь омерзительно названную и столь омерзительную *по сути своей* «культуру звезд». Избалованное меньшинство, к которому я поневоле принадлежу, чуть ли не подталкивают к вере в то, что его воззрения на что угодно, начиная с политики, искусства, религии и общественного устройства, гораздо ценнее, чем воззрения рядового человека. Ох как скромно мы, ох как улыбчиво верховодим всем прочим обществом, получая больше дармовщины, внимания и возможностей, чем нам требуется, между тем как заурядные,

реальные люди изнывают в борьбе с повседневностью, неухоженные, неуслышанные, отгребаемые бульдозерами или, по меньшей мере, отталкиваемые на обочину жестокой, пустой культурой, которая ставит славу превыше всего, даже денег.

Вот уже четверть века, как я пользуюсь определенной известностью в моей стране и лет пятнадцать за ее пределами — в России, Канаде, Новой Зеландии и Австралии. Книги мои переведены на десятки языков; впрочем, поездив по Восточной Европе и Южной Америке, я обнаружил, что меня принимают за странно видоизменившийся гибрид Джереми Кларксона и Джеймса Мэя{35} из бибисишной программы *Top Gear*. Каким-то образом обличие рослого упитанного англичанина со странными волосами находит отклик в глазах среднего болгарина или боливийца — если только можно «находить отклик в глазах», разумеется.

Вспоминается чудесная строчка Энтони Бёрджесса из его напечатанной, если не ошибаюсь, в «Обсервере» рецензии на «Приключения киношного ремесленника» Уильяма Голдмана{36}. Бёрджесс приводит самоопределение кинозвезд: «люди, зазря наделенные случайной фотогеничностью». Впрочем, не исключено, что они выглядят иначе: «люди, случайно наделенные зряшной фотогеничностью». Так уж случилось, что я познакомился с Уильямом Голдманом в середине 90-х, когда Джон Клиз{37} в изумительном приступе щедрости арендовал судно, на котором около тридцати пассажиров смогли подняться вверх по Нилу. Нам, приглашенным, надлежало собраться в лондонских угодьях Клиза и ни о чем больше не думать: транспорт до аэропорта, билеты на самолет, стирка белья, кормежка, осмотр достопримечательностей, познавательные вечерние лекции — обо всем позаботится наш плавучий «Клариджз», мирно скользящий по речным водам от Каира к Асуанской плотине.

Один день запомнился мне особенно ясно. Мы стояли в тени древнего луксорского пилона, а наш гид рассказывал об иероглифах и иных возвышенных материях. И я задал Биллу несколько вопросов, от которых до того дня по застенчивости воздерживался. Как-никак он был героической личностью, написавшей «Приключения киношного ремесленника», а перед тем «Сезон» — все еще остающийся актуальным и безумно (никак не меньше) интересным рассказом об одном годе жизни на Бродвее. А помимо того Голдман написал сценарии «Бутча Кэссиди и Сандэнса Кида», «Всей королевской рати», «Марафонца» и «Принцессы-невесты» и как раз в то время пытался решить, принять ему или не принять предложение Роба Райнера и

его студии «Кастл Рок» переделать для экрана «Мизери» Стивена Кинга.

С непростительной, как мне представлялось, бестактностью я кое-как выдавил из себя боязливый вопрос:

— Так… э-э… что же на самом деле представляет собой Роберт Редфорд?

— Ну, — ответил Билл, — скажите сами, что представляли бы собой вы, если бы ни разу за двадцать пять лет не услышали слова «нет»?

Лучшего ответа и не придумаешь. Прожить десятилетия, не услышав слова «нет», — это нельзя, конечно, назвать необходимым и достаточным условием обращения в избалованного поганца или человека, с которым невозможно иметь дело, однако такая жизнь в изрядной мере приближает нас к объяснению некоторых весьма неприятных особенностей тех, кого именуют звездами.

Вообще говоря, все это несколько смахивает на доводы, которые используются для оправдания людей, выросших среди бедности и надругательств. И не позволяет объяснить, почему многие из тех, кто жил в обстоятельствах столь же нестерпимых и ужасных, не стали гангстерами или подсевшими на крэк головорезами, способными без всякой жалости до смерти забить старика, который попросил их не шуметь. Есть же люди, пережившие детство, которого мы и представить себе не в силах, и тем не менее закончившие университет и ведущие жизнь, наполненную свершениями, добротой и семейным счастьем. Подобным же образом есть признанные звезды — Том Хэнкс, если наобум вытащить имя из Звездной Распределяющей Шляпы, — которые добры, самокритичны, профессиональны, неизбалованы и скромны настолько, насколько сие вообще возможно.

Итак, вернемся к наркотикам. Как я могу объяснить непомерную трату времени и денег, которой сопровождалось мое пятнадцатилетнее пристрастие? Десятки, если не сотни тысяч фунтов и такое же количество часов, отданных нюханью, хрюканью и так далее, часов, которые я мог потратить на писательство, актерскую игру, размышления, прогулки — *на жизнь*. К каким-либо объяснениям я даже подступиться не могу, но могу, по крайности, попробовать рассказать, как все было.

Ранние дни

При первом приеме кокаин действует на вас… да никак он не действует. Не получаете вы того огромного, стремительно ударяющего в голову кайфа, каким, говорят, награждает человека героин, кристаллический мет или крэк. Я, будучи нервическим слизняком, ни одного из них не попробовал. Возможно, это подрывает ко мне, как к настоящему наркоману, любое доверие. Мои друзья, такие как Себастьян Хорсли, Рассел Брэнд и покойный Филип Сеймур Хоффман{38}, да и все те рок-звезды 70-х, что не боялись подогреть на пламени чайную ложку, всосать из нее жидкость в шприц, перетянуть с помощью зубов бицепс бечевкой, накачать в него, сжимая кулак, кровь, простукать свое тело двумя пальцами в поисках подходящей вены, где бы та ни обнаружилась — в глазном яблоке, на пенисе — после того, как самые доступные отвердели до бесполезности, а затем надавить на поршень шприца, — вот они и впрямь наркоманы настоящие. Слово «нервический» я почерпнул в прочитанной мной статье Аарона Соркина, давшего миру «Нескольких хороших парней», «Западное крыло», «Социальную сеть» и «Новости». Во время перерыва в репетиции он, бывший прежде заядлым кокаинистом, сказал Филипу Сеймуру Хоффману, что всегда оставался человеком слишком нервическим, чтобы тыкать в себя иглой, а иначе, наверное, подался бы в героинщики. На что Хоффман с присущей ему краткостью ответил: «Нервическим и оставайтесь». А спустя не такое уж и долгое время Хоффман умер. Двадцать три года «чистоты», потом один-единственный рецидив — и все кончено. Это как с ядерным оружием: никто не может назвать его безопасным, потому что оно всего лишь оставалось безопасным *до сегодняшнего дня,* а быть безопасным всегда не обязано; станет на миг небезопасным — и пиши пропало.

Однако вернемся в Лондон 1986 года, к моему первому опыту по части «кокса». Я нервно наблюдаю, как мой знакомый достает из кармана бумажный пакетик, разворачивает его и вытряхивает на стоящий рядом с ним на столе металлический поднос кучку гранулированного белого порошка. Он берет кредитную карточку и краем ее мягко дробит гранулы, пока те не становятся совсем мелкими. Той же карточкой разделяет порошок на пять равных по длине дорожек, сворачивает в трубочку десятифунтовую банкноту, наклоняется, вставляет один конец трубочки в ноздрю, подносит другой к первой дорожке и резким коротким вдохом втягивает половину ее в нос. Вторая половина отправляется в другую ноздрю, после чего он отдает бумажную трубочку мне.

Я со всей небрежностью, какую мне удается изобразить, воспроизвожу его действия. Рука моя слегка подрагивает, я далеко не слегка обеспокоен тем, чтобы не чихнуть на печально известный по «Энни Холл» манер Вуди Аллена. Сломав когда-то нос, я обзавелся смещением перегородки, отчего мои ноздри редко пребывают в полном рабочем порядке одновременно. Со всей доступной мне силой я пытаюсь втянуть часть моей дорожки в слабую левую ноздрю, и ничего не происходит. Смущенный, я, всхрапнув от натуги, отправляю всю дорожку в правую, чистую ноздрю. Порошок ударяет в заднюю стенку моей глотки, щиплет глаза. Наступает черед трех других участников этой церемонии, таких же неофитов, как я.

Я сижу, ожидая галлюцинаций, транса, блаженства, эйфории, экстаза… *чего-нибудь*.

Наш хозяин, лизнув указательный палец, собирает остатки порошка и втирает их в десны — таково его законное право.

— Э-э… — произносит один из нас, человек куда более храбрый, чем я, — и что мы должны почувствовать?

— Ну, такой легкий кайф, — эксперт хлопает в ладоши и шумно выпускает из легких воздух, — и просто… приятность. Тем-то кокс и хорош. Он вроде как мягкий.

До того времени единственным незаконным наркотиком, какой я попробовал, был гашиш, и он мне, стыдно признаться, совсем не понравился. Каннабис, даже в умеренных его разновидностях вроде травы и смолки, какие были доступны тогда, до наступления эры «сканка» и «бутончиков», мягким определенно не был — ни по действию, ни по последействию. В 1982-м я однажды заблевал благодаря ему стены, пол и потолок уборной в доме друга — дело было через несколько месяцев после возвращения наших «Огней рампы» из Австралии. Сколько-нибудь различимого удовольствия от травки я, на каком угодно этапе ее употребления, не получил и в дальнейшем более-менее зарекся с ней связываться. Большинство людей подбирает для себя наркотик, который их устраивает, будь то никотин (не такой уж и поведенческий модификатор), кофе, марихуана, спиртное, кетамин, кристаллический мет, крэк, опиум, героин, амфетамин, экстази. Я почти сразу решил, что каннабис не для меня, и даже на секунду не задумался о том, чтобы подыскать ему замену.

И теперь, откинувшись в кресле и вникая в воздействие кокаина, я, должен признаться, отмечаю в конце концов благодетельное возбуждение. Я обнаруживаю также, что все мы стали чуть более разговорчивыми. Говорили мы, правда, друг друга не слушая, — особенность, которую мне в скором времени предстояло осознать со всей ясностью.

Краткая история марафета

Как известно большинству людей, кокаин (если будете называть его «марафетом», вас сочтут человеком куда более знающим и клевым) получают из коки, растения, распространенного в Южной Америке — преимущественно в Колумбии, Перу и Боливии. Листья его имеют в этих странах свободное и законное хождение, их жуют или заваривают в виде чая, именуемого «мате», — утверждается, что они помогают справляться с усталостью и нередкой в высокогорных Андах высотной болезнью. Прием этих листьев или настоек на них не порождает, даже отчасти, какой-либо эйфории или возбуждения из тех, что ассоциируются с кокаином, зато они богаты, как уверяют, самыми разными витаминами, минеральными веществами и волокнами.

Когда я в мою дымную и одышливую сигаретную пору приезжал в Южную Америку, ее обитатели науськивали меня жевать листья вместе с лаймом, добавлять лаймовый сок в мате, дабы ускорить действие коки (весьма слабое) и помочь мне приспособиться к утомительной жизни на высокогорье.

Полагаю, добавление лайма есть уважительный поклон в сторону кислотно-щелочной экстракции, посредством которой кока обращается в кокаин — наркотик класса А, основу индустрии с оборотом в миллиарды долларов, непременного участника уик-эндов рабочего класса, журналистского класса, сельских и городских общин. Популярность его все возрастала и возрастала с 1970-х, да и поныне никаких признаков упадка не демонстрирует. Один из наших главных констеблей не так давно сказал мне, что в рыночных городах Восточной Англии разжиться кокаином легче, чем на Сохо-сквер. Вот истинно Ломбард-стрит супротив апельсина[13]: по пятничным и субботним вечерам кокса в Донкастере потребляют больше, чем в Челси. Дешевым его не назовешь, однако в течение последнего десятилетия с хвостиком цена кокаина оставалась вполне устойчивой, и сейчас он отнюдь не является прерогативой членов «фасонистых», как это когда-то называлось, клубов Сохо или Мэйфера.

Девятнадцатый век ознаменовался открытиями, которые позволили обратить безвредный, не создающий совершенно никакого привыкания листок произрастающего в Андах кустарника в кокаин (суффикс — ин присваивается химиками алкалоидам: кофейный алкалоид — кофеин; алкалоид *Atropa belladonna*, она же красавка, она же сонная одурь — атропин, и так далее). С другой стороны, героин получил свое название от одарившей нас аспирином немецкой компании «Байер», потому

как считалось, что вещество это наделяет его потребителя геройскими качествами.

Не кто иной, как Зигмунд Фрейд, оказался одним из первых медицинских светил, писавших о свойствах кокаина, который был в девятнадцатом столетии своего рода *rara avis*[14], поскольку наркотики в большинстве своем добывались из растений семейства маковых: морфий, опий, кодеин и любимый напиток королевы Виктории, лауданум, то есть спиртовая настойка опия, — пальчики оближешь, как говаривала Нэнси Митфорд. Работа Фрейда «*Über Coca*»[15] содержит чарующие, важные сведения о воздействии нового наркотика на автора и на его пациентов-добровольцев — отловленных на улице бродяг.

> В свете нижеследующих сообщений можно предположить, что при продолжительном, но умеренном употреблении кока не причиняет вреда организму человека. Фон Анреп{39} в течение 30 дней давал животным умеренные дозы кокаина и не обнаружил пагубного воздействия на их жизненные функции. На своем опыте и на опыте других наблюдателей, способных оценить такие явления, я убедился, что первая доза и повторные дозы коки не вызывают непреодолимого влечения к этому стимулятору; напротив, человек испытывает немотивированное отвращение к этому веществу.

Как будто и я хочу…

> Прием доз от 0,05 до 0,1 грамма *cocaïnum muriaticum* вызывает приятное возбуждение и продолжительную эйфорию, которая ничем не отличается от нормальной эйфории здорового человека. При этом полностью отсутствует ощущение возбуждения, которое сопровождает прием алкоголя. Кроме того, отсутствует характерное желание немедленно действовать, которое возникает после приема алкогольных напитков. Индивид ощущает повышенное самообладание, увеличение работоспособности и прилив энергии. С другой стороны, в процессе работы индивиду недостает тех умственных способностей, увеличение которых вызывает алкоголь, чай или кофе. Индивид чувствует себя нормально и вскоре приходит к заключению, что ему трудно поверить в то, что он находится под воздействием наркотика.

Так Фрейд еще и *пил* на работе? О, ладно, это многое

объясняет… Позвольте повторить:

> В свете нижеследующих сообщений можно предположить, что при продолжительном, но умеренном употреблении кока не причиняет вреда организму человека.

Оставим без внимания столь радостно звучащую «внезапную сердечную смерть», о которой нынешние доктора и работники центров реабилитации любят рассказывать, демонстрируя то, что я могу назвать лишь бестактной радостью.

> В отличие от незаменимого алкоголя кока оказывает более эффективное стимулирующее воздействие и при длительном применении не причиняет вреда. Единственное возражение против применения коки — ее высокая стоимость.

Замечание о цене остается, подозреваю, акутальным и ныне, и от алкоголя в мире умирает гораздо, гораздо больше людей, чем от кокаина. Даже принимая во внимание нынешнее намного более широкое его использование, смерть от длительного приема кокаина умеренно редка, я думаю, хотя неслыханной ее, конечно, не назовешь.

> Длительное применение коки настоятельно рекомендуется (и, как утверждают, было успешно опробовано) при болезнях, связанных с перерождением тканей. К числу таких болезней относятся выраженная анемия, туберкулез легких; продолжительное применение коки рекомендуется после перенесения данных болезней… Аборигены Южной Америки изображали богиню любви с листьями коки в руке и не сомневались в стимулирующем воздействии коки на гениталии.

Спросите любого кокаиниста со стажем, мужчину, разумеется, и все они, наверное, согласятся со словами Привратника из «Макбета», говорившего, правда, о спиртном, но все сказанное им можно отнести и к коксу.

> Похоть, сэр, оно тоже возбуждает и в то же время не возбуждает; оно возбуждает желание, но мешает ему осуществиться. Поэтому хорошая выпивка, можно сказать, двурушничает с развратом: она его создает, она

> же его и расстраивает; она его подстрекает, она же его и ослабляет; она его уговаривает, она же его и отвращает; она его твердо ставит, и она же не дает ему стоять; и в заключение она ухитряется уложить его спать и, только уложив, оставляет его[16].

Другое дело, что кокаин не столько «укладывает вас спать», сколько заставляет бодрствовать — с текущим носом, несколько часов кряду; вы таращитесь в потолок и даете на завтра обещания, которых, сознаете вы, не сдержите.

> Мантегацца{40} подтверждает, что у *coqueros*{41} сохранялась половая потенция на высоком уровне вплоть до преклонного возраста. Более того, он сообщает о случаях восстановления потенции и исчезновения функциональной слабости после применения коки, хотя сам Мантегацца не верит в способность коки оказывать такое воздействие на каждого индивида.
>
> Марво решительно отстаивает точку зрения, согласно которой кока оказывает стимулирующее действие; другие специалисты настоятельно рекомендуют применение коки в качестве лекарства от временной функциональной слабости и истощения. Бентли сообщает об одном из таких случаев, когда применение коки привело к излечению пациента.
>
> Три человека из тех, кому я давал коку, сообщили о сильном половом возбуждении, которое они не колеблясь приписали воздействию коки. Молодой писатель, которому кока вернула работоспособность после продолжительной болезни, отказался от употребления наркотика из-за нежелательных побочных эффектов.

То есть одного пациента достигнутое вследствие приема наркотика возрастание либидо смутило до того, что он употреблять кокаин отказался. Ничего себе «нежелательный побочный эффект». Итак, «виагра», рабочая лошадка, лекарь от многообразных изнурительных болезней, менее опасный или изменяющий личность, чем алкоголь, — в общем, кокаин — был принят девятнадцатым столетием и, как хорошо известно, дал напитку «кока-кола» первую половину его названия, хотя в 1929-м компания, производящая этот напиток, кокаин из списка ингредиентов изъяла. Доступен он был повсеместно и законно в виде пастилок, пилюль или микстур, как тоник или (в чем присутствовало внутреннее противоречие) целебное средство,

наиболее действенное при лечении запоров, но и волшебным образом помогавшее укреплять жидкий, а то и водянистый стул. Кокаин способствовал концентрации и работоспособности, подбадривал меланхоликов, а в малых дозах замечательно помогал успокаивать расшалившихся детей.

Происходило все это в период Большого Загула, примерно обозначенный социальными историками как 1870–1914, — по окончании его разразилась и все испортила Первая мировая война. Едва ли не при первых же звуках военной трубы пиво стало менее крепким, часы продажи спиртного сократились, а в 1915-м французы запретили истинное олицетворение Большого Загула — абсент. А между тем, пока Загул длился, вы могли без рецепта покупать у вашего местного фармацевта или в аптеке все что угодно, и никто не лез к вам с вопросами. На Сент-Джеймсской площади, в обслуживавшем королевскую семью элегантном и величавом «Фортнум энд Мэйсон», продавались исполненные вкуса корзиночки с крышкой, содержавшие серебряные шкатулки со шприцами и *étuis*[17] — любящие родители посылали в них кокаин и героин на фронта Англобурской и (в начальные ее годы) Первой мировой. Собственно говоря, «бензедрин» (торговое название разновидности амфетамина, или «спида») и во время Второй мировой входил в обычный рацион коммандос. В романах Яна Флеминга Джеймс Бонд с него, можно сказать, не слезает. Так уж мне не повезло — родиться в эпоху, когда практически все волнующее, соблазнительное, чарующее, рискованное и приятное самым яростным образом объявляется незаконным. Комики и актеры поколения, которое предшествовало моему, обращались, когда им внушал тревогу их вес, к докторам и получали столько рецептов на «беник», сколько просили. Вообще говоря, все, что ускоряет и стимулирует метаболизм, ослабляет аппетит. Хорошо известно, однако, что такие антидепрессанты, как каннабис, «пробивают на хавчик», как это не очень симпатично называется. Компании молодых мужчин и женщин, наводняющие круглосуточные заправочные станции, чтобы закупить «Марсы», «Доритосы» и полные пакеты суррогатной еды, — вот нагляднейшее из возможных свидетельств вечера, проведенного в компании, где по кругу гулял косячок-другой.

Может быть, сама незаконность кокаина меня и притянула. А может, где-то на задворках моего сознания отзывался слабым эхом Шерлок Холмс с его семипроцентным раствором. Не исключено также, что моя сексуальность или даже мое еврейство внушали мне глубинную веру в то, что *нормальным* я никогда не буду. Что так навсегда и останусь аутсайдером, маргиналом.

В наши дни происходит забег, в котором участвуют органы наркоконтроля, с одной стороны, и предприимчивые химики всего мира — с другой. Измените молекулу здесь, молекулу там, и вы получите «легальный наркотик» — какую-нибудь таблетку (она рекламируется как средство для «придания блеска листьям здорового растения», а вовсе не для употребления человеком), от которой вы совершенно очумеете дня на полтора. Что при моем расписании, пожалуй, является перебором.

Существует истина столь очевидная, что люди ее не замечают: *одно и то же* вещество может совершенно по-разному действовать, да и действует, на разных людей. Лучший пример — аллергия: индивидуум А заглатывает пакетик арахиса и, удовлетворенно рыгнув, просит второй, между тем как индивидуум Б катается по полу, задыхаясь от анафилаксии, лишь потому, что надкусил яблоко, снятое с дерева, которое выросло вблизи фабрики, десять лет назад производившей пищевые продукты с содержанием этих самых орешков.

То же и со спиртным. Мы можем сидеть за столом и пить наравне с другом бокал за бокалом, пока не наступит миг, ужасный, унизительный для всех миг, когда веки друга опадут, будто шторы, вниз и он (или она) начнет препираться с официантами, повторять одни и те же слова, лезть в драку и вообще повергать всех и вся в препротивное, несказанное смущение, внушая им желание очутиться как можно дальше от этого места. И ведь выпил-то он (или она) столько же — с точностью до одной шестнадцатой унции, — сколько вы, но между тем вы вполне способны перемещаться по прямой линии, цитировать «Озимандиаса»{42}, решить кроссворд и выпить еще четыре бокала, не почувствовав ничего, кроме легкого прилива веселья. Сколько раз я говорил моим наживавшим неприятности с бутылкой друзьям, что они должны просто принять очевидный факт, сколь несправедливым он им ни кажется: вы страдаете, по сути дела, аллергией на спиртное… и это даже с физическими размерами никак не связано. У меня были здоровеннейшие знакомые, которые просто не могли пить, и я знал грациозную девушку, которая могла пить безостановочно без каких-либо намеков на неуравновешенность, агрессивность и пошатывание.

На мое счастье (а может, и несчастье), я обладаю высокой терпимостью к спиртному. Правда, было время, когда я безрассудно добавлял к вину одну-единственную таблетку и просыпался наутро в постели, не имея ни малейших воспоминаний о том, как я до нее добрался и где провел вчерашний вечер.

А вот еще одна черта моей натуры, о которой я должен

сказать со всей прямотой и ясностью: *мне отвратительны вечеринки*. Не думаю, что найдется человек, которого я любил бы так сильно, как ненавижу вечеринки. Первое, что я чувствую, попадая на них, это желание уйти. Общие обеды в частном доме или ресторане в счет не идут. Но вечеринки с музыкой, со стоящими там и сям людьми, вечеринки с музыкой, вечеринки с буфетами или разносящими закуску официантами, вечеринки с музыкой, вечеринки, на которые приносишь с собой бутылку, вечеринки с музыкой, вечеринки у бассейна… про музыку я говорил? В романе Ивлина Во «Мерзкая плоть» есть знаменитые слова, которые я почти полностью использовал, перенося книгу в 2002-м на экран: «Ох, Нина, сколько же всяких вечеров… все эти сменяющиеся и повторяющие друг друга людские скопища… Эта мерзкая плоть…»[18] Во был грубияном и снобом, задирой и мошенником, но писал как ангел, и, когда дело касается вечеринок, мы с ним (или, по крайности, с его героем Адамом Фенвик-Смайзом) ничем друг от друга не отличаемся.

В сообществе геев, к которому я не принадлежу, хоть и получил при рождении сексуальную визу, в коей сказано, что я его гражданин, гремливые музыкальные сборища давали наименее жалкую возможность подыскать партнера на ночь или — заранее же не знаешь — на срок более долгий. Эти сборища происходили в гей-барах, где пульсировали Донна Саммер, *Blondie* и *Eurythmics,* или в местах наподобие «Рая» (было такое за Чаринг-Кросс) — самой, предположительно, большой дискотеки Европы. Я побывал в «Раю» только раз и счел его адом. Шум, пристальные взгляды, ощупывающие тебя с головы до пят. Я понимал, что не дотягиваю до идеала, который, если не ошибаюсь, подразумевал в те дни майки либо клетчатые рубашки, усы, джинсы и обилие мышц. В общем, клонированное обличье, как его называли по причине обилия таких дубликатов.

В тот единственный раз, что я побывал в «Раю» (знаю-знаю, хорошее название для ночного клуба), я увидел счастливо и яростно танцевавшего Кенни Эверетта{43}. Он заворковал, послал мне свой особого рода воздушный поцелуй и откинул голову назад, словно желая сказать: «Дорогуша!» — но тут его поглотила отплясывающая толпа.

Увидел я и моего кембриджского знакомого Оскара Мура. Ему еще предстояло написать «Вопрос жизни и секса» под псевдонимом Алек Ф. Моран (анаграмма *roman a clef*[19]) и стать редактором посвященного кино журнала «Скрин Интернешнл». Каждые шесть месяцев или около того Би-би-си увольняла и вновь принимала Эверетта на работу, увольняла и вновь принимала, увольняла и вновь принимала[20]. Спустя недолгое время и Мура,

и Эверетта постиг мучительный и горестный конец.

Секс

Прошу меня простить за перескакивание с одного на другое, впрочем, я вас предупреждал. В середине третьего десятка у меня завязались серьезные сексуальные отношения, отличные от обычных школярских проказ и случайных нервических совокуплений, — они приняли форму партнерства с моим уже упоминавшимся блестящим и верным другом Кимом. Мы были любовниками еще в Кембридже, и лишь необходимость еженедельно ездить в Манчестер, чтобы сниматься там в моем первом телевизионном шоу «На природе», заставляла нас разлучаться. Возможно, слишком часто, поскольку мой восхитительный возлюбленный любил и то, чего я на дух не переносил, — «сходки», те самые гей-клубы, и пабы, и их музыку. Сам-то я обожал разговоры. Порой даже те, в которых помимо меня участвовал кто-то еще. А как можно разговаривать, когда у тебя в животе вибрирует «Прибавь-ка звук», обращая твой осиплый голос в шепоток, коего и в тихой монашеской келье никто не смог бы расслышать?

И, вернувшись в один из уик-эндов домой, я обнаружил там молодого греко-американца по имени Стив. Я тихо-спокойно перебрался в гостевую комнату нашей челсийской квартиры, они заняли главную спальню. Да, в те блаженные времена человек, всего год как закончивший университет, мог жить в квартире с двумя спальнями, в Челси, между Кингз-роуд и Бромптоном. Ну, это *я* так говорю, «человек», — родители Кима были богаты, и далеко не всем моим сверстникам везло в той же мере, некоторые селились в дальней дали вроде Клапама и Ислингтона. Успеть появиться на свет, уцепившись за фалды уходящего всплеска рождаемости, означало получить крупный выигрыш в лотерее жизни. Я совершенно уверен, что нынешняя молодежь не нуждается в моей жалости, но сочувствие, желанное или нежеланное, она уже получила.

Все прошло гладко, Стив был очарователен, я себя преданным ничуть не считал, и с тех пор мы с ним так и остаемся лучшими друзьями.

Такое мое холостячество и присущая мне ненависть к гей-клубам и пабам совершенно случайно пошли мне на пользу, поскольку именно в то время, когда я вышел из университета в широкий мир, в него же заявился и ВИЧ; впрочем, впервые я услышал о нем как о ГИДе — гомосексуальном иммунодефиците.

К концу десятилетия я уже насиделся у больничных коек многих моих знакомых и еще большее их число похоронил. То, что я увернулся от смертного савана, в который СПИД запеленал целое поколение геев и потребителей внутривенных наркотиков, о моей добродетельности вовсе не говорит, как не говорит ничего о порочности болезнь и смерть тех, кого он окутал. Следует признать, конечно, что после того, как стали известными определенные факты, ухитриться подцепить вирус было довольно глупо, однако самые яростные мои чувства обращены были в то время на истерическое вранье и мифы, которые пыталась увековечить бульварная пресса. И я примкнул к первой в Британии благотворительной организации, помогавшей жертвам СПИДа, — к «Трастовому фонду Терренса Хиггинса», с которым сотрудничаю и поныне.

В конце 1980-х и в начале 1990-х мы провели для ТФТХ три или четыре благотворительных шоу «Истерия», из которых два были сняты телевидением. В одном состоялся теледебют Эдди Иззарда, в другом — Вика Ривза и Боба Мортимера[{44}]. Звезд среди участников этих благотворительных вечеров более чем хватало, раскочегарить публику было очень легко, и, когда ты, распорядитель, выходил на сцену, чтобы объявить: «А сейчас, леди и джентльмены, расстегните ремни и подтяните колготки, ибо вы увидите… мистера… Роуэна Аткинсона!» или «…мисс Дженнифер Френч и Дону Сандерс!» — зал отвечал криком, топотом, радостным свистом — приветствиями, которые ударяли в тебя, как силовое поле. Но если то, что показывали артисты, не было совершенно изумительным, уход их со сцены сопровождался звуками несколько менее бурными. Естественно, это не свидетельствовало о провале. С каким трепетным удовольствием объявил я однажды: «Я знаю, что вам он понравится, поприветствуйте удивительного Эдди Иззарда!» Нельзя, конечно, сказать, что ответом мне был одинокий кашель, скорбный удар колокола или нечто унылое, как перекати-поле, столь любимое сценаристами «Симпсонов» и много чего еще, однако прием был всего лишь оживленно вежливым — ну, может, чуть более того. Зато когда он уходил — боже ты мой! Публика провожала его стоя, ей-ей. Мне пришлось вытолкнуть Эдди из-за кулис навстречу новому всплеску одобрительного рева. Я повернулся к одному из продюсеров, и мы с ним одновременно произнесли: «Рождение звезды». Знаю, это паршивый штамп шоу-бизнеса, но ведь и без них тоже не всегда обойдешься.

Странно, но правда: пока я писал последний абзац, по электронной почте пришло напоминание об июньском торжественном обеде «Трастового фонда Терренса Хиггинса». Вот

уже двадцать с чем-то лет я произношу на этих мероприятиях речи, призывая присутствующих жертвовать фонду побольше денег, и перед каждым выступлением меня постигает приступ паники — что им еще сказать-то? Не повторяться становится с каждым годом все труднее. Может быть, на сей раз я смухлюю и прочитаю несколько страниц из этой книги.

На удивление, многие из вас (на мое удивление, поскольку, вопреки увериям моего паспорта, я, по-моему, все еще болтаюсь между серединой третьего десятка лет и началом четвертого) на самом деле толком не знают, насколько бедственной, уродливой, безысходной, разрушительной и устрашающей была эпидемия СПИДа. Переход человека от «ВИЧ-инфицированного» к обладающему «резко выраженным СПИДом» — всегда «резко выраженным», другой формулировки так никто и не придумал — означал верную смерть. Ну, не совсем верную. У двоих моих знакомых этот диагноз уже давно, но у них, похоже, водятся какие-то врожденные антитела. Естественно, вирусологи так и кишат вокруг них, пытаясь понять, почему они оказались иммунными.

Умирающий от СПИДа человек похож на чудом уцелевшую жертву нацистского лагеря смерти — изнуренную, исхудалую, с ввалившимися щеками, сухими, потрескавшимися губами, с тусклыми проблесками страха, боли и безнадежности в глазах. И всегда он часто-часто дышит, ибо легкие несчастного поражены и не дают вести с навестившим его другом никаких разговоров, кроме самых банальных и натужно веселых.

Возможно, наиболее душераздирающим зрелищем, какое я когда-либо наблюдал, были испуганные родители, сидевшие по одну сторону больничной койки их умиравшего, иссохшего ребенка, между тем как по другую ее сторону сидел (не знаю чего ради) его совершенно здоровый, неинфицированный партнер. Родители искоса поглядывали на него и, казалось, хотели сказать: «Вот что *ты* сделал с нашим мальчиком. Это *ты* его убил. Почему же не умираешь и *ты*?»

Если бы я получал удовольствие от «геевского образа жизни», от фланирования по клубам и барам, то, весьма вероятно, давно бы уж попал на тот свет. Каждый, кому доводилось видеть больного СПИДом, знает: самое жестокое и невыносимое — это не сама смерть, а мучительно долгое умирание.

Как часто моим знакомым приходилось в один присест обрушивать на своих родителей две сокрушительные новости:

— Мам, пап, мне нужно кое-что вам сказать. Я гей.

— Что?

— Да. И у меня, ну, СПИД.

Вообразите себе семью, в которой такое случается. Я знал нескольких героических родителей, проживших от пятнадцати до двадцати лет в тревожном ожидании серопозитивного, как называли это врачи, результата анализов, равного смертному приговору.

Святоши, провозглашающие с кафедр и в евангелических телевизионных программах, что все это — наказание Господне за порочную извращенность, никак не могут объяснить, почему их мстительное божество не удосуживается покарать чумой и мучительной смертью детских насильников, мучителей, убийц, грабителей, избивающих старух, чтобы отнять у них пенсию (а заодно уж и лживых, вороватых, погрязших в прелюбодействе, лицемерных священнослужителей и проповедников, что время от времени появляются в новостях со слезливыми покаяниями), приберегая это на редкость гадостное поветрие лишь для мужчин, которые предпочитают возлежать друг с другом, и наркоманов, беспечных по части использования шприцев. Странное какое-то божество. В последнее время оно развлекалось, да и сейчас развлекается, наблюдая за чудовищным числом женщин и девочек, которых насилуют в странах, лежащих к югу от Сахары, и разя мстительным гневом еще не рожденных ими детей. Мне хотелось бы узнать от ревнителей веры, почему оно так поступает и какого рода кайф ловит при этом. Впрочем, мы тратим время на тех, кто недостоин даже презрения.

Думаю, мы еще вернемся к сексу — несколько позже, — но сейчас-то мы где? Перед тем как ваше ажиотажное, нечистое любопытство увлекло меня на ложный путь, заставив удариться в неуместное эротическое отступление, мы обсуждали первое внутриносовое введение кокаина в мой организм. И я написал, что его воздействие на меня находилось где-то между нулевым и минимальным. Слегка возросшая склонность к многословию, легкое подпрыгивание колена. Тем не менее тот памятный вечер остался со мной навсегда. Все мы приняли по второй дорожке, прикончив запас нашего друга, — в конце концов, он был всего лишь низкооплачиваемым актером. И эта вторая доза меня проняла. Не поймите меня неверно. Несколько затяжек или шприцев героина еще не обращают вас в наркомана, хотя двадцать и более вполне на это способны. Вторая дорожка в полной мере снабдила меня тем, что Фрейд назвал «эйфорией», — ощущением энергии и оптимизма, которое внушило мне мысль, что этот наркотик словно для меня и создан.

Странная особенность кокаина состоит в том, что он вызывает скорее *пристрастие*, чем привыкание. Таллула

Бэнкхед[45] говорила об этом так: «Голубчик, кокаин — не привычка. Уж я бы знала, я его двадцать лет нюхаю». Вот алкоголики, курильщики и героинщики — те страдают от привыкания. И, как я себе представляю, привыкание нарастает после первой же простой встречи с этими наркотиками. Между тем каждый в той комнате, а все мы были близкими друзьями, отзывался на кокаин по-своему. Во мне присутствовало нечто более темное, опасное и — будем честны — туповатое, чем в них. Социально, психологически и духовно туповатое. Имбецильное. Саморазрушительное.

К концу 1980-х мне и в голову не приходило выйти вечером из дома без трех-четырех граммов кокаина, надежно упрятанных в карман, я уж скорее бы ноги дома оставил.

И однако ж я без всяких хлопот просто-напросто уехал за город, в Норфолк, и написал мой первый роман «Лжец», просидев за компьютером четыре месяца, и мне даже *мысль* о кокаине ни разу в голову не пришла, а к тому времени я вот уж пять лет как регулярно нюхал его. И едва ли не каждый день.

Кокаин, смею сказать, поджидал меня, пребывая в состоянии полной готовности, но подлинная причина, по которой я радостно принял его, была такой: я обнаружил, что он способен давать мне второе существование. Теперь я мог, закончив выступление, не заваливаться в 11 вечера в постель с кружкой горячего молока и книжкой П. Г. Вудхауза — нет, кокс открывал передо мной совершенно новые врата в ночную жизнь. Я впервые начал получать подлинное удовольствие от вечеринок, правда, все-таки вечеринок без музыки; с ними, как ни нанюхайся, все равно не поладишь. Два-три пакетика в кармане и свободный доступ к уборной с не слишком убогой и не слишком длинной очередью к кабинкам обращали меня в нового, общительного, любящего повеселиться Стивена. Я становился уже не стахановцем, сочиняющим колонку за колонкой для одного журнала за другим, текст за текстом для закадровых голосов, восхваляющих крем для лица и собачьи галеты, и телемонолог за телемонологом для всякого, кто попросит, — ничуть, я становился Стивеном-заядлым-гулякой, которого всегда можно было увидеть в «Занзибаре» на Грейт-Куин-стрит, Ковент-Гарден, или в его прославленном, «легендарном», как любят выражаться американцы, преемнике, клубе «Граучо» на Дин-стрит, Сохо. Спать я ложился в четыре-пять утра, а вставал в десять, и отлично себя чувствовал, и был готов к любым испытаниям журнальными статьями, рецензиями, сценариями для радио и всем, чего от меня потребует день.

И с этим мне опять-таки повезло — или не повезло. Я знаю

многих, многих людей, которые уверяют, что им нравится кокс, но они не способны наутро очухаться и еще дня два потом еле волочат ноги. На меня он по какой-то причине никогда так не действовал. Я пробуждался, упруго вскакивал на ноги и кошачьей походкой отправлялся на кухню в поисках завтрака — к сварливому недовольству Хью, с которым мы в то время еще делили дом (равно как с его девушкой и другими кембриджскими друзьями). Самой резвой птичкой утренних небес Хью никогда не был, а проведя день в спортивном зале и завалившись спать в 23.30 (ограничиваясь в промежутке диетой из джина с тоником), он назавтра еле ползал, несмотря на семь чашек кофе, до самого послеполуденного времени.

Я пребывал на верху блаженства. Знакомился с новыми людьми на вечеринках самого разного толка — не только кокаиновых, но также дипломатических, политических, светских и тех, что устраивали чокнутые компьютерщики. И никогда не приходил на них без моего маленького друга в кармане.

Принадлежности

Тема эта не самая главная: если у вас имеется грамм-другой и какая-нибудь — любая — поверхность, к которой порошок не прилипнет и на которой не намокнет, то, честно говоря, все, что вам еще может потребоваться, это денежная бумажка и кредитная карточка. Собственно, вы можете даже зачерпнуть порошок уголком визитной карточки или взять его в щепоть и соорудить у себя на ногте или на поверхности сжатого кулака «кучку», а затем втянуть ее носом, точно какой-нибудь любитель нюхательного табака эпохи Регентства. Заядлый кокаинист всегда сумеет распорядиться своим припасом. Однако для более опрятного, аккуратного и *чистого* употребления порошка я обзавелся маленьким комплектом инструментов. Заглядывая в тон-студии Сохо, дабы воспеть прелести изделий компании «Лореаль» или стирального порошка двойного действия, я не упускал ни единой возможности стянуть, когда никто на меня не смотрел, очередную «редакторскую» бритву с защитной планочкой сверху, которыми в ту пору — пору старых аналоговых катушечных магнитофонов — разрезали пленку, и так скопил полезную их коллекцию. А при всяком посещении «Макдоналдса» обзаводился еще одним трофеем. Красно-бело-желтые, как Роналд Макдоналд, питьевые соломинки, стоявшие там на столиках вместе с салфетками и пакетиками кетчупа, были идеалом потребителя кокаина. Защищенные гигиеничной упаковкой, имевшие большее, чем

у средних соломинок, сечение, они горстями уносились домой, где каждая аккуратно разрезалась ножницами пополам, и в результате получались лучшие из возможных нюхательные трубочки. Да еще и моющиеся. Я хочу сказать: ради всего святого, если ты щедро делишься своим запасом, а я всегда гордился таким моим достоинством, как можешь ты знать, что за микробы обитают в сопливых ноздрях твоего компаньона, который, нюхнув, возвращает тебе трубочку?

Хранение? Я не верю потребителям кокаина, заявляющим, что им ни разу не доводилось открывать в уборной бумажник лишь затем, чтобы содрогнуться от ужаса, увидев, как драгоценный пакетик или мешочек с плеском падает в унитаз[21]. Итак, помимо очевидного соблюдения правила: прежде чем открыть пакетик и заняться любимым делом, опустите крышку унитаза, — следует подумать и о таре. В течение недолгого времени я отдавал предпочтение чрезвычайно модным — по очевидным, увы, причинам — футлярам для презервативов. В этот раздвижной пластиковый контейнер легко укладывались три пухлых пакетика и бритва, после чего одна его половинка надвигалась на другую. Компактно и безопасно. Засовываете его в карман, в другой помещаются две соломинки. В годы более поздние я обнаружил в витрине калифорнийского магазина для наркоманов простенькие дробилки. Даже самая малая из них позволяет размолоть дозу и быстро отправить ее в нос, прикрывшись носовым платком. Ни в сортир тащиться не надо, ни ждать, когда названный сортир опустеет и звуки растирания порошка и ваше фырканье останутся никем не замеченными, вместо этого — одно неприметное действие. Но, разумеется, приобретение такой штуковины и нескольких запасных — это еще и не высказанное словами, даже себе самому, признание в том, что ты наркоман.

Кстати, использование фразы «заняться любимым делом» для описания человека в уборной может показаться некоторым «перебором», однако в 1980-е эпидемия кокаиновой лихорадки, бушевавшая на площадях и улочках Лондона, набрала великую силу. Помню, как-то вечером, сидя в баре бешено популярного ночного клуба «Аннабелз», я увидел знакомого, великого остроумца, известного в лондонском мире моды и вечеринок почти каждому, человека, которого можно было, не кривя душой, назвать плейбоем, — он вышел из мужского туалета, и лицо его было перекошено от ярости.

— Знаете, что произошло минуту назад? — спросил он, и новая гримаса гневного отвращения исказила его красивое лицо.

— Нет.

— Какая-то жопа влезла, пока я нарубал дорожку, в кокаиновую комнату, без всяких прошу-прощения вытащила из штанов член и помочилась в одну из тамошних фаянсовых чаш… Как по-вашему, может, попросить Марка вышвырнуть этого типа на улицу и выпороть прямо на ступеньках клуба?

Вот какой силы набралось в то время белое зелье и каким вполне обыкновенным событием был его прием в любом общественном месте. Впрочем, мужскую уборную «Аннабелз» «общественным местом» не назовешь.

И еще раз кстати, кое-какие из последних абзацев могут создать впечатление, будто я пишу проект инструкции или рекомендаций для начинающих кокаинистов. Нечего и говорить, что, продолжив чтение и уяснив, какие беды навлекла на меня — по моему мнению — эта пагубная, но безумно обольстительная субстанция, вы со всей ясностью поймете, что *я не порекомендовал бы кокаин и моему злейшему врагу*. Что, разумеется, не помешает кому-то вырвать мои слова из контекста и использовать мне во вред. Как водится. К этому привыкаешь. Буквально дня не проходит без того, чтобы кто-нибудь не порадовал меня в твиттере сообщением о том, что «такого» он «от меня не ожидал», — а «таким» может быть все что угодно, от наимягчайшего из пикантных анекдотов до бранного слова, которое «оскорбляет» автора сообщения (не доводите меня до греха), или эпитета, который можно истолковать как свидетельство моего неуважения к тому или иному меньшинству. В каковом неуважении я отнюдь не повинен. Фраза «Господи, сколько ж на свете умных жидов» не представляется мне хоть сколько-нибудь сомнительной. Равно как и «Поразительно, сколько иудеев насчитывается среди великих американских комиков, — должно быть, их количество связано с 2000-летней необходимостью жить бок о бок и как-то сохранять веселость» — или еще что-нибудь в этом роде. Вполне симпатичные соображения, вовсе не понуждающие кого бы то ни было к заявлению: «Прошу прощения, но эти слова оскорбительны. Будьте любезны использовать слово “евреи”, а еще того лучше “еврейский народ”» (как будто от последнего словосочетания еврею жить станет легче, как будто и «еврей» — обозначение слишком обидное). «Еврейский народ следует истребить до последнего человека» или «Всем правят гребаные евреи — известно ли вам, что они сговорились никого больше к власти не подпускать?» От того, что пишущий подобные гнусности будет использовать «приемлемые» слова, вам что, легче станет? Отвратительны или не отвратительны чувства, выражаемые словами, а не сами слова. Черт, я обращаюсь в животное,

брызжущее слюной, слыша, что «политическая корректность окончательно спятила». На эту тему я лучше помолчу. Описание моего инструментария дано здесь не в качестве инструкции по эксплуатации, но в предостережение: вас ожидает постоянно заложенный нос, кровотечения из него и из иных, не стану их называть, отверстий тела, бессонница, понос, головные боли, чесотка… а сверх этих унижений самое главное — общение с дилером. До этой интересной, интригующей, иррациональной персоны мы тоже в скором времени доберемся. Дайте срок.

Неожиданное отступление

Ну-с, этот раздел к настоящему дневнику отношения не имеет (дневник затаился, ожидая вас, впереди), но мне представляется, что я должен рассказать здесь — в виде приправы — о неожиданном характере нынешнего дня, того самого, когда пишется это предложение. Его нельзя назвать нетипичным днем моей жизни, но есть в нем одна особенность, редкостная и диковатая. И в этой перебивке, как и во всей книге, также будет множество внезапных отступлений, которые, надеюсь, никого не расстроят.

Проснулся я рано утром, еще чувствуя покалывавшие кожу иголочки. Прошедшей ночью я испытал один из сильнейших за всю мою жизнь маниакальных приступов. Он подбирался ко мне уже несколько дней, но именно этой ночью я ощутил себя почти рехнувшимся. Я, словно впав в неистовство, рассылал всем, кого знаю, эсэмэски, хорошо понимая, что в случае циклотомии (личной моей разновидности биполярного расстройства) безопасность обеспечивается только поддержкой родных и близких. Они по одному лишь твоему голосу понимают, с каким острым ножом подбирается к тебе истерия, и умеют успокоить тебя разговорами или убедить обратиться за помощью. Гипомания (я знаю, кто-то может считать, что ее следовало бы называть гипе*р*манией) нередко проявляется как эйфорическая потребность пребывать в контакте с людьми и в словоохотливой, возбужденной болтливости, почти невразумительной. Как мне объяснили, жить с человеком маниакальным намного труднее, чем с подверженным депрессиям. Но наихудшее, с чем приходится иметь дело члену твоей семьи, супругу или партнеру, это период, когда ты переключаешься из одного состояния в другое. И прошлой ночью я понял, что последняя неделя как раз и была таким периодом, когда я раздражался и вспыхивал по любому поводу. Меня наполняла энергия, однако ее следовало назвать негативной.

Ночью я ощутил такой прилив сил, исполнился такой радости, почувствовал себя столь позитивно и до того уверился в своих достоинствах, что внезапно проникся полным пониманием исторических фигур наподобие Жанны д'Арк и буйного пророческого неистовства Говарда Била, блестящего телевизионного провидца, столь незабываемо сыгранного в фильме «Телесеть» Питером Финчем, — эта роль стала его последним бенефисом, принесшим ему посмертного «Оскара».

Уверен, вы помните сцену, где он, мокрый и одержимый, приходит, накинув поверх пижамы дождевик, в здание телестудии, чтобы занять в прямом эфире место ведущего программы и, раскинув руки, призвать каждого своего зрителя высунуться в окно и завопить: «Я зол как черт и больше не собираюсь это терпеть!» Бог весть, какую околесицу понес бы я, если бы оказался этой ночью перед камерой.

Не сохранись во мне крошечного ядра здравомыслия, я совершенно серьезно уверовал бы, что в меня вселился некий великий дух. До конца понять, что я имею в виду, могут лишь те, кто страдает — а может быть, наслаждается — гипоманией. Я и сегодня еще балабоню на предельной скорости, хотя, смею сказать, намереваюсь вернуться к последнему абзацу и отредактировать его, когда либо тихо спланирую с моей высоты вниз (на что искренне надеюсь), либо шмякнусь об землю (чего сильно боюсь)[22].

Природа мании, доводящейся зловещей двойняшкой депрессии, такова: первая противоположна второй *во всех* отношениях. Одна дает нам надежду и самовлюбленную, грандиозную веру в будущее — другая убеждает нас в полной и неизменной тщете существования. Одна порождает тягу к общению посредством эсэмэсок, писем, телефонных звонков, твиттера и персональных визитов — другая заставляет уединиться в темной комнате, посетителей не принимать и показывать спину тем участливым бедняжкам, что любят нас и хотят с нами поговорить. Два полюса.

Итак, повторюсь. Вчерашний день был таким радостным, что дальше и некуда. Собственно говоря, я даже пошел посмотреть, как моя любимая команда, «Норвич Сити», терпит сокрушительное и совершенно незаслуженное поражение на «Крэйвен Коттедж», домашнем стадионе футбольного клуба «Фулхэм». Как нам теперь удастся продолжить борьбу за первое место в премьер-лиге или в чемпионате страны, я и представить себе не могу[23]. Но это совсем другой вопрос, вас не интересующий. Упоминаю о нем лишь потому, что, пока я сидел на директорской трибуне в обществе Делии Смит{46}, других членов правления и служащих клуба, мне было дозволено клекотать, визжать, отпускать шуточки, вопить и петь йодлем, и никому это странным не казалось. Когда же я дошел до дома, не сломленный даже ужасным проигрышем, то обнаружил, что впал в беспрецедентное состояние обсессивно-компульсивного расстройства.

Вам еще предстоит получить несколько позже изрядное удовольствие, побольше узнав о странностях моего рассудка, что

же касается вчерашнего вечера, остаток его я провел, начищая обувь, наводя порядок в буфетах, расставляя и раскладывая по-новому письменные принадлежности, вынося из дома груды мусора и готовя ужин, перемещение коего на тарелку заняло полчаса, столь фантастически симметрично и изысканно были разложены, одна поверх другой, его составляющие.

Покончив с этой достойной Эдриана Монка{47} трапезой, я почувствовал, что руки мои дрожат, в голове звенит кровь, а давление жмет на грудь. Поскольку я был один, то уселся писать длинные, длинные сообщения самым близким друзьям. Писал, что состояние у меня маниакальное, но не опасное, что способным на безумный, постыдный или рискованный поступок я себя не ощущаю. В конце концов я решил отправить сообщение и моему возвращавшемуся в это время из Марселя психиатру и получил от него ответ с предложением принять лекарство и просьбой позвонить ему завтра, в воскресенье утром, — к этому времени он уже будет дома.

Ночь я проспал — несмотря на столь необычайный и неожиданный поворот моего внутреннего флюгера — хорошо. Утром написал кусочек этой книги, причем слова из меня так и перли. Надеюсь, кстати сказать, что это останется незаметным. «Женись второпях, сожалей на досуге», — написал Конгрив. Твиттеруй второпях, сожалей на досуге — этому я уже сам научился. На горьком опыте. Пиши второпях, правь на досуге — чему также научил меня опыт. «Писать я могу и пьяным, но править должен на трезвую голову» — так, по слухам, сказал Ф. Скотт Фитцджеральд своему редактору Максвеллу Перкинсу.

В половине третьего пополудни я влез в хорошую рубашку, повязал шелковый лососево-розовый с огуречно-зеленым галстук клуба «Гаррик», выбрал непритязательные брюки и приятный пиджак и засеменил в направлении театра «Критерион» — созданной Томасом Верити{48} шкатулки для драгоценностей, расположенной на Пиккадилли-Серкус прямо за спиной Эроса[24]. Бар около театра («Кри», как он назывался в веселые поздневикторианские, раннеэдвардианские денечки, когда был излюбленным местечком вудхаузовского преподобного Галахада Трипвуда и его заклятого врага сэра Грегори Парсло-Парсло) — это то самое заведение, в котором доктор Ватсон встретился со своим давним фельдшером по госпиталю «Бартс», «молодым Стэмфордом», которому только еще предстояло сразу после полудня познакомить доктора с Шерлоком Холмсом. И потому для меня, несмотря на орды похожих расцветкой на чупа-чупс туристов, которые лезут на алюминиевую фигуру, дабы запечатлеться, пока они притворяются, что посасывают изящно

завуалированный член Эроса и втыкают палец в его пухлую попку[25], — и ненароком рвут струну его лука, — несмотря на мусор, которым они по слабоумию и бездумности засыпают все вокруг, несмотря на пьяниц, мочащихся ночами в желоб у основания бронзового фонтана, несмотря на все это, Пиккадилли-Серкус, «пуп Империи», как ее некогда называли, остается священной землей. Мне следовало сказать «священной мостовой».

Я имею честь состоять в президентах театра «Критерион». Обязанностей у меня не многим больше, чем присутствие, время от времени, на заседании правления, но сам театр прекрасен, а кроме того, увидев свое имя, набранное на программке крошечным шрифтом вместе с именами продюсеров, инвесторов и прочих членов правления, я неизменно испытываю легкий восторг. Наш владелец — это необычайно щедрая Сэлли Грин, небережливый патронаж которой («владелица» и «матронаж», пожалуй, правильнее, нет?) вдохнул жизнь и в театр «Олд Вик», и в «Джаз-клуб Ронни Скотта», что в Сохо.

Итак, я добираюсь до театра и спускаюсь в партер («Критерион» — один из редких театров, в котором все — бары, артистические, сцена и зал — находится под землей), чтобы поучаствовать в послеполуденных торжествах памяти скончавшегося несколько месяцев назад великого актера Ричарда Брайерса. Он состоял в «Гаррике» — отсюда и мой выбор галстука. Сейчас здесь все, кто работал с ним и пережил его. Парочка Пенни — Уилтон и Кит; Питеры — Иган и Боулз; Энни, жена Дикки, его дочери и внуки и великий сэр Кеннет Брана — человек столь же, если не больше, занятой, как я, мы с ним теперь встречаемся редко. Перед началом празднества мы стоим, разговаривая, и мне в кои-то веки удается сравняться с ним в словесном темпе и энергии. Я рассказываю о моем нынешнем душевном состоянии. Как и многие другие, он откликается на мой рассказ с пониманием и опытностью, рекомендуя мне ни больше ни меньше как медитации. Кеннет Брана, которого я знал в пору съемок «Друзей Питера», услышав о медитациях, насмешливо прыснул бы в чашку чая и разразился уморительным, злоязычным, блестяще сымпровизированным монологом, разоблачающим идиотизм тех, кто сидит, уставившись в пустоту и распевая «Ом мани падме хум». Вот что нравится мне, среди прочего, в старении: я обнаруживаю, что все меньше вещей достойно осмеяния, презрения, брезгливости, — полагаю, и с КБ происходит нечто похожее.

Когда свет в зале тускнеет, я приближаюсь к сиденьям партера — не с того конца, отчего мне приходится торопливо огибать его. За что и удостаиваюсь гневного взгляда Пенелопы

Кит{49}, которая хорошо известна своей… ладно, ничего. Не мое это дело.

Она, между прочим, читает стихотворение, написанное сэром Генри Ирвингом{50} перед последним его выходом на сцену, — обращенную к публике просьбу быть доброжелательной к актерам менее прославленным, чем он, — ну-ну. Собственно, все в зале пребывают в наилучшей форме и с удовольствием делятся воспоминаниями о человеке, который очаровывал каждого, кто с ним встречался, а уж сквернословил так часто и изобретательно, как никто из моих знакомых. Другое дело, что с самим собой я, можно считать, не знаком и потому вправе претендовать на звание сквернослова более изощренного. Хотя самое лучшее ругательство, какое я когда-либо слышал, вырвалось из уст нашего с Кеном близкого друга, актера, который, забыв во время съемок фильма свою реплику, яростно вскричал себе в осуждение: «Пизданутый Аушвиц!» Ну что же, он еврей, ему, наверное, можно. Пока что. Впрочем, подобные выражения следует приберегать для мгновений настоящего горя или гнева, мне лично так кажется. Для этого актера забыть перед камерой текст — история более чем серьезная, способная привести в бешенство. Боюсь, что я к таким случающимся со мной прорухам отношусь несколько по-дилетантски.

Когда люди принимаются делиться воспоминаниями о человеке, которого все любили, без разного рода никчемной ерунды дело не обходится, однако КБ, следует отдать ему должное, удалось увлечь внимание зала как никому — если оставить в стороне членов семьи Ричарда Брайерса. Вы, может быть, думаете, что торжества такого рода, вечера памяти, похороны и благотворительные обеды — это отнюдь не ристалища. Поверьте мне на слово: для актера любая возможность открыть рот и показать себя публике — наряду с другими актерами — выливается в яростное, язвящее душу состязательное сражение, и если кто-то возьмется убеждать вас в противном, не верьте.

Каждую историю, которую Кен рассказывает о Брайерсе (чью актерскую судьбу он помог преобразовать самым фантастическим образом — вплоть до того, что дал ему возможность сыграть, и с немалым успехом, короля Лира), мне доводилось множество раз слышать и прежде, тем не менее я хохочу столь неуправляемо, что довожу себя до приступа астмы — достаточно сильного, чтобы заставить меня пару раз воспользоваться ингалятором. Брана всегда выставляют в виде поучительного примера самовлюбленного театрального *выпендрежника.* Для меня это отчасти огорчительно, поскольку «Оксфордский словарь

английского языка» указывает в качестве первого случая использования этого слова в печати (применительно к актерскому ремеслу) статью, которую написал *я*. На самом же деле, если Кен и принадлежит к какому-либо классу или подвиду актеров, я бы назвал его скорее крутым мужиком, чем выпендрежником. А кроме того, он — и по какой-то причине многие затрудняются в это поверить — один из пяти самых забавных людей, каких я знаю. Мы еще встретимся и с ним в этом непредсказуемо попрыгучем повествовании.

В зале я сижу рядом с легендарным Фрэнком Финлеем{51}, испускающим время от времени отрывистый смешок. Не могу сказать, что, когда я, запыхавшийся, уселся в последнюю минуту на свое место, он обошелся со мной так уж дружелюбно, но, с другой стороны, он благочестивый католик и, наверное, наслышан о дебатах, в которых я заодно с Кристофером Хитченсом{52} оспаривал мысль о том, что Католическая церковь представляет в нашем мире силы добра. Очень многие решили после них, что я — «антикатолик», и это сильно гнетет и удручает меня. Возможно, кто-то сказал ему, что я грубо оскорбил «Мать всех Церквей» и резко отозвался о папе (коим являлся в то время Йозеф Ратцингер, Бенедикт XVI, ныне уже подавший в отставку).

С вечера я ушел быстро, поскольку не хотел увязнуть в разговорах. Уверен, там не было ни одного человека, от встречи с которым я желал уклониться, просто мне не терпелось вернуться сюда — к экрану компьютера. В голове моей кружились самые разные мысли, но главное — я ощущал потребность поделиться впечатлениями от этого вечера с вами, мой безропотный читатель.

Вечер памяти Ричарда Брайерса в некотором отношении — типичный пример актерских сборищ. На них рассказываются, пересказываются и перевираются слухи и побасенки, связанные с театральным ремеслом и невообразимыми театральными провалами. Ученые, шпионы, врачи и юристы ничем в этом смысле не отличаются — плюс-минус веления их профессиональной этики. Мое существование фрагментировано настолько, что сегодня я веду жизнь актера, а завтра какую-то совершенно иную. Ею может быть жизнь писателя, или радиоведущего, или распорядителя телевизионной программы; я обедаю с исполнителями классической музыки, рестораторами, товарищами по давним наркотическим играм, простыми светскими людьми, шеф-поварами, такими же, как я, любителями крикета и новообретенными друзьями из виртуального мира. В отличие от немногих внушающих мне зависть людей я почти никогда не решаюсь смешивать одну группу с другой. А когда

решаюсь, это обычно заканчивается катастрофой, такой же, как при смешении одного спиртного с другим. Я люблю хорошее пиво, люблю хорошее вино, однако невозможно безнаказанно пить на протяжении одного вечера и то и другое. Я люблю друзей, с которыми играю или ежедневно играл когда-то в бильярд либо вынюхал порядочные количества пыли со склонов Анд; люблю друзей, с которыми обедаю в нелепо дорогих ресторанах; люблю тех, с кем снимаюсь в кино или кривляюсь на эстраде. Люблю и ценю их всех в равной мере и не думаю о них как о представителях разных слоев общества или людях, расставленных по разным полочкам, — дескать, одна группа в чем-то выше или важнее всех прочих, — но даже мысль о том, чтобы познакомить их друг с другом, ввергает меня в дрожь и трепет тошнотворного смятения.

И потому сегодня я покинул театр, заглянул в подвернувшийся по пути супермаркет, чтобы купить немного льда, грудку индейки и помидоры — первое, что пришло в голову, — и, уклонившись от обычной борьбы с автоматическим кассовым аппаратом (они вдруг *снова* вернулись в магазины), засеменил по улице в обществе безупречно одетого Питера Боулза и столь же безупречно джентльменистого Морея Уотсонта[26]. На протяжении сотни ярдов я был актером, судачившим с ними, обменивавшимся анекдотами, а затем отделился от них, повернул к дому и вскоре оказался здесь. Все еще ведомый моими непостоянными, ветреными эндорфинами, я уселся перед вами и задумался: что бы мне этакое написать?

Давайте-ка мы вернемся к красной нити, она же тема, этой главы.

В моем позорном перечне я указал среди мест, где принимал кокаин, палату общин — и это чистая правда. Сидя там в упоительно старом и удобном кожаном кресле после приятного, но не слишком приятного — в конце концов, это всего лишь клуб — завтрака с членом парламента (нам нет нужды тянуть сюда за уши его имя) и покручивая в руке стакан с бренди, я выразил желание сходить «по-маленькому». Член парламента указал на дверь в углу комнаты, сказав, что мне надлежит свернуть за ней во второй уходящий направо коридор. Я вперевалочку прошелся по коридору и попал, к моему испуганному удивлению, в уборную, предназначенную только для мочеиспускания. Да еще и с одним-единственным писсуаром. И никаких кабинок. Гадить, как многие годы назад столь точно предсказал в утопическом романе «Вести ниоткуда» Уильям Моррис, дозволяется только членам палат, подумал я. И потому я — с сердцем, работавшим,

как паровой двигатель, с пугливым «а-подите-вы-все» отчаянием настоящего нарика — досуха протер галстуком пристенную часть верхушки писсуара, нарубил на ней дорожку, достал соломинку и уже подносил ее к носу, когда в уборную вошел, радостно напевая, веселый, краснолицый, основательно позавтракавший парламентарий, коему больше не суждено уже было отпраздновать свое семидесятилетие.

— Простите! — приглушенно воскликнул я, загородив телом постыдную дорожку. — Я понимаю, как это глупо. Но я стесняюсь писать при посторонних. Если кто-нибудь стоит за моей спиной, у меня просто не получается.

— О, понимаю, — весело произнес, отступая в коридор, парламентарий. — Вы вот до моих лет доживите. Чертова простата не позволит вам и каплю сронить, пока вы не обругаете ее или не умаслите. Давайте, действуйте.

Зажав всю мою отвагу в одной руке и соломинку в другой, я громко, как ревущая «Слушайте, слушайте!» палата общин, откашлялся, втянул дорожку в нос и распрямился. Старый кутила топтался снаружи, все еще напевая — мелодично и тактично. Я собрал указательным пальцем остаток порошка, втер его в десны, ухитрился извергнуть прерывистую, но настоящую струйку и устыдился, обнаружив, что оставил ожидавшему своей очереди джентльмену лужицу на полу. И, повозившись с кранами и полотенцами, сбежал назад, в «курительную», как она, помнится, называлась в те времена. Сейчас там, наверное, «салон травяного отвара».

Трасс, твид и опьянение

Я уже говорил в одной из моих книг, в блоге или где-то еще, как, приобретая известность, все сильней и сильней поражался тому, что даже наблюдательные и умные, по всему судя, журналисты способны либо врать напропалую, не обращая внимания на очевидность, либо изощренно игнорировать находящееся прямо перед их носом — и лишь потому, что оно не отвечает образу, который они или их редактор намереваются предложить вниманию публики.

Одним солнечным утром я отправился на интервью с Линн Трасс, бывшей моей литературной редакторшей в журнале «Листнер», которой вскоре предстояло прославиться в англоязычных странах, да и за пределами их, своей книгой «Казнить нельзя помиловать» — объявлением войны тому, что лингвистам и всем, кто любит язык, представляется вечно

танцующим, вечно ослепительным и вечно меняющимся миром суффиксов, диакритик, апострофов и умлаутов, миром, где живет, дышит, цветет и развивается язык. Но это другая история. Встреча была назначена на Грик-стрит, в чрезвычайно модном ресторане «Л'Эскарго», принадлежавшем Нику Лэндеру. Жена Лэндера, магистр виноделия Дженкис Робинсон, обратила «Л'Эскарго» в первый, если я не ошибаюсь самым диким образом, в Британии ресторан, меню которого перечисляло вина по сортам[27]. Вы уже совсем заскучали — и я понимаю почему. Перехожу к делу.

Итак, я вхожу в ресторан и меня приветствует упоительно живая, улыбчивая Элина Сальвони — метрдотель росточком в четыре фута пять дюймов. Линн уже сидит за столиком. А надо вам сказать, что за месяц с чем-то до того я принял решение преобразовать свой облик. Время от времени я делаю это на манер Доктора Кто, но, конечно, не так, как он. Я уже превращался из занудного книжного червя в вора, а из вора и заключенного — снова в занудного книжного червя; из занудного книжного червя — в автора и исполнителя всяческих тра-ля-ля, а из автора и исполнителя всяческих тра-ля-ля — в занудного компьютерного неофита и так далее. И в пределах каждого из этих обращений совершалось множество других, еще более нелепых. В ходе последней мутации я обратился из скучного, твидового, дымящего трубкой образца напыщенности, больше всего похожего на латиниста, преподающего в школе, которая вот-вот закроется по причине скандала, в упакованного в косуху и джинсы, разъезжающего на мотоцикле, разящего лосьоном после бритья чувака, который знает, какая музыкальная группа станет Следующей Сенсацией, и умеет расхаживать по сумрачным помещениям в темных очках, не производя впечатления законченного мудилы. Я знаю, что вы думаете, знаю, что каждый фибр вашего существа криком кричит, уверяя, что быть такого не может, однако год с чем-то я именно так и выглядел.

Факт остается фактом (считаю, что, назвав это «законом Фрая», я не покажусь слишком самонадеянным): ничего я этими решительными и радикальными внешними изменениями не добился. Ничто, за вычетом косметической хирургии, не способно обратить Генриха Гиммлера в приятного компаньона по весенним прогулкам среди осеняемых бабочками альпийских лугов.

Так или иначе, подъехав к ресторану «Л'Эскарго», я сдал в гардероб мой «шлемак», как называли их мы, сумасшедшие двухколесные сукины дети, и сел за столик мисс Трасс. Мы поболтали — по-дружески, как старые коллеги. Я был тогда озабочен продажей книги — скорее всего, моего первого романа «Лжец», не помню. Линн показалась мне полной энтузиазма,

завтрак и семийон были выше всяких похвал. В зал на первом этаже робко вошла принцесса Диана, люди из ее охраны скромно расселись за столики обоих этажей, дабы вернее бросаться всем в глаза своей неброскостью. Вот вам фешенебельный Лондон 1980-х. У меня была назначена еще одна встреча, моя «Ямаха» словно порыкивала на Сохо-сквер, ожидая, когда ей дадут свободу, и я, попрощавшись с Линн, с ревом унесся прочь и думать о нашей встрече забыл.

Две недели спустя вышел номер журнала, для которого Линн писала статью обо мне. И как начиналась эта статья?

«Твидовый Стивен Фрай…»

Я сидел перед ней, источая аромат герленовского *Eau de Verveine*, кожаная куртка американского военного летчика поскрипывала и поблескивала на мне, пока я не снял ее и не повесил на спинку кресла, оставшись в чисто-белой рубашке, под завернутый рукав которой была засунута на манер Марлона Брандо красная пачка «Мальборо». Ноги мои были обтянуты «ливайсами» 501-й модели, ступни упрятаны в тяжеленные, кислотостойкие и вообще крепчайшие рабочие башмаки «Док Мартенс» — обувь, которой отдавали тогда предпочтение фэшионисты (название в то время еще не известное) Сохо. Молния левого башмака уже потерлась, поскольку ему приходилось то и дело переключать передачи моего массивного байка, — и первым словом, какое пришло в голову Линн, было «твидовый»? Ладно, кто я такой, чтобы ее поправлять? О смерти Вебстер размышлял. И прозревал костяк сквозь кожу. Так, во всяком случае, уверял Т. С. Элиот{53}. Может быть, Трасс увидела под кожаной курткой и башмаками именно твид. Там, где у других людей хрящи и сухожилия, у меня — вельвет и трикотин, и так будет всегда. Мы видим в людях то, что хотим увидеть, и ничего тут не изменишь.

Первое правило бунтаря таково: *стать* бунтарем ты не сможешь. Тут нужны поступки, а не склад личности, процесс, а не название. Ты *бунтарь*. Когда я был школьником — страдающим, сбитым с толку, обуянным манией, ущербным и грозящим ущербом всему на свете, — бунтарство вовсе не представлялось мне одной из возможностей выбора.

Можно лишь удивляться тому, как отдельные концентрированные события нашей жизни собирают столь многие ее отличительные черты в одно пугающее мгновение, а оно обращается в символ всего нашего характера и судьбы.

Я пережил одну из таких критических кульминаций летом 1989 года. В тот день я оказался в ресторане на Дин-стрит,

Сохо, — заведении, от которого давно уж остались одни лишь воспоминания. Он назывался «У Бёрта» — в честь, думается мне, Бёрта Шивлава, почти забытого (большинством людей) поэта-песенника и либреттиста («Нет-нет, Нанетт», «Забавная история, случившаяся по дороге на форум» и прочие сочинения в этом роде). Мы арендовали ресторан, чтобы устроить мальчишник для Кеннета Брана, ибо то был субботний вечер, а в воскресенье ему предстояло венчаться с Эммой Томпсон — в Кливдене, в загородном поместье, которое когда-то принадлежало семейству Асторов и дало название «клике» влиятельных в 1930-х аристократов и политиков, германофилов по духу и якобы миротворцев[28].

Всю предыдущую неделю Хью, Роуэн и мои коллеги черногадючники репетировали финальный эпизод фильма «Черная Гадюка рвется в бой», и в Сохо все мы приехали с технической репетиции в телевизионном центре довольно усталыми. Я прикатил на моем норовистом и рыкливом байке-вседорожнике и поставил его напротив ресторана, на Буршье-стрит, известной всем как «Мочегонный проулок». Я и по сей день теряюсь в догадках — следует ли произносить официальное название этой улочки, *Bourchier*, как «*Boor-she-A*» или оно должно странным образом рифмоваться с «*voucher*»? Горе в том, что, по моим предположениям, не существует на свете человека, способного сказать мне это. Вопрос сей волнует меня лишь потому, что я: а) лингвистический зануда, повернутый на такого рода пустяках, и б) однажды я судил в школе Харроу конкурс декламаторов «Чтецкая премия леди *Bourchier*» и, помню это совершенно ясно, произносил фамилию леди в рифму с «*Sloucher and Croucher*», поверенными в делах и государственными нотариусами. В тот раз я присудил школьнику с экзотическим именем Бенедикт Камбербэтч вторую премию. *Вторую*. Имя мальчика, получившего первую, я вспомнить не могу, однако надеюсь, что он внезапно прославится как актер, заткнет Бенедикта за пояс и наконец докажет мою правоту. Правда, меня не покидает мысль, что случится это навряд ли, и оттого я чувствую себя рыбаком, упустившим большую рыбу. Так или иначе, я поставил мою «Ямаху» носом к ресторану «У Бёрта», где Кеннет Брана и его друзья праздновали последнюю его холостяцкую ночь.

Я совершенно искренне намеревался провести этот вечер как хороший мальчик, поскольку назавтра меня ожидали съемки уже упомянутого последнего эпизода рвущейся в бой Черной Гадюки. И, выпив пару порций водки с тоником, моего излюбленного в то время напитка, я подошел к Кену, чтобы обнять его, как

полагается, на прощание.

— Вот, — сказал мне Кен, — держи.

И протянул здоровенный бокал, до середины полный виски.

— Я, право же…

— Давай-давай! До дна.

— Ну, как скажешь.

Я осушил бокал и прорезал толпу гостей, чтобы забрать «шлемак» и перчатки, которые вместе с описанной несколько раньше кожаной курткой составляли единственную мою защиту от освежевательного «момента», как мы, двухколесники, именуем любую аварию — от простой потери заднего колеса до сальто через руль.

В то время улицы Лондона наводнили мотоциклисты. В пережившей «Большой взрыв» тэтчеровской Британии и особенно в Лондоне процветали *soi-disant*[29] отрасли сферы услуг. Интернет переживал пору младенчества, оставаясь уделом любителей, факсы были большой редкостью. Я уже описал вездесущих курьеров-мотоциклистов в по-прежнему допечатывающихся и совершенно очаровательных «Хрониках Фрая». Создаваемые ими шумы и запахи (мотоциклистами, а не «Хрониками», последние пахнут легкими и приятными духами) проникали повсюду, и сейчас, просматривая архивные кадры той поры, вдруг понимаешь с испугом, насколько скудна мотоциклами наша теперешняя столица. Других способов быстрой доставки документов или рукописей попросту не существовало, и многие тогдашние студенты пополняли свои карманы, носясь посыльными по городу в совершенном пренебрежении безопасностью — своей и пешеходов.

Полагаю, мы, беспечные ездоки, были тогда легкой добычей автобусов.

Я перешел Дин-стрит, натягивая перчатки и насаживая на голову тесный шлем, снял мою зверюгу с подпорки и перекинул ногу через седло. Включил двигатель и только-только начал выезжать из проулка, когда чьи-то тяжелые ладони опустились мне на плечи. Мать твою, сейчас меня ограбят. Обожаемый мною мотоцикл угонят. А если я врублю мотор на полную и попытаюсь удрать, то байк рванется вперед, а я, повисев немного в воздухе на манер Хитрого койота, грянусь оземь, да еще и копчик сломаю.

Я повернулся лицом к напавшим на меня громилам.

Дважды мать твою и двадцать тухлых анусов в придачу. Полицейский. Какого хрена?

И не один — второй констебль выступил из тени и провел ребром ладони по горлу: выруби двигатель. Я подчинился, снова поставил байк на подпорку, соорудил чарующую,

примирительную улыбку и снял шлем.

Шлем, будь он неладен, становится, когда опускаешь щиток, — а я его опустил — почти воздухонепроницаемым, и теперь из-под него вырвалось и ударило в лицо Второго Констебля теплое, ароматное облачко, отдающее чем-то солодовым, торфяным и очень шотландским.

— Вот так так. Вот так, вот так, вот так так, — сказал Второй Констебль Первому. — Виски.

Первый Констебль снял с моих плеч ладони, позволив мне слезть с мотоцикла.

Прямо напротив клуба «Граучо» стоял полицейский фургон.

— Вы немного пошатывались, переходя улицу, сэр, — объяснил мне Первый Констебль.

Это он мне «достаточные основания» излагает, сообразил я. После отмены древних законов, позволявших полиции задерживать какое угодно «подозрительное» лицо, ее обязали сообщать людям вескую причину их задержания. Несколько лет назад «Недевятичасовые новости» вдоволь потешились по этому поводу: «расхаживал в грязной рубашке по стройплощадке» и так далее. Уверять полицейских, что я вовсе не «пошатывался», смысла не было. Переходить улицу, одновременно натягивая мотоциклетный шлем, дело непростое, я, может, и вилял из стороны в сторону, однако ни один разумный наблюдатель не заподозрил бы, что я того… этого, пыт пырами, оцифер. Без толку: я у них в руках, и, даже сомневаться нечего, они попросят, чтобы я дохнул в эту их трубочку.

Две водки с тоником (двойных) и одна порция виски, весьма немаленькая. Можно ли счесть это перебором? Вообще-то, меня потрясла сама мысль о том, что полиция прицепилась ко мне — к мотоциклисту! Помнится, одна из причин, по которой я купил мой чертов драндулет, как раз и состояла в том, что он может, как я полагал, хотя бы отчасти оградить меня от ее приставаний.

Мне предъявили прибор с приделанной к нему белой трубкой и предложили дыхнуть в нее.

— Эти цифры указывают, что уровень алкоголя в вашей крови превышает норму, установленную законом для водителя моторизованного дорожного транспортного средства, сэр. Сейчас мы отвезем вас в главный участок, и там вам предложат пройти еще одну проверку. Результат сопоставят с показателями нашего прибора. Учтен будет тот, что поменьше. Если вы не захотите дышать в алкометр, можно будет использовать анализ крови или мочи. Однако отказ от всех проверок — это уже уголовное преступление. Вы все поняли, сэр?

Я кивнул. Второй Констебль взял у меня шлем и перчатки,

открыл задние дверцы фургона и забрался внутрь. Мне предложили сесть на скамейку напротив него. Первый Констебль уселся за руль, и фургон тронулся. И лишь когда он свернул направо, на Олд-Комптон-стрит, — в те дни это дозволялось — я сообразил, в какой попал переплет. В левом кармане моей куртки лежал футлярчик для презервативов, а в нем — три грамма высококачественного кокаина, купленные вчера в предвидении забав и шалостей Кливдена. Наверняка же меня обыщут в участке или попросят опустошить карманы, нет?

Я медленно засунул правую руку в правый карман куртки, где лежали мятные леденцы. Сейчас, надеялся я, мне удастся извлечь пользу из моего десятилетнего маниакального увлечения фокусами. Я вытащил пакетик с леденцами и протянул его Второму Констеблю, одновременно опуская левую руку в левый карман и зажимая футлярчик в ладони. Очень простой отвлекающий маневр, и, похоже, он сработал.

— Спасибо, сэр. Если вы не против, я оставлю их на потом. Пока вы не подышите в прибор, вам тоже ничего в рот класть нельзя. Уверен, вы это понимаете.

— Ну конечно. — Я широко развел руки в стороны, изображая полнейшее понимание. Футлярчик уже покоился у меня в паху, и я наклонился вперед, укрывая его в тусклом свете фургона. — А позвольте спросить, офицер, в какой участок мы направляемся?

— Вест-Эндский центральный, — ответил Второй Констебль.

Вест-Эндский центральный. Какое пышное название. Я его слышал. Оно возникало в сводках новостей и в драмах из жизни полиции. Джордж Диксон (тот, что из «Док-Грин») часто говорил своему зятю (которого играл бровастый Питер Бирн): «Ну-ну, Энди, мы же не хотим наступать на мозоли парням из Вест-Эндского центрального» — и прочее в этом роде. Сколь ни был прославлен этот участок, я и понятия не имел, где он находится. Где-то в центре Вест-Энда, так, наверное. И то, что мы свернули на Сэвил-Роу, стало для меня приятным сюрпризом.

Как я и надеялся, Второй Констебль поднялся на ноги прежде меня. Я встал на долю секунды позже, как раз когда водитель нажал на тормоза. Пришлепнул ладонью по металлическому потолку фургона, выставил вперед, чтобы сохранить равновесие, правую ногу.

— Упс, — весело выпалил я. И ступней отбросил футлярчик в глубокие тени под скамейкой, на которой только что сидел. Его там, как пить дать, обнаружат лишь через несколько дней, а к тому времени в фургоне успеют проехаться десятки злодеев, верно?

Я соскочил на землю, вошел с констеблями в участок.

Облегчение переполняло меня. Какое бы наказание ни было установлено за вождение мотоцикла с бокалом или более того спиртного в крови, его и сравнить невозможно со скандалом, позором, возможным тюремным заключением и гибелью карьеры, которые последовали бы за находкой в моем кармане целых трех граммов наркотика класса А.

В наркомире все хорошо знали, что один-два грамма будут сочтены предназначенными для «личного использования», а большее их количество воинственно настроенный или нерасположенный к тебе полицейский может счесть «предназначенным для распространения». Первое способно привести к конфискации наркотика и официальному предупреждению; второе почти наверняка — если еще и судья попадется соответственный — к тюремной отсидке. Три грамма — это пограничная черта, и, хоть мой бедный, глупый, наркозависимый разум уже начал выстраивать план встречи с дилером — между сейчас и завтра, — я был доволен, что сумел избавиться от страшного запаса.

Алкометр показал, что уровень алкоголя в моей крови едва-едва превышает допустимый предел, и я проникся надеждой на снисходительность полиции. Меня отвели в комнату, где сидела за столом женщина-сержант. Она попросила меня опустошить карманы. Я со скрупулезной покорностью выполнил просьбу и даже вывернул их наизнанку. Извлек из внутреннего кармана куртки бумажник и четыре билета на дневную открытую для публики съемку «Черной Гадюки».

— О, — произнесла сержант, — так вы новые серии снимаете?

Основная проблема новых серий «Черной Гадюки» состояла в том, что зрители уже привыкли к старым. До полного окончания съемок ни одна в эфир не запускалась, и, когда зрители приходили в студию, ожидая увидеть тронный зал Королевы и низенькую каморку Черной Гадюки, ее сильно озадачивали обои эпохи Регентства в покоях принца Георга. А публика, приходившая к нам в последние несколько недель, рассчитывала на кофейню миссис Миггинс, и нам оставалось только надеяться, что она привыкнет к окопу капитана Блэкэддера, к генералу Мелчетту и штабу Дарлинга.

Я понял, что мне представилась хорошая возможность. Каждую неделю мы получали, что само собой разумелось, по четыре билета для зрителей, а я пока еще не думал о том, кого бы мне пригласить.

— Не хотите побывать на съемках? Завтра вечером в телецентре Би-би-си. Тут все написано… — И я подтолкнул

билеты по столу.

Сержант подняла на меня взгляд. Первый и Второй Констебли радостно закивали, подошли к столу и взяли по билету. Два оставшихся забрала сержант.

— Так, — сказала она. — Хорошо. Вы превысили предел, мистер Фрай, поэтому мы предъявляем вам обвинение в вождении или попытке вождения в состоянии алкогольного опьянения. В ваших правах указано, что вы живете в Ислингтоне, это так?

Вот и верь после этого разговорам о продажности столичной полиции. Ужас какой-то! Теперь что же, ни на кого уже положиться нельзя?

Да и болтовне о том, как медленно мелют жернова правосудия, тоже верить не следует. Мне было предложено явиться в понедельник утром, имея при себе страховое свидетельство и водительские права, в Клеркенвеллский суд магистратов, находившийся, как выяснилось, в конце Дункан-Террис, где я тогда жил, присматривая за домом Дугласа Адамса. Возвращаться домой на мотоцикле мне не разрешили, но предложили забрать его завтрашним — воскресным — утром.

Лихорадочно размышляя, я со шлемом и перчатками под мышкой спустился по ступенькам участка. На следующий день мне предстояло поехать на моем «Астон Мартин V8 Винтаж» в Би-би-си, а затем, после съемок, «отправиться мотором в Кливден», как, надо полагать, поступали Асквиты и Гренфеллы в давние благодатные дни. И надо бы еще встретиться с одним из трех приручeнных мной кокаиновых дилеров, назначив ему свидание либо в телецентре (на этот случай следует, напомнил я себе, разжиться еще одним гостевым билетом — забавно будет, если дилер окажется в зале рядом с полицейскими или полицейской), либо где-нибудь в Сохо — с утра пораньше, когда я отправлюсь за моим байком. А может, кто-то из них приедет нынче вечером в Ислингтон? Проклятье! Надо было прихватить мобильник. Разъезжая на мотоцикле, я редко брал его с собой: карман-то не резиновый, и кроме этой здоровенной штуковины в него ничего не засунешь. Так или этак, а я разживусь пакетиком-двумя доброго зелья, от души оттянусь в Кливдене, а встав поутру (то есть если вообще лягу), погоню «Астон» — возможно, в последний за этот год раз — в Лондон, дабы предстать перед судом, назначенным на 11 утра.

И тут в голове моей зашевелилась другая, по-настоящему страшная мысль. А что, если они найдут под скамейкой фургона футлярчик для презервативов, поймут, что в нем наркотик, и снимут с него отпечатки пальцев? Я ведь судимый[30], значит, мои

отпечатки у них есть. Да нет, если и найдут, они же не в перчатках будут там шарить. Это все-таки полицейский фургон, а не место преступления. Вряд им удастся хотя бы «непроявленные» отпечатки снять.

— Мистер Фрай! Мистер Фрай!

Голос сержанта. Я оглянулся. Она стояла на нижней ступеньке крыльца и махала мне рукой.

— Да? — Я, занервничав, вернулся к ней.

— По-моему, вы забыли это в фургоне, сэр. — И она сунула мне в ладонь мой футлярчик.

— Э-э… я… спасибо… тут…

— Будьте осторожны, сэр. И спасибо за билеты.

Я просто-напросто не знал, что сказать. С уверениями, что футлярчик не мой, я несколько запоздал. Лицо ее было непроницаемым. Она развернулась и ушла, оставив меня стоять на крыльце, — то открывая рот, то закрывая, как выброшенная на берег рыба.

Со стороны Пиккадилли ко мне приближалось такси, я остановил его, забрался внутрь и по дороге к Ислингтону украдкой, опасливо раздвинул футлярчик. В нем лежали — вызывающие, как титьки стриптизерши, — три пакетика. Готов поклясться, что они мне подмигнули.

Я и по сей день теряюсь в догадках по поводу этой истории — как там все было, почему и какого черта? Может быть, сержант решила, что в наше время, время СПИДа, вскрывать чужой футляр для презервативов — это грубость? Может быть, вскрыла его и подумала: черт, у меня смена кончается, не буду же я такой идиоткой, что замету этого мужика? Мы уже завели на него дело за вождение в пьяном виде, ну и хватит с нас, да и ему так… веселее не станет. Точно мне никогда не узнать. Разве что сержант прочитает это, — буду очень рад, если она со мной свяжется.

Я не пересматриваю мои старые фильмы или телевизионные программы, да, собственно, и новые не смотрю, если только не участвую в монтаже, однако когда мне попадается на глаза финальный эпизод сериала «Черная Гадюка рвется в бой» (его так часто повторяют) — тот, где солдаты Блэкэддера вылезают из окопов в поле, которое словно истекает маковой кровью под скорбную версию музыкальной темы Говарда Гудолла, — и когда я вижу эту сцену, то невольно говорю себе: «Это снималось через день после того, как меня замели за вождение в пьяном виде. Через день после того, как полицейский сержант преспокойно вернула мне футлярчик с кокаином. В тот вечер я поехал на “Астоне” в Кливден и погулял там на свадьбе Эммы и Кена. А

следующим утром на год лишился водительских прав».

Я жду моего мужчину

Сколько себя помню, я всегда был… как бы это назвать? наказанием господним? Нет, это выражение отдает детской. Бунтарем? Слишком пафосно. Нарушителем общепринятых норм? Человек поколения Джона Бакена{54} назвал бы меня «неправильным». Аутсайдер — вот самое близкое слово, какое мне удалось придумать. Возможно, именно потому я, как хорошо известно тем, кто имел удовольствие прочесть первую главу «Хроник Фрая», помешался в детстве на сладостях и вечно испытывал нехватку денег для их покупки, а это породило последующие мои зависимости, тягу к недозволенному и недосягаемому. На смену сладостям пришли сигареты. Попав за решетку, я выкинул сласти из головы и сосредоточился на том, чтобы выйти на свободу и поступить в университет. В Кембридже я практически ничего кроме кофе не пил и уж тем более не принимал наркотиков: мне за глаза хватало сцены, курения и сочинительства.

Года два-три спустя — я уже успел благодаря улыбке фортуны сняться в Манчестере в телешоу вместе с Беном Элтоном, Робби Колтрейном, Хью Лори и Эммой Томпсон — мы с Хью начали сниматься в «Черной Гадюке II». В плане физическом я был, если в это можно теперь поверить, худым и долговязым; в плане социальном — ночными подвигами особо не увлекался: вечеринки, как уже сказано, были мне отвратительны.

Однако те две дозы кокаина пробудили во мне давно заснувшего великана. Все тот же дракон, что доводил меня до изгнания из столь многих школ и привел на каменные плиты тюремной камеры, начал разворачивать свои кольца и поднял голову, изрыгая пламя.

Не понимаю почему, но с самых ранних дней моего детства ребенком я был трудным. Никакой дядя, крестный отец, друг или член (хвала небесам) семьи не качал меня на колене в манере, которую люди моего поколения назвали бы «неподобающей», а люди более молодые и учтивые — «неловкой». Да, верно, я с самого начала строил грандиозные планы, собирался стать ученым, писателем, артистом — кем угодно. Но никто мне палок в колеса по этой части не ставил. Лишь собственное мое безумное и дикое поведение и было мне помехой, пока наконец я не улегся на описанную выше солому тюремного пола и что-то, по-видимому, щелкнуло в моей голове; тогда я и понял: у меня

остался последний шанс подняться (я, с вашего позволения, немного покалечу Теннисона) по каменным ступеням моего мертвого «я» к чему-то более возвышенному.

Тут мы вновь возвращаемся к невероятному везению, которое позволило мне получить стипендию Кембриджа, с головой уйти в актерство, заболеть сочинительством и проникнуться дурацкой верой в то, что все мои беды — предрасположенность к дурным поступкам, склонность к воровству библиотечных книг и диким разрушительным выходкам — остались позади. Спиртное мне не так уж и нравилось, ночные посиделки тоже, — мне нравилось работать. На титульном листе моей последней книги, «Хроники Фрая» (я попросту изумлен и чуть-чуть обижен тем, что вы ее не читали), приведены слова Ноэла Кауарда: «Работать куда веселее, чем веселиться»; на мое счастье, я и поныне нахожу их верными. Уверяют, будто Черчилль сказал: «Молодые сеют безумства, старики пожинают мудрость». Черчилль этого не говорил. Коллекционеры цитат даже именуют такую неряшливость в атрибуции «ползучей черчиллятиной». Я впал в ошибку, решив, что уже посеял все мои безумства, и перестал бдительно следить за собой.

Если вы ни разу в жизни не принимали незаконных уличных, или «рекреационных», наркотиков, у вас, скорее всего, имеется четкое представление о том, что представляет собой их дилер. В юности все мы смотрели страшные фильмы и научились именовать этих людей «пушерами». В иерархии обладателей нравственных ценностей они располагались где-то между «придворными корреспондентами» Флит-стрит и навозными жуками.

«Я виню во всем гнусных пушеров!» — вопят родители и авторы газетных передовиц и заламывают в отчаянии свои чистые руки от неспособности даже представить себе столь беспримесное зло. «Пушеры» околачиваются у школьных ворот, подстерегая возможность обратить ребенка в наркомана. Поначалу они приучают его к разрешенным для продажи растворам наподобие клея, быстросохнущего бетона, толуола, бутана и пропана. После того как дофамин, норэпинефрин и норадреналин — я не эндокринолог, однако всем нам, разумеется, известно, что потребление наркотиков связано с нашими системами удовольствия-вознаграждения, — сводят с ребенком близкое знакомство, ему предлагают обменяться рукопожатиями и испытать блаженство, за которым обычно следует дикая рвота; вещества эти вступают в тесный союз с мозгами юного потребителя, и тот, лежа на лужайке местного парка и вперяя в небо обновленный молодой взор, обнаруживает, что новые друзья

щекочут и массируют его центры наслаждения, даруя ему безоговорочное блаженство, какого не дождешься ни от мороженого, ни от домашних радостей. Следующий шаг этого мифического и неотвратимо порочного процесса (дешевый сидр мы в расчет не берем, даром что опаснее его ничего нет на свете) состоит в предложении покурить незаконную травку, а после этого никаких шансов на спасение у беззащитного дитяти не остается — «дружелюбные» и «недорогие» поставщики знакомят его с кокаином и героином. И, как только образуется наркотическая зависимость, цены взлетают вверх, угрозы становятся очень серьезными и маленький Джек уже шарит в маминой сумочке, обворовывает бабушкину квартиру, отнимает у несмышленых детишек мобильные телефоны — то есть прямо на наших глазах возникает чудовищный социальный недуг, который мы именуем «наркотической субкультурой». Неблагополучные городские районы, банды, разгул насилия: прекрасная, как в детских книжках, Британия обратилась в запущенную — в нравственном и культурном отношении — бросовую землю за срок более краткий, чем прожитая мной жизнь, каковая, дорогой читатель, несмотря даже на то, что ты держишь в руках третий том моей автобиографии, не так уж, в конце-то концов, и длинна. Вот какую порчу навели наркотики на нашу страну.

Все вышеизложенное есть, разумеется, бред сивой кобылы. Если не что-то похуже. Состоявших на службе правительства «советников по противодействию наркотикам», знавших проблему, разбиравшихся в физиологии, социологии и неврологии, увольняли одного за другим, как только они начинали говорить своим хозяевам — какой бы политической окраской те ни отличались — настоящую правду. Пока наркотики не легализуют, не возьмут под контроль, не классифицируют и не обложат налогом, ситуация будет развиваться от плохого к худшему и к еще худшему. После того как в 1990-х Америка направила в Колумбию самолеты, распылявшие пестициды, кокаиновые кусты обзавелись иммунитетом к отраве; раздираемые начиная с нулевых годов двадцать первого века войнами наркокартелей, мексиканские города навроде Хуареса переплюнули колумбийский Меделин 1980-х, который по сравнению с ними — просто Моретон-ин-Марш{55}; размеры прибыли достигли таких колоссальных высот, что осуществляемое на каждом этапе пути кокаина к потребителю «урезание» чистоты изначального наркотика с помощью разного рода добавок позволяет всем, через чьи руки он проходит, от мексиканского крестьянина до дилера из ночного клуба, жить припеваючи.

Согласно источникам, которые я считаю безупречными, конечный уровень чистоты кокаина, который обходится его потребителю в 50–60 фунтов за грамм, обычно располагается между 20 и 30 процентами. Дилер во всем этом — мелкая рыбешка. Он или она (да-да, многие из них — женщины) могут проходить примерно такой карьерный путь: закончив школу без особого блеска, они включаются, ну, скажем, в музыкальный бизнес, становясь диджеями или клубными вышибалами, и обнаруживают, что грамм-другой кокса по вечерам сильно поднимает им настроение. И договариваются со знакомым дилером о том, что станут обслуживать круг своих друзей, им не охваченный. Затем говорят друзьям, что могут обеспечить их всем, чего те желают, и друзья приходят в восторг. Это рынок продавцов, на котором спрос превышает предложение; о том, чтобы навязывать людям товар, и речи не идет. Скорее уж о том, чтобы отвязаться от желающих его получить. Очень часто у дилера не оказывается при себе нужного количества наркотиков, способного удовлетворить набившихся в его клуб изголодавшихся потенциальных клиентов (дилерам нравится слово «клиент»).

Я мало чего могу рассказать о том, что творится на более высоких уровнях цепочки. Разумеется, без насилия там не обходится — как в Америке времен тупоумного сухого закона. Когда нечто, пользующееся спросом, запрещают, образуется дефицит, который сулит такие прибыли, что никакое насилие, потребное для захвата значительной доли рынка, чрезмерным не кажется. Могу сказать, однако ж, что еще не встречал врача, полицейского или инспектора по надзору за условно осужденными, который не считал бы необходимым лицензировать, легализовать и контролировать продажу уличных наркотиков. И только политики, обуянные идеей проигрышной по определению «войны с наркотиками», вставляют себе в уши пальцы и бубнят свое, и бубнят, пока не решат, что сумели заткнуть рты людям, которые действительно что-то понимают.

Помимо всего прочего, подумайте о том, что — ради увеличения прибыли — добавляется к кокаину на каждом этапе его пути. В ранние мои дни добавкой служило слабительное для грудных младенцев — с легко предсказуемыми результатами. Позже в дело пошли сахар, креатин, бензокаин (вызывающий онемение губ, которое убеждает вас в том, что вы получили настоящий товар), а теперь в 50–90 процентах продаваемого «на улице» кокаина обнаруживается левамизол — средство, которым у скота глистов выводят. Он не только слабит, но и побуждает к действию встроенный в нас «наркотик счастья», допамин. Среди других добавок — соляная кислота и марганцовка. Очень мило.

Если бы сейчас запретили спиртное, мы наверняка получили бы преступные группы, которые стали бы проделывать то же самое со своим самогоном и контрабандным спиртом. К незаконно производимым напиткам добавлялись бы денатурат, этиловый и метилированный спирты — да любая опасная гадость, позволяющая удешевить конечный продукт. Мы хорошо знаем это, потому что история показывает: так оно и было. Коктейли выдумали для того, чтобы подслащивать и разнообразить прогорклость продававшегося в подпольных барах невообразимо грязного бухла.

Однако позвольте мне вернуться к дилерам — к Митчи, Нандо, Джеки, назовем их так. В свое время я знал десятки Митчи, Нандо и Джеки. Никто из них склонностью к насилию не отличался, никто не был безнравственнее меня или любого из моих знакомых. Если они зачастую и выходили в чем-то из ряда вон, так в том, что были до невероятия славными друзьями, чудесными родителями, добрыми, участливыми, веселыми людьми, и (ко)каинова печать выделялась на их лбах не сильнее, чем на лбу вашей матушки.

Сам бизнес незамысловат. У вас, у потребителя, имеется наличность; вы встречаетесь с дилером в кафе, в баре, на его или (что менее вероятно) вашей квартире. Если встреча назначена в общественном месте или помещении, вы приходите на нее с деньгами, уложенными в газету, которую как бы между делом продвигаете по столику к Нандо, а он в ответ продвигает к вам пачку сигарет, в которой лежит доза. За этим следует разговор о футболе, музыке, моде, знакомых, детях, а затем мы, торопливо допив капучино, расходимся. В большинстве своем дилеры придерживаются правила «от своего товара кайф не ловить», однако рядом с Митчи или Джеки, которые *никогда* кокаина не нюхали, потребитель чувствует себя немного неловко. Скажем, у них на квартире, в которую он заглянул. С другой стороны, сам он, как правило, не любит, чтобы дилер заглядывал к нему, — и особенно дилер, неравнодушный к своему товару. Как прикажете с ней разговаривать? Когда будет прилично попросить ее удалиться? Сколько дорогостоящего порошка, который вы у нее купили и которым теперь делитесь с ней, собирается она отправить в свой нос? В общем и целом, вы заключаете с этими людьми престранный неписаный договор. Вы очень стараетесь не обходиться с ними как с прислугой и, может быть, перебарщиваете в потугах не разговаривать свысока — такие же усилия прилагает человек, беседуя с мусорщиками или строителями, — и в то же самое время вы раб этих людей и предоставляемых ими услуг.

С дилерами связана лишь одна существенная, приводившая меня в исступление проблема; она создавалась почти исключительно ими как отдельным классом людей и была способна довести всех остальных *до безумия*. Имя ей: Пунктуальность. Отсюда и цитата из Лу Рида[56], давшая название этой главе. Бедный, совсем недавно оплаканный нами король рока описал в ней хорошо знакомые мне часы ожидания на уличных углах, в кафе и барах, — часы, которые я проводил в гаданиях: да придут ли они вообще, *дьявол их подери*? Может, их арестовали? С моим номером в телефонной книжечке? Боже, прошу тебя, пусть я буду значиться там под кодовым именем…

Я знаю, вы предпочитаете считать дилера самым порочным звеном наркотической цепочки, но правда состоит в том, что бóльшую часть своего времени дилер тратит на попытки увильнуть от клиентов. Его телефон (в то время пейджер) зудит не переставая: «Мне нужны четыре грамма, сейчас, где встретимся?» «Будь в кафе, как обычно, в десять». «У меня нынче гости, нас шестеро, по два грамма каждому». И каждый дилер мечется от клиента к клиенту, собирая авансом деньги, с которыми он пойдет к *своему* поставщику (а это люди крупные, устрашающие, немногословные, в кредит они ничего не дают, и шутки с ними шутить себе дороже), заберет товар, вернется домой, разделит полученное на малые порции, которые позволят ему, если что, выйти сухим из воды, распределит все по пакетикам, а затем будет мотаться с ними по городу, по возможности незаметно сдавая пакетики своим клиентам. Да, конечно, рынок продавцов — спрос на нем вечно превышает предложение, — но жизнь дилера от этого легче не становится. Какая-нибудь настырная рок-звезда, карманы которой лопаются от денег, поймав дилера, скупает у него все, что тот имеет. «Но я же обещал Джеку, Рози, Биллу, Тому…» — протестует дилер. Попусту. И весь процесс приходится начинать заново. *Вот почему* они вечно запаздывают. И не диво, что Лу Рид написал ту песню.

Если вам сильно везет, «минут пять» дилера — это полтора часа. Ну что же, я полагаю, того, что украшает нашу жизнь, можно и подождать. Отсрочь наслаждение — и ты усилишь его.

«Того, что украшает жизнь»? «Наслаждение»? Ты с ума сошел, Стивен? Ты хочешь убедить читателя, что кокаин украшает жизнь?

Нет, не хочу. Поверьте. Я всего лишь пытаюсь создать хрупкое равновесие. Когда я начал баловаться коксом, жизнь моя была более-менее идеальна. Я наслаждался противоречившим здравому смыслу успехом.

А потому давайте просто вернемся еще разок к первому

вечеру, когда мой друг-актер познакомил нашу маленькую компанию с двумя дорожками кокса. Думаю (если я все правильно помню, вам же придется простить меня, если память моя сбивчива *или* если она верна) — думаю, что в те мгновения мне и захотелось, чтобы все видели во мне кокаиниста. Что за нелепая, невразумительная амбициозность! Если оглянуться назад, многие из выбранных мной «жизненных путей» были, с сегодняшней точки зрения, невразумительными, так что одним больше, одним меньше. Этот оказался, быть может, менее сенсационным, но не менее необъяснимым.

Через несколько дней после знакомства с «перхотью дьявола» — как метко обозначил Робин Уильямс мерцающий гранулированный дар, поднесенный Южной Америкой миллиардам людей планеты, — состоялось первое мое из ставших затем регулярными выступление в программе Неда Шеррина «Незакрепленные концы», которая шла субботними утрами по бибисишному «Каналу-4»; помимо меня в ней участвовали Эмма Фрейд, Виктория Мазер, Виктор Льюис-Смит, Брайан Сьюэлл, Роберт Элмс и многие другие. Я придумал для нее персонажа по имени Доналд Трефузис, представлявшегося членом кембриджского колледжа Святого Матфея и тамошним королевским профессором филологии. Я использовал его в качестве инструмента того, что можно описать как издевательскую или насмешливую неприязнь к тэтчеризму, к бедственному оболваниванию, которое начинало поражать Би-би-си. Мне было двадцать с небольшим лет, а насмешки, произносимые сварливым стариковским голосом, почему-то делали написанное мной куда менее оскорбительным. Обычный мой голос, которым я разговаривал в ту пору, поражает меня, когда я слушаю то, что уцелело в обрывках старых MP3-файлов или в YouTube, шальными интонациями юного выпускника частной школы. Вы будете счастливы узнать, что собрание размышлений профессора все еще допечатывается и продается в виде шедевра, именуемого «Пресс-папье». Идеальное чтение для уборной, книга, которая позволяет вам самому решить, как должны звучать голоса Трефузиса и других придуманных мной персонажей. Впадая в меркантильное настроение, я начинаю верить, что и начитанная мной самим аудиокнига тоже, быть может, еще встречается на прилавках. Выбирайте то, что вам по вкусу. Торг уместен. Реальное предложение может меняться. Правила и условия прилагаются.

Мне неудобно писать о людях уже умерших или разрушать сложившиеся у публики представления о них, однако, войдя в радиостудию на следующую после моего знакомства с коксом

субботу, я заметил, что в ноздре Того-Кого-Нельзя-Называть застрял пушистый белый комочек, а сам он время от времени шмыгает носом. В «Георге», пабе за углом от Дома радиовещания, — мы все сходились туда после записи — мне удалось отвести ТКНН в сторонку и робко осведомиться, не может ли он порекомендовать мне дилера.

— О, дорогой мой, — сказал ТКНН, опустил ладонь на мою ногу и почти жалостливо улыбнулся моей наивности, — нет ничего проще, обратитесь к Митчи.

Эту Митчи я хорошо знал и потому удивился, что столь блестяще образованная и начитанная особа распространяет незаконное наркотическое средство класса А. Поскольку покупать его мне еще не доводилось, я трясся от страха, когда позвонил ей и спросил, не найдется ли у нее КОФЕ и не смогу ли я, заглянув к ней, получить пару чашечек? Митчи, хихикнув, ответила, что найдется, что стоит он ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕНСОВ ЧАШЕЧКА при очень высоком качестве.

Стало быть, первая моя наркотическая сделка выглядела так: я еще раз позвонил Митчи из телефона-автомата, чтобы договориться о времени встречи, нашел банкомат, снял со счета 240 фунтов, что требовало в то время использования двух кредитных карт, и, поскребшись в дверь Митчи (совершенно уверенный, что на каждой окрестной крыше сидит по полицейскому снайперу), в скором времени оказался обладателем четырех граммов моего собственного запаса кокса, аккуратно и плотно завернутого в пакетики. Какая-то часть моей личности жаждет показать вам, как складываются эти упаковки, соорудив чертежик со штрихпунктирными линиями вроде тех, что объясняют, как складывать фигурки оригами, но, по правде сказать, я не думаю, что это необходимо или желательно. Смысл такого пакета в том, что его можно сложить из любого квадратика достаточно плотной бумаги без риска высыпания порошка из уголков упаковки. Некоторые дилеры (вы, пожалуй, сочтете их безрассудными храбрецами) используют для этого собственную писчую бумагу, украшенную их факсимиле. Годятся также лотерейные билеты и вырезанные из журналов квадратики с рекламой.

Митчи делала и делает очень успешную карьеру на радио, — думаю, в те дни она и ее тогдашний друг не без труда сводили концы с концами и этот маленький побочный бизнес помогал им не перебиваться с хлеба на воду. Я всегда питал к ним уважение слишком большое для того, чтобы использовать их в качестве постоянных дилеров, — мне это казалось оскорблением. Довольно скоро они познакомили меня с Нандо, который

обслуживал Петтикоут-лейн, и паб на углу, вблизи рынка, стал для нас постоянным местом встреч и проведения деловых операций. Нандо представил меня Миджу, а тот передал Нонни, так оно и шло, пока я не обзавелся целой сетью дилеров и не начал проводить день за днем с пакетиком-другим в кармане. У Нонни, девушки уже взрослой, товар был наилучшего качества. Чарли держала для «обычных» клиентов порошок низкосортный, а кокаином первейшего качества снабжала актеров, комиков, музыкантов, верных ей постоянных клиентов, залетных европейцев, трудновоспитуемых детей (насчет детей я, пожалуй, переборщил), супермоделей и аристократов.

Я нюхал кокс не потому, что страдал от депрессии или попадал в стрессовые ситуации. Не потому, что был несчастен (по крайней мере, я так не думал). Я нюхал его потому, что он действительно, действительно *нравился* мне. Большинство моих друзей кривились при мысли о нем или, по крайней мере, ограничивались от силы одной-двумя дорожками по уик-эндам. С годами они, я думаю, начали все *понимать* и волноваться за меня. Однако у меня были и друзья, принимавшие наркотики, весьма известные художники, музыканты, актеры, с которыми я регулярно встречался и играл в бильярд, и курил, и выпивал, и понюхивал — день за днем и еще раз за днем. Среди них неизменно находился кто-то разудалее меня, способный употребить одну за другой две, а то и три дозы, которых мне хватало на целую ночь, а через день появиться на съемках фильма свежим как роза. Даже и сказать вам не могу, насколько такие люди облегчали мне жизнь, отгоняя мысли о моей все возраставшей зависимости от порошка.

И помимо всего прочего, я, как и прежде, ставил работу превыше всего. Мы с Хью начали делать для Би-би-си «Шоу Фрая и Лори», и мне даже в голову не приходило писать, репетировать или играть перед камерами с кокаином в носу и в крови, — точно так же я не мог пропьянствовать весь день и заявиться в студию, набравшись под завязку. Кокс я оставлял «на сладкое», он был наградой за труды, а означало это, что я мог провести три-четыре часа в каком-нибудь клубе, членом которого состоял, осмотрительно (хотя, честно говоря, в те дни большой осмотрительности не требовалось) припудривая нос изнутри.

Большую часть времени я тратил там на бильярд и покер; аппетитом к еде я не отличался, зато отличался — и великанским — к спиртному. В отличие от МДМА и марихуаны кокаин, похоже, в большей, чем что-либо мне известное, мере повышает нашу способность вливать в себя крепкие напитки.

Я постарался сделать эту книгу по возможности

сбалансированной, иными словами, *правдивой*. Я не собираюсь выдавать на-гора длинный список знаменитых людей, с которыми делился дорожками, — это просто-напросто не мое дело. Я не хочу, чтобы книга обратилась в сопливую апологию или хвастливое «Кокс, вашу мать!». И потому должен честно сказать, что первые десять лет моей зависимости от кокаина никаких решительно хлопот мне не доставили. Временами, очень редко, мне случалось перенести или отменить назначенную на раннее утро встречу, однако, говоря вообще, я вел жизнь очень деятельную. Достатки мои возрастали, и в равной мере увеличивались возможности приобретения высококачественного порошка (отсюда и Нонни), а это тоже никак мне навредить не могло. Чем чище кокаин, тем реже ты страдаешь от поноса, тошноты и носовых кровотечений.

Заметно ли присутствие кокаина в твоей крови окружающим? Древние греки говорили: «Легче укрыть под мышкой двух слонов, чем катамита». Тут вам придется притормозить и немного порыться в словарях, чтобы понять, о чем я толкую. А это означает, что вы, проходя афинским рынком с мальчиком, с которым спите, — вашим наложником, или катамитом, — привлекаете к себе большее и вполне очевидное внимание, чем если бы шли с парой слонов. Примерно то же и с кокаином, во всяком случае, при хроническом его употреблении. Зубовный скрежет, предательски текущий нос, неудержимая болтливость, отсутствие аппетита. Сколь ни неприятно мне противоречить профессору Фрейду, одна дорожка ведет к другой, а та к третьей, но никак не к «отвращению». Большинству кокаинистов знакомо правило, связанное с этим порошком. Его либо не хватает, либо оказывается многовато. Если не хватает, вы начинаете в три часа утра обзванивать дилеров. Что не доставляет им ни малейшего удовольствия. Если оказывается многовато, вы упихиваете его в себя и теряете способность заснуть — до полудня, а то и до следующего вечера.

В чем мне еще повезло — и это как-то связано с моими амбициями, или с моей конституцией, или со смесью того и другого, — я всегда знаю, где следует остановиться, особенно если с утра меня ждет работа. Я, как правило, первым покидаю вечеринку, бормоча себе в оправдание что-нибудь о завтрашних съемках или о чем-то еще.

Как-то я стоял в клубе «Граучо» у стойки бара вместе с художником Фрэнсисом Бэконом, галеристом Джеймсом Бёрчем и неразлучными Гилбертом и Джорджем, которые сами по себе — произведения искусства{57}. Всем было очень весело, и вдруг Бэкон заказал бутылку.

— О, это не для меня, — сказал я. — Мне завтра рано вставать.

— Ну не будь мудаком, — сказал не то Джордж, не то Гилберт. — Выпей с нами, голубчик.

— Мне правда очень жаль… — упорствовал я.

Фрэнсис похлопал меня по плечу:

— Ты совсем как я, у тебя есть маленький человечек.

— Ну вообще-то я один живу.

— Нет-нет-нет. — Он постучал себя пальцем по виску: — Маленький человечек вот тут. Который говорит, когда надо остановиться и пойти домой. О, я знал многих одаренных людей, но у них не было человечка, который мог бы их остановить. Минтон, Джон Дикин, Дэн Фарсон[58]… все без человечка. Я тебя понимаю. Давай топай.

Я был глубоко тронут (и польщен, разумеется) этим признанием нашей общности и подумал о том, как мне повезло и с моим маленьким человечком, и с тем, что Бэкон увидел его во мне. Хотя, как знать, — может, он счел меня законченным засранцем и выдумал все это, чтобы избавиться от моего общества. Однако безусловная правда такова: Фрэнсис мог пускаться в безумные загулы, пить и пить, точно самоубийца, но затем *его* маленький человечек говорил: «Хватит, Фрэнсис. Пора в мастерскую». И он на четыре-пять недель возвращался к работе и создавал еще одно величайшее полотно. Насколько я знаю, наркотики никогда его не интересовали.

Впрочем, существует одна чудесная история, которую я слышал столько раз, что уверовал в ее правдивость. Если вы ее уже знаете, можете пропустить. Где-то в конце 1970-х Лайонел Барт, милейший, но, увы, злополучный композитор и поэт-песенник, создатель мюзикла «Оливер!», пришел на обед к Бэкону и его другу Джону Эдвардсу. Последние поневоле заметили, что Барт время от времени улезает под обеденный стол, после чего оттуда доносятся похрюкивание и шмыганье, сопровождаемые безошибочно узнаваемым шелестом пластикового пакета. Затем Барт вылезал наружу, извинялся и все трое продолжали веселую беседу.

Примерно через час он обнял на прощание хозяев, поблагодарил их и ушел. Джон и Фрэнсис (при тогдашнем фантастическом уже богатстве Фрэнсиса прислуги он не держал) начали убирать со стола.

— О, а это что такое? — спросил Бэкон, обнаружив под креслом Барта пакет с белым порошком.

— Господи, Фрэнсис, до чего ж ты наивен. Это кокаин.

— Ооо, ооо! И что нам с ним делать?

— Я знаю, что нам делать, — сказал в приливе вдохновения Джон. — Мы пойдем в «Бродягу».

«Бродягой» назывался хорошо известный ночной клуб на Джермин-стрит, принадлежавший великолепному Джонни Голду. В 1970-х там устраивались свадебные приемы — к примеру, Лайзы Миннелли и Питера Селлерса[31], туда часто заглядывали, чтобы выпить, шкодливые спортсмены наподобие Джорджа Беста, Джеймса Ханта и Витаса Герулайтиса, всякого рода модели (еще не получившие приставку «супер»), европейские плейбои в кашемировых кардиганах и киноактеры с обоих берегов Атлантики. Не «Аннабелз», конечно, не тот шик, но клуб был вполне сносный, не лишенный собственного характера и приятности. Он существует и поныне, однако без благотворного присутствия Джонни Голда.

В дверях нашу пару остановил внушительных размеров швейцар, который знал о Фрэнсисе Бэконе примерно столько же, сколько Фрэнсис Бэкон — о Кенни Далглише{59}.

— Извини, приятель, у нас битком. Очередь вон там, — сказал он Эдвардсу.

Отважный Эдвардс, который имел о клубных швейцарах представление, бывшее в те дни более-менее верным, показал ему краешек пакета с белым порошком:

— Не угодно ли?

— Секундочку, джентльмены… прошу за мной.

Швейцар подозвал своего подчиненного, увлек Эдвардса и Бэкона в маленькую нишу у дверей. Джон нерешительно протянул ему пакет, и швейцар, зачерпнув изрядную порцию порошка, пересыпал ее в пакетик поменьше, лежавший наготове в его жилетном кармане. Затем подвел обоих к уже занятому столику и быстро обратил его в незанятый, пророкотав «заказано» и широко поведя мускулистой рукой.

— Хуанито, лучшего шампанского моим друзьям…

Да, подумали Бэкон и Эдвардс. Вот это жизнь, ничего не скажешь.

Раболепный и словоохотливый Хуанито принес ведерко с «Дом Периньоном», разлил его по бокалам. Тем временем Джон и Фрэнсис нетерпеливо планировали скромное посещение мужской уборной, которая пользовалась, как они заметили, изрядной популярностью: очередь в нее, состоявшая из людей чарующих, широко известных, сохраняла постоянную длину.

Едва они сделали по глотку «Дом Периньона», как в зал с топотом спустился все тот же швейцар.

— Вы, двое, пшли вон! Сию же хлебаную минуту! И если я еще раз увижу ваши хлебаные хари, я из вас все дерьмо

повышибаю. Поняли, хлебаные долболобы?

Безутешные, гадающие, что могло пойти не так, они возвратились домой.

— А ты заметил, — спросил Фрэнсис, — что у него из ноздрей пена шла? Розоватая, как будто от крови. Это нормально?

Впрочем, они выбросили всю историю из головы, выпили вина — алкоголь был наркотиком, в котором они хорошо разбирались, — и легли спать.

На следующее утро позвонил, чтобы поблагодарить их за обед, Лайонел Барт.

— А кстати, — сказал он, — я не у вас пакет с фиксатором для челюстей оставил? Никак его найти не могу.

«Граучо»

Играем по правилам: Правила клуба «Граучо».

При появлении в Клубе Члену его надлежит приблизиться к столу Приема, дабы печатными буквами напечатлеть свое имя в регистрационной книге и расписаться в оной, — сей Древний Обряд надлежит исполнять перед вхождением в любые Помещения Клуба.

Использование в Клубе Мобильных, Сотовых, Портативных или Микроволновых Телекоммуникационных Инструментов есть анафема, проклятие, ужас, угроза и превеликое обременение, а потому его надлежит запретить повсеместно за вычетом Приемной и бара «Сохо», да и там оно допускается лишь до 5 пополудни. Пожалуйста, не забывайте об общепризнанной напасти Вызывных Сигналов и глушите все названные механизмы перед тем, как вступить в Помещения Клуба.

Правила Клуба строжайше запрещают внедрение в организм любых порошков, пастилок, трав, соединений, пилюль, таблеток, тонизирующих и стимулирующих веществ, тинктур, ингаляционных средств и каких-либо смесей, признанных Правительством Ее Величества незаконными Субстанциями какого угодно класса, — независимо от того, вводятся ли они орально, ректально,

интравенозно, интраназально или какими бы то ни было иными способами. Сие да будет ведомо всем.

Член может в любое время пригласить в Клуб до четырех (4) Гостей, за поведение коих и уважение ими Правил оный Член несет полную ответственность. Да будет понято каждым, что Гости допускаются в Бар лишь в сопровождении Члена.

Ношение Маек решительно неприемлемо и объявляется Правилами Клуба незаконным. В мире и так уж хватает горя.

Члены, выходящие на Дин-стрит, не расплатившись с Клубом, пятнают себя позором, весьма для них неприятным. По сей причине прежде, чем Член покинет Клуб, ему надлежит расплатиться по всем счетам и долгам перед Клубом.

Оплатившим же все названные счета и сборы Членам должно не забывать, что Сохо — это жилой район. Проявляйте благородство, участливость и доброту, покидая Клуб тихо и по возможности без скандала.

Клуб есть клуб. Место общения, в котором можно отдохнуть в окружении людей учтивых и дружелюбных. Уважайте воззрения таких же Членов, как вы, и позаботьтесь, чтобы и ваши Гости следовали этому Правилу. Да будут для вас девизами благожелательность и шарм.

С конца 1980-х, на протяжении всех сомнительных 1990-х и в начальные годы двадцать первого века мне представлялось немыслимым, что в Лондоне есть хоть один *не* принимающий кокаина человек. Всякий раз, увидев в ресторане, как кто-то встает из-за столика и направляется к мужской или женской уборной, я полагал, что он или она собрались нюхнуть. Писать, играть или заниматься чем-то еще, требующим упорного труда и сосредоточенности, кокс мне не мешал. Он был, как уже сказано, всего лишь заслуженным лакомством или пряной приправой, позволявшей мне часов пять-шесть наслаждаться дружескими попойками.

Привычным моим портом приписки был клуб «Граучо», ставший начиная с 1985-го (и оставшийся таковым поныне)

излюбленным местом почти всех, кто связан с издательским делом, музыкой, театром и искусством вообще. То есть людей, которых герой моего изданного в 1994-м «Гиппопотама»[32] Тед Уоллес желчно назвал «медиахедами»[33], — несколько позже к ним пристало глумливое обозначение «болтливый класс», придуманное болтунами какого-то другого класса, предающимися болтовне в других питейных заведениях.

Я не только написал официальные правила клуба (приведенные выше), но и вывел одним вечером конца восьмидесятых «Правило Граучо», гласящее, что любое замечание, изречение, сентенцию, афоризм или высказывание, какими бы мудрыми, благонамеренными, глубокими или истинными они ни были, можно вмиг обратить в смехотворную чушь, добавив к ним фразу: «Как сказал он прошлой ночью в клубе “Граучо”».

Таким образом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих цепей» — как сказал прошлой ночью Карл Маркс в клубе «Граучо».

Или: «Единственное, что нужно для триумфа зла, — это чтобы хорошие люди ничего не делали» — как сказал прошлой ночью Эдмунд Бёрк в клубе «Граучо».

И так далее. «Атенеумом»{60} этот клуб, конечно, не был, но и притязаний таких не имел.

Тони Макинтош (из норфолкской семьи производителей шоколада, давшей нам — среди прочих шедевров — «Карамак» и «Кволити-стрит») был в мире лондонского хлебосольства фигурой приметной, он многие годы возглавлял в Ноттинг-Хилл популярный ресторан «192», шеф-повар коего, Алистер Литтл, стал в середине 1980-х первейшим столичным художником сковороды и кастрюли. Макинтошу принадлежал и «Занзибар», очень симпатичное питейное заведение на Грейт-Куин-стрит, Ковент-Гарден. Именно там я научился стоять в очереди к одноместной мужской уборной. Сиденья на ее унитазе давно уж не было, крышки на бачке — тоже. Полагаю, таким способом Тони пытался отвадить наркоманов. Он хоть и был передовым и самым модным лондонским ресторатором (в этом слове нет буквы «н», сколько бы раз вам ни доводилось слышать «ресторантор»), но походил на добродушного и старомодного школьного воспитателя (а вот в последнем слове буква «ы» *есть*, хоть этот факт и малоизвестен), и я даже по сей день не могу с уверенностью сказать, догадывался ли он, что творилось в его заведениях. С определенностью знаю, что он был свидетелем того, как сошел с ума Кит Аллен{61}. Ладно, это я глупость сморозил. Мне следовало написать: «как Кит Аллен еще дальше отошел от ума». Этот одичавший валлийский смерч запрыгнул на

стойку бара и начал метать бокалы и рюмки в зеркало за бутылками и дозаторами. В итоге его перестали пускать в «Занзибар», пока последний не скончался, — впрочем, всего через несколько месяцев из черепков и праха его родился «Граучо».

Согласно изначальной идее издательниц Кармен Каллил, Кэролайн Мичел и литагента Эда Виктора, клубу предстояло стать местом, где авторы и их редакторы встречаются за утренним завтраком и беседуют, сидя в удобных креслах, без помех со стороны официальной церемонности вест-эндских клубов или отвлекающего мельтешения людей в гостиничных вестибюлях и ресторанах. То была эпоха круассанов, апельсинового сока и обворожительной новизны итальянского кофе. Стоит мне подумать о тех временах, как я вспоминаю мармелад и пирожные из слоеного теста. А вот вечера… вечера в этом клубе были совсем, совсем другими. К ним мы еще вернемся.

У Тони, человека кроткого, но несколько суховатого, имелись, как и у многих его более хватких коллег, помощники — совершенно лучезарное существо по имени Мэри-Лу Старридж (ее даровитый брат снял для «Гранады» эффектное «Возвращение в Брайдсхед») и Лиам Карсон, которому предстояло стать моим близким другом. Мэри-Лу, Лиам и их коллеги, в особенности сербка Гордана, обладавшая великим обаянием и голосом что твой фабричный гудок, следили за порядком и создавали атмосферу клуба, мгновенно ставшего пользоваться ошеломляющим успехом. А природа успеха такова, что люди, в клубе не состоявшие, не делали тайны из своего презрения к нему и к его показушно претенциозным, «пронырливым» членам. На самом деле единственными, кто на моих глазах вел себя в клубе «Граучо» безобразно и неприемлемо, были гости его членов — люди, которые, ошалев от такого количества хорошо известных лиц, перебирали (во всяком случае, могли перебирать в те ранние, безрассудные времена) по части выпивки. И члены, и персонал клуба знали, как себя следует вести.

Не могу отрицать — для меня он стал своего рода оазисом. Чем большую известность я приобретал, тем труднее мне приходилось в пабах. С годами положение все усугублялось. Всегда существовало вероятие того, что кому-то захочется угостить меня выпивкой. Делалось это очень мило и приятно, однако связывало меня по ногам и рукам. Отвечая отказом, я производил впечатление сноба — заносчивого и высокомерного; а принимая угощение, на полчаса отдавал себя в распоряжение того, кто его оплачивал. Невозможно же, получив от кого-то

бокал вина, удалиться в другой конец зала, напрочь забыв о дарителе. Поговорить с незнакомым человеком порой бывает приятно, но иногда хочется без помех провести время с друзьями. И потому пабы стали для меня местом запретным — кроме тех, что расположены в моем родном графстве Норфолк, жители которого обладают, похоже, врожденным пониманием того, что приставать к людям, знамениты они или нет[34], неприлично.

Жаль, конечно, что людей хорошо известных поносят за «неестественность» их поведения, не позволяющую им посещать обычные места вроде баров, — что бы при этом ни подразумевалось под «естественностью». Еду я покупаю в супермаркетах, все прочее — в недорогих магазинах, и нередко люди обращаются ко мне с нелепым вопросом — бывает, что и возмущенным: «А *вы-то* что *тут* делаете?» Меня так и подмывает ответить: «В бадминтон играю / пересдаю школьный экзамен по истории / вскрываю трахею Джереми Вайна{62}… А *вы*?»

Я говорил уже — в блоге, а может быть, в интервью, — что известность — вещь чудесная, чистой воды пикник. Ты мигом получаешь в модном ресторане столик, который другим приходится заказывать за неделю, или билеты на премьеры, спортивные состязания, по-настоящему интересные и волнующие мероприятия, имеешь возможность знакомиться с замечательными людьми из любых слоев общества. Однако ни один пикник не обходится без ос. Иногда эти осы не более чем досадная помеха, иногда тебе приходится хватать вещички и с воплями бежать в дом. Феллини в «Сладкой жизни» дал «светскому» фотографу имя Папараццо, напоминающее о нудно зудящем насекомом. Оса по-итальянски *vespa*, но это слово было уже занято{63}…

Конечно, папарацци могут быть докукой, особенно если ты находишься в обществе человека, никому не известного и не желающего, чтобы его фотография появилась в газетах с присовокуплением домыслов о том, кто он такой. Впрочем, сегодня все подались в папарацци, поскольку у каждого есть фотокамера, а качество их что ни год, то возрастает.

И по сей день папарацци-любители едва ли не каждую ночь дежурят у клуба «Граучо», у «Плюща», «Чилтернской пожарной станции», у «Аннабелз», на Хертфорд-стрит и у множества других «пристанищ богатых и славных». Им нужно лишь запечатлеть знаменитость блюющей, норовящей дать коллеге в морду или милующейся с неподобающим мужчиной либо женщиной, и недельная квартплата у них в кармане.

Один день из жизни клуба «Граучо»

Итак, вернемся в «Граучо». Я покажу вам один его день. На самом деле это сплав множества дней, но его, я думаю, хватит, чтобы дать вам представление о наивысших взлетах клуба — или о наинизших падениях, это как посмотреть.

Будем считать, что сейчас стоит солнечный осенний день начала 1990-х, уже переваливший за середину. Поздним утром я встретился в баре «Граучо» с издательницей Сью Фристоун, чтобы поговорить о моей новой книге, а сейчас завтракаю с моим агентом, Лоррейн Гамильтон, и она поверх рагу из барашка сообщает мне, что продюсер по имени Марк Сэмюэльсон хочет встретиться со мной, дабы выяснить, как я отнесусь к предложению сыграть в его новом фильме Оскара Уайльда.

Взволнованный и вдохновленный одной только мыслью о такой возможности, я отправляюсь в бар, чтобы выпить бренди. У стойки сидят, ритмично постукивая ступнями по подставке для ног и нервно озираясь по сторонам, двое замечательно миловидных молодых людей. Лет двадцати с небольшим, по моим оценкам.

Я всегда считал, что «Граучо» следует быть клубом самым что ни на есть компанейским, а открытое дружелюбие должно составлять неотъемлемую часть его характера. Людям необходимо чувствовать, что им здесь рады, что они у себя дома, что никто не смотрит на них свысока, не сторонится их. Это не означает, конечно, что всякий кому не лень может влезать в их разговоры. В общем, я решаю, что этим молодым ребятам не повредит пара успокоительных слов.

— Привет, — говорю я, опускаясь на табурет рядом с ними.

Они кивают и улыбаются.

— Судя по вашему виду, вы немного озадачены, а?

— Ну, — отвечает один из них, обладатель очаровательных мышиного тона волос, — это же клуб «Граучо». О нем столько рассказывают…

— О господи, — удивляюсь я. — И что же?

— Что он, знаете… — говорит второй, волосы у него совершенно черные, а глаза темно-карие, — не для таких, как мы.

— Да ерунда, — заверяю я. — Вы производите впечатление прекрасных молодых людей, в «Граучо» таких с распростертыми объятиями принимают. Вы чем занимаетесь?

— Мы музыканты, — отвечает первый. В его выговоре присутствует прелестный пародийный намек на кокни.

— А, ну тогда все в порядке. Вы в точности те, кто нужен клубу. Я позабочусь, чтобы ваши кандидатуры утвердили в два

счета. Замрите. Сейчас вернусь.

Я быстро иду в приемную и прошу — Лили, так ее звали? — дать мне две членские анкеты. И возвращаюсь, помахивая ими.

— Давайте-ка их заполним, — говорю я. — Так. «Профессия»?.. Музыканты. «Адрес»?.. Это вы сами впишете — и телефонные номера не забудьте. «Рекомендатель»?.. Это буду я. «Второй рекомендатель»?

Я окидываю бар взглядом.

— Тим! — подзываю я моего старого друга, завсегдатая «Граучо». — Иди сюда, подпиши рекомендации для этих отличных ребят. Это… простите, боюсь, имен ваших я не знаю…

— Алекс, — говорит обладатель черных волос и карих, карих глаз.

— Дэймон, — говорит тот, у которого мышиные волосы и — теперь я пригляделся к нему повнимательнее — замечательно синие, синие глаза.

— Они музыканты! — сообщаю я Тиму.

Он подписывает анкеты.

— Вы сейчас работаете над чем-то? — спрашиваю я. — У вас своя группа или что?

— Стивен, — говорит Тим, — это же Дэймон Албарн и Алекс Джеймс. «Блёр».

Мне это ни о чем не говорит.

— «Парк Лайф»?

— Да все в порядке, — говорит темноволосый Алекс и протягивает мне руку: — Большой ваш поклонник.

Рукопожатия, все выпивают по рюмочке. Я оставляю заполненные анкеты в приемной и там же сталкиваюсь с Хаки-Джо, еще одним дилером. Укромный обмен банкнот на маленькие плотные пакетики. Теперь я готов, как выражаются американцы, выйти и на медведя. Готов провести в «Граучо» вечер по полной программе.

А он набирает обороты. Дэймону приходится уйти, зато появляется Кит Аллен. С Алексом Джеймсом он уже знаком. Знакомству предстоит продолжиться и вылиться в долгую и плодотворную дружбу. Помимо всего прочего, они дали миру группу «Фэт Лес» и хитовый сингл «Виндалу», за что мир всегда будет испытывать к ним головокружительную благодарность.

О странном и удивительном Ките Аллене можно написать не одну страницу: начиная с конца 1980-х (после его «занзибарства»), на протяжении всех 1990-х и до середины 2000-х Кит проводил в «Граучо» бóльшую часть дней и ночей. Он мог быть оскорбительно грубым. «Одни люди — дерьмо, другие — полный блеск, — как-то сказал он в полный голос известному

телевизионному комику. — Ты — посредственность, что еще хуже. До охерения хуже». Оправиться после такого удара очень трудно. Я два часа просидел с бедной жертвой этого нападения, стараясь убедить ее, что получить отравленную стрелу от Кита Аллена лучше, чем получить целительный бальзам от серафима, что это комплимент высшей пробы. Кит был одним из зачинателей мира альтернативной комедии, и каждый, кто пришел туда после него или, быть может, Малколма Харди[35], был в его глазах ренегатом. В «Занзибаре», а затем в «Граучо» я месяцами уклонялся от знакомства с Китом. В один прекрасный день он подошел с выпивкой к моему столику, сел и объявил, что я — великий артист. До крайности неудобно. Едва ли не каждому, кого я любил и кем любовался, он говорил, что они законченные дрочилы, а все их потуги — дерьмо и его производные. Как прикажете принять комплимент от такого кошмара? Естественно, я, трусливо поджав хвост, принял его с благодарностью, и мы подружились, хоть я и продолжал побаиваться Кита. Грифф Рис Джонс{64}, человек образцовой силы и храбрости, однажды признался мне, что боится Кита до полусмерти. Их сблизил покер, которому они отдавали в «Граучо» долгие вечера. Грифф — человек непьющий и правильный (если не считать покер пороком), и то, что Кит принял его, следует полагать в высшей степени лестным.

Почему кто-то может хотеть понравиться человеку столь неотесанному, грубому, неуправляемому и устрашающему? — можете удивиться вы. Харизма, надо думать. Прославившийся своими любовными похождениями, а теперь и успехом детей (сын Альфи сыграл Грейджоя в «Игре престолов», дочь Лили пишет и поет песни), Кит отличается веселостью и смелостью, которые не могут не притягивать людей более осторожных и буржуазных — вроде меня. И что бы ни говорили ваши инстинкты, могу вас уверить: он очень верный и щедрый друг, на которого можно положиться в любой беде.

Мы решаем подняться в бильярдную. О, часы, часы, часы и часы, которые я в ней провел. Я обзавелся разнообразной оснасткой. Устройством для выставления шаров. Рестами, спайдерами и удлинителями кия. Мелом. Кий у меня был из наилучшего английского ясеня. Таких редко хватает больше чем на две недели — потом они ломаются или их крадут. Бильярдная в клубе была маленькая, полноразмерный стол помещался в ней еле-еле. Ради нанесения некоторых ударов приходилось чуть ли не открывать окно. Если ты хотел ударить по шару с той или другой стороны синей лузы, тебе приходилось просить всех

присутствующих присесть на корточки и тянуться над ними вправо или влево. Кокс, бильярд, водка, курево, разговоры.

Кто-то, спотыкаясь, ковыляет к нам по лестнице. Появляется молодой человек, круглолицый, с кустистыми бровями.

— Все вы — клепаные дрочилы, — с порога объявляет он. — А ты… — он тычет пальцем в Алекса, — где этот лысый индус?

Алекс сонно улыбается.

— Долдоны. Вам друг у друга и леденца-то не выиграть!

Странный пришелец хватает мой кий.

— Ты, — сообщает он мне, — голубой задрот.

— Верно, — говорю я. — В самую точку. Голубой задрот. Надо записать.

— Заткнись! — орет он, замахиваясь кием. Толстый конец кия врезается в потолок. Сыплется пыль.

Он роняет кий и бросается обратно к лестнице.

— Ну-ну, — говорю я. — Кто это, черт подери, такой?

Кит, взяв фломастер, залезает на стул.

— Одуреть можно, Стивен. Ты хоть *кого-нибудь* знаешь? Лиам Галлахер.

Он обводит кружком вмятину в штукатурке и приписывает рядом: «Метка мудака».

— «Оазис»! — восклицает Алекс. — Дурацкая шарашка, мы бацаем лучше.

— О, — выдавливаю я. — Ага. Ну да. Оазис. Понятно.

Ничего мне не понятно.

День переходит в вечер. Все новые люди, в том числе и множество особ, пользующихся дурной славой, — они никогда не могут купить или просто не покупают собственного припаса — появляются в бильярдной, чтобы окинуть тоскливым взглядом нас, со все возрастающей непринужденностью перепархивающих от стола к сортиру и обратно, неприметно выдувая из ноздрей остатки порошка. Неприметное посапыванье кокаиниста сильно смахивает на трубный рев слона и никого обмануть не способно — кроме него (или нее) самого. Так человек, напившийся виски, сует в рот мятную конфетку, или тот, кто испортил воздух, бросает полные подозрения взгляды на окружающих. Пустое притворство, кого оно может обмануть?

По-щенячьи просительные глаза халявщиков расстраивают меня. Кит, как обычно, игнорирует их. В бильярдную приходит, чтобы составить мне компанию в парной игре, Лиам Карсон.

Всего день назад я имел возможность понаблюдать за Лиамом в деле. Повседневное управление таким клубом, как «Граучо», требует решения проблем самых неожиданных. Как обходиться с печально известным завсегдатаем богемного Сохо

Дэном Фарсоном, когда он, пьяный, тащит проститутку мужеска пола к спальням наверху клуба? С блевотиной в самых неожиданных местах? С забывшими о скромности нюхачами, которые, подрывая нашу репутацию, сооружают дорожки прямо на обеденном столе? С лишившимися тормозов кутилами, которые полагают, что клуб доступен всем желающим, и рвутся в него после закрытия пабов («Граучо» владел лицензией на продажу спиртного до двух часов ночи)? Лиам обходится спокойно. Под его мирным, отчасти рыхловатым обличием кроется стальная ирландская решительность. Он — ученик легендарного Питера Лангэна, отца всех лучших лондонских ресторатора. Питер родил Лиама. Питер родил также Джереми Кинга и Криса Корбина, давших нам «Ле Каприс», породил «Айви», «Дж. Шики», «Уолсли», «Делоне», «Колбертс», «Пивную Зеделя», «Скоттс», группу ресторанов Марка Хикса и т. д. и т. п. Все, чем может гордиться лондонская индустрия гостеприимства, по прямой линии происходит от Лангэна.

Итак, прошлой ночью я сидел в заднем углу пивного зала «Граучо», болтая с Лиамом и потягивая водку с тоником «стройная талия»[36]. Лиам ублажал себя бокалом шардоне — в ту пору этот виноград и это вино еще не подверглись осмеянию, не были сочтены старомодными и не уступили место «Совиньон-Блан». Лиам был алкоголиком из тех, что полагают, будто вино можно пить ведрами, это ничего не значит. В счет идут только крепкие напитки. Наш разговор прерывает прибежавшая из приемной раскрасневшаяся девушка.

— Лиам, там какой-то жуткий оборванец пришел. В старом замызганном плаще, стоит, руки в карманах, и смотрит перед собой. Что нам делать?

Лиам неторопливо встает:

— Не волнуйся, дорогая. Сейчас разберемся.

— О, а можно я с тобой пойду?

Я еще не видел, как Лиам управляется с незваными гостями. Знаю, конечно, что грозить им и гадости говорить он не станет. Лиам человек добрый. А кроме того, одна из его задач — избегать скандалов.

В Сохо, где люди светские, знаменитые и преуспевающие обедают, выпивают и вообще процветают в такой близи к параллельному миру нужды, проституции и невзгод, типчики вроде меня испытывают горькую отрыжку либерального стыда, смущения и вины (от чего никому лучше не становится), это своего рода социальный кислотный рефлюкс — цена, которую мы платим за то, что ведем слишком приятную жизнь. Беднякам, должен сказать, от этого ни жарко ни холодно, они предпочли бы

получать от нас деньги, а не извинения, сопровождающиеся румянцем стыда и заламыванием рук.

Я следую за Лиамом, уже открывающим дверь, которая ведет из бара в приемную. Рядом со мной идет испуганная девушка, ей так же, как и мне, не терпится увидеть, как Лиам обойдется с «оборванцем», — словечко из детства, но чем его заменить? Бомж? Хобо? Перекати-поле? Это все как-то по-американски звучит.

Оборванец стоит спиной к нам, я вижу великоватый ему плотный плащ, в карманы которого засунуты его кулаки. Как только он оборачивается, Лиам радушно протягивает ему руку:

— Добро пожаловать, мистер Пачино. Чем можем быть полезны?

Девушка тихо тает рядом со мной, обращаясь в лужу. Понять ее ошибку нетрудно. Глаза великого актера сильно походят, если воспользоваться старинным выражением, на дырки, прописанные в снегу. На щеках щетина, «прикид» не из лучших. Возможно, вероятно даже, что он вживается в какую-то новую роль. Думаю, это было еще до его проекта, посвященного Ричарду III, но, может быть, Аль Пачино тогда уже думал о нем.

Ладно, вернемся к нашему вечеру вечеров. Мы с Лиамом играем в бильярд против Кита и Алекса, нашего нового ближайшего друга. К нам присоединился Шарль Фонтейн, шеф-повар великолепной «Знатной отбивной», что на Фарриндон-роуд, — ресторана «для рабочих», оставшегося более-менее неизменным с 1869 года. Ему, как и всегда, не терпится сразиться в покер, и потому мы решаем подняться еще выше, в «Клубную комнату», и там поиграть. Алекс извиняется, просит уволить его от этого и, переступая неторопливо и счастливо, спускается по лестнице. Чем-то он похож на Базуку Джо из комикса.

Шарль, француз и «горец», как ему нравится себя называть, — страстный покерист. Мастерства у него меньше, чем энтузиазма, но его это не останавливает. Мы играем в семикарточный стад, техасский холдем, пятикарточный стад, пятикарточный дро, омаху, хай-ло, «выбор сдающего». Наш карточный стол вогнал бы нынешнего пуриста в нервную дрожь. Мы даже позволяем сдающему назначать джокера. Колоды и деревянная «карусель» для фишек, пластмассовых, но вполне приемлемых, — сфера моей ответственности.

— Да, Стивен, — говорит мне Шарль, пока сдаются карты, — ты знаешь такого Питера Блейка? Я его купил.

— Виноват?

Шарль провел в Лондоне большую часть последних пятнадцати лет, работая в кухнях принадлежавшего Марку Хиксу

«Ле Каприс», тем не менее английский язык его далеко не совершенен. Впрочем, на этот раз понять его мне удается. Он купил то, что называется «декупажем», — составленную из бумажных вырезок картину, которую «Харперз-энд-Куин», или «Вог», или еще какой-то журнал в этом роде несколько лет назад заказал поп-художнику Питеру Блейку в качестве иллюстрации к статье. Шарлю удалось каким-то образом отыскать оригинал, и теперь он висит в одной из кухонь «Отбивной». Сейчас, в эту самую минуту, я, подняв взгляд от компьютера, вижу его висящим на *моей* стене. Месяц с чем-то назад Шарль позвонил мне из Испании, где он ныне владеет рестораном. У них там кризис, государственный долг, с деньгами туго, короче говоря, не хочу ли я купить картину? Мы договорились о цене, и картина стала моей.

Обычно игра в покер продолжается примерно с полуночи до четырех-пяти утра. Лиам запирает нас в «Клубной», а затем выпускает. Больше всего на свете он боится, что объявится его жена Габби и в очередной раз спустит с него шкуру. У них маленькая дочь, Флосси, и Габби страх как хочется, чтобы Лиам занялся чем-нибудь основательным, надежным, не связанным со спиртными напитками и наркоманами наподобие Фрая и его препротивных приятелей.

Впрочем, сегодня ночь особая. Около полуночи нас всех зовут вниз. На первом этаже начинается некое общее брожение. Двери из приемной в бар распахиваются, входит Дэмиен Херст, за ним владелец галереи Джей Джоплин, а за ним Сара Лукас, Трейси Эмин, Сэм Тейлор-Вуд и Ангус Файрхэрст.

Все они — ведущие фигуры МБХ, «Молодых британских художников», выпускники лондонского Голдсмитского колледжа. Коллекционируемые Чарлзом Саатчи, поносимые буржуазными таблоидами, эти ребята наделали в мире искусства немало шума.

Дэмиен, первый среди них в том, что касается эпатажности и славы, помахивает над головой листком бумаги — ни дать ни взять, вернувшийся из Мюнхена Невилл Чемберлен. Правда, на сей раз это не мирный договор, а чек.

— Вот! — восклицает Дэмиен, протолкавшись к бару и протянув чек через стойку. — Я только что получил долбаную Премию Тёрнера. Здесь двадцать кусков. Запирайте двери, а когда эти деньги кончатся, дайте мне знать.

Громовое «ура». Часов около шести утра бармен устало, но весело выдвигает со звоном ящик кассы и укладывает в него чек.

— Ваши двадцать кусков закончились, — сообщает он.

— Запишите на мой счет еще двадцать, — отвечает Дэмиен.

Новое «ура».

Проходит шесть часов, я сижу за столиком, потягивая «Кровавую Мэри». Клуб уже прибран, появилась новая смена. Из вчерашних гостей остались только мы, несгибаемые имбецилы.

Трейси и Дэмиен пытаются перещеголять друг дружку по части умения шокировать окружающих, в данном случае — начинающих сходиться к ленчу издателей в строгих костюмах.

— Ой! — восклицает сидящая на стойке бара Трейси. — Ты зачем мою волосянку пипиской обзываешь?

Ошеломленная, испуганная компания издателей улепетывает из бара.

— Вы знаете, — обращается Дэмиен к паре других, только что вошедших, — как пидор бабу дерет?

— Э-э-э?.. — Они, безусловно, знают, кто таков этот ужасный человек, и нисколько не хотят показаться ему людьми некомпанейскими. — Не знаю…

— Срет ей в манду.

Ah, les beaux jours…

Ach, die schöne Zeiten…

Бывали дни веселые…

Нет, я почти наверняка слил несколько дней в один. Думаю, Кит Аллен позвонит мне и скажет, что никак не мог играть со мной в покер тем вечером, когда Дэмиен получил Премию Тёрнера, поскольку был в Тейте на церемонии ее вручения. Алекс сообщит, что я порекомендовал его и Дэймона Албарна в члены «Граучо» в 93-м, а Дэймон заявит, что это произошло в 94-м. Память у каждого из нас устроена по-своему, однако никто, я думаю, не оспорит мою передачу духа того времени, каким бы вонючим ни показался он вашим ноздрям, каким бы разнузданным ни представился, а он как раз таким и был: мы бессмысленно тратили драгоценные часы, сорили деньгами, подвергали массовому истреблению клетки собственных мозгов, несли отвратительную чушь. Тогда мне все это нравилось. Я жил тем временем и мало чем еще. Но мне повезло, мне страшно повезло — у меня был мой маленький человечек. Я знаю это, потому что так сказал мне гениальный Фрэнсис Бэкон, — о чем я уже написал.

Воистину монументальные выпивохи, кутилы, прожигатели жизни и распутники Сохо предпочитали не «Граучо», а «Колониальное заведение». Когда Мюриэль Белчер основал этот клуб, одним из первых его членов стал Фрэнсис Бэкон. Великолепное изображение его крошечного, работавшего до поздних часов бара дал Дэн Фарсон, автор «Сохо пятидесятых» и «Священных чудовищ». После смерти Мюриэля Белчера его сменил бармен Йэн Борд. Широко известный под прозвищем Ида,

он обладал самым большим из виденных мной когда-либо рыхлым носом пьянчуги и был одним из очень немногих знакомых мне людей, которые и под конец 1980-х пользовались словечком «душечка», произнося его надтреснутым голосом завсегдатая палаточных лагерей шестидесятых годов. Впрочем, к тем, кто был ему особенно приятен, он обращался иначе: «противный». Кто-то, не помню кто, — может быть, Майкл, его помощник по бару, — рассказывал мне, что, когда Ида умер, прямо в клубе, на боевом посту, все увидели, пока он оседал на пол, как его огромный носище съежился, словно проколотый надувной шарик. Остановившееся сердце больше не накачивало кровь в прохудившиеся капилляры.

Джеффри Бернард{65} (чье пьянство легло в основу замечательной комедии «Джеффри Бернард нездоров», давшую многим последнюю возможность увидеть на сцене Питера О'Тула во всем его величии) начал в конце концов захаживать в «Граучо» чаще, чем в «Колониальное заведение» и «Французский дом» — еще одно пристанище старой гвардии, стоявшее по другую сторону Олд-Комптон-стрит. Когда я входил в клуб, он приветствовал меня неохотным, ворчливым «с добрым утром». Скорее всего, потому, что его племянница Кэйт Бернард была школьной подругой моей сестры. Мне всегда казалось, что поколение Бернарда — поколение первопроходцев — относится к нам как к дурачкам и простофилям. Алкоголикам-дилетантам. Да и кокаин они считали претенциозным и жалким. И разумеется, совершенно справедливо. Мы были любителями. А Бернард — вразумляющим примером для всех нас. Похожий на тонкий сучок, он был морщинист и хрупок, как Тифон, которого Зевс, в конце концов сжалившись над ним, превратил в цикаду. Каждый из нас чувствовал, что переломить его о колено проще простого. В последние свои годы он сидел у барной стойки в инвалидном кресле — в губах сигарета, в руке водка с содовой. Ему отняли сначала одну ногу, затем другую. Однажды я видел его в баре вместе с Дэном Фарсоном. Оба жили на почти идентичных диетах, состоявших из чистого спирта, и тем не менее один был округл, с красным, поблескивавшим, как надувной шарик, лицом, а другой — сух и тощ точно щепка.

Кончилось тем, что в «Граучо» стал появляться и Фрэнсис Бэкон, преодолевший, по-видимому, начальное недоверие к этому заведению. Электронную почту и твиттер тоже ведь встретили при их появлении на свет недовольными воплями и скептическими издевками — лишь затем, чтобы смущенно принять впоследствии, — точно так же встретили клуб «Граучо» и отцы-основатели упадочного Сохо: поначалу правоверные *roués*[37]

презрительно глумились над ним, но на закате своих дней приняли его с наслаждением.

Эхе-хе, а ведь с той поры прошло двадцать лет. Джеффри Бернард и Фрэнсис Бэкон умерли. Шарль Фонтейн живет и трудится на юге Испании. Алекс Джеймс перебрался из компании «Граучо» в Чиппинг-Нортон Дэвида Камерона и занимается теперь в Глостершире сыроварением, да еще и премии за это получает. И Дэмиен Херст тоже переселился в западные графства, и Кит Аллен. Из всех, кто состоял в МБХ, только Трейса Эмин да еще человека два-три и не гасят свечу богемной жизни. Правда, Трейса, насколько я знаю, ничего такого никогда через нос и не втягивала. Зато умела пить. Что умела, то умела.

Люди, их группы, движения, силы порою слепляются в шар, который укатывается в историю. А затем наступает время угасания огня. И какая-нибудь великая масса ссыхается, съеживается, точно лиловый, рыхлый нос Иды. Многие считают брит-поп и МБХ чем-то пустым, несущественным. Но черт подери, как весело было наблюдать их изнутри — изумленно и радостно.

Ныне и вот уже много лет клуб «Граучо» чист так (я о наркотиках говорю), что чище и не бывает. В уборных его и следов белого порошка не отыщешь; никто не сидит на стойке бара, шокируя вновь пришедших кошмарными, хоть и до жути смешными анекдотами. Лауреаты Премии Тёрнера в нем больше на ночь не запираются — с 1995 года. Однако выпить-закусить в клубе по-прежнему приятно. Теперь им управляет Берни Кац, Князь Сохо. Росту в нем (при высоких каблуках) — четыре фута, однако он способен не задумываясь влить в себя четыре, опять-таки, стакана выпивки, и хоть бы хны. Каждый год там проводится викторина (для которой я время от времени придумываю вопросы), вечеринка персонала, во время которой особенно уважаемые члены клуба исполняют обязанности официантов, кухонной обслуги, распорядителей и барменов, и «Представление для своих», позволяющее собирать деньги для бездомных Сохо. Висящие на стенах картины изобличают давнюю связь клуба с Херстом, Эмин и прочими. Вообще-то говоря, они неприметно привинчены к стенам, поскольку стоят теперь бешеных денег. Кто-то, быть может, и сожалеет о прежних днях, когда и дым стоял коромыслом, и спиртное лилось рекой, и кокаин у всех из носов сыпался, но ведь все течет, все изменяется. Придет время новой круговерти и крутизны — придет и тоже уйдет. Тем-то и хороша старость: ты начинаешь понимать циклическую природу моды, политики и искусства.

Заметки о карьере в шоу-бизнесе

С середины 1980-х я начал проводить за письменным столом более-менее значительное время, а после бродвейской и австралийской премьер мюзикла «Я и моя девушка» попал в лапы настойчивого, обладавшего мертвой хваткой продюсера по имени Дэн Паттерсон. Следует сказать, что было это еще до моих кокаиновых дней. Сейчас мы приглядываемся году к 85-му, не то 86-му.

Мы с Дэном познакомились, когда он сменил на Би-би-си продюсера радиокомедий Пола Мейхью-Арчера, чтобы приобрести затем известность постановками множества серий «Моей семьи», в которой играл звезда мюзикла «Я и моя девушка» Роберт Линдсей. С Полом я работал в нескольких сериях комедии «Специальные изыскания», играя злополучного, занимающегося независимыми расследованиями журналиста. Тексты писал Тони Старчет, а запись производилась, что для радио необычно, «на месте действия». Последнее означает, что Пол вместо того, чтобы использовать стандартные звуковые эффекты — гравийную дорожку и трехтекстурную лестницу (дерево, камень, ковер) для записи звука шагов, автономные дверцы автомобилей, двери спален и парадные двери, которыми были оборудованы студии, — решил разнообразия ради затаскивать звукозаписывающее оборудование на крышу «Бродкастинг-Хауса», или на улицу Портленд-плейс, или в какой-нибудь чулан, или в шумную редакцию радиопрограммы вроде «Часа женщины» или «Мира как целого».

Дэн Паттерсон приходил в студию, чтобы посмотреть, как идет работа, набраться опыта, и секунду спустя начинал бомбардировать меня вопросами. В Оксфорде, где его отец, Дэвид, был профессором гебраистики, Дэн видел наши кембриджские «Огни рампы» 1981 года и теперь цитировал наизусть огромные их куски. Совсем недавно он побывал в Америке, и там перед ним раскрылся, словно некий прекрасный цветок, новый мир импровизационной комедии. Теперь, вернувшись домой, он надумал стать продюсером. Мне еще не доводилось встречать такого неистово возбудимого, увлеченного, убедительного и полного решимости молодого человека.

Я и ахнуть не успел, как он уломал меня написать шесть радиокомедий для нового сериала, который должен был строиться на импровизациях, столь поразивших Дэна в Америке. Сериал получил название «Чья это строчка, в конце-то концов?» — оно обыгрывало название нашумевшей пьесы и фильма «Чья

это жизнь, в конце-то концов?». Ведущим шоу стал Клайв Андерсон, который учился в Кембридже вместе с Гриффом Рисом Джонсом и прочими, но избрал свой путь, юриспруденцию, — он готовился к адвокатуре, был призван в коллегию адвокатов — или туда не призывают, а включают? В общем, он стал барристером.

Вторым и последним постоянным участником шоу был Джон Сешнс, феноменально одаренный имитатор (он регулярно появлялся в «Вылитом портрете»), чьи моноспектакли сочетали в себе пародию, глубокие познания и почти невероятные по живости и поэтичности тексты.

Это шоу пришлось его дарованию в самую пору. Он мог не сходя с места пересказать историю Красной Шапочки в манере Эрнеста Хемингуэя, или Д. Г. Лоуренса, или любого автора, актера, да хоть и рок-звезды, имя которой подбрасывал ему Клайв или кто-нибудь из помиравшей со смеху студийной публики. Все кто угодно — от Энтони Бёрджесса до Кита Ричардса, подхватывая попутно звезд мыльной оперы «Жители Ист-Энда» и «погодных» дикторов Би-би-си, — перемалывались в пыль жерновами его замечательного имитаторского искусства. Мало-помалу в шоу начали появляться и милейший Тони Слаттери, которого я знал по временам «Огней рампы», и Джози Лоуренс, чьей специальностью были импровизации текстов и музыки песен, — ей помогал в этом пианист Ричард Врэнч, также сотрудничавший с нами в Кембридже; его замечательный слух и талант импровизирующего аккомпаниатора и по сей день служат постоянным подспорьем для исполнителей лондонского клуба «Камеди Стор». Насколько я помню, — и ничто не заставит меня прослушать хотя бы минутную запись шоу, чтобы подтвердить это воспоминание, — сам я всего лишь стоял тогда у микрофона, повторяя «клево» да время от времени отпуская какую-нибудь шуточку.

Успехом шоу пользовалось замечательным, и вскоре его, как и множество других радиокомедий (включая «Специальные изыскания», переименованные по причинам, которых я не помню, в «С вами Дэвид Лэндер»), перенесли на телевидение. При этом я заартачился, с неохотой согласившись появиться в шоу лишь дважды. Оно прославило Джона, Тони, Клайва и Джози, сделав их имена известными в каждом доме страны, — ну, во всяком случае, в тех чистеньких сосновых домах, где обитали в ту пору телезрители среднего класса. Появиться вторично я согласился лишь потому, что вместе со мной должен был выступить Питер Кук. Мы оба слегка перебрали спиртного и чувствовали себя до крайности неудобно. Наисмешнейший из живущих ныне людей,

мастер экспромта, обладатель самого блестящего остроумия, какое мне когда-либо встречалось, оказался решительно не подготовленным к испытаниям телевизионным шоу. То же можно сказать и о Питере. *Шучу*.

Думаю, расставленные по сцене стулья — вот чего я не смог снести. Подняться с такого — все равно что быть вызванным к доске в какой-нибудь кошмарной начальной школе. Мания стула (как-то неправильно это звучит) не покинула Дэна и в его чрезвычайно успешном шоу «Насмешка недели».

Зато другую программу, в которую запихал меня Дэн, — ну, особенно тужиться ему не пришлось — я придумывал сам. Называлась она «Субботний вечер с Фраем», ее и сейчас можно отыскать в интернете, и, хоть и не стоило бы мне говорить это, я по-настоящему ею горжусь. Все ее эпизоды до единого я в огромном приливе энергии написал за неделю с небольшим — думаю, мною владело настоящее вдохновение. Вся моя любовь к радио, любовь, которую я питал с самых ранних лет, вылилась в сочинение этих сценариев. Помогало и то, что в программе уже согласились участвовать Хью, Эмма и несравненный Джим Бродбент{66}.

В то время я делил с Хью, его подругой Кэти Келли и Ником Саймоном, нашим общим кембриджским другом, дом в Долстоне. Я уже рассказывал в «Хрониках Фрая» о том, как наш новый друг Гарри Энфилд порекомендовал нам двух маляров-декораторов, Пола Уайтхауза и Чарли Хигсона, оказавшихся людьми на редкость талантливыми и занятными.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что время это было для меня очень продуктивным. Помимо «Субботнего вечера с Фраем» я время от времени сочинял статьи для журнала «Арена» и еженедельные колонки для «Лиснера». Одна из них, называвшаяся «Поражение Тэтчер» (слабоватая отсылка к театральному сочинению[38] Дэвида Хэйра «Поражение Гитлера»), была более чем грубоватым призывом к Нилу Кинноку{67} демонстрировать больше твердости, уверенности и самообладания, общаясь с Маргарет Тэтчер во время происходивших тогда раз в две недели парламентских словесных дуэлей, которые назывались «Вопросы к премьер-министру», или ВПМ. «Ему нужно создавать впечатление, что должность лидера оппозиции — лучшая, какую можно получить при нынешнем режиме, — писал я (маловразумительная чушь, вообще-то говоря). — Он должен улыбаться, а не рычать, должен, услышав очередную ее грубость, глупость или пошлость, насмешливо покачивать головой, а не вопить во всю глотку, пуская изо рта пену праведного негодования».

Я очень порадовался, получив через несколько дней письмо с оттисненной на обороте конверта зеленой герсой, геральдическая роскошь которой говорила, что пришло оно из палаты общин. Нил Киннок приглашал меня в свою команду речеписцев. По-моему, он повел себя очень классно: какой-то стервозный оксбриджский выскочка вылезает с критикой его поведения, а он, вместо того чтобы отмахнуться от нее, приглашает автора в свою команду. Не могу сказать, что я действительно написал когда-либо целую речь для него или для двух следующих лейбористских лидеров — Джона Смита, любимого всеми, кто его знал, вырванного из жизни сердечным приступом задолго до положенных сроков, и его преемника Тони Блэра, которого любили… ну, в общем… Скажем так, после его победы в 1997-м шутки кончились. Писать что-нибудь для побежденного до бесконечности интересней и забавней.

Пожалуй, я все же немного посплетничаю, но без особой грязи. Скандальные разоблачения пусть дожидаются моей смерти. В 1997-м, через несколько недель после его избрания премьер-министром, Тони и Шери прислали мне приглашение на обед в «Чекерсе», загородном доме премьер-министра *ex officio*[39]. Обед назван был в приглашении «неформальным», что в причудливом мире британского этикета означает «смокинг не требуется». Как правило, фраза «мы к обеду не переодеваемся» подразумевает просто темный костюм. Ну, во всяком случае, так это понимаю я, взращенный в нелепой и сверхизысканной британской традиции. Да, вы правы: втайне я ее люблю. И не втайне тоже.

Случилось так, что в величавый тюдоровский особняк я заявился первым. Хорошенькая, немного нервничавшая блондинка из ЖВС (на такого рода мероприятиях попеременно работают военнослужащие то мужского, то женского пола) провела меня в огромный зал. Минут пять я потягивал херес, любуясь мебелью и прочим, а затем по лестнице сбежал ставший двадцать дней назад премьером Тони Блэр, чьи ланьи глаза давно уж закрепили за ним прозвище «Бэмби», — сбежал и, увидев меня, заскользил по полу и замер. Одет он был в джинсовую рубашку и хлопчатобумажные штанцы.

— О, — произнес он, — разве в приглашении нет слова «неофициальный»?

— Я понял его так, что можно обойтись без смокинга, — ответил я.

Он, по-моему, перепугался:

— Думаете, то же подумают и все остальные?

— Весьма вероятно, — сказал я.

Тут появилась Шери, и после длительных переговоров премьер-министр отправился наверх, переодеваться.

Все остальные и вправду приехали облаченными в то, что носит отвратительное название «пиджачная пара». Неведение Тони (как он всегда просил себя называть) в подобных материях представляется мне трогательным. В конце концов, все это глупый снобизм, невесть зачем придуманный.

Мне очень понравилось, что Блэры пригласили Бетти Бутройд, бывшую тогда спикером палаты общин, и математика Джайлза Вильсона, сына Гарольда и Мэри Вильсон{68}. Вильсон-младший никогда не возвращался в этот дом, где он, можно сказать, вырос, да и Бетти, бывшую спикером и при Тэтчер, и при Мейджоре, в «Чекерс» ни разу не приглашали.

Помнится, я тогда переусердствовал по части очень хорошего коньяка, подарка Жака Ширака, который неделей раньше стал первым за премьерство Блэра гостем «Чекерса». Поднявшись после обеда наверх, я увидел красную шкатулку — каждый член правительства получает такую в конце рабочего дня от своих служащих. Я знал, что в ней лежат документы, над которыми работают наши лидеры. Красной кожи шкатулка с оттиснутым на ней королевским гербом — это один из великих мистических фетишей британской политики. Поскольку никто за мной не наблюдал, я совершил что-то вроде государственной измены — щелкнул запорами шкатулки и поднял ее крышку. И несколько изумился, хоть и непонятно с чего, увидев в шкатулке не документы, а клавиатуру ноутбука. Изумился главным образом потому, что знал: Блэр ничего в компьютерах не смыслит, хоть и призывал во время избирательной кампании дать «каждому ребенку по ноутбуку». Что же, увиденное мной было знамением времени.

Моя работа на Лейбористскую партию, начиная со времен Нила Киннока и далее, состояла в сочинении того, что я называл «вставными модулями», — абзацев на любые темы, которых Джонатан Пауэлл или кто-то еще из сотрудников Нила/Тони считали необходимым коснуться. Рад сообщить, что я не имел никакого отношения к катастрофическому «Шеффилдскому триумфализму» 1992-го, который, как считают многие, уничтожил шансы Киннока на победу над Джоном Мейджором; не стану также утверждать, что хотя бы что-то из сочиненных мной «модулей», предложений, фраз или отдельных слов оказало какое-либо воздействие на британскую политику. Скорее всего, людей, инстинктивно находящих «лейбористских выпендрежников» отвратительными, сочиненное мной лишь еще пуще раздражало, чем привлекало в партию. Мысль о том, что

кто-то может проголосовать за консерваторов только потому, что к этому призвал нас Кенни Эверетт или, оборони бог, Джимм Сэвил, вне всяких сомнений, нелепа и оскорбительна. Именно по этой причине мне всегда хотелось, чтобы в списке приметных сторонников лейбористов имя мое не фигурировало.

Раз уж мы принялись сплетничать, почему бы не расправиться заодно и с Его Королевским Высочеством принцем Уэльским? Тем, кто хорошо знает такого рода вещи, наверняка известно, что я — большой поклонник ПУ, и, хочется верить, взаимно. Это озадачивает, приводит в недоумение, гневит и расстраивает людей, полагающих, что я либо не вижу вопиющих, с их точки зрения, недостатков принца, либо прислуживаюсь институту, который они считают достойным только презрения, и пытаюсь представить его в выгодном свете. Я вовсе не собираюсь защищать в этой книге монархию — институт, который, естественно, представляется многим странноватым. Мой взгляд таков: раз уж она у нас есть и доставляет столько удовольствия столь многим — особенно живущим вне ее, — отказываться от нее было бы глупо. Чью оборотную сторону стали бы мы лизать, если бы отправляли письмо в Британской республике? Уильяма Хейга? Гарриет Гарман?{69} Много ли удовольствия доставит избранный Британией президент главам правительств других стран, когда они будут приезжать к нам с государственными визитами? Когда дело коснется борьбы за торговые преимущества, «Ягуар» базовой комплектации и костюм из универмага «Марк-энд-Спенсер» никакого перевеса нам не обеспечат — в отличие от карет, корон, скипетра и геральдического горностая. И президента-лейбориста, и президента-консерватора половина страны будет презирать просто-напросто по определению, а вы можете поставить последний ваш доллар на то, что, стоит нам обратиться в республику, как политики ограничат наш выбор двумя основными партиями, поскольку других, почитай, и не будет. И сейчас, когда я это пишу, одной из них вполне может стать Партия независимости Соединенного Королевства. Прелестно.

Помимо прочего, мне страшно нравится традиция, в силу которой премьер-министр обязан еженедельно посещать монарха и использовать его или ее как эхо-камеру. Американцам я объясняю, что у них эквивалентом этой традиции стало бы еженедельное посещение президентом Дяди Сэма — при условии, что этот всемирно признанный символ их государства был бы самым настоящим бородатым дяденькой в полосатых штанах и расшитом блестками сюртуке. Если человек, обладающий

властью президента или премьер-министра, обязан объяснять, что он делает, что предписывает, как откликается на тот или иной кризис, другому человеку, который представляет страну на свой, никому больше не доступный манер, думаю, это не позволяет первому из них так уж упиваться властью.

Однако вернемся к нашему предмету. Многие люди знают о военной истории больше принца Уэльского; многие знают больше об архитектуре; многие знают больше о сельском хозяйстве; многие знают больше о живописи; многие знают больше о вождении самолета; многие знают больше о хождении под парусом; многие знают больше о верховой езде; многие знают больше о садоводстве, сыре, географии, ботанике, энвиронике и так далее, и так далее, и так далее. Вы уже поняли, куда я клоню. Могу честно сказать, что еще не встречал человека, который знает больше обо всем этом вместе взятом. Что и делает его — во всяком случае, для меня — приятным и интересным собеседником. Он оказывается на две головы выше меня, когда речь заходит об окружающей среде и сельском хозяйстве, однако существует множество вещей, по поводу которых я с ним коренным образом не согласен. Гомеопатия, вот вам один пример, а то, что представляется мне опасным инстинктивным недоверием к науке и пристрастием к «вере», — другой. Но ведь если бы несогласие в таких материях вело к нареканиям и разрывам, то, как сказал один неглупый человек, кто бы ушел от порки?{70}

Мы познакомились около 1990 года, когда ему представляли после какого-то комедийного шоу выстроившихся в шеренгу исполнителей, среди которых был и я. Принц слышал (думаю, от Роуэна Аткинсона), что у меня есть дом в Норфолке, неподалеку от королевской усадьбы в Сандрингеме.

— Сколько я знаю, мы с вами соседи, — сказал он.

— Так и есть, сэр, — ответил я. (О! Напомните мне, чтобы я рассказал историю про Пенна Джиллетта. Она вам понравится.)

— Мы без ума от Норфолка, — сказал принц. И лучше сказать не мог.

— Вы просто обязаны заглянуть ко мне на Рождество, — ответил я, знавший, что это время королевская семья обычно проводит в Сандрингеме.

— Верно, верно, — промурлыкал он и шагнул к следующему в шеренге актеру.

Я, конечно, и думать об этом разговоре забыл. В то Рождество мой норфолкский дом заполнили гости. Человек пятнадцать, по-моему. В самый канун Рождества мне каким-то образом удалось запастись подарками для них (обертывание и обвязывание

подарков скотчем на бильярдном столе — идеально подходящей для этого поверхности — потребовало от меня усилий фантастических), я сварил каштановый суп, зажарил индейку и приготовил старый испытанный пудинг, украшенный, как у Диккенса, рождественской веткой остролиста, воткнутой в самую его верхушку{71}. Последовала неделя игр, кинопросмотров, прогулок. Я в такое время обходился без порошка, от чего оно делалось еще более приятным.

Одним утром я готовил голландез для яиц по-бенедиктински — завтрака, искусство приготовления коего я, с гордостью могу сказать, освоил до степени профессионального совершенства. Голландез, как и майонез, и любой эмульсированный соус, требует сосредоточенности. Если вы слишком быстро вливаете растопленное масло в яичные желтки, смешивания не происходит. Масло должно течь тонкой, равномерной струйкой. Этого я и добивался, когда зазвонил телефон.

— Кто-нибудь, возьмите трубку!

Четырнадцать человек дремлют, отмокают под душем или онанируют… и хоть бы один подошел к чертову телефону.

— Ну что, никто не способен? А, ладно!

Я бросил голландез на погибель, подошел к телефону и, содрав с него трубку, раздраженно рявкнул:

— Да!

— М-м, не могу ли я поговорить со Стивеном Фраем, пожалуйста?

— Это он и есть.

— О, а это принц Уэльский.

Мгновение. Один удар сердца, не больше. И за эту короткую череду миллисекунд мой мозг приказал моим губам произнести такую фразу: «Иди в жопу, Рори!»

Однако человек, непонятно каким образом, всегда понимает, что разговаривает он именно с тем, чье имя услышал, а не с Рори Бремнером или каким-то еще имитатором, сколь бы искусен тот ни был. И тот же самый мозг послал приказ еще более быстрый, нагнавший первый и его отменивший.

— Здравствуйте, сэр! — удалось выдавить мне. — Боюсь, вы застали меня за приготовлением голландского соуса…

— О. Мне очень жаль. Я вот подумал, м-м, подумал, не поймать ли мне вас на слове и, м-м, не приехать ли к чаю в ваш дом?

— Конечно. Это будет замечательно. Абсолютно чудесно. Когда вас ждать?

— Как насчет новогоднего дня?

— Великолепно. Жду с нетерпением.

Я осторожно опустил трубку на аппарат. Таааак.

Выйдя в прихожую, я на манер Рика или Майка из «Молодых» завопил: «Общий сбор!» На верху лестниц начали медленно появляться люди, они ворчливо поползли вниз — совсем как гости в сцене пожарной тревоги из «Башен Фолти». Времени было часов восемь утра, и я давно привык к неприязни и раздражению, которые порождаются моим обыкновением весело вспархивать с утра пораньше. Большинство людей — совы и глаза продирают с трудом.

— Так, прошу у всех прощения, но послезавтра к нам приезжает на чай принц Уэльский.

— А, ну еще бы.

— Ха, на хер, ха.

— И ради *этого* ты меня разбудил?

Я поднял перед собой руку:

— Серьезно. Он вправду приедет.

Но моя аудитория уже утратила ко мне интерес — все подтянули пояса халатов и полезли по лестницам вверх.

Поверили мне только на следующий день, когда к дому подкатил темно-зеленый «Рейндж-Ровер». Двое вылезших из него детективов с собакой от души поприветствовали предложенный им чай и обошли дом в поисках… чего именно, мы понять не смогли. Завершив беглую проверку его благонадежности и поглотив множество шоколадных печеньиц, они уехали. Гости столпились вокруг меня.

— Ничего себе!

— О господи!

— Мне же надеть нечего!

Все мы, взрослые люди, традиционно и с приятностью придерживались, не опускаясь, впрочем, до грубостей, левых взглядов, однако теперь разволновались и возбудились, как заслышавшие звон поводка щенки биглей.

На следующее утро мы встали рано. До сих пор не могу понять, почему я не сфотографировал пылесосившего ковер Хью Лори. По нынешним шантажным расценкам такая фотография принесла бы мне миллионы. Ну да ладно[40].

Все отполировано, подметено, отчищено, вымыто, навощено и пребывает в полной готовности. Чайные чашки расставлены, чайники ждут на самых мощных конфорках «Аги». Хлеб, оладьи, булочки осталось лишь слегка подрумянить. Масло вынуто из холодильника. Банки с домашним вареньем из черной смородины и лимонным мармеладом (скопившиеся за два Рождества подарки свояченицы моего брата). Бутерброды нарезаны. Мед! Я же знаю, он любит пить чай с медом! Где-то удается отыскать банку с

жидким медом. А он не выдохся? Мед выдохнуться не может, заверяют меня, — факт, годы спустя подтвержденный одним из «эльфов» программы *QI*[{72}]. В ящике буфета обнаруживается деревянная ложка для меда. И там же — отличное чайное ситечко, серебряное, как полагается, а я-то думал, что в доме только одно и есть, довольно безвкусный «Подарок из Ханстэнтона». Еще один чайник и большой кекс для охранников, которые будут сидеть на кухне. О господи, не перестарались ли мы? Торт «Баттенберг»… черт, он может подумать, что мы над ним издеваемся. Его же в детстве прозвали в семье Баттенбергом[{73}].

Мы покидаем кухню и всей оравой перетекаем в гостиную, за раздернутыми шторами коей видна подъездная дорожка. На улице темно, разумеется, — еще с первых послеполуденных часов. После кратчайшего в году дня прошла всего неделя с небольшим. Внимательный к любым мелочам Хью утаскивает корзину для поленьев, чтобы пополнить ее. Огонь, конечно, ревет в камине изо всей мочи, однако дров никогда не бывает слишком много. Джон Кантер, писатель и мой друг, проверяет искусно расставленные по гостиной свечи. Я, постаравшись пошире раздвинуть шторы одного из окон, смотрю в ночь. Ким и Аластер раздвигают другие, хихикая, точно японские школьницы.

Головные огни машины пронзают, как в романах Дорнфорда Йейтса[{74}], воздух и прометают зеленые изгороди. Минуя, однако же, подъездную дорожку. Все поглядывают на часы. Может быть, мы все же стали жертвами некоего колоссального розыгрыша?

Впрочем, мы и опомниться не успеваем, а уж слышим, как две машины, прошуршав по гравию, останавливаются перед парадным крыльцом.

— Ну так, — говорю я, — давайте…

Все остальные улепетывают. Драпают. Уносят ноги.

— Трусы! — успеваю крикнуть я, прежде чем замереть, сглатывая слюни и тяжело дыша, на коврике у двери.

Звонит дверной колокольчик. Если открыть дверь сразу, они решат, что я торчал у двери, как добропорядочный кот, коим я и являюсь, поэтому я, желая упразднить это впечатление, считаю до пятнадцати и в самом начале второго звонка распахиваю дверь, улыбаясь:

— Ваше Королевское Высочество…

— Привет. Надеюсь, вы не будете против — я привез с собой жену.

Из темноты выступает принцесса Диана. Голова ее чуть опущена, она глядит исподлобья — на манер, множество раз зафиксированный Марио Тестино и тысячью других фотографов.

Глаза ее улыбаются мне из-под ресниц.

— Здравствуйте, Стивен, — прелестнейшим образом мурлычет она.

Я провожу их в гостиную. Они осматриваются, хвалят мой дом. В нем шесть спален, коттеджем его никак уж не назовешь, и все-таки он легко поместился бы в половинке любого из флигелей Сандрингема. Ладно, это мой дом, я купил его на заработанные мной деньги, а не в наследство получил, стало быть, стыдиться мне нечего. Не уверен, правда, что «заработанные» — слово правильное, однако сейчас не время вдаваться в такие детали.

Один за другим появляются мои гости — совершенно как пугливые, голодные звери выползают в зоопарке из своих укрытий, когда наступает время кормежки. Пока они представляются королевской чете, я показываю полицейским ведущую в кухню заднюю дверь. Нет ли в этом грубости, неуважения? Обиды они не выказывают, так ведь наверняка и не стали бы. Ну, в конечном счете, когда они уехали, от кекса не осталось ни крошки, а значит, я вправе считать, что чувствовали они себя как дома.

Возвращаюсь в гостиную. Чарли, первый ребенок Хью и Джо, только-только научился ходить. Теперь он, точно зомби, направляется к телевизору (да, в моей гостиной стоит телевизор, что может представляться и принцу, и вам, людям тонким и хорошо воспитанным, гротескной заурядностью, ну да уж что уж поделаешь) и, дитя своего времени, включает его. Джо вскрикивает: «Чарли!» — а принц Уэльский, не привыкший, надо полагать, чтобы к нему обращались в манере столь повелительной, подпрыгивает в кресле — очень ловко у него получается. Между тем, к моему и матери Чарли стыду, из телевизора несутся вопли кокни во всей их красе — показывают «Жителей Ист-Энда». Джо вскакивает, чтобы найти пульт управления. (О, кстати. На редкость смешная история про королеву-мать. Напомните, чтобы я ее рассказал.)

— Ничего, не выключайте, — говорит принцесса. — Это специальная новогодняя серия. Интересно же узнать, что случилось с Энджи.

Принц спокоен и весел, принцесса прелестна и обольстительна. Она обута в ковбойские сапожки, что ей очень идет. Принц не обут в ковбойские сапожки, что очень идет *ему*.

Чая с медом, намасленных оладий, гренков и кексов хватает до времени, когда королевская чета откланивается.

У двери дома принц благодарит меня и прощается с каждым из моих гостей. Принцесса Диана задерживается на крыльце чуть дольше, оглядывается через плечо, убеждаясь, что принц ее не

услышит, и шепчет мне на ухо:

— Простите, что уезжаем так рано, но, скажу по секрету, я этому рада. Сегодня показывают «Вылитый портрет»{75}, и мне хочется посмотреть его в моей комнате. *Они-то* его, конечно, терпеть не могут. А я обожаю.

И в этом она вся. Несколько фраз — и я у нее в руках. Сказанное ею стоит десятки тысяч фунтов. «Принцессе Ди нравится непристойное антикоролевское шоу!» Мне осталось только позвонить в любой из таблоидов. Однако, доверившись мне, она в определенном смысле обратила меня в своего раба: такая умная откровенность равносильна назначению моей персоны особым придворным. Даже интеллектуальный, острый, блестящий, знающий все на свете и невообразимо начитанный и тонкий Клайв Джеймс{76} и тот был предан ей всей душой.

Я закрыл дверь и прислонился к ней на манер боюсь-она-скоро-откроется-снова-но-я-буду-защищать-ее-до-последнего-вздоха — картина, столь частая в комедиях Леонарда Росситера.

— Ну и ну! — сказал я.

— Ну и ну! — согласились все прочие.

— На редкость милая пара, — заявил Джон Кантер, — на редкость. Только я не расслышал *ее* имя.

Дабы с большей непринужденностью обсудить случившееся, мы откупорили в гостиной бутылку виски, а убирать со стола не стали.

— Невероятно, — сказал один из моих гетеросексуальных гостей (в то Рождество их у меня было больше обычного). — Видели, как она на меня смотрела? Я вон там сидел… она поглядывала на потолок, словно приглашая меня подняться с ней наверх. Господи!

— О чем ты? — оборвал его другой гость. — Она же мне глазки-то строила.

— Нет, *мне*!

Одержать победу над ней в войне прессы у принца Уэльского ни малейших шансов не было. Вся его неутомимая деятельность, начинания и даже благотворительный «Фонд Принца» — ничто не могло соперничать с существом столь соблазнительным.

В день его пятидесятилетия (это еще одна из историй, которую я собирался вам поведать) мне довелось выступить в качестве конферансье на празднике в лондонском «Палладиуме». По окончании концерта я в который раз занял место в шеренге исполнителей. Моим соседом оказался Пенн Джиллетт из блестящей пары американских фокусников, проповедников науки и скептиков высшей марки — «Пенн и Теллер».

Наблюдая за медленно приближавшимся к нам принцем,

Пенн спросил у меня:

— Мне придется называть его «Ваше Величество» или пользоваться еще каким-нибудь дерьмовым титулом вроде этого?

— Нет-нет. Ничуть. Если захотите использовать титул, так это «Ваше Королевское Высочество» — для начала, а потом просто «сэр», но в титуле никакой необходимости нет. В конце концов, мы с вами разговариваем, а я вас ни разу еще Пенном не назвал, не правда ли, Пенн?

— Ага, ладно, надеюсь, он понимает, что у нас такие слова не в ходу. А как насчет поклона? Кланяться надо? В Америке мы не кланяемся.

— Нет, — заверил я Пенна, — и кланяться не надо.

— Я же американец, а мы не кланяемся.

— Он знает, что вы американец.

— Меня за это в Тауэр не посадят или еще куда?

Многие почему-то считают, что определение человека на жительство в Тауэр, как и возведение в рыцарское достоинство, — это прерогатива членов королевской семьи.

Я сказал, что и Тауэр ему не грозит. Можно обойтись и без «Высочества», и без низкопоклонства.

И вот принц добрался до Пенна, который немедля чуть на полу перед ним не распростерся. «Ваше Великое Высочество, Ваше Королевское Сэрство…» и так далее и тому подобное — Пенн лепетал это, как гиббон, только быстрее. Принц и не моргнув глазом переступил ко мне, а после — к следующему за мной артисту. Он все это уже видел, и не один раз.

Принц ушел, а я остался с Пенном, огромным мужчиной, который сидел на корточках, раскачиваясь из стороны в сторону и бия ладонями по дощатому полу сцены, плача, суя кулак в рот и стеная, воздев взор к колосникам: «Ну почему я это *сделал*? Что на меня *нашло*? Откуда у них такая власть над людьми? Я же предал мою страну!»

В начале 1990-х я свел довольно близкое знакомство с сэром Мартином Гиллиатом. Поразительный был человек. Если вы не знали его, могу вас уверить: узнав, полюбили бы. Теперь таких уже нет, а если б и были, на само происхождение и повадки их ныне, я полагаю, взирали бы свысока. Лудгроув-Хаус, Итон, сорок лет в звании конюшего и в должности личного секретаря королевы-матери Елизаветы. «Для сэра Мартина нет гусей — одни только лебеди» — так говорили в королевском кругу. Что в переводе на обычный язык означает: каждый, независимо от его происхождения, воспитания, расы или пола, от того, занимает ли он положение высокое или низкое, представлялся сэру Мартину замечательным и великолепным. Я никогда больше не встречал

человека такого естественного обаяния, доброты и жизнерадостности. Он был «хорошим солдатом», о чем, разумеется, никогда не упоминал. Несколько раз бежал из нацистского плена, и его всегда возвращали обратно. В конце концов он, как и другие неуемные беглецы, оказался в Колдице, этом Итоне лагерей для военнопленных. Мне говорили, что с тех пор он больше не спал. Во всяком случае, положенным образом. Судя по всему, доктора долго исследовали его, пока он не устал[41] от них и не прогнал в шею. Это качество сделало его идеальным для королевы-матери секретарем. Она могла весело отобедать, посвятить половину ночи развлечениям, а в час, в два лечь спать. Он же сидел и составлял, ожидая ее пробуждения, письма. Потом они вместе выгуливали в парке собак. Идеальные компаньоны.

В написанной Хью Виккерсом биографии королевы Елизаветы рассказывается хорошо известная при дворе история. Королева любила розыгрыши. Как-то вечером после обеда в ее любимом замке Мэй — он стоит на самом севере Шотландии, в Китнессе, — королева и прочие дамы, оставив, как водится, мужчин за портвейном, решили, что получится очень весело, если все они спрячутся за портьерами, а когда мужчины, насладившись портом и сигарами, выйдут, наскочат на них.

Сэр Мартин, вышедший первым, сказал (а голос у него был громкий): «Слава богу, похоже, бабье уже дрыхнуть завалилось».

Я познакомился с ним потому, что он был записным благотворителем театров Вест-Энда, — иначе как ангелом его там не называли. А для нашего мюзикла «Я и моя девочка» он стал просто-напросто золотой жилой, да еще всегда и за все нас благодарившей. Однажды он пригласил меня и Роуэна Аткинсона (также хорошо его знавшего) на ленч в свой клуб, «Бакс». И там, над яйцами чаек и спаржей, признался, что пригласил не просто так, но с задней мыслью.

— Позавтракать с вами, ребята, конечно, одно удовольствие, но я хочу попросить вас кое о чем. Вы знакомы с вдо́вой герцогиней Аберкорнской?

Мы оба со всей почтительностью признались, что удовольствия познакомиться с ней не имели.

— Нет? Ну ладно. Она уже многие годы состоит во фрейлинах королевы Елизаветы. В июле ей исполняется восемьдесят лет, и мы — иными словами, королева Елизавета — хотим отпраздновать ее день рождения в «Кларидже». Вот я и подумал, может, вы могли бы устроить там небольшое представление? Музыканты у нас уже есть, но ведь и комедианты всем по душе.

Мы с Роуэном, переварив услышанное, обменялись красноречивыми взглядами. За год до этого мы с ним совершили набег на Ближний Восток, произведя то, что на языке Роуэна именовалось «ограблением банков». Мы оба играли его «Моноспектакль» (забавное название) в Бахрейне, Абу-Даби, Дубае и Омане, подслащивая жизнь вынужденно покинувших Британию сотрудников нефтяных компаний высококачественными и весьма дорого обошедшимися им комическими представлениями. То есть программа у нас имелась.

Но имелись и сомнения, каковые Роуэн и высказал в выражениях почти совершенных.

— Видите ли, — сказал он, — материал у нас есть, н-но, если возраст публики будет таким же, как у герцогини и королевы-ма… королевы Елизаветы, кое-что из него может показаться ей…

— Непристойным? Чрезмерно смачным? — Звучный голос сэра Мартина эхом отразился от всех поверхностей обеденной залы клуба, заставив содрогнуться столовый хрусталь. — На сей счет не волнуйтесь. Сортирный юмор по душе королевской семье. Естественно, я не имею в виду совсем уж грубую матерщину.

— Ну да, конечно, — сказал Роуэн и не без труда сглотнул, уставясь в тарелку. — Еще бы.

Будучи преданным слугой, не предрасположенным к сплетням, сэр Мартин, однако, не смог не рассказать мне одну историю о своей работодательнице. Как-то утром она сказала ему в одной из верхних гостиных Кларенс-Хаус:

— Мартин, по-моему, наш телевизор выходит из строя. Может быть, нам стоит завести новый?

— Я посмотрю, что с ним, мэм.

И действительно, по экрану телевизора — то было много лет назад — бежала сверху вниз горизонтальная полоска, вечная беда электронно-лучевых трубок.

— Я позвоню любезным джентльменам из «Харродза», мэм, и, пока вы будете завтракать, они установят новый.

— Прелестно, Мартин. Вы ангел.

Разумеется, все происходило задолго до не такой уж и холодной войны между королевским двором и «Харродзом» Мохаммеда аль-Файеда.

После ленча королева-мать — прошу у нее прощения, королева Елизавета — приковыляла наверх, чтобы посмотреть трехчасовые новости из Чепстоу или что-то еще, и увидела сэра Мартина, гордо стоявшего рядом с новеньким, очень большим телевизором.

— О, какая роскошь! — сказала королева Елизавета.

— Да, мэм, и сейчас я покажу вам нечто особенное.

— О, давайте, давайте!

— Как вы могли бы заметить, кнопок переключения каналов у этого телевизора нет.

— Да что вы? — огорчилась королева. — Они забыли кнопки поставить? Какой ужас!

— Никак нет, мэм. Видите, там, на столике, рядом с вашим джином и дюбонне, лежит серый коробок?

— О, и что же это такое?

— Это называется «пультом дистанционного управления», мэм. Если позволите… Я нажимаю кнопку «один», и телевизор показывает первый канал Би-би-си. Нажимаю «два» — получаю второй. Нажимаю «три» — получаю Ай-ти-ви. Понимаете?

— Как умно! — одобрительно улыбнулась королева Елизавета. — И все-таки, я думаю, проще будет позвать слугу.

Жизнь идет

За несколько десятилетий я получал немало просьб прочитать лекцию, провести ту или иную дискуссию, выступить на какую-либо тему, и в большинстве случаев мне удавалось отвертеться. Однако по временам тема оказывалась настолько привлекательной, какое-то движение до того близким моему сердцу, а ежедневник мой столь удивительно и непривычно пустым, что я чувствовал себя просто обязанным извергнуть затребованный поток слов. Так, несколько лет назад я выступил в лекционном зале Королевского географического общества. Приведу здесь подчищенное вступление к моей речи, дабы последовательно изложить некоторые мои мысли об Америке — стране, к которой я проникался все большей привязанностью и которую старался навещать как можно чаще.

> Спасибо. Большое спасибо. Боже милостивый. Ну и ну. Вот мы и здесь. Собрались в том самом зале, где Генри Мортон Стэнли когда-то поведал восхищенному миру о своей исключительно важной встрече с доктором Ливингстоном. Членом этого общества был Чарлз Дарвин, и он тоже читал здесь лекции. В этом зале выступал сэр Ричард Бартон и спикал, если так можно выразиться, Джон Хеннинг Спик. Шеклтон и Хиллари показывали здесь завороженной публике шрамы, оставленные обморожением в укромных местах их тел. В течение ста восьмидесяти, без малого, лет сюда приходили, чтобы рассказать о своих открытиях, путешественники, авантюристы и мореплаватели. Если бы только школьные учителя географии, самый презираемый и осмеиваемый класс педагогов, если бы только они уделяли меньше времени рифтовым долинам, геодезическим пунктам и основным предметам индонезийского экспорта и больше тому, что их география позволила создать великолепное Королевское общество, владеющее самым притягательным залом страны. На самом деле, если вспомнить все как следует, одна из причин, по которой я любил этот предмет, состояла в том, что в географическом классе моей приготовительной школы лежали кипы и кипы поблескивавших желтых журналов «Нэшнл Джиографик», которые мы могли свободно листать. В них, среди лоснистых страниц с рекламой

сигарет «Честерфилд», седанов «Кадиллак» и виски «Димпл» я впервые увидел, на что может быть похожей Америка, — ну, еще телевизор немного помог. Впрочем, существовала и другая причина, по которой мы набожно просматривали эти журналы…

Прежде чем общество «Нэшнл Джиогрэфик» стало в наибольшей степени известным благодаря своим слабоумным и вгоняющим зрителя в краску стыда цифровым телеканалам, его охватывавшие и антропологическую тематику журналы были — в ту предшествовавшую интернету, «Каналу-4» и распространению печатной порнографии эпоху — единственными изданиями, в которых любознательный мальчуган мог увидеть цветные фотографии голых людей. За одно только это оно заслуживает благодарности нескольких поколений. Правда, фотографии эти создавали ложное впечатление, что у многих народов мира кое-какие выступающие части тела в точности похожи на тыкву-горлянку, ну да уж ладно…

«Нэшнл Джиогрэфик» снимало также и фильмы, и мои учителя географии показывали оные на уроках с помощью старенького проектора «Белл-энд-Хауэлл», что позволяло им держать нас в тишине и спокойствии, пока сами они смывались из класса ради сладкого свидания с сестрой-хозяйкой либо бутылкой виски — тут все зависело от учителя. «Фрай, вы остаетесь за старшего» — никогда не говорили они, уходя. Но до чего же странные фильмы нам предлагались. Я вроде бы помню, что темами их были обычно лесозаготовки в Орегоне, продолжительность жизни бобра или волнующие картины, которые можно увидеть в Национальных парках Вайоминга и Монтаны. Очень синие небеса, обилие елей, сосен и лиственниц, мельтешение клетчатых рубашек. Скорость подачи пленки у горячего и пыльного старичка «Белл-энд-Хауэлл» была неустойчивой, поэтому музыка фонограммы то подвывала, то повизгивала, зато дикторы с их назидательно богатой и раскатистой американской риторикой приводили меня в экстаз. Как удивительно обходились они с языком, какие поэтические трюки, устаревшие лет сто назад, использовали. Моим любимым была игра с приставкой *be-*. Слово, начинавшееся с этой приставки, таковой лишалось, например, *beneath* обращалось в *neath* и так далее. Но, отодрав от этого

слова *be-*, ее не выбрасывали. Нет-нет. Ее подвергали *повторному использованию*, приделывая к словам, к которым ей и близко подходить не полагалось. Что и создавало нелепо помпезные благозвучия такого, примерно, рода: *Neath the bedappled verdure of the mighty sequoia sinks the bewestering sun*[42] и так далее. А как можно назвать *вот такой* риторический троп, также встречавшийся весьма часто? Начинался он с обычной be-дребедени: «*Neath becoppered skies bewends*…»[43], но за этим следовало: «…серебристая лента времени, называемая рекой Колорадо». Жутковатый и бессмысленный лабиринт метонимий и метафор, коими изъяснялось «Нэшнл Джиогрэфик» во всем его билеколепии, оказал на меня огромное влияние, поскольку тем, чем стала для других рок-н-ролльная музыка, для меня был язык…

Вот так понемногу бидвигался вперед, бинудничая, огромаднейший человечище по имени Стивен Фрай. Несмотря на мою страсть ко всему американскому и мою одержимость языком, литературой, историей и культурой этой страны, я впервые посетил ее лишь на третьем десятке лет. Я тогда адаптировал и переписал либретто британского мюзикла «Я и моя девочка», о котором уже упоминал *passim*[44], и было решено, что ему стоит, возможно, попытать счастья на Бродвее. Вот я и полетел вместе с постановщиком Майком Оккрентом и исполнителем главной роли Робертом Линдсеем рейсом «ПанАм» из Лондона в аэропорт Кеннеди. Впервые увидев контур Манхэттена, я испытал чувства Данте, впервые увидевшего Беатриче, Кортеса, впервые увидевшего Тихий океан, и, смею сказать, Саймона Коуэлла, впервые услышавшего Сьюзан Бойл. Я влюбился в Нью-Йорк точно так же, как это проделали до меня П. Г. Вудхауз, У. Х. Оден, Оскар Уайльд и многие другие мои литературные боги. Но ведь мы приехали сюда лишь репетиций ради. Премьера мюзикла должна была состояться в Лос-Анджелесе, штат Калифорния. И стало быть, при первом моем приезде в Америку мне предстояло пожить и на Манхэттене, и в Беверли-Хиллз. Чаша моя переполнилась, как засорившийся водосток.

В театральной части Бродвея есть знаменитая закусочная под названием «Карнеги Дели». Вы можете помнить ее по фильму Вуди Аллена «Бродвей Денни Роуз». В первый мой полный американский день я зашел туда и заказал сэндвич с пастрами. Великое дело, скажете вы. Именно так. Великое. Громадное. Тем, кто не имел удовольствия сталкиваться с настоящим нью-

йоркским пастрами-сэндвичем, объясню, что размером и плотностью он сильно напоминает мяч, которым играют в регби. Два тонких ломтика ржаного хлеба, а между ними — слои, слои и слои теплой, жирной, упоительно вкусной маринованной говядины. Ну и еще огурчики маринованные в придачу. Так, сохраните этот образ перед вашим внутренним взором. Я лицом к лицу с огромным сэндвичем с пастрами. Молодцы. Теперь мы шустро перескакиваем в ЛА. Я трачу все мои суточные на единственный уик-энд в отеле «Бель-Эр», роскоши коего я и вообразить, а тем более ожидать не мог. С другого конца зала, в котором я завтракаю, мне подмигивает Роберт Редфорд. Я едва не наступаю на собачку, принадлежащую Ширли Маклейн. Чаша моя переполняется еще пуще и походит теперь не столько на чашу, сколько на фонтан Треви.

Возвращаемся в Нью-Йорк. Рад сообщить, что первое представление «Я и моя девочка» стало таким, на какое я мог только надеяться. «Нью-Йорк таймс» восторженно бесновалась, мы стали хитом. В конечном счете я получил премию «Драма Деск» и номинацию на «Тони»; Роберт Линдсей тоже получил последнюю за свою блестящую игру — а затем и саму «Тони», и полную шляпу других наград. Раз за разом я обещал себе, что когда-нибудь поселюсь в Нью-Йорке, в городе, мостовые которого питают вас электричеством, как рельсы поезд подземки. В те дни я жил на квартире, принадлежавшей моему другу Дугласу Адамсу. Возвращаясь домой, я многословно рассказывал сидевшей рядом со мной в самолете женщине о том, до чего мне понравилась Америка и как я когда-нибудь буду жить в Нью-Йорке.

— Постойте, голубчик, — сказала она (весьма походившая на тетушку Мейм Розалинды Рассел), — вы же говорите, что побывали только в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе.

Верно, признал я.

— Ну так вы никакой Америки пока и *не видели*.

Полагаю, восприятие части чего-либо как полного подобия целого и вправду можно счесть ложным выводом из разряда *pars pro toto*[45] или говорящей о лености ума синекдохой, однако я не понял по-настоящему слов этой женщины, пока не бипомыслил, как выразилось бы «Нэшнл Джиогрэфик», о колоссальном континенте мясистости, коим был сэндвич «Карнеги Дели». Как может кто-либо утверждать, что он съел этот пастрами-сэндвич, если на самом деле ему довелось отгрызть по кусочку от двух тонких ломтиков ржаного хлеба, верхнего и нижнего, оставив целый континент пастрами почти не тронутым? Как может кто-либо утверждать, что он познал Америку, если ему всего-то и

удалось, что полакомиться с краешку Нью-Йорком и Лос-Анджелесом?

Одна из задач, коими я был… э-э… озадачен, приехав в Лос-Анджелес году в 1990-м, не то 1991-м, состояла в том, чтобы получить в Лас-Вегасе некий сценарий и привезти его в Лондон. Большая студия с большим бюджетом могла позволить себе отправить факсом из Лас-Вегаса в Лондон 120-страничный сценарий, однако продюсерской компании «Ренессанс Филмз», основанной Кеннетом Брана на пару со Стивеном Ивенсом, подавшимся в продюсеры джентльменом из Сити, такое было не по карману. Электронная же почта с ее «довесками» еще оставалась в ту пору лишь искрой в глазах будущего. Если вам требовалось переправить какой-то документ, вы прибегали к услугам курьера. Курьеров же предоставляли DHL и FedEx — на худой конец, мог сойти и Стивен Фрай.

Не могу припомнить, что привело меня в Лос-Анджелес в 1991-м, да и 1991-й ли это был, но точно знаю, что предшествующей зимой я пригласил Эмму Томпсон и ее нового мужа Кена Брана провести неделю в моем норфолкском доме. Им довелось увидеть, как я рублю дрова. Мы беседовали о том о сем, и, как это водится у Кена, в голове его зародилась — или окончательно утвердилась — идея фильма.

Впрочем, поразмыслив, я пришел к выводу, что, возможно, напутал и с этим. Вполне вероятно, что гостями моими были Мартин Бергман[46] и его жена, американская комедийная актриса Рита Раднер[47], потому как сценарий, о котором идет у нас речь, они-то и написали. О, память, забывчивая королева.

Ладно, ладно. Суть дела в том, что Кен знал: я отправляюсь в Лос-Анджелес, и попросил меня заглянуть в Лас-Вегас и забрать последний вариант сценария. Я *никакого* варианта не читал, но согласился сняться в фильме — по причине моего инстинктивного доверия к Кену и его сверхъестественной способности уговорить кого и на что угодно.

Фильм должен был называться «Друзья Питера», сценарий я прочитал в самолете, которым возвращался из Лос-Анджелеса, — и, пока читал, меня охватывал быстро нараставший ужас. Все очень забавно, думал я, но ведь это же про *нас*. Про Хью, про меня, Эмму, Тонни Слаттери, про семи-восьмилетней давности поколение «Огней рампы». Кен, после огромного успеха его киноверсии стратфордского «Генриха V», надумал снять британский вариант «Большого разочарования».

При каждой нашей новой затее Хью и я — быть может, по причине вечного чувства вины, навеянного привилегированным, как мы считали, детством и отрочеством, — инстинктивно

перебирали в уме отзывы, которые нам предстояло услышать от критиков. У нас имелся свой образ враждебно настроенного обозревателя из журнала «Тайм-аут». Его наморщенный нос, надменное всхрапыванье, медленно опускающиеся уголки губ — все это являлось нашему воображению задолго до того, как являлось на свет; мы с опережением залезали в его и всех прочих критиков головы и сочиняли там то, что им предстояло написать. Подождите немного, мы к этому еще вернемся.

Весной 1988-го я сыграл в «Уотфорде» и затем в вест-эндском театре «Феникс» роль философа Хэмфри в пьесе Саймона Грея «Общая цель». В то время я снимался в телевизионной версии «Специальных изысканий», переименованных в «С вами Дэвид Лендер». Проводить целый день на съемках, а затем едва-едва поспевать в театр, *а затем* беспутствовать с рок-звездами, бильярдистами и прочим набранным с бору по сосенке легендарным отребьем общества в ночном клубе «Лаймлайт», — с этим я как-то справлялся, хоть моему доктору и приходилось два раза в неделю забегать в артистическую «Феникса», дабы вколоть мне порцию Б12 и тем поддержать мои силы на должном уровне. Не помню, чтобы я просил его об этом, и потому полагаю, что идея принадлежала продюсеру спектакля, боявшемуся, по обыкновению всех продюсеров, как бы мой движок не остался без топлива. А когда представления пьесы закончились, мы с Хью уселись писать тексты для комедийного сериала, которое решили назвать — после долгих мучительных дебатов — «Шоу Фрая и Лори».

В самом начале весны 1989-го мы приступили к съемкам первого сезона этого «тусклого реликта, давно погребенного под обломками никчемного оксбриджского старья», как, по нашим представлениям, должен был облаять его «Тайм-аут». Летом того же года мы отсняли «Черная Гадюка рвется в бой» («прискорбный упадок формы после упоительной “Черной Гадюки Третьего”», как, несомненно, пробурчит «Тайм-аут»), а сразу затем Хью и я занялись первым сезоном «Дживса и Вустера», опять-таки представляя себе приговор «Тайм-аут»: «В то время как весь мир рвется вперед, к новым рубежам, Фрай и Лори вяло барахтаются в снобистском, младенческом прошлом»[48]. Произошло это после нашей встречи с джентльменом по имени Брайан Истман. Прежде он занимался организацией концертов Королевского филармонического оркестра и музыкальными мероприятиями Британского совета, а ныне владел компанией, которая прославилась прежде всего сделанным для Ай-ти-ви сериалом «Пуаро». Брайану хотелось вывести на экран вудхаузовских Берти и Дживса, а Хью и я представлялись ему пригодными для

исполнения этих ролей. Странным, по крайней мере для нас, было то, что выбирать, кого мы будем играть, он предоставил нам самим. Мы полагали очевидным, что Хью — прирожденный Берти, а я более гожусь в Дживсы. Хью изложил это так: Берти — труба, Дживс — виолончель.

На самом деле наши сомнения в себе и страх провала были так велики, что мы, по сути, не верили в возможность осуществления этой затеи и могли с легкостью отвергнуть предложение Брайана, если бы не боялись, что эти роли достанутся другим актерам. Наш пессимизм проистекал на сей раз не из свойственного нам вялого неверия в свои силы, но также из огромного уважения и любви к тому, что сотворил Вудхауз. Его романы и рассказы состоят, как и у всякого писателя, из сюжета, характера и языка. Что делает Вудхауза на две головы выше любого комического (да почти и любого, независимо от жанра) писателя двадцатого века, так это его *язык*. В конце концов мы решили, что если нам удастся справиться с характерами и сюжетами Вудхауза и хотя бы отчасти передать эту бесценную прозу, то мы сможем увлечь немалое число людей чтением его книг, обеспечив их удовольствием и пожизненным, и бесконечным. Сценарий написал Клайв Экстон, более всего известный фильмом «Риллингтон-стрит, 10»{77}, в котором сурово и мрачно рассказывалось об убийствах, совершенных Кристи. Впрочем, затем он перебрался в мир совсем иных убийств, совершенных Кристи, став одним из главных сценаристов сериала «Пуаро».

«Шоу Фрая и Лори» иногда представлялось нам предприятием безнадежным. Мы сочиняли тексты, а после сидели, глядя в стену и думая о том, что ничего смешного у нас не получается, и в каждый съемочный вечер разыгрывали десяток скетчей перед публикой, а затем сразу же принимались волноваться по поводу следующей недели. Однако я работал с Хью, лучшим другом, какого когда-либо знал, и хотя рождение скетча, как и любые роды, неотделимо от боли и ругани, но то было также время плодотворности, смеха, свободы и дружбы, узнать которое я почитал бы за великую удачу, даже если бы прожил сотню жизней. Порою твиттер предлагает мне ссылку на YouTub», и я из любопытства заглядываю туда лишь для того, чтобы обнаружить старенький скетч из «Фрая и Лори», почти совершенно мною забытый. И простите меня, но иногда я хохочу и испытываю гордость. Естественно, бывает, что я, как и все мы, морщусь и смущенно поеживаюсь при виде той или иной ужимки, однако и вправду считаю какую-то часть написанного и сыгранного нами… как бы это сказать… первостатейной…

Сразу вслед за «Фраем и Лори» мы снялись в «Черная Гадюка рвется в бой». Как я уже говорил, публика, приходившая на съемки в студию Би-би-си, почти наверняка видела по телевизору «Черную Гадюку II» и «Черную Гадюку Третьего», вследствие чего новые персонажи и декорации ее отчасти отталкивали. На репетициях мы подолгу слонялись из угла в угол, курили, пили кофе, перебрасывались идеями и некоторые из таковых, разумеется, отвергали. Мы были молоды, шумны, а кроме того, снимали комедию, которой предстояло, хоть мы и понятия о том не имели, выдержать испытание временем. Персонажи и события, созданные воображением сценаристов Ричарда Кёртиса и Бена Элтона, собственные наши, как я скромно полагаю, добавления, невероятная одаренность Роуэна, Хью, (сэра) Тони Робинсона, Тима Макиннерни и покойного, оплаканного очень многими Рика Мейолла — все это, казалось, соединилось и встало по местам. Продюсер Джон Ллойд держал нас, что называется, в узде, однако в паре случаев мы производили столь решительные изменения сюжетной линии, что приходилось дня за два до съемок заказывать художнику фильма совершенно новые декорации, и именно Джон всякий раз мужественно брал вину на себя. Мое первейшее достижение состоит, возможно, не в создании образа сумасшедшего генерала Мелчетта, а в сделанном мной после первого прочтения сценария предложении заменить фамилию персонажа, которого предстояло сыграть Тиму Макиннерни, — отказаться от предложенной «Перкинс» или «Картрайт» и придумать что-то, способное объяснить злобу, подозрительность и враждебность, с какими он относится ко всем, кто его окружает. Я предположил, что, может быть, сгодится «Дарлинг», и Роуэн с Тимом приняли мою идею с безропотностью, на какую способны лишь актеры их класса.

«Дживс и Вустер», работа над которым началась более-менее сразу после окончания «Черной Гадюки», доставлял нам удовольствие чистой воды. Мы с Хью привыкли к съемкам одной камерой (в противоположность принятым в то время многокамерным съемкам телевизионных комедий) так же легко, как утки привыкают к хлебным коркам. Нас окружали замечательные коллеги-актеры и живая, веселая съемочная группа, состоявшая из людей добродушных и изобретательных. Почти все они были причастны к созданию лучших из когда-либо снятых в Британии фильмов — от «Доктора Но» до «Доктора Стрейнджлава».

За время съемок в трех сериалах я ухитрился также написать четыре, не то пять сценариев двадцатиминутных фильмов для компании Джона Клиза «Видео-Арт». Специальностью ее были

учебные фильмы для различных сфер бизнеса и промышленности. Основу их составляли идеи, почерпнутые из психологии присяжным психологом Джона Клиза Робином Скиннером, — они вместе написали книгу «Семьи и как в них выживать». Названия у фильмов были самые волнующие, что-то вроде: «Как спланировать совещание», «Как проводить собеседование», «Как составить удачную заявку о поступлении на работу». Про себя я называл этот проект «Как зарабатывать деньги, неся чушь столь очевидную, что у тебя от нее кровь носом идет». Если бизнесмены нуждались в советах наподобие:

• составьте список мер,

• старайтесь строго придерживаться его,

так нечего было и удивляться, что экономика Британии совершала круговые движения в унитазе. Однако делать эти фильмы было забавно, а то обстоятельство, что я работал с Джоном Клизом, великим героем моего отрочества, все еще заставляло меня изумленно протирать глаза. Я писал роли для себя, Хью и Доуна Френча. В фильмах снимались также Ронни Корбетт и Джулиан Холлоуэй.

Именно в то время, после «Фрая и Лори», «Черной Гадюки» и «Дживса и Вустера», я принял просто-напросто лучшее за всю мою жизнь решение. Оно спасло мое здоровье, карьеру и (по крайней мере на время) рассудок.

Пока я жил по абсолютно зверскому расписанию (хоть мне оно и казалось естественным), моя сестра Джо закончила в Лондоне курсы гримеров кино и телевидения, и как-то раз мы с ней отправились ужинать в популярный ковент-гарденский ресторан «Орсо».

В голове моей вертелась одна мыслишка, и в конце концов, когда мы занялись *panna cotta alia fragole*[49], я попробовал высказать ее:

— Джо, я понимаю, всегда существует возможность, что тебе подвернется работа гримерши в каком-нибудь фильме или еще где. И понимаю, что Ричарда могут перевести за границу[50], но не думаешь ли ты, что тебе могло бы прийтись по душе?..

— Да?

— То есть если сочтешь это неуместным, то просто плесни в меня вином, но как бы ты отнеслась к…

— Ну же…

— Понимаешь, в последние годы я получаю все больше и больше писем от поклонников, больше и больше просьб появиться где-то, выступить на банкете или проделать бог знает что еще. У меня просто руки опускаются…

— Еще бы…

— Расписание до того плотно, что я сам перестаю понимать, что делаю, поэтому мне нужен… ну, в общем…

— Секретарь?

— Собственно говоря, это называется «личным ассистентом». Но, поскольку ты моя личная сестра, я бы назвал это «личной асСестрицей».

— О господи, я так надеялась, что ты меня об этом попросишь. Уж и сама собиралась предложить тебе это же самое. Мне понравится. Больше всего на свете.

В результате последние двадцать шесть лет Джо проработала моей ЛА. И она — лучшая ЛА из когда-либо существовавших на свете. Я-то, разумеется, говорю так по причине родственной привязанности, однако вот вам история, которая доказывает мою правоту.

Во время съемок одного из фильмов для «Видео-Арта» Джона Клиза — где-то в Западном Лондоне — Джо приехала на площадку, чтобы обсудить со мной распорядок следующей недели. В то время мы не имели возможности синхронизировать наши еженедельники через сеть, никаких КПК и смартфонов еще и в помине не было. Она провела со мной обеденный перерыв, посмотрела вместе с Джоном отснятый эпизод, в котором играл Ронни Корбетт, и укатила.

Минут через десять ко мне приволокся Джон.

— Знаешь, я чувствую себя полным козлом.

— Что такое?

— Всю мою трудовую жизнь я искал идеального помощника, но нашел его, вернее ее, ты, ублюдок. Естественно, пока ты сегодня снимался, я сказал ей: «Сколько бы он вам ни платил, даю вдвое больше».

— Ага. И что она ответила?

— Она очень мило улыбнулась и сказала: «Вы очень добры, мистер Клиз, но, вообще-то, он — мой родной брат». Не помню, когда я в последний раз ощущал себя таким кретином.

— Ну, ты же не обязан знать…

Конечно, услышать такие хвалы моей сестре мне было очень приятно. Совершенно типичным для Джо образом она ничего мне о случившемся не сказала. И неделю-другую спустя я заговорил с ней сам.

— Знаешь, Джон поведал мне, как он пытался сманить тебя.

— А! Да, это было смешно…

— Ты могла бы и сама мне сказать, и я удвоил бы твою плату…

Что, как я думаю, как *надеюсь*, я и сделал.

Не будет преувеличением сказать, что без мягкого, но

решительного контроля Джо над моей жизнью меня сейчас и в живых-то уже не было бы. Я поддразниваю ее, называя Мартиной Борман, моей еженедельной нацисткой, однако я не смог бы сделать и десятой доли мной сделанного без ее понимания того, как устроены еженедельники, расписания киносъемок, телевизионные администраторы, аэропорты, водители автомобилей и, прежде всего, ее капризный, странноватый и невыносимый босс, он же братец. Или как все это расстроено.

Однажды, уже в следующем году, — наверное, это был 1990-й, но прошу на меня не ссылаться — я отправился на встречу с неким Роджером Питерсом, обосновавшимся в великолепном люксе 523 отеля «Савой». Он оказался американцем средних лет. И дал мне понять, что является наследником и последним любовником американского композитора Сэмюэля Барбера. Я-то всегда полагал, что Барбер умер с горя после того, как его давний партнер и друг, музыкант Джанкарло Менотти, променял старика на молодую фотомодель, но, по-видимому, старик нашел утешение в лице Роджера Питерса.

Роджеру, как выяснилось, принадлежали права на экранизацию «Сенной лихорадки» Ноэла Кауарда, и его интересовало, не соглашусь ли я написать сценарий. Я вежливо отказался, поскольку знал, что: а) «Сенная лихорадка» была любимой пьесой Кауарда, и он оставил на ее счет особые указания — «чтобы никакому мудаку не разрешили выеживаться над ней»; и б) действие пьесы происходит в одном месте и практически в одно время, почти в полном соответствии с «единствами» Аристотеля, и это делает ее перенос на экран задачей особенно вшивой. Другое дело, что Реджиналд Роуз и Сидни Люмет с «12 рассерженными мужчинами» справились, и преотлично…

Он вроде бы сильно не обиделся, мы с ним выпили, поболтали, обменялись сплетнями. Думаю, он обращался со своей просьбой едва ли не к каждому, кто когда-либо держал в руке перо или постукивал по клавишам, начав, как водится, со Стоппарда, Беннета и Пинтера{78}, и, утомленный неделями отказов, доскребся наконец до донышка своего сусека. И не надо обвинять меня в ложной скромности, я всего-навсего реалист.

Номер у него был роскошный, с умопомрачительным видом на Темзу. Мысль о том, что можно постоянно жить в таком великолепии, наполнила меня совершенно непростительной смесью зависти и амбициозности. Когда-нибудь, думал я, когда-нибудь…

Календарь, как сказал где-то Вивиан Стэншолл[79], сбрасывает страницы и ветер уносит их, и вот уже начался 1992-й, и я прогуливаюсь, созерцая витрины, по Пиккадилли.

— Здравствуйте, Стивен!

Должен сказать, что я страдаю умеренной, но способной кого угодно довести до белого каления формой прозопагнозии. Нет, она ничем не напоминает присущее кое-кому абсолютное отсутствие памяти на лица. У меня есть знакомый, который членов собственной семьи не узнает, пока те не назовутся. Со мной дело обстоит не так ужасно, и тем не менее я часто произвожу впечатление грубияна. Поэтому, если мы с вами знакомы и я, повстречав вас на улице, просто прошел мимо, не думайте, что я невзлюбил вас и хочу вычеркнуть из моей жизни, — просто я ни малейшего понятия не имею, кто вы такой. Назовитесь, и все будет прекрасно. Большинство людей устроено наоборот — лица они запоминают, а имена — ни-ни.

По счастью, этот незнакомец назвался без моих подсказок:

— Роджер Питерс!

— Ну конечно, — сказал я. — Что новенького?

— Да вот, понимаете, — начал он, подстраиваясь под мою походку, — вы именно тот, кто мне нужен. Не знаете ли вы кого-нибудь, *кого угодно*…

О господи, мысленно застонал я, сейчас он опять заведет шарманку насчет «Сенной лихорадки»…

— …*кого угодно*, кто согласился бы прожить четыре-пять недель в моем номере в «Савое»? Мне нужно съездить по семейным делам в Америку, а выволакивать все барахло из номера не хочется. Отелю-то я все едино за год плачу, поэтому нужен просто-напросто человек, который присмотрел бы за номером. Вам никто в голову не приходит?

— Ну-у… — неуверенно начал я, — есть один такой, он мог бы вам подойти. Роста он примерно такого… — я поднял ладонь до своей макушки, — ширины примерно такой… — я похлопал себя по бокам. — У него сломанный нос, и прямо-таки сию минуту он разговаривает с вами.

— Фантастика! Я уезжаю в среду. Может, заглянете ко мне завтра после полудня, я познакомлю вас со старшим по этажу и покажу, где что.

Вот так и получилось, что отель «Савой» почти на месяц стал моим домом. Одиннадцать дней этого времени пришлись на съемки «Друзей Питера». Сценарий, который я по-курьерски доставил в Лондон, был отчищен, отшлифован и отполирован до легкого блеска, однако Хью и меня, к вечному нашему стыду, вся эта затея пугала до колик. Время от времени Кен замечал в

коридорах, залах и гостиных Ротэм-Парка (величавого, стоящего неподалеку от Барнета дома, в котором уже были разыграны некоторые сцены «Дживса и Вустера» и в котором я годы спустя снимался в «Госфорд-Парке» Роберта Олтмена) наши презренные, вдрызг расстроенные физиономии и, наконец, спросил:

— Все в порядке, дорогие мои?

— Они нас в порошок сотрут, — простонал я.

— Кто? О ком это ты?

— «Претенциозное повествование о замкнутой компании оксбриджских изнеженных и ничтожных, бесхарактерных дрочил, которые донимают друг друга своими так называемыми “проблемами”, собравшись на отмеченный излишествами уик-энд в загородном доме…» Ты представляешь, что сделает с нами «Тайм-аут»?

(Я и сам понятия не имел, что «Тайм-аут» все еще оставался символом и фокальной точкой нашей неуверенности в себе.)

— *«Тайм-аут»?* Да кому он, на хрен, интересен? Его и читают-то всего человек двенадцать. Нет, серьезно, возлюбленные мои, вам ли тревожиться о том, что они себе думают?

Мы обожали Кеннета Брана и сейчас обожаем, по многим причинам, однако великолепная способность не отвлекаться от дела, отягощая себя тоскливыми помыслами о том, как отнесется к твоей работе тот или иной рецензент, стоит едва ли не первой в списке его достоинств. Бесстрашие и отвага — вот залог успеха для всякого актера и режиссера, связавшегося со съемками фильма. Если вы, пытаясь сосредоточиться на своем деле, позволяете какому-нибудь газетчику или хотя бы призраку обобщенной, враждебной публики маячить у вас за спиной, неодобрительно цыкая и шипя сквозь зубы, считайте, что вы уже провалились.

Кен, разумеется, никак не связывает свое место в мире с чувством вины. Он рос в Северной Ирландии без каких-либо надежд на преуспеяние. Любовь к театру у него врожденная и абсолютная; все деньги, какие ему удавалось заработать, он тратил на паром и автобус, которыми добирался до Стратфорда-на-Эйвоне, где, начиная с отрочества, просматривал каждый сезон театра, — просматривает и поныне. Отнюдь не случайно, что в первый съемочный день «Друзей Питера» он появился на площадке уже переполненным необходимыми знаниями, отвагой и верой в себя. Не случайно, готов поспорить, и то, что мы с Хью явились туда почти больными от опасений, стыда и дурных предчувствий. Счастливая судьба, которая привела нас из частных школ (в моем случае к ней добавились другие школы и тюрьма) через Кембридж и «Огни рампы» в «Черную Гадюку», «Дживса

и Вустера» и наше собственное комедийное шоу, внушила нам не уверенность в себе, а ощущение полной нашей ничтожности. Только не думайте, пожалуйста, что мы напрашиваемся на сочувствие или, боже сохрани, на восхищение. Я говорю о том, что творилось в наших помутненных рассудках, а уж вы можете относиться к этому как вам заблагорассудится. Возможно, если у вас хватает воображения, вам удастся увидеть себя в подобных обстоятельствах питающими подобные же чувства. Возможно, мы были просто-напросто редкостными обормотами.

То, что полнометражный игровой фильм удалось снять за одиннадцать дней, было следствием трудовой дисциплины Кена и его команды, единства времени и места, встроенного Мартином и Ритой в сценарий, ну и, конечно, скудости бюджета.

Между тем удовольствие, которое я получал от автомобиля, забиравшего меня поутру из «Савоя» и доставлявшего туда повечеру, было едва ли не самым волнующим из всего, что я испытал до той поры. «Посредники» в цилиндрах, нередко и неверно именуемые швейцарами, были со мной неизменно учтивы, а в скором времени я перезнакомился и с остальным гостиничным персоналом. Кстати, если вам захочется узнать, каких глубин падения может достигнуть человек, сведите знакомство с исполнительным директором какого-нибудь большого отеля — любого. И вы никогда уже не станете прежним. Благоразумие не позволяет мне вдаваться в подробности — ознакомиться с ними вам придется самостоятельно. Хотя такая рекомендация отчасти смахивает на предложение поискать в urbandictionary.com слово *munting*. В общем, я с себя всякую ответственность снимаю.

В остальном же радости владения люксом были почти упоительными. Нигде нет на свете более мягких и пушистых купальных халатов, нигде не найдете вы душевой головки более напористой и щедрой. Правда, один мелкий и совершенно нелепый источник недовольства там имелся и действовал мне на нервы — повседневная *одинаковость* всего и вся. Пепельница на столике гостиной неизменно оказывалась *в точности* на том же самом месте. Кресла неизменно стояли *в точности* под теми же самыми углами друг к другу. В конце концов я упомянул об этом в разговоре со старшим по этажу.

— При каждом возвращении со съемок или с прогулки, — сказал я, — мой номер чист, все в нем прибрано, однако, вы только не сочтите это придиркой, все и всегда занимает одно и то же место. Безделушки на каминной полке и…

— Ни слова больше, сэр. Начиная с завтрашнего дня мы будем готовить для вас сюрпризы.

Что и было проделано. Каждый раз что-нибудь хоть немного да изменялось, веселя меня и, хочется думать, горничную и прочий персонал. Скажем, увлекательная Охота за Пепельницей вносила в мою отельную жизнь струю самую живительную.

В один из оказавшихся свободным вечеров я пошел посмотреть постановку «Тартюфа», в которой играл мой добрый друг Джонни Сешнс. В спектакле участвовала также Далси Грей, чей муж, Майкл Денисон, сыграл Олджернона в «Как важно быть серьезным» Энтони Асвита, это он произносил фразу: «Надеюсь, Сесили, я не оскорблю вас, если скажу честно и прямо, что в моих глазах вы зримое воплощение предельного совершенства?» — ту самую восхитительную череду слов, что заставляла меня, мальчишку, ежиться, корчиться и извиваться от наслаждения.

Майкл и Далси, великолепная, всеми любимая театральная чета, имела обыкновение устраивать летние приемы в «Шарделосе», стоявшем в Олд-Амершаме — роскошном, восемнадцатого столетия доме с благородными интерьерами работы Роберта Адама и ландшафтным парком, заложенным в 1796 году Хамфри Рептоном. Когда-то дом низвели до положения заурядного приюта для престарелых, он медленно разрушался, но в 1970-х был спасен, восстановлен и разделен между новыми владельцами. Далси и Майклу принадлежали лучшие, глядевшие на огромную лужайку комнаты первого этажа; когда я приехал на прием, там уже было не протолкнуться от людей из киношного и театрального мира Британии. Я и глазом моргнуть не успел, как разговорился с Дорин, вдовой великого Джека Хокинса{80}, одного из моих любимых киноактеров. Но кого же я увидел при этом на другом конце комнаты? Верить ли мне глазам своим? Самого любимого из всех, Джона Миллса. Несколько взволнованных, неловких перебежек, легкое покашливание — и вот я уже сижу рядом с ним на диване. Он — в точности как я ожидал — подмигивает мне, этот живой, несказанно обаятельный и замечательно одаренный человек. Его супруга, Мэри Хэйли Белл, автор романа «Свистни по ветру», смеется лающим смехом — в точности как я ожидал.

Ноэл Кауард написал песенку «Бешеные псы и англичане» именно для Джона Миллса. В середине 1930-х он был певцом, танцором и эстрадным артистом на все руки, работавшим в труппе с неудачным названием «Чудаки». Возвращавшийся из Австралии Кауард остановился в Сингапуре и увидел афишу, обещавшую малоправдоподобное двойное представление (ну не за один же, в самом деле, вечер?) — «Гамлета» и мюзикл «Мистер Синдерс». Гибкий, быстрый и бойкий Миллс играл в последнем. После спектакля Кауард зашел за кулисы и предложил Миллсу

навестить его в Лондоне, пообещав молодому актеру найти для него роль.

Джонни Миллс был гением дружбы. Его беззаветное, лишенное всякого себялюбия очарование дало очень многое Кауарду (которого Миллс первым окрестил «Мастером»), Лоуренсу Оливье, Рексу Харрисону, Ричарду Аттенборо, Брайану Форбсу и многим другим.

Сидя с ним на диване «Шарделоса», я наверняка засыпал Миллса вопросами о его киношной карьере. «Человек октября», «В котором мы служим», «Дочь Райана», «Тигровая бухта», «Швейцарская семья Робинзонов» и, прежде всего, «Трудный путь в Александрию», «Большие надежды» и «39 ступеней» — все они основательно на меня повлияли.

Когда я замолк, чтобы перевести дыхание, Джонни спросил, чем я занимаюсь. Я сказал, что снимаюсь сейчас в фильме Кеннета Брана.

— О, правда? — сказал Джонни. — В таком случае, не окажете ли вы мне услугу?

— Любую.

— Не могли бы вы сказать Кеннету, что я, друживший с Ларри Оливье, точно знаю, как сильно понравился бы Ларри «Генрих V» и с каким отвращением отнесся бы он к гнусным сопоставлениям критиков. Скажете?

Речь шла о том, что, хотя «Генрих V» Кена и пользовался несомненным успехом, выход фильма на экраны был встречен множеством ядовитых замечаний наподобие: «Что он о себе возомнил? Он все-таки не Лоуренс Оливье».

— Боюсь, *этого* я сделать не смогу, — ответил я.

— О, — в явном замешательстве произнес он.

— Я предпочел бы, чтобы вы ему сами это сказали. Если я устрою небольшой званый обед, вы с леди Миллс придете?

Он разулыбался, соглашаясь, мы обменялись телефонными номерами, дело было решено.

Задавать званый обед в люксе пятизвездного отеля — с этим не способно сравниться ничто. Да, конечно, я понимаю, как ужасно это звучит, но про обед вам все-таки расскажу.

Стало быть, происходит все так. Вы говорите работающим на вашем этаже Альфонсо и Эрнесто, что задумали в следующую пятницу пригласить к обеду шестерых гостей, и оба радостно кивают.

Когда наступает назначенный день, Эрнесто приходит к вам с меню и предложениями от шеф-повара и его команды, трудящейся шестью этажами ниже, в подвале. Вы отбираете блюда, которые представляются вам приемлемыми[51], а затем,

часов около шести, Альфонсо, которому не хочется, чтобы вы путались у него под ногами, пока он будет заниматься цветами и созданием должной обстановки в номере, отправляет вас на прогулку. К вашему возвращению номер выглядит идеально. Глубокие кресла полукругом расставлены у окна, чтобы из них можно было любоваться сумеречной Темзой. В середине комнаты накрыт большой стол, к нему придвинут второй, поменьше, чтобы за ними смогли разместиться семеро. Я пригласил Хью и Джо Лори, Эмму Томпсон с Кеном и, конечно, сэра Джона и леди Миллс.

Белые крахмальные салфетки, хрусталь и серебро, поблескивающие в свете свечей. Две низкие вазы с идеальными пионами на столе, по гостиной расставлены вазы с розами и цветами, которые мне не удается определить. Низкие столики с орешками, оливками и корнишонами. На наше счастье, то время еще не знало несъедобной «Бомбейской смеси» и раздирающих нёбо сухих крендельков. Серебряное ведерко со слегка утопленной в лед бутылкой шампанского. Я наливаю себе успокоительной водки с тоником, закуриваю сигарету и пытаюсь убедить себя, что нисколько не волнуюсь. Во время прогулки я снял со счета достаточно наличных, чтобы оделить Эрнесто, Альфонсо, Жильберто и Алонсо щедрыми, но не выходящими за рамки приличия чаевыми.

Я уже договорился с Алонсо, что, едва появится первый гость, он придет, чтобы смешать коктейли и открыть бутылку шампанского. Если портье не предупредит его, я нажму на кнопку звонка у камина.

И теперь меня поражает мысль: а вдруг портье не знает Джона Миллса в лицо? Ужасно будет, если такой августейшей особе придется топать по коридорам не узнанной, не получающей знаков уважения, которого она заслуживает. И я звоню вниз.

— Добрый вечер, мистер Фрай.

Тогда меня еще немного смущало то обстоятельство, что стоит мне позвонить обслуге отеля, как она мгновенно меня узнает.

— Здравствуйте, да, это я. Стивен из пятьсот двенадцатого. Я просто хотел сказать, что устраиваю обед, и дело в том, что мои почетные гости — это сэр Джон и леди Миллс, и я надеюсь, вы…

— О, сэр, мы прекрасно знаем сэра Джона. Будьте спокойны, мы встретим его с превеликим энтузиазмом. С восторгом!

Хью, Джо, Кен и Эмма пришли вместе. Мы были тогда достаточно молоды, чтобы с волнением относиться к такому экстравагантно взрослому делу, как званый обед в заведении вроде «Савоя».

Алонсо смешал коктейли и, пока мы посмеивались и повизгивали, скромно стоял у столика с напитками.

Прозвучал зуммер, мы расправили плечи и придали нашим физиономиям выражение серьезное, но радушное.

Я открыл дверь — за ней стояли сэр Джон и Мэри. Он вошел и, помаргивая, огляделся по сторонам:

— О… о! Это же…

Я с испугом увидел, что он вот-вот заплачет.

— Все в порядке, сэр Джон?

Он взял меня за руку, крепко сжал ее:

— Это же номер *Ноэла*!

Отпустив мою руку, он прошелся по номеру.

— Каждый раз, приезжая на премьеру, Ноэл селился здесь. Боже мой!

Вечер удался на славу. Джонни и Кен быстро подружились. Анекдоты сыпались дождем, секреты во множестве предавались огласке. Работавший в вестибюле персонал уже произвел немалую сенсацию, выстроившись, чтобы приветствовать сэра Джона и леди Мэри, у знаменитых дверей отеля, как только к ним подъехал великолепный старый «Роллс-Ройс» Миллсов с его верным водителем, фактотумом и другом Джоном Новелли за рулем.

Так началась моя долгая дружба с Джоном и его семьей. Не столь уж и долгая по меркам Джона, умершего девяностотрехлетним в 2005-м, и леди Мэри, которая впала в слабоумие на много лет раньше и в том же году соединилась с Джоном в смерти.

Их продолжавшееся шестьдесят четыре года супружество — достижение редкостное. В 1996-м я столкнулся с Джонни в актерской раздевалке Ситджесского кинофестиваля. Он вгляделся в меня[52].

— А, Стивен! Знаете что? Со времени нашей свадьбы мы с Мэри впервые провели ночь врозь.

Поразительно. Я как-то спросил его, в чем секрет столь долгого брака.

— О, все очень просто, — ответил он. — Мы ведем себя, как только что познакомившиеся озорные подростки. Вот вам пример. Пару лет назад мы присутствовали на очень пышном обеде. Я нацарапал записку: «Черт, а ты мне нравишься. Что собираешься делать после обеда? Мы могли бы поехать ко мне, порезвиться, повеселиться…» — что-то в таком роде. Подозвал официанта. «Видите, за тем столиком сидит очаровательная блондинка? — Я указал на Мэри. — Не будете ли вы так добры передать ей эту записку?» А следом не без ужаса сообразил — зрение у меня уже

тогда сдало, понимаете? — что записку-то он передает принцессе Диане. Она развернула мою бумажку, прочитала, взглянула в мою сторону — официант указал на меня, съежившегося в кресле. Улыбнулась, помахала ладошкой и послала мне воздушный поцелуй. О господи, каким же дураком я себя чувствовал.

Два происшедших за время нашей дружбы события наполнили меня особой радостью. Одно было таким: мне посчастливилось узнать, что на «Кристис» будет продаваться старый халат Ноэла Кауарда. Я отправился на аукцион, купил халат и подарил его Джонни на восьмидесятилетие. Он помнил Кауарда в этом халате, и обладание им доставило Джонни редкостное количество удовольствия, что, в свой черед, доставило редкостное количество удовольствия мне.

Второе произошло морозным зимним днем в величественном старом доме «Латон-Ху», бывшем когда-то сердцевиной усадьбы маркизов Бьютских, а затем принадлежавшем бриллиантовому магнату Джулиусу Вернеру, владельцу знаменитой коллекции изделий Фаберже, бóльшую часть которой как раз из этого дома налетчики-мотоциклисты и похитили. Вскоре после того ограбления я снимал здесь сцены из «Золотой молодежи», экранизации второго романа Ивлина Во «Мерзкая плоть». И однажды на пробу попросил Джонни подумать о том, чтобы сыграть роль Старого Джентльмена на балу. Он согласился не сходя с места. Я объяснил, что в его сцене он замечает, как Майлз, непутевый молодой человек, которого играл Майкл Шин, достает из серебряной коробочки понюшку табаку, по-видимому, и отправляет ее в нос. Майлз предлагает Старому Джентльмену другую понюшку «табаку» — странно белого цвета. Бал продолжается, в разные его мгновения мы возвращаемся к двум этим персонажам и видим, как Майлз снова и снова угощает старика «табачком». Возможность впервые в жизни сыграть сцену с наркотиками сильно взволновала Джонни, и к работе он отнесся очень серьезно. Он был уже почти совершенно слеп, съемки велись в большом холодном доме, однако Джонни никаких поблажек для себя не просил. Впрочем, мы поставили для него в доме небольшую палатку с раскладушкой и пятиреберным электрическим обогревателем.

Несколько лет спустя Джонни лежал, умирая, в новом, стоявшем в Денем-Виллидж доме («Фронтоны» — по-моему, так он назывался), неподалеку от «Хиллс-Хаус», где они с Мэри прожили столь многие годы. Я приехал навестить его. У Джонни была легочная инфекция, говорить он почти не мог, я просто сидел у постели, держа его за руку. Я привез с собой iPod, в который загрузил столько номеров Ноэла Кауарда, сколько сумел

найти. Джонни был одет в любимый его бархатный пиджак, на груди которого гордо поблескивали орден Британской империи и орден Командора Британской империи. Я положил iPod рядом с ним, вставил в уши Джонни маленькие наушники. И когда воркующий голос Кауарда запел «Мы увидимся снова», я увидел, как Джонни улыбнулся, а из уголков его глаз покатились слезы.

Но вернемся в отель «Савой». После званого обеда Миллс-Брана прошло несколько дней, сейчас шесть утра, я жду в вестибюле машину, которая отвезет меня в Ротем-парк на съемки «Друзей Питера», и тем временем болтаю с Артуро, одним из «посредников».

— Вам нравится Фрэнк Синатра, мистер Фрай?

— Мне? Еще бы!

— А, хорошо. Он сегодня поселится у нас.

— Шутите!

По пути в Хартфордшир я репетирую то, что скажу великому человеку, если столкнусь с ним. С Синеглазым стариком. С Председателем правления. С Голосом.

Съемки, как водится, тянулись, тянулись, тянулись, тянулись и тянулись. По-моему, в «Савой» я вернулся уже после полуночи. Дверь мне открыл Артуро:

— Длинный был день, мистер Фрай.

— Как, похоже, и ваш.

— Я только что заступил на дежурство, сэр. Но не пройдете ли со мной? Хочу вам кое-что показать.

Я, недоумевающий и слегка раздосадованный, ибо думать мог лишь о постели, поплелся за Артуро по коридору, который вел, и сейчас еще ведет, в Американский бар. Мы спустились туда по ступенькам, и Артуро указал мне на мужчину, сидевшего в ореоле света, склонившись над хрустальной стопочкой. Подсвеченный сигаретный дымок завивался над ним. Живая обложка альбома.

— Мистер Синатра, хочу представить вам мистера Фрая, нашего давнего постояльца.

Мужчина поднял на меня взгляд — это был Он, — указал на кресло напротив:

— Присаживайся, малыш.

«Малыш». Фрэнсис Альберт Синатра называл меня «малышом». Я вспомнил тот эпизод из «Трех мушкетеров» Ричарда Лестера, где Спайк Миллиган произносит сдавленным, почтительным голосом — после того, как Чарлтон Хестон стиснул его запястье и заговорщически пошептался с ним о его жене (Ракель Уэлч): «Сам кардинал пожал мне руку и назвал другом!»

Думаю, я провел наедине с Фрэнком минуты три, — затем

бар наполнили его старые друзья, быстренько оттеснившие меня на периферию вечеринки. Но мне хватило и этого, в номер 512 я возвращался как человек, которому приснился рай.

Через несколько дней я снова увидел заступившего на дежурство Артуро, пожал ему руку и втиснул в его ладонь пятерку.

— Сколько ни проживу, Артуро, а той минуты не забуду. Какую услугу вы мне оказали! Никогда не смогу отблагодарить вас как следует.

— Мне это было только приятно, мистер Фрай.

— Он еще здесь?

— Съехал сегодня утром. Довольно смешно получилось.

— Да?

— Ну, перед тем как сесть в машину и поехать в аэропорт, он дал мне пачку денег. Очень толстую. Спасибо, Артуро, говорит, я отлично провел у вас время. «Ну и вам большое спасибо, мистер Синатра. Всегда рады видеть вас в “Савое”». А скажи-ка, говорит он, ведь это самые большие чаевые, какие ты получал? Я посмотрел на деньги. Толстенная пачка бумажек по двадцать и пятьдесят долларов. Ну, по правде сказать, сэр, не самые, говорю. Он так расстроился. Так расстроился. Ладно, говорит, скажи, кто дал тебе больше? «Так вы же и дали, сэр, когда были у нас в прошлый раз». Он захохотал во все горло и полез в машину.

— Когда он приедет снова, чаевых вы получите еще больше, — сказал я.

— О-о, мне это и в голову не приходило, — сказал Артуро.

Досточтимый дневник

К 1993 году «Друзья Питера» вышли на экран, мы отсняли второй сезон «Фрая и Лори», я написал мой первый роман, «Лжец»[53], и опубликовал сборник статей, эссе и прочей мелочи в книжке под названием «Пресс-папье».

Дневник я веду нерегулярно, однако месяцы работы над вторым моим (и самым любимым) романом, «Гиппопотам», завершившиеся доставкой его гранок на мою квартиру, освещены в нем с порядочной полнотой. Я предлагаю вам эти записи, потому что они, кажется мне, передают мою тогдашнюю жизнь — лихорадочную, ломаную, полную напряженной работы — лучше, чем это сделала бы память. Того, что такая жизнь подводит меня к катастрофическому взрыву, я тогда не понимал. Возможно, вы, читая дневник, этот путь увидите. Я остался верным намерениям, изложенным мной в первой главе, и потому ничего не изменил и не добавил, убрав, впрочем, кое-что из уважения к тем, кто предпочел бы не появляться на этих страницах — или появиться в замаскированном виде. Добавлены, для пущей ясности, только сноски.

Понедельник, 23 августа 1993 — Лондон

Завтра мне исполнится 36; три дюжины, четверть гросса. Число со множеством делителей, а так — ничего особенного. Тем не менее самое подходящее, по-моему, время, чтобы начать вести дневник. (*Первое решение*: не возвращаться назад и ничего в этой хронике не менять. Никаких перечитываний, исправлений и редактуры задним числом. Что напишется, то и останется. Иначе какой в этом смысл?) Ха! «Иначе какой в этом смысл?»… последние слова дневника Кеннета Уильямса{81}, только что опубликованного и только что мной просмотренного. Я один раз упомянут там в алфавитном указателе — в связи с моим выступлением в ток-шоу «Уоган», которое вел КУ. На указанной странице значится: «Стивен Фрай хорош». Эпитафия. Пока пишу это, слушаю по радио «Альпийскую симф.» Штрауса. «Радио-3», Променадный концерт. Чудесная версия какого-то русского дирижера, о котором я ничего не слышал[54]. Вступительное слово произнес в традиционно приглушенных тонах Джеймс Нокстии{82}. Несколько месяцев назад я сидел рядом с ним на торжественном завтраке по случаю завершения турнира на Кубок Джона Берта. Приятный малый.

День сегодня ленивый. Очень ленивый, как и все мои дни в последнее время. Иметь репутацию трудяги приятно, она льстит моему *amour-propre*, но ведь это *такое* вранье. Большую часть дня провел, доводя до полного блеска план рассадки гостей на завтрашнем праздничном обеде. Почему это заняло столько времени? Ну, я решил преобразовать имена гостей в анаграммы. Вот их список (с пояснениями):

• Henry F. Pest — это я.

• Lacey Easy-Fleece — Alyce Faye Cleese (жена Джона Клиза, психотерапевт из Оклахомы).

• Irma Shirk — Kim Harris (милый кембриджский друг).

• Lady Orlash — Sarah Lloyd (жена Джона).

• Mercie H. Twat — Matthew Rice (кондитер и блестящий человек).

• Sonia Wanktorn — Rowan Atkinson.

• Katie Labial Scar — Alastair Blackie (друг Кима, его агент и мой садовник).

• Jones Leech — John Cleese.

• Maria Sillwash — Sarah Williams (продюсер, сейчас она снова с Ником Симонсом).

• Harold Clit Shine — Christian Hodell (помощник Лоррейн).

• Julie Oar — Jo Laurie (супруга J. H. C. Laurie).

• Coke Toper — Peter Cook.

• Reg Gowns — Greg Snow (кембриджский друг).

• Slim Noble — Simon Bell (выпускник Оксфорда, бездельник и чаровник).

• Nik Cool — Lin Cook (жена Питера).

• Dolly John — John Lloyd (продюсер «Черной Гадюки» и проч.).

• Mario Nolan-Hitler — Lorraine Hamilton (мой агент).

• Miss Nancy L. Soho — Nicholas Symons (старый кембриджский приятель, продюсер «Фрая и Лори»).

• Antonius Stanker — Sunetra Atkinson (жена Роуэна).

• Eli Cider — Eric Idle.

• Uriah H. Glue — Hugh Laurie[55].

Так или иначе — потратить весь долбаный день на анаграммы (больше всего сил отняла Алиса Фэй Клиз{83} с ее многочисленными E и двумя Y)[56], вместо того чтобы трудиться над романом. Занятие, конечно, по-своему удовлетворительное. Я насиловал под звуки «Радио-3» (тогда передавали не музыку, а международный матч по крикету, и Англия — вы можете в это поверить? — его *выиграла*. Я, впрочем, никогда в этих ребятах не сомневался. Этертон определенно хороший капитан; ему еще

придется хлебнуть горя в предстоящие годы, но парень он основательный) мое словесное мастерство ради бесполезной анаграмматики, которая, скорее всего, еще и разозлит моих завтрашних гостей. Ни черта не осталось в мире *веселого*: никто не совершает безумных глупостей, никто никого не разыгрывает, не устраивает дурацких вечеринок с фокусами и общими играми, как это делалось в 20-х. Даже меланхоличная Вирджиния Вулф (около года назад слышал на «Калейдоскопе»[57] от Дамы Эдны: «Милая Вирджиния, у меня с ней так много общего, — только я, конечно, плавать умею»[58]), даже она и ее круг любили розыгрыши. А теперь каждый до того *серьезен*, мать их, и зауряден.

Бог его знает, выйдет ли толк из моего плана рассадки. Если Саймон Белл не напьется, это поможет. Ладно, послезавтра опишу, как все было.

Кстати сказать, завтра хоть и день моего рождения, я, похоже, под завязку набил его рекламирующими «Шталаг “Люфт”»[59] интервью с бесчисленными ТВ-журналами и тому подобным.

Под локтем у меня стоит бутылка вина «Канонкоп», южноафриканского подражания клерету — маловато танина. У Штрауса надвигается буря. Или он позаимствовал восклицания флейт у Россини, из увертюры к «Вильгельму Теллю», или я Летучий Голландец.

Вторник, 24 августа 1993

Ну что же, стало быть, тридцать шесть. Всегдашнее клише — поиск седых волос в зеркале. Что-то поблескивает у висков, но сказать, настоящая это седина или игра света, затруднительно.

Все утро давал в «Граучо» интервью по поводу «Шталага “Люфт”». Нескончаемая вереница женщин из «ТВ Быстрого», «ТВ Первого», «ТВ Лучшего» и «ТВ Мудацкого», и каждую интересует прежде всего мой целибат. «Но вы же наверняка предаетесь фантазиям? Наверняка должны знакомиться с людьми и… *представлять* себе?»

Главным образом им хочется узнать, какие картины рисует мне воображение, пока я онанирую. Ровно то же самое произошло несколько недель назад, когда я обедал у Кена и Эм. Кен слегка перебрал (ему обычно и одного бокала хватает), и пошло-поехало: «Ладно, *дорогуша*, о чем ты думаешь, когда дрочишь?» Эм пыталась угомонить его, однако, готов поспорить, делала это не всерьез, потому что ей тоже интересно.

Остается лишь радоваться, что мои фантазии и грезы я сюда

не изливаю. Я это к тому, что сегодняшние газеты кричат об истории, приключившейся с Майклом Джексоном. Судя по всему, некая женщина заявила, что он насильно растлил ее сына. Ну, давайте говорить серьезно — кто-нибудь сомневался в неравнодушии Джако к мальчикам? Боже ты мой, какой гвалт поднимется, если полиция найдет что-нибудь на его ранчо. Порнушку, любительский фильм, что угодно… Бедный, невменяемый сукин сын, думаю, и его детство не обошлось без такого насилия.

Итак — обед. Пришли все. И все принесли подарки, хоть я и просил этого не делать. Анаграммы их, похоже, позабавили, и даже слишком. Большинство пребывало в хорошем настроении и вроде бы получало от происходившего удовольствие. Роуэн и тот ухитрился дотерпеть до конца[60]. Я сидел между Джо Лори и Алисой Фэй Клиз, Хью — на другом конце стола, с Эриком и Джоном К. Питер Кук пребывал в прекрасной форме, рассказывал о «Дереке и Клайве», запись скоро выйдет повторно; к концу вечера многие гости слегка наклюкались. Счет мне прислали почти точно на 1000 фунтов, что, должен сказать, вполне разумно. Еда была дьявольски вкусная. Я уже упомянул, что заказал ее в ресторане «Куинсгэйт 190», где заправляет Энтони Уоррал Томпсон? Он как раз был там и выпил с нами. Выяснилось, что он учился в одной школе с Джоном Ллойдом. А живет в одном доме с Саймоном Беллом, которого мне пришлось напоить виски, прежде чем он удалился.

Среда, 25 августа 1993

Этим утром закадровая озвучка с Хью, реклама батареек «Энерджайзер». Хью в хорошей форме, а это всегда праздник. Полтора часа веселья. У входа в студию звукозаписи столкнулись с Норманом Битоном. Сумасшедший старикан — наш поклонник. Хочет, чтобы мы сочинили скетч с его участием. Хм.

Затем лениво прошелся по магазинам Сесил-Корт. Купил подлинный номер «Ванити Фэр» с Джиллеттом в роли Холмса на обложке и подписанную фотографию Бэзила Рэтбоуна{84}. Не спрашивайте — зачем. Может получиться хороший подарок. А еще разжился книгой Рики Джея «Ученые свиньи и несгораемые женщины», за которой гонялся сто лет[61].

В конце концов добрался до дома и успел почитать немного, прежде чем отправиться в «Институт директоров» на Пэлл-Мэлл — это рядом, за углом. Там у меня была назначена встреча с джентльменом по имени Робин Гарди, который продюсирует

фильм под названием «Анонимные холостяки» (ничего общего с названным так же романом Вудхауза). Он хочет, чтобы я сыграл вторую главную роль, да еще и ПОСТАВИЛ этот фильм. И лестно, и приятно — ему хватает уверенности во мне, чтобы отдать относительно большую картину режиссеру-новичку, — однако есть проблема. Во-первых, достаточно ли хорош сценарий? Он написал его сам, использовав роман Патрика Мак-Гинли «Лисьи следы». Получилось нечто довольно увлекательное, но требующее улучшений, без которых мы будем выглядеть женоненавистниками, если не просто дураками. Впрочем, главная проблема — КОГДА. Я *должен* постараться поскорее закончить роман. Если это получится, я потрачу время с октября по январь, сочиняя с Хью 4-й сезон «Шоу Фрая и Лори». Затем будем ставить его — шесть недель в студии, репетиции/съемки. Это займет нас до конца марта. Следом Джон Рейд, я полагаю, захочет приняться за мюзикл Элтона, а в Би-би-си пойдут разговоры об экранизации «Лжеца». О том, чтобы начать хотя бы готовиться к «Холостякам» до конца июня, и думать нечего, значит, съемки придутся на сентябрь — через год. Жуткое дело — до чего же расписана моя жизнь. И где я возьму время для второго сценария, для «Галахада», который «Парамаунт» собирается делать с Хью? Ну ПОЧЕМУ моя жизнь устроена именно так — и почему я на это жалуюсь?

Он производит впечатление разумного малого, этот Гарди. Странное место для встречи, ИД. Впрочем, для него, обладателя «коммерческой» версии великосветского выговора, вполне подходящее. С другой стороны, он поставил «Плетеного человека», а это классика. Странно, что я никогда о нем не слышал. Лоррейн (Гамильтон) проверяет сведения о нем, дабы выяснить то, что ей удастся выяснить. Возможно, поставить фильм было бы интересно. Я чувствую, что смог бы. Здравого смысла мне сильно не хватает, да и всегда не хватало, но, думаю, при наличии хорошего оператора, хорошего актера в главной роли и кого-нибудь вроде Дуги Слокомба в качестве украшения я бы справился. Господи… что делать, что делать? В гребаном дне просто недостает часов, не правда ли, Стивен, давняя любовь моя?

Четверг, 26 августа 1993

С минуты на минуту должны появиться родители. День рождения отца. Я поведу их на премьеру «Много шума» Кена — сегодня вечером, в «Эмпайр», Лестер-сквер, — а оттуда на прием

в «Планету Голливуд», ни больше ни меньше. Потому и пишу сейчас, а не вечером, когда они будут бродить по квартире.

Собственно, бóльшая часть дня ушла на приготовления к их приезду. Попрятал все видео «Евробоя», прибрался, сбегал через улицу в «Фортнумс» — за фруктами, цветами, угощением к чаю и так далее. Провел, покупая книги, веселый час в «Хэтчардзе». Запасся для отца дневниками Алана Кларка (с подписью автора), новой книгой Билла Брайсона, отец его любит, и биографией Эйнштейна (*не* непристойной). Набрал для себя кучу книг по теологии… все больше для начинающих. Начитавшись в последнее время Сьюзен Хауатч, заинтересовался этой темой и решил, что стоит узнать о ней побольше. В Бога я, конечно, не верю, но иногда думаю, что верить *хочу*. А тут еще это дурацкое видение: я — епископ, проповедующий, спасая бедную старую АЦ[62] от нее самой. Я так люблю АЦ — «толстозадого гиппопотама», как назвал ее Т. С. Элиот. Литургия у нее намного лучше прочих… а музыка! Однажды Рассел Харти[63], играя на пианино гимны (обладатель абсолютного слуха, он мог сыграть любую названную ему вещь, если, конечно, знал ее), доверительно сказал мне: «Не думаю, что я смог бы полюбить человека, которому не нравятся английские гимны». Вообще-то, его последний любовник, милейший Джейми О'Нейлл, будучи заблудшим католиком, вряд ли разбирался в англиканской церковной музыке[64].

Жуткая самонадеянность — полагать, что из меня получился бы хороший религиозный лидер, не имея за душой ни грана веры. Чистый Генри Кроуфорд[65]. Впрочем, жизнь в этом качестве была бы, наверное, лучшей, чем у персонажей других моих дурацких фантазий — Фрая политика, Фрая бича «правых» и героя парламента.

Кроме того, купил дебютный роман «Во дворце палой листвы» — название попросту жуткое, однако Роджер, милейший старый гомосексуалист из «Хэтчардза», посоветовал мне прочесть эту книгу[66].

Заняться же собственным романом мне все еще не удается. Я надеюсь, что смогу работать в Грейшотте, куда уезжаю в субботу, но как знать? Я вечно рассчитываю, что слова придут ко мне и я сумею пройти этим туннелем сосредоточенности, если возьмусь за работу всерьез, однако сделать предстоит столь многое, и мне отчаянно хочется, чтобы все получилось. Если я не закончу роман в этом году, он перетечет в следующий, и что тогда будет с идеей постановки фильма, телевизионной версией «Лжеца», сочинением Элтона Джона, «Галахадом» и бог знает с чем еще?

Про «Много шума» напишу завтра. Я уже видел фильм

несколько месяцев назад, на предварительном показе. Тогда он мне страшно понравился, но, возможно, на этот раз — при полном зале и моих предвкушениях — он окажется не таким занятным. Хью принадлежит тонкое наблюдение касательно того, что в фильмах Кен, услышав остроту, часто хохочет, откидывает назад голову и хлопает людей по спинам. Он проделывал это в «Друзьях Питера», проделывает в «Много шума» и явно подстрекает своих актеров проделывать то же. В особенности, конечно, благословенного Брайана Блесседа, который в большинстве своих сцен ревет, как пронзенный копьем вол. Согласно теории Хью, смех актеров удерживает от смеха публику, и, возможно, это справедливо и в отношении экранных и сценических слез. Мысль довольно убедительная. А кроме того, в зал наверняка набьются ненавистники Брана и ненавистники Бена Элтона[67]. Я настолько везуч, что вызываю, похоже, меньшую, чем они, злобу. Впрочем, у меня и поклонников меньше, что лишь справедливо. Полагаю, во мне видят скорее достойного доверия малого, чем угрозу. А в Кене и Бене угроза безусловно присутствует, и недоброжелатели видят в них своего рода брехливых терьеров, способных вдруг перескочить через забор и помочиться тебе на брюки. Снобизм британцев внушает им веру в то, что, в отличие от этой парочки, я, при всей моей внешней грубости и левизне, в основе своей правилен и благоразумен, как преданный лабрадор.

Честно говоря, мне слишком везет. Пару дней назад заполнял опросный лист «Гардиан». И на вопрос «Когда и где вы были счастливее всего?» ответил: «Рискуя искусить провидение, скажу все же, что как раз в эту минуту я бодр и весел как никогда». Оговорка насчет пров. правильна. Даже сейчас Рок может, по бессмертному выражению Вудхауза, поджидать меня за ближайшим углом, мирно запихивая подкову в боксерскую перчатку. Черт, звонят в дверь, это родители.

Пятница, 27 августа 1993

Ну-с, они приехали вчера, полюбовались квартирой, оба, похоже, здоровы и пребывают, несмотря на посещение своего финансового консультанта, в хорошем настроении. Я и представить себе не могу, как они выкручиваются. Просто живут, как жили всегда, а дела идут себе помаленьку, мама занимается счетами, отец заставляет трудиться свой поразительный мозг. Я совершенно уверен, что он мог бы стать кем угодно, было бы только желание. Глянец моего абсолютного

преклонения перед ним несколько поистерся с годами. Отец представляется мне теперь на удивление простодушным, однако свой поразительный ум он сохранил.

Так или иначе, после чаепития и коктейлей мы отправились пешочком в «Эмпайр» на Лестер-сквер. *Невероятная* толпа… бóльшая, согласно сегодняшним газетам, чем на премьере «Парка юрского периода», что немало говорит о Кене и Эм. Мы пришли туда, разумеется, с запада и уткнулись в ограждение, пришлось обогнуть площадь и войти в кинотеатр со стороны Чапинг-Кросс-роуд. Пока я проходил сквозь строй с шагавшими следом мамой и папой, многие кричали «Стив!» и аплодировали. Странное, наверное, чувство владело моими родителями — идти за мной и сознавать, что все приветствуют их сына, все его знают. У дверей пришлось попозировать папарацци, после чего мы смогли попасть внутрь. Те, кто поумнее, естественно, были уже там, включая и Ричарда Янга, человека и впрямь поразительного. Он немедленно бочком подскользнул ко мне и краем рта произнес: «Это и есть твои родители?» Я изумленно ответил: «Ага», и он попросил разрешения сфотографироваться с ними. Сколько я понимаю, он, увидев двух только-только пришедших на вечеринку людей, мигом определяет, спят они друг с другом или нет. Помнишь греческую поговорку: «Легче укрыть под мышкой двух слонов, чем катамита»?

Ричарда сменили бесконечные телевизионщики. Одному только богу известно, сколько нынче существует программ о шоу-бизнесе и местных новостных[68]. Все желали получить пред— и послепросмотровые комментарии. (О боже, я печатаю это под идущий по ТВ документальный фильм о человеке с кистозным циброзом. Под звуки, которые сопровождают выдавливание огромных количеств слизи.) В толпе наблюдается небольшая примесь театрального рыцарства — сэр Джон Миллс и Мэри, оба милейшим образом целуют меня. Джонни, святой человек, поцеловал и маму. Присутствовал там и Дикки, ныне лорд, Аттенборо, и сэр Питер Холл. Парочка «Друзей Питера» — Альфонсина{85} и Тони С.[69] — и, конечно, Кен с Эмой, последняя выглядит божественно, первый удивительно походит на Ноэла Эдмундса. Ким Харрис пришел с Хью. Вид у Кима абсолютно разбитый. Несколько месяцев назад Кен позвонил мне и попросил переписать сценарий «Франкенштейна». Я как раз отправлялся в Техас для съемок в эпизоде «Неда Блессинга», вестерна-сериала Си-би-эс. (Я сыграл там Оскара Уайльда, а ставил эпизод ни больше ни меньше как Дэвид Хеммингс.) Я сказал Кену, что не могу заняться сценарием, и предложил попробовать Кима. Ну-с, Ким справился с делом хорошо, однако сэр Кенуорд заездил его

точно ломовую лошадь. Наверное, правильно, что я ответил отказом, хотя познакомиться с Робертом де Ниро было бы занятно. Надеюсь, Ким здоров. Когда он выглядит таким усталым, начинаешь тревожиться.

В конце концов все отправились в зал смотреть фильм. Выслушали речи главы «Ренессанс Филмз» Стивена Эванса и Кена. Во второй раз фильм показался мне даже более трогательным. Думаю все-таки, что Майкл Китон и Бен немного не тянут, но Эм ошеломительно хороша (разумеется), а Кен сказочно мил и остроумен. Противно, что на меня повлияла критика: во время просмотра я начал замечать недочеты в освещении и поведении массовки. Да и здоровье, хохот и веселость Брайана Блесседа теперь немного действуют мне на нервы. Тем не менее фильм чудесный, а как приняла его публика! Весь зал поднялся на ноги и аплодировал чуть ли не вечность. Самая настоящая спонтанная стоячая овация. Стыдно сказать, я заплакал. Кен действительно фантастический человек.

Затем состоялся прием в ресторане «Планета Голливуд», куда я не заглядывал со времени его открытия — эксцентричной вечеринки с участием Брюса Уиллиса, Шварценеггера и проч. Родители все еще взволнованы и веселы. Ричард Брайерс, едва ли не добрейший во вселенной человек, подошел и разговаривал с ними лет сто. Для него они были единственными в ресторане интересными людьми. Хочется верить, я не из тех, кто постоянно озирается по сторонам, но умею отдавать, подобно Дикки Б, все мое внимание тем, с кем беседую. Родители мои уж точно умеют. Единственное отличие Дикки от них в том, что ему приходится немного придерживать язык: обычно каждая его фраза — стреляет ли он сигарету или любуется зданием — начинается со слов: «В лоб твою мать, любовь моя». После него мы немного поговорили с Ричардом Кёртисом и Эммой Фрейд, а затем нас пригласили в зал, за стол, заказанный Кеном и Эм. Я долго разговаривал с членом парламента Полом Боутенгом, веселым, одетым отчасти пугающе. Поболтал немного с Плоскозадым[70] и его любовником Марком, получившим недавно в Нью-Йорке премию «Драма Деск». Они познакомились годы назад на представлении «Меня и моей девочки»[71]. Довольно трогательно. Появился, хоть он и перенес недавно операцию, Дэн Паттерсон. У Энтони Эндрюса до нелепости мелкие ручки и ножки (звучит как стишок) плюс смехотворные ужимки а-ля принц Чарлз, но в остальном он человечек очаровательный. Был там еще невероятно изысканный молодой блондин, с которым я обменялся улыбками.

Примерно в половине второго мне удалось увести родителей, и мы улизнули домой. Когда мы вышли на улицу, у ресторана *все*

еще стояла огромная толпа. Пришлось, прежде чем нам удалось убраться, много фотографироваться и раздавать автографы.

Возвращаюсь в сегодняшний день. Встал около девяти, попрощался с М и П и присоединился к Хью на очередной озвучке. Радиореклама «Альянс и Лестер». Накупил на Тотнем-Корт-роуд кучу суспензориев, спортивных костюмов и прочего — готовлюсь к Грейшотту. Вернувшись домой, посмотрел видео, фильм под названием «Оголенный провод», объявленный «безответственным». Он рассказывает о двух геях (оба — ВИЧ-положительные), решивших послать все на свете к чертям и мотающихся по Штатам, трахаясь и стреляя. Своего рода «Генри. Портрет серийного убийцы» для крутых геев. Остроумный, аккуратно сделанный фильм, несмотря на отвратительную фонограмму. В три отправился в Сохо, заглянул в «Граучо», где Саймон Белл (сюрприз, сюрприз) помогал бару сводить концы с концами; выпил пару бокалов вина и отвалил в студию «Магмастерс» на предмет следующей озвучки.

Позвонил Джонни Сешнсу узнать, не хочет ли он заглянуть этим вечером в Вест-Энд, оказалось, что он пригласил к обеду каких-то старых приятелей, да и жена против, и потому я решил посидеть дома с бутылкой «Флери» и кое-какими фильмами. Только что досмотрел начальный эпизод «Суини», теперь надо решить, смотреть ли следующий. Но завтра, ха! *завтра* мир увидит нового Стивена. Работящего, сосредоточенного, непьющего, сочиняющего роман Стивена.

Позвонила, чтобы попрощаться, Джо Лори. Пока меня здесь не будет, ее новая малышка уже переберется в ясли. Джо сказала, что у Кима все хорошо, просто он смертельно устал. Однако когда-нибудь, когда-нибудь мне придется услышать: Ким заболел, и я сразу пойму, что это «заболел» означает. Поверить невозможно. Черт, ему 35, и в нем сидит бомба с часовым механизмом. Все остальное просто игра случая — «Франкенштейн», отношения с Аластером, которые кажутся такими хорошими. Блевать хочется, верно? Боже, истреби СПИД.

Весело провел час, сочиняя записки для брата Роджера, который будет жить в квартире с женой и моими племянниками Беном и Уильямом. Договорился с управляющим «Планеты Голливуд», что они смогут проходить туда без очереди, по моей особой «карточке знаменитости» (во как!), которую я им оставляю.

Указал на карте, где он, этот ресторан, и где — ближайшие магазины. Надеюсь, они хорошо проведут время.

Суббота, 28 августа 1993 — Грейшотт-Холл, Суррей

Ну, скажу я вам.

Грейшотт-Холл когда-то был, по-видимому, домом Альфреда, лорда Теннисона, теперь здесь «санаторий» с минеральными водами, банями, спортивными залами, гольфом, теннисом, бадминтоном (это начинает походить на монолог Лакки из «В ожидании Годо»), плавательными бассейнами, бильярдом, скрэбблом, бриджем и бог знает чем еще.

Приехав к ленчу, я оказался в помещении, называемом, как впоследствии выяснилось, «Залом легкой диеты», — непомерное обилие салатов и вареных цыплят. В 1.30 у меня состоялось свидание с «Лиз», которая измерила мое давление, взвесила меня (16 стоунов с хвостиком, вот гадость) и спросила, какие «процедуры» мне потребуются. Здесь все — процедуры. Если переспишь с официантом, это назовут «эротической процедурой». Выпивку (алкогольная процедура) здесь не подносят, да оно и к лучшему, имеется курительная с карточными столами и прочим, которая не выглядит надменно необитаемой, что неплохо. Ни на какие особые процедуры я записываться не стал, хотя пробовал когда-то рефлексотерапию и нашел ее расслабляющей и прекрасной. Можно также пройти — на авось — курс курительной гипнотерапии. Еще здесь есть мужской «косметолог», который обучает вас правильному бритью. Если вдуматься, никто и *никогда* не учил меня отскабливать мою физиономию, и, шут его знает, может, я всю жизнь делал это неправильно. В общую цену, 150 фунтов в день[72], включены «тепловые процедуры» (парилка, термокамера или сауна) и шведский массаж. Все это похоже на санаторий «Лесной» из «Никогда не говори “никогда”»[73], только роскоши поменьше. Я выбрал «глубокий внутримышечный массаж», обещающий — завтра в 10.00 утра — болезненные ощущения.

На самом деле, вполне приятное место. Населяют его главным образом женщины. Здесь можно весь день разгуливать в халате или спортивном костюме, это даже поощряется, стало быть, никаких формальностей ожидать не приходится — благодать. Полагаю, приезжают сюда те, кого и следует ожидать в подобных местах, — богатые тоттериджские евреи, жены управленцев, тощие девицы, которые определенно в здешнем режиме не нуждаются. Комнату я получил довольно спартанскую. После полудня попросил, чтобы мне дали люкс, если таковой найдется. Так или иначе, я уже взялся за роман, ради чего, будем смотреть правде в лицо, сюда и приехал. Не знаю… я и вправду не знаю. Надо будет, деваться некуда, составить его план. А по части планов я слаб. Никогда не составлял их ни для статей, ни для кембриджских и школьных эссе, а вот теперь придется. В

нем так много сюжетных линий. Роман должен рассказывать о самоосвобождении, если это не слишком кошмарное слово, а не о герое, Теде Уоллесе (так, во всяком случае, его зовут сейчас, хотя меня начинает раздражать необходимость уклоняться от неизящного *said Ted*[74]), — все будут думать, что это книга о нем, а она, скорее, о тех, кто его окружает. Он поэт и знает, что поэзия — штука хтоническая, а отнюдь не небесная. Она творится из земли и воды, не из воздуха и огня. По-видимому, роман будет говорить и о Чистоте, о Путях Благодати и о всяких до жути скучных, обрыдлых брайдсхедских делах. Однако это не моя проблема, моя проблема — структура. Я должен найти способ соединения прошлого с настоящим и подобающим образом вводить в роман действующих лиц.

При нынешних моих темпах роман не будет сделан и наполовину, пока я не напишу 100 000 слов. Между тем я прошел лишь четверть пути к 80 000 — длина для романа приемлемая, но, похоже, у меня получится больше, хоть это и последнее, чего я хочу. Нет ничего хуже, чем читать роман, чувствуя, что автор норовил побыстрее закончить его. Я должен остаться верным идее моей книги. Одна из бед «Лжеца» — моя неуверенность в том, что людей достаточно заинтересуют Хили и Картрайт, из-за нее я напихал в роман всякой шпионской дребедени, которую, как выяснилось, многие сочли менее интересной, чем любовь Адриана. Повторять эту ошибку не следует.

Так или иначе, я просидел за письменным столом несколько часов, потом отобедал камбалой с овощами, запивая их обычной водой, и закончил фруктами. Вернулся в мою комнату, понял, что больше работать не смогу, и посмотрел никудышный фильм с Брайаном Деннехи, «Месть отца». Завтра массаж и быстренькие девять лунок, потом завтрак, но главное — день должен увидеть меня За Работой.

Воскресенье, 29 августа 1993 — Грейшотт

Сообщить особенно не о чем. Встал в 7.30, позавтракал — творог, пшеничные хлопья, кофе. С кофеином он тут или без, сказать не могу, видимо, потому, что это не существенно. Прошел на гольфовом поле 9 лунок. Расстояние между всеми одинаково, и это устраивает меня больше, чем 150 ярдов. Впервые попробовал посмотреть «Кита-убийцу»{86}, которого Джон Ллойд[75] подарил мне в благодарность за сделанный мной комедийный выпуск его «Шоу южного берега». Проглотил целиком — впервые, обычно я проглатываю[76].

Затем отправился на массаж. Не знал, что являться туда следует на полчаса раньше, дабы пройти «тепловые процедуры», и потому массажа не удостоился. Все время оставался в плавках под обернутым вокруг бедер полотенцем. Остальные мужчины, толстые, с волосатыми спинами (все как один похожие на Ари Онассиса и Пикассо), бродили там вразвалочку, похлопывая себя по пузам и выставляя напоказ свои ядра, но будь я проклят, если поведу себя так же. Не хватало еще, чтобы некий журнал «для дам» поведал миру, какой длины у меня член.

Массаж я получил, но шведский, ничего особенного, а затем вернулся к себе, работать. *Некоторый* прогресс наметился, но мне нужен прорыв, тут и говорить не о чем. Шансы закончить роман в срок, который позволит напечатать его весной, слабы до крайности.

Поговорил в регистратуре о смене комнаты — завтра переезжаю в обитель более роскошную.

Понедельник, 30 августа 1993 — Грейшотт

Да. Теперь я в номере 5. Тут имеются кофеварка, мини-бар с минералкой и снятым молоком, дополнительные цветы, корзинка с фруктами и все прочее, чего в наши дни принято ждать от жизни, гы-гы.

Получил от администрации письмо с извещением о стоимости нового номера — 298 фунтов в сутки, в противоположность 195 фунтам за прежний, ну и хрен с ним. Кроме того, в письме сказано, цитирую: «Ныне мы просим всех наших гостей воздержаться от курения в спальнях, однако функции Биллиардной и Курительной не изменились». Ну и наглость. Это на меня какая-то блудливая прислужница настучала. То есть, я хочу сказать, некая пышная и сладкая, как булочка с изюмом, горничная информировала администрацию о моих «проводимых в номере самоназначенных табачных процедурах»… я, видите ли, вживаюсь в образ героя моего долбаного романа, Теда Уоллеса, и потому мне не к лицу называть горничных блудливыми.

Этим утром — еще девять лунок, затем облачился в халат и отправился изучать эффекты парилки. Жуткое место. Какой-то старикан, потевший там бок о бок со мной, сообщил, что до недавнего времени ее тут не было. Он здешний завсегдатай; богат, надо думать, как Крёз. Парилка похожа на сауну, но, если честно, не так неприятна, потому что в ней исключительно высокая влажность. Проведенная здесь минута воспринимается

как четверть часа. Жуть. Сумел остаться, как и прежде, в плавках. Пожалуй, уже разговоры пошли о моей странной скромности… зато массаж здесь намного лучше. Парень по имени Пит, постараюсь за него и держаться.

После полудня роман довел меня до окончательного отчаяния. Сменил рабочее название на «Травматургия» — столько же ради того, чтобы позлить критиков, сколько по какой-то еще причине. Подошел вплотную к тому, чтобы уложить вещички и либо вернуться в Лондон, либо переехать в какую-нибудь деревенскую гостиницу, где я смогу топить мои печали в одиноких кувшинах клерета. И тут произошло два события. Во-первых, явился мужчина с пепельницей в руках, сказавший, что мне разрешено курить в номере, — должно быть, они увидели, как я, что ни полчаса, бегаю в курилку и бильярдную, и смилостивились надо мной. А кроме того, у меня появилась идея. Вся только что написанная мной глава должна иметь форму письма Теда к его крестнице Джейн. Это может и не сработать в полную силу, но позволит мне немного продвинуться вперед. Я написал после этого пару тысяч слов. Все еще недостаточно, будем, однако, надеяться, что это хороший знак. Завтра придется ехать в Лондон, оттянусь немного. Озвучка рекламы компьютеров «Компак». Доеду до Хаслмира, сяду на поезд и, надеюсь, около двух вернусь сюда. Погадал, не окажусь ли я нехорошим мальчиком и не обожрусь ли в поезде сэндвичами. Здесь я пока ничего, кроме курятины, рыбы, фруктов и овощей, не видел. Ночь, ночь.

Вторник, 31 августа 1993 — Грейшотт

Ну, доложу я вам. Поднялся с жаворонками — можно сказать, жаворонком выпорхнул из-под одеяла. Пронесся, как скандальная сенсация, до Хаслмира, запарковал машину и обнаружил, что оставил бумажник в Грейшотте. По счастью, Бог знает как и почему, я прихватил с собой чековую книжку. Встать в очередь за билетами не потрудился, а прямиком запрыгнул в поезд 08.06 до Лондона. Сидел, весь дрожа, в вагоне второго класса для курящих и гадал, чем эта история закончится. Билетный контролер появился где-то после Уокинга, я объяснил ему, в какое попал положение. Благодарение Богу за известность, он узнал меня и, похоже, пришел в восторг (как и мои сотоварищи-пассажиры, обычные жители пригорода, все до единого, ездящие электричкой на работу, и я оказался сегодня таким же), сказал, что зайцев он сегодня и так, сколько надо, наловит (хотя за

перевыполнение нормы ему наверняка приплачивают), и удалился.

Ровно в 09.00 сошел на Ватерлоо и, не имея в кармане ни гроша (ну, 40 с чем-то пенсов), дотопал пешком до моста и пошел по Стрэнду к Сент-Джеймсу. На полпути вспомнил, что у меня в квартире живут Роджер, Руфи, Бен и Уильям. Конечно, они могли уже и в Норфолк вернуться, но я зашел в дом и обнаружил множество их следов. Решив, что они отправились завтракать в «Фортнумс» или еще куда, оставил записку и поскакал на Лексингтон-стрит озвучивать рекламу. В студии «Тейп-Гэллери» милейшая девушка обналичила мне, слава богу, чек на пятьдесят фунтов. Времени на озвучку рекламы «Компак Компьютерз» (ишь ты! фи!) отводилось два часа, но я, ко всеобщему удовлетворению, уложился в двадцать пять минут. Внутренние часы мои работают все-таки будь здоров. Студии требовалось, чтобы каждая запись продолжалась 18 секунд, и я расколол все семь сценарных орешков с первого раза. Снова понесся на квартиру, застал в ней Бренду, уборщицу, но о Р и Р ни слуху ни духу. Поболтался часок по дому, вдруг они объявятся, а после поехал на такси к Ватерлоо.

Как ни удивительно, стоявшую в Хаслмире машину никуда не отбуксировали, и мне удалось вернуться в Грейшотт к весьма питательному ленчу. Тамошний парнишка сообщил мне, что приехала Имельда Стонтон{87}, и я договорился встретиться с ней в час коктейлей, в 6.00.

В 3.00 тепловые процедуры и массаж. На сей раз и вправду разделся догола! Не злоупотребляй восклицательными знаками, ты не Адриан Моул[77]. Это все мама, она усыпала ими письма к молочнику, сплошные «Спасибо!» и так далее.

Сегодня массажист работал другой, Стив, менее толковый, не забыть бы попросить на следующий раз Питера. Вернулся в номер, поработал над «Травматургией», вроде бы идет хорошо, и спустился вниз для живительных коктейлей с Имельдой и ее матушкой, Бриди. Коктейли, понятное дело, состоят либо из огуречного, либо из томатного сока, ну и отлично. Имельда, она на восьмом месяце, рассказывала мне о муже, Джиме Картере[78], о кошмаре его съемок в «Черном красавце», фильме «Уорнерз». Лошади не умеют себя вести и все такое. Там и Питер Кук снимается.

Так или иначе, последовал ужин, а сейчас, прежде чем я залягу на матрас (не как мафиози, по счастью), — видео. Я их из квартиры целую охапку притащил. На сей раз думаю снова насладиться Джереми Бреттом в «Танцующих человечках», одной из лучших историй о Холмсе. Спокойной ночи.

Почин дороже денег.

Похоже, ведение дневника идет мне впрок — после окончания вчерашней записи меня посетило вдохновение. Я вдруг сообразил, что травматург — это вовсе не Дэвид, а *Саймон*. Я-то все время думал, что чудотворцем будет Дэвид, поэтичный сын семейства Логанов, но, разумеется, им должен оказаться внешне тусклый, заурядный, не такой интеллигентный и чувствительный мальчик. Это правда, принадлежащая к сферам скорее поэтики, чем поэзии. В некотором смысле я скажу этим, что чудотворец *нашей* семьи — не я, а мой брат Роджер, и, думаю, скажу правду. Он человек порядочный — нет, *достойный*, порядочный в смысле, какой Том Вулф подразумевает в «Кострах амбиций»: трудолюбивый, верный, честный… в общем, обладающий всеми качествами, которые создают замечательного человека. Звучит, пожалуй, немного нравоучительно. Однако в романе такой поворот будет, по меньшей мере, гарантировать элемент неожиданности. Ведь Дэви (который намеренно внушает Джейн и Теду, что *он-то* чудотворец и есть) удалось одурачить всех.

Кстати, о дневнике: сегодня первый день сентября, и я решил распечатывать в конце каждого месяца все записанное на его протяжении. Это помешает мне возвращаться назад и что-то менять. Таково проклятие компьютерного дневника — он выглядит безликим и не дает никаких гарантий того, что автор не подчистил его задним числом. Как только попаду в Лондон, распечатаю весь август, хотя от него в дневник попало лишь несколько дней.

Обычные девять лунок. Набрал бёрди! Ура! Впервые в жизни. Играл шестой клюшкой, что твой Брендель на «Бёзендорфере». Затем обычная парная и массаж, проведенный Питером, который все-таки бесконечно лучше Стива. А затем консультация у Старшей сестры. За прожитое здесь время я сбросил 8 фунтов. Восемь фунтов. Невероятно. Я и приехал-то в середине пятницы (да еще налопался в утреннем поезде сэндвичей), то есть пробыл здесь три с половиной дня, получается — больше двух фунтов в день. Держать такой темп мне, конечно, не удастся, и все-таки. Неплохо, а?

После полудня пошел (по совету Сестры) на холистический массаж. Дженис, массажистка, несла всякого рода херню об энергии, ее канализации, целительстве и так далее; должен, однако, сказать, что ощущения я получил чудесные. Полтора часа интенсивно мягкого и тем не менее интенсивно глубокого массажа. Чувствовал после него большую слабость, но потом

взбодрился и преисполнился рвения.

За обедом в «Зале легкой диеты» ко мне присоединились Имельда и Бриди, мы поболтали о том о сем. После обеда работал над ром. Большую часть вечера провел, пытаясь написать стихотворение, которое мог бы сочинить Дэвид Логан (ему 15 лет). Занятие каверзное. Стихотворение не должно быть чересчур изощренным, но и в слишком детском тоже проку не будет. Сочинение стихов, черт бы их побрал, отнимает столетия. Мне так не терпится снова вернуться к диалогам и описаниям. Нужны тысячи слов!! О нет! Опять эта Адрианова Моулятина!!!

Баиньки.

Четверг, 2 сентября 1993 — Грейшотт

Ну-с, все как обычно. Ничего сверхъестественного. Девять лунок поутру. Начал плоховато, но, в сущности, по мячику я бью все лучше (зевок, зевок, зевок) и своей игрой доволен. Вернулся в дом, парилка, массаж, все своим чередом. Усердно работал, потом ленч. Поработав после ленча, решил устроить часовой перерыв и еще раз пройти девять лунок. По-настоящему честно, действительно ей-ей правильно ударил по мячику. Весьма волнующе. У девятой мимо прошел профессионал и, когда я выбил мяч из ти и тот приземлился на грине, на одной линии с колышком, сказал: «Хороший удар». Профессионал!

Возвращаясь к роману, — он продолжается. Я произвел точный подсчет написанных слов. Пока их 30 034. То есть со времени приезда сюда я написал 9174. В среднем 1529 в день, чего, прямо скажем, недостаточно для окончания всей вещи к желаемому мной сроку. Однако — и это «однако» размером с Гайд-парк — я уверен, что с каждым днем пишу их все больше. В конце концов, начинал я медленно, а потому продвигаюсь, пожалуй, довольно сносно. Жаль все-таки, что я не в Норфолке. Сэкономил бы три, а то и четыре тысячи фунтов, которые мне предстоит заплатить за это маленькое пристанище (вдобавок к колоссальной стоимости проводимых там строительных работ); клянусь всеми непотребствами мира, лучше будет, если эти траты себя оправдают.

Хей-хо! Через полчаса покажут «Фрая и Лори». Можно бы и посмотреть. Спиумс спокойнумс.

Пятница, 3 сентября 1993 — Грейшотт

Ну что же, посмотрел «Ф и Л». По правде сказать, неплохо. В некоторых местах смеялся, но, боже ты мой, почему у меня всегда такая самодовольная физиономия? Если я ничего в кадре не делаю, то глупо улыбаюсь, что на редкость противно.

Утро обычное: девять лунок (сегодня я играл не очень умело, однако искупил все мои огрехи великолепным ударом у девятой лунки), парная, массаж, много чего написал и после полудня вознаградил себя за это Ванной и Косметической процедурами. Ванна тут чудна́я — коротковатая для меня и с водой, настолько насыщенной солями, что она обретает такую же выталкивающую силу (и вязкость), как воды Мертвого моря. Ты входишь в предбанник, принимаешь душ, смазываешь потертости на коже вазелином, вставляешь в уши, точно Одиссей, восковые затычки и погружаешься в воду. Рядом стоит на столике всегда включенное переговорное устройство — если запаникуешь или случится что-то еще, тебя непременно услышит тутошняя девица. Включается музыка (не столько музыка, сколько, как легко догадаться, китовое пение), которая — по причине не то затычек, не то чего-то другого, закона Бойля[79], быть может, — слышна яснее всего, когда уши уходят под воду. Кроме того, ты можешь управлять освещением. Идея такая: ты висишь, колыхаясь, в воде, совершенно ничего не видишь и слушаешь, как киты уговаривают китих снять трусики. Мне это времяпрепровождение понравилось, да и чувствовал я себя после него хорошо. Следом имела место процедура Косметическая, оказавшаяся просто-напросто рекламой продукции марки «Арамис» (восстановитель волос, огуречная маска и прочая ерунда в этом роде). Чудесно, однако же, ощущать, как по твоему лицу гуляют женские пальцы. Ты словно гримируешься для съемок, но без необходимости выслушивать дурацкие сплетни или чепуху насчет гороскопов. Кроме того, лапочка побрила меня, что всегда приятно.

Затем вернулся, в общем и целом, к роману. Я придумал для него новое название, «Поэзия других», у издателей оно если и вызовет какие-то чувства, то ненависть — еще пущую, чем «Травматургия». Несколько месяцев назад я сообщил моему редактору, Сью Фристоун, рабочее название «Что дальше?», и оно ей понравилось. Теперь оно кажется мне дрянным или, быть может, отдающим Джозефом Хеллером (отсюда не следует, что я считаю ДХ дрянным). Такими названиями наделяют свои книги авторы, отчаянно жаждущие, чтобы их опусы стали бестселлерами. Я, натурально, отчаянно жажду именно этого и ничего другого, однако такое название отдало бы меня, и с головой, на поживу критикам. «А и в самом деле, что же дальше, мистер Фрай? Будем надеяться, нормальный роман, ха-

ха, хи-хи…»

Между прочим, написал 3000 слов, и это шаг вперед. В дневнике их пока набралось 7061, что в среднем составляет (как вы могли бы подсчитать и сами) 599,416666 слова в день; вы, наверное, думаете, что отданное дневнику время было бы лучше потратить на роман. На самом деле я чувствую: дневник меня стимулирует (*наверняка* чушь, поскольку я обращаюсь к нему только *после* работы, — ну, вы понимаете, о чем я).

Ладно, пора в постель. Завтра крикет, завтра я впервые за сто лет поем по-человечески. Пока что сбросил девять фунтов и не хочу снова их нарастить. И поосторожнее с выпивкой, не перебирай.

Все, окрасим будущее в постельные тона.

Воскресенье, 5 сентября 1993 — Грейшотт

Был в Лондоне, смотрел крикет. Чертовски хорошая игра. Суссекс против Уоркшира. Финальный матч «Приза Норвест», стадион «Лордз». Все решил последний мяч. На последней подаче Уорку потребовались 2 пробежки, чтобы набрать победные 322 очка. На самом деле хватило бы и одной, калиток они потеряли меньше, но, в любом случае, сыграл Уорк — шик-блеск. Под конец было до того темно, что я не понимал, как это бэтсмены вообще видят мяч. Что значит умение выигрывать — обстоятельства складывались не в их пользу, а они попросили убавить свет. Я приехал туда, потому что Уилл Уайетт пригласил меня в ложу Би-би-си. По большей части корпоративные тузы, Роджер Лоутон, Майкл Чекланд[80] и проч. Впрочем, основную часть матча я провел, изображая ветчину в сэндвиче драматургов. Дэвид Хэйр слева, Саймон Грей{88} справа (во всех смыслах слова). Дэвид оказался маниакальным болельщиком Суссекса. Бедняга — я впервые проникся к нему теплыми чувствами, увидев, как он грызет костяшки пальцев, приобретая все большее и большее сходство с «Криком» Мунка. Тонзура его багровела от страстных переживаний. Похоже, происходившее на стадионе представлялось ему куда более важным, чем назначенная на следующую неделю премьера его пьесы «Бормочущие судьи». Выяснилось, что он тоже сотрудничает со Скоттом Рудином. Мы сравнили наши впечатления, касающиеся невозможности хоть как-то связаться с ним. Офис Скотта, как у них заведено, ежедневно звонит на мою лондонскую квартиру, словно зная, что я в Грейшотте. Сам Скотт сейчас на Венецианском кинофестивале, поэтому смысл в ответных звонках отсутствует.

Саймон, коего я не видел целую вечность, выглядит, по правде сказать, ужасно. Слезящиеся глаза, лицо сильно побитого боксера — тут даже глубокий загар не помогает. Густые волосы, которыми он характерным образом потряхивает, кажутся уже не мальчишескими, а просто принадлежащими укрытому в классной комнате портрету[81]. Он был в Греции, на острове Спеце, писал ни больше ни меньше как роман, заказанный братом Марка Мак-Крама, Робертом, для «Фейбера»{89}. Ясно, что он все еще пьет, — Саймон, не Роберт Мак-Крам. Признался, что чувствует себя виноватым перед Берилом, и рассказал мне подлинную историю того, как Эдди Фокс уничтожил возможность новой постановки «Условий Квотермейна»[82] в Вест-Энде. Лучшая постановка УК, считает Саймон, однако Фокс боялся сравнений с его игрой, тем более что, по уверениям его матери, новая постановка затмит старую. Поразительно, однако, что Саймон все еще очень, очень плодовит: мало нового романа, есть также ждущая своего часа новая пьеса, только что написаны для радио две другие, плюс два сценария для принадлежащей Верити Ламберт компании «Синема Верити» (хо-хо!).

Дэвид Фрост немного запоздал: он только-только вернулся из Москвы, где брал интервью у Михаила и Раисы Горбачевых. Клянусь, этот человек все еще говорит и ведет себя так, точно он пару дней назад закончил Кембридж и отчаянно жаждет сделать карьеру на телевидении. Чудо, в сущности. Не любить его невозможно. Между прочим, совсем недавно на ТВ прошла совпавшая с выходом в свет толстого первого тома его автобиографии Неделя Фроста, ему были посвящены самое малое пять передач. Он говорит, что еще одну — компиляцию взятых им за 30 лет интервью, там есть и кусок из моего, проведенного в этом году, — показывают нынче ночью. Том уехал до окончания матча, чтобы монтировать материал о Горбачевых.

Присутствовал также Джон Салливан, сценарист «Гражданина Смита», «Лишь дураки и лошади» и т. д. Мы обменялись анекдотами о Нике Линдхёрсте и Дэвиде Джейсоне. Весь июнь я снимался с Ником в «Шталаге “Люфт”» для йоркширского телевидения. Был там и Билл Коттон, рассказавший следующее. Он едет в одном купе с Питером Селлерсом, Томми Купером, Барри Крайером{90} и Деннисом Мэйном Уилсоном[83]. Деннис рассказывает одну из своих историй, Томми встает и уходит в сортир. Минут через десять все начинают гадать, куда запропал Томми, встают, проходят коридором к двери уборной — та заперта. Колотят в дверь. Никакого ответа. Зная, что ТК сильно под мухой, они начинают беспокоиться и отыскивают проводника. «Там мистер Купер, — говорят они. — Вы не могли бы открыть

дверь?» Проводник открывает. Тонни сидит на опущенной крышке унитаза, в штанах. Он окидывает их своим фирменным встревоженным взглядом — брови приподняты, чело в морщинах — и спрашивает: «Деннис уже договорил?» Тем, кто не знаком с Д. М. У., анекдот покажется не таким уж и смешным, но мы-то с ним знакомы.

После этого мы сосредотачиваемся на матче. Я показываю себя хорошим мальчиком — еду выбираю, как сам Хей, и ограничиваюсь бокалом красного и маленькой водкой с тоником. Незадолго до предпоследнего броска я звоню и заказываю такси, попросив, чтобы оно дожидалось меня у «Ворот Грейса», — собираюсь ехать обедать к Хью и Джо, где будет только что вернувшийся из Оза Бен Элтон. Саймон одалживает у меня телефон, чтобы сделать то же самое.

Ухожу, как только становится ясным результат игры, поблагодарив Уилла и выразив соболезнования Дэвиду Х. Такси нет как нет, топчусь у ворот, ощущая себя дураком. Ко мне подходят какие-то люди, впрочем, не чрезмерно приставучие и не жадные до автографов. Затем, о чудо, появляется *Найджел Шорт*![91] Оказывается, он провел на стадионе весь день. Во вторник ему предстоит начать с Гарри Каспаровым схватку за звание чемпиона мира, и вот, пожалуйста… я на его месте сидел бы, занудничал, насильно вливал в себя кофе и потел над зажимом Мароци или контргамбитом Винавера[92]. Полагаю, он знает, что делает. Очень просил меня прийти на матч и поздороваться с ним. Может, я так и сделаю. Посмотрим. До сих пор я сопротивлялся уговорам «Канала-4» и Би-би-си-2, которые собираются освещать матч. Что, собственно, могу я сказать в эфире? Тягаться с Рэем Кином как с аналитиком мне и думать нечего, останется играть роль медийного поденщика, который время от времени изрекает нечто умственное о психологии да отпускает глупые шуточки о языке бессознательных телодвижений. Тьфу. Пока я пишу это, по телевизору идет передача с участием Доминика Лоусона, Билла Хартстона, гроссмейстера Дэвида Норвуда и президента ФИДЕ Флоренсио Кампоманеса. Создается впечатление, что Найджел продулся, еще не начав.

Мимо шаткой походкой бредет Саймон, его ждет такси. Чтоб вы сдохли, мерзавцы из «Компьютер Кэб». Впрочем, добрый Саймон предлагает подбросить меня, я сажусь в его машину, мы заезжаем в Тафнел-парк, оттуда он отправляется в Ноттинг-Хилл… сделав порядочный крюк. Вот это да!.. шахматная программа закончилась, начался показ «Фотоувеличения»[93]… По-моему, сейчас Дэвид[84] выглядит лучше, чем тогда. Нет,

неправда. Просто в «Фотоувеличении» он как актер не передает зрителю и десятой части своей поразительной *энергии*.

У Лори все в ажуре. Джо отчаянно хочется разродиться. Пару дней назад она сказала мне, что Бен и Софи{94} собираются пожениться, *а я об этом напрочь забыл*. Господи, в том, что касается светских толков, я безнадежен. Это, конечно, не светские толки, но вы поняли, о чем я. О новостях в жизни других людей. О поэзии других. (Уверен больше, чем когда-либо, что это правильное название и что Сью его возненавидит.) Софи собирается перебраться на жительство в Англию. Бен думает, что свадьба состоится в апреле или в мае.

Я сказал ему, что май традиционно считается неудачным для свадьбы месяцем. Как зеленый цвет. Не понимаю, что на меня нашло. Я ни в малейшей мере не суеверен, а счастливую пару мои слова явно смутили. Может быть, это проявление подсознательной неприязни? Уверен, что нет.

Мы немного поговорили о двух наших романах. Хью пишет детективный боевик{95}, я прочитал примерно треть — *очень* забавно.

Следующий день, т. е. сегодня: встал пораньше, доехал поездом до Хаслмира и к половине одиннадцатого уже прошел в Грейшотте 9 лунок. Немного повозился с ром., однако мое всего лишь однодневное отсутствие обошлось мне дорого, я не смог сосредоточиться настолько, чтобы написать что-нибудь новое, и потому провел время, переписывая и перефразируя то да се. В 3.00 массаж. Массажист Стив в отъезде, его заменил Вилли Блейк, хорошее имя. Он — норфолкский знакомый моей сестры Джо, привлекательно бестолковый фанатик нью-эйджа. Массируя меня, тараторил о канализации энергии и аурах. Я спросил, сам-то он ауру когда-нибудь видел? «Нет, — сказал он. — Настоящую видеть не довелось, но один раз я очень ясно видел эфирную оболочку». Ну, прямо скажем…

После этого все больше смотрел ТВ, муза куда-то смылась. Затем обед, еще немного телика и вот этот дневник.

Понедельник, 6 сентября 1993 — Грейшотт

Сегодня сообщить не о чем. Абсолютно заурядный грейшоттский день. Девять лунок, немного разочаровавших, тепловая процедура, массаж, работа, постель. Еще раз девять лунок после полудня — день как день. Содержавший не намного больше того, чего я побаиваюсь.

Вторник, 7 сентября 1993 — Грейшотт

Примерно такой же средней паршивости день. Сегодня вернулась сестра Джо, мы поговорили по телефону. Похоже, она, Ричард и малыш[85] хорошо провели время во Франции. Сколько-нибудь важная почта отсутствует, вот разве Грег Сноу отправил мне из Флориды альбом «Колористическая книга лесбийской мохнатки»[86], жду с нетерпением. На следующей неделе приглашен в «Колизей» на премьеру «Богемы», возможно, повеселюсь.

Моя издательница Сью Фристоун прислала факс — о том, как она безумно рада продвижению романа вперед. Похоже, она думает, что я его того и гляди закончу. Размечталась. Спрашивает, что я думаю насчет обложки. Я не написал еще и половины, а ей обложку подавай. Вот черт.

Разговаривал по телефону с Мэгги Хэмблинг[87]. Ей нужно, чтобы я еще два раза попозировал для портрета. Договорились, что приеду к ней на следующей неделе, во вторник и в среду.

После полудня посмотрел урывками первую партию матча Каспаров — Шорт. И «Канал-4», и Би-би-си-2 посвящают ему немало эфирного времени. Подача матча «Каналом-4» показывает, что популизм достиг новых высот. Стоит Дэниелю Кингу или Джонатану Спримену упомянуть «королевский фланг», как ведущая вцепляется им в глотки. «То есть правая сторона доски?» — «Да, верно». Так ведь для Найджела, который играет черными, она вовсе не правая, так? Ведущая отчаянно старается подыскать драматические фразы (наскребая их где угодно, только не в шахматах), чтобы описать битву интеллектов, полностью выходящую за пределы ее понимания. Как, собственно, и моего. Конечно, расширить аудиторию — мысль хорошая, но вряд ли это удастся сделать, трактуя шахматный матч как управляемый бензедрином поединок между двумя дикоглазыми умельцами облапошить противника.

Увы, Найджел проиграл *по времени*. Он выдержал штормовой натиск Гарри К, избиение в сущности, а когда приготовился сделать *самый последний* за контрольное время ход, его флажок упал. Катастрофа. Как, должно быть, муторно у него на душе. Хорошо, по крайней мере, что он закончил в ничейной позиции, но ужасно, что проиграл так глупо. Спать лег под грозу. Чудесное ощущение. Моему королю ничто не грозит.

Среда, 8 сентября 1993 — Грейшотт

Утро без гольфа: сильный ветер, сырая трава. Много работал и теперь уж точно сделал больше половины. За 9 дней написал больше двадцати тысяч слов, неплохо. К сожалению, другого такого отрезка времени у меня не будет. Поговорил по телефону со Сью Фристоун. Она приедет в следующий четверг, просмотреть готовое. Оказывается, моему роману, который она упорно именует «Что дальше?», предстоит стать «важнейшим событием 1994 издательского года». Замечательно.

Позвонил также Иэн Маккеллен. Хочет, чтобы я провел в лондонском «Палладиуме» презентацию каких-то связанных с возрастом согласия[88] дурацких послаблений, которых добивается «Стоунволл»{96}. Ну, не столько презентацию, сколько постановку на обсуждение. Я согласился также поучаствовать в дебатах «Кембриджского союза» на ту же тему. Все это отнимет время, которого мне и так не хватает. А предстоит еще оргия в Альберт-Холле по случаю «Глобуса» Сэма Уонамейкера{97}.

Кстати, об Альберт-Холле: в субботу я, побывав на венчании Чарлза и Карлы Пауэлл{98}, должен буду отправиться на «Последнюю ночь Променадов». Ну, не *их* венчании — их сына.

После полудня, когда и в погоде, и в моем вдохновении наступило временное затишье, играл в гольф. *Играл как гребаный гений*. Еще только замахиваясь клюшкой, я попросту *знал*, что мяч пойдет по прямой и уйдет далеко. Впервые в жизни мне раз за разом удавались дальние броски и я почти на каждой лунке обходился одним ударом. Бёрди, пары и практически ничего другого. Смешно, потому что я наиболее нескоординированный и наименее способный попасть по мячу игрок из всех, кто когда-либо вытаскивал клюшку из мешка. Ну, бывает, надо полагать, что и медведь летает. Больше мне, наверное, никогда так не сыграть, стало быть, можно и порадоваться.

И роман подвигается. Галиматья, разумеется, и не более того, но, по крайней мере, я чувствую, что чего-то добился. Разрозненные элементы его сходятся один к одному. Пока ему не хватает, однако же, страстности. Мне хочется, чтобы над некоторыми страницами люди плакали, а этого я еще не достиг. Задачка сложная. Спи, дурень.

Четверг, 9 сентября 1993 — Грейшотт

Приемлемый день. Прилично поработал, больше 4000 слов. Из Флориды пришел почтой подарок Грега Сноу: «Колористическая книга лесбийской мохнатки», произведение Ти Коринни. Цитирую предисловие: «Изданный в 1975 году альбом

“Колористическая книга лесбийской мохнатки” сразу приобрел бешеную популярность, хотя многие были недовольны его “ужасным” названием. В 1981-м, после трех переизданий, название было заменено на “Колористика вагины”, и книга практически перестала продаваться. Добро пожаловать в прежнюю (с небольшими добавлениями) “Колористическую книгу лесбийской мохнатки”. Можете раскрашивать ее в свое удовольствие. Содержащиеся в ней рисунки женских половых органов сделаны с натуры. Хочу выразить любовь и благодарность всем женщинам, которые участвовали вместе со мной в этом проекте, а также тем, кто ободрял и консультировал меня. Эти страницы — благодарная дань вашей энергии».

Выписка сделана из предисловия самой Ти. Имеется также небольшое вступительное эссе некоей Марты Шелли, озаглавленное «Начало»:

> В начале начал мы появляемся из мохнатки, не из ребра некоего мужчины; мы омываемся водами и кровью родов, а не какого-нибудь пронзенного копьем бога. В начале начал женщины изготавливали горшки и кувшины, имевшие формы грудей и маток, и расписывали их треугольниками, то есть символами мохнатки.
>
> Итак, первым из искусств было Искусство Мохнатки. Кости мертвецов складывали в кувшины — не затем ли, чтобы ускорить переход души в следующую матку? Быть может, женщины древности пели о том, как нежны, чувствительны, упоительны и сильны кольцевые мышцы, отделяющие одну жизнь от другой? Женщины уцелевших доныне племен поют хвалы своим мохнаткам, рассказывая, как хороши, длинны и полны их губы, как вьются и поблескивают от влаги их волосы.

Ну, знаешь ли, до’огуша…

Естественно, на страницах книги изображены уродливо деформированные подобия устриц, которые выглядят как последствия взрыва на складе донорских органов. Надеюсь, сказанное мной не отдает женоненавистничеством, — альбом «Цвет елдака» был бы точно таким же скотством.

У книги имеется даже номер ISBN[89], можете вы в это поверить? Жалко, что текста больше нет, одни лишь черно-белые наброски женских причиндалов.

Единственное, что еще доставила мне почта, это открытка от Рори Бремнера с просьбой время от времени писать что-нибудь для одного из его новых шоу на «Канале-4». Предложение

приятное. Думаю, однако, что мне придется спасовать.

Во время второй партии Шорт — Каспаров позвонил Ким. Похоже, он считает, как и я, что Найджел опять продуется[90]. Пригласил К составить мне компанию на премьерах «Богемы» и новой пьесы Дэвида Мамета «Олеанна». Все еще никаких новостей от Хью и Джо Л. Она *должна бы* уже разродиться, ведь так?

Попробовал рефлексотерапию и массаж с ароматерапией. Недурно. И посейчас ощущаю себя полным энергии. Все мои массажисты пришли, похоже, к согласию на мой счет — «уравновешенный и спокойный», приятно.

Звонил Скотт Рудин. Он доволен тем, что я переговорил с Терри Гиллиамом о его новом фильме «Дефективный детектив»{99}, но хочет, чтобы я поднажал на Т насчет сценария. Фью! Я-то тут при чем? Покончу с романом, нужно будет побеседовать со Скоттом о следующем сценарии, который я напишу для него.

Сью Ф. прислала факсом предложение касательно обложки. «Как насчет “Давида” Микеланджело в плавках?» Ну, скажу я вам! Малость гомоэротично для романа, который никакой голубизной не отличается. Придумал сегодня сцену: Дэви трахает лошадь, чтобы исцелить ее от некоего загадочного недуга наподобие отравления крестовником. Может получиться неплохо.

Свежая новость. Найджел сыграл вничью. Тьфу! Эхе-хе.

Пятница, 10 сентября 1993 — Грейшотт

Последний полный день здесь. Встал пораньше, чтобы поработать, сбегал на массаж и тепловую процедуру, а вернувшись в номер, обнаружил под дверью записку: «Просьба позвонить Ребекке Лори, 071 580 4400, комната 101». На миг решил, что спятил, а потом… ну конечно! Джо надумала сделать сегодня кесарево. Ребенок заставил ждать себя дьявольски долгое время, набрал слишком много распроклятого веса. 8 фунтов 13 унций. Джо еле-еле ходила и дышала. Врачи решили, что он вполне способен задержаться там еще недели на две, уж больно ему место нравится. Больница Юниверсити-колледжа сообщила, что в ближайшие две недели она сечения сделать не сможет, поэтому Джо и Хью поневоле воспользовались портлендской частной клиникой. Крупная здоровая малышка. Увижу ее в воскресенье.

Много работал, потом холистический массаж, как всегда приятный, за ним быстрые девять лунок. Некоторые удары великолепны, некоторые так себе (как будто вам не все едино).

Затем снова работа: почти добрался до пятидесяти тысяч слов — трех сотен не хватает. То есть за последние одиннадцать дней я написал 30 000 слов. Недурно. Только что закончил сцену с Дэви и лошадью. Господи, ну и достанется же мне за нее. «Так вы и это попробовали, Стивен?.. В исследовательских целях, естественно… хе-хе…»

Может, она и ужасна, ну посмотрим. Интересно, что скажет Сью Фристоун. Завтра последняя процедура, косметическая, на свадьбе и в театре я появлюсь с гладкой, лоснистой физиономией. Так или иначе, пожил я здесь воистину роскошно, сбросил больше стоуна веса. Наслаждался работой, когда она пошла-потекла, — такого покоя и счастья я уже годы как не испытывал. И от бухла воздерживался, хотя завтра его будет немало…

Времени уже больше 11, надеюсь, к двенадцати удастся заснуть.

Спокойночи.

Воскресенье, 12 сентября 1993 — Лондон

Вернулся в город, сбросив один стоун два фунта и пополнив роман тридцатью тысячами слов. Вчера прошел с утра косметическую процедуру и выехал на А3 лоснящимся, подтянутым и отдохнувшим. Не оставил «мимическим морщинкам», которые так обожает реклама, ни единого шанса. Бросил отважный вызов зримым знакам старения.

Приехав в город, успел заглянуть в «Липманз» на Чаринг-Кросс-роуд, где взял напрокат «визитку» — моя застряла в Норфолке. Затем купил для счастливой четы гравюру в галерее «Крис Битлз», заскочил в квартиру, переоделся и понесся на такси в Олд-Черч, Челси. Чарлз и Карла Пауэлл выглядят прекрасно. Ну, сэр Чарлз немного постарел, но это и неудивительно: ему приходится то и дело летать реактивным самолетом в Гонконг, проводить получасовые совещания с Крисом Паттеном[91] и в тот же день возвращаться обратно. Тут кто угодно постареет. Зато Карла в превосходной форме. Большую часть времени проводит в Италии, ухаживая за своим отцом. Их сын Хью сочетался браком с Кэтрин Янг, дочерью сэра Уильяма и леди Янг, кем бы таковые ни были. Он директор банка «Кауттс», впрочем, люди подобного происхождения становятся директорами банков так же часто, как и членами сквош-клубов. Шафером жениха был Денни Тэтчер{100}, невесты — бедные старые Розмари и Норман Ламонт[92]. Ха! Так ему и надо, нечего было изображать верного тори.

Хорошая служба: прекрасно спетые «Аве Мария» Шуберта и «Радуйся, истинное Тело» Моцарта. Хороший трубач в неизбежном Джеремайе Кларке[93] и «Торжественном марше» из «Аиды».

Как только служба закончилась, я опять-таки на такси вернулся домой, переодеться для Альберт-Холла. Приехал заблаговременно, чтобы найти Патрика Дюшарса, который там правит. Он пригласил меня на «Последнюю ночь Променадов», и поначалу я его приглашение отверг, думая, что останусь на свадебном приеме. А на прошлой неделе мне пришло в голову, что это глупо, поскольку я, в сущности, почти никого из свадебных гостей не знаю и на ПНП мне будет веселее. Поэтому я позвонил в офис Джона Берта[94] и сказал, что прийти все же смогу. Я сдуру решил, что это он меня приглашал, а не Дюшарс. В конце концов, Джон всегда приглашает меня куда-нибудь… на Уимблдон, на финал Кубка по футболу и т. д. В офисе мне сказали: «Хорошо, как хотите… нет проблем. Будете сопровождать леди Паркинсон (жену Сесила)». Только тут я свою промашку и понял. Поэтому, приехав в Альберт-Холл, я отыскал Патрика, рассказ мой его позабавил, он сказал: ничего страшного. Джон Берт, когда приехал и он, тоже повеселился, услышав эту историю, — короче говоря, мне удалось изобразить склонного к самоедству идиота и всех позабавить.

Кто там был? Сплошь старые тори. Майкл Хезелтайн{101} с женой. Они оказались большими поклонниками «Дж и В». «Наш дворецкий старается добиться абсолютного сходства с вашим Дживсом», — прощебетала леди Х. «Идите на хер, дорогая», — скрипуче не сказал я. Перегрин Уэрсторн и его жена Люсинда Ламтон в весьма удивительном платье, сильно похожем на «Юнион Джек»; Алан Корен и его жена Энн, Терри Бернс из Казначейства Ее Величества, Дебби и Дэвид Оуэн, последний примчался сюда сразу после своего выдающегося провала в Швейцарии[95]. Ну и до кучи Джейн Берт и я. Должен сказать, Джейн я люблю — американка, как и Дебби.

В общем и целом время провел довольно приятно, хотя в живом виде происходившее выглядело не таким трогательным, как на экране телевизора. В глубине души я испытывал некоторое разочарование, как будто ожидал чего-то, а оно не случилось. Потом мы ужинали в «Лонстон-плейс», Оуэны подвезли меня туда в своем новехоньком «Вольво». Вообще говоря, было довольно смешно. Они спорили решительно обо всем. Как пройти к машине, как доехать до ресторана, где запарковаться, доехав. Я сказал: «Ну, если вы не можете договориться о том, как пройти к запаркованной машине, неудивительно, что в Боснии творится

такой кошмар», — замечание довольно тривиальное, но право же… Переговорщик ООН, не способный управиться с односторонним движением.

Сидел на одном из концов стола, между Люсиндой и леди П. По-моему, она ничего, наша помешанная на аристократизме Люсинда. Профессиональная энтузиастка и потому слегка перебарщивает, но, сдается мне, без надувательства. Добравшись до дому, лег около двух — впервые за две недели так поздно.

Сегодня ездил в Портленд, инспектировать юную Ребекку Лори, она крепенькая и милая. Джо, бедняжка, совсем расклеилась — воспаление легких, роды. То с ингалятором, то в кислородной маске. Приезжал Хью, похоже, в успехе своего романа он уверен. Поспорить готов, роман у него получится упоительно смешной.

Странная это штука, частная больница. Звонишь по телефону и слышишь: «Обслуживание номеров…» Перед входом я заметил спортивную машину, принадлежащую, как оказалось, мистеру Армстронгу, врачу-консультанту, который делал Джо кесарево сечение. Он тоже заходил к ней — джинсы, спортивные туфли, темно-синий шерстяной свитер, — обычно так одеваются на выходные жители центральных графств.

Оттуда домой, немного поработал над романом. *Думаю*, что я, пожалуй, смогу заниматься им здесь. Надеюсь, черт подери. Сегодня всего тысяча слов. Прорва дурацкой возни с форматированием двух содержащихся в романе факсов.

Ладно, уже за полночь, спать пора.

Понедельник, 13 сентября 1993

День тихий. Из квартиры почти не выходил. Множество писем, с которыми нужно было разделаться, в чем и преуспел. Мир сходит сегодня с ума по случаю подписания в Вашингтоне договора между ООП и Израилем. Генри Киссинджер и прочие так называемые стреляные воробьи проявляют изрядную осторожность. В сущности говоря, удивляться нечему. Предстоит еще столько потрудиться, чтобы угомонить правых израильтян и палестинских националистов.

Работал над не похожей на другие главой романа. Ведущийся от третьего лица рассказ о происхождении Майкла Логана в общих чертах основан на жизни моего деда. Где бы еще почерпнул я идею о венгре, выращивающем сахарную свеклу?

Больше сообщить не о чем. Все еще стараюсь питаться правильно, однако воздерживаться от набегов на холодильник так

трудно.

Вторник, 14 сентября 1993

Встал пораньше, чтобы снова позировать Мэгги Хэмблинг. Началось плоховато, мы оба нервничали. Однако она постепенно обретала уверенность в себе, рисуя угольной палочкой размером примерно с молочную бутылку. Поразительное орудие. Господи, до чего же трудно неподвижно стоять в течение столь долгого времени. Под конец она включила кассетник, запись *Ink Spots*{102}, ей хотелось зарисовать меня танцующим — зрелище, которое она сочла бесконечно забавным, да его, пожалуй, сочтет таким каждый, кому посчастливится увидеть представление столь редкостное и с такой неохотой даваемое. В 12.45 прибыла машина, чтобы отвезти меня на студию в Ислингтоне — фотографироваться для «Радио Таймс». Делалось это ради рекламы «Шталага “Люфт”», дату показа коего никак не могут назначить окончательно. Думаю, они вернулись к концу октября, хотя одно время называли 8-е. За съемкой, которую провел Брайан Муди — на редкость симпатичный малый, как, заметил я, и большинство хороших фотографов, — последовало интервью. Надеюсь, оно получится вразумительным. Должен сказать, что чувствовал я себя все это время хорошо, хоть меня и тянуло к клавиатуре, к роману. Достигнутое в Грейшотте по-прежнему позволяет мне сохранять спокойствие и веселость.

Вечером проработал несколько часов. Продолжил главу, в которой мы возвращаемся в Европу, чтобы посмотреть на отца Майкла Логана, венгерского еврея.

Среда, 15 сентября 1993

Снова позировал Мэгги. Ей хотелось, чтобы на сей раз я изображал диск-жокея, это более созвучно моему образу, уж не знаю какому, сложившемуся в ее голове. Пока мы продвигались вперед, я сообразил, что этих сеансов ей недостаточно. В мастерской стоит большой черный холст, на котором она хочет написать меня маслом, а времени, чтобы даже подступиться к этому, у нас определенно нет. Я предложил провести еще пару сеансов, она явно обрадовалась. Значит, на следующей неделе.

Вернулся домой — поработать, пока не пришел Ким, чтобы отправиться со мной в «Колизей» на премьеру «Богемы».

Позвонила Элен Аткинсон-Вуд[96], спросила, не могу ли я начитать что-нибудь на кассету для юноши, друга ее семьи. Он покалечился, слетев с велосипеда, сейчас в коме. Оказывается, он большой поклонник «Черной Гадюки». Сказала, я могу читать что угодно. И естественно, я обнаружил, что никаких приспособлений для записи у меня здесь нет.

Появился Ким — выглядит хорошо, элегантно, — и мы повлачились на Сент-Мартинз-лейн. Какое разочарование! Постановка ужасная, просто ужасная. Стивен Пимлотт поработал. Управление хором отвратительное, никаких пауз; Ким разозлился, он считает, что это разваливает всю структуру оперы. Он разбирается в таких делах лучше меня, поэтому я поверил ему на слово: без пауз спектакль получился коротким. С другой стороны, я всегда считал эту оперу структурным месивом. Кошмарный Родольфо, едва слышный за оркестром, да и по-английски вещь звучит безобразно. При этом под конец я плакал, как дитя, да и кто бы не заплакал? Видел в театре Мелвина Брэгга{103}: он сбросил около тонны веса и в результате постарел лет на двадцать. Прежняя пухловатость сообщала его облику нечто мальчишеское, почти херувимское, чем он и славился. Присутствовали также Джереми Исаакс[97], Энн Форд, Фрэнк Джонсон и медиахеды в ассортименте. Из театра мы с Кимом пошли в «Плющ». Видели там Гаролда и Антонию, Майка Оккрента (также постаревшего из-за потери веса)[98] и Тима Райса, по счастью, сохранившего прежний вес.

Домой вернулся как раз ко времени сна.

Четверг, 16 сентября 1993

Сегодня Сью Фристоун! Какое присутствие духа. Последние проверки, распечатка. Она прочла половину, затем мы отправились в «Гринз» проглотить наскоро по паре устриц. Вернулись, чтобы она дочитала до конца. Ей, похоже, понравилось чрезвычайно. Большое облегчение. Замечаний практически никаких. Я поуламывал ее насчет заглавия «Поэзия других», похоже, она начинает склоняться к нему.

В 5.00 поскакал к Лори, чтобы еще раз проинспектировать Ребекку и доставить им мой ингалятор, который Джо и Хью лучше иметь под рукой — учитывая недавнее воспаление легких Джо. Остался на ужин и на «Крепкий орешек 2».

Пятница, 17 сентября 1993

Огорчительное утро — бродил туда-сюда по Риджент-стрит и Мэйфер в поисках магнитофона. Вышел из себя, когда пятеро, не то шестеро продавцов «Уоллес-Хитон» на Бонд-стрит меня попросту проигнорировали. Шум поднимать было нельзя, поскольку они решили бы, что я разобиделся из-за того, «кто я». В конце концов дошел до Оксфорд-стрит, 76, и получил там «Профессиональный Уолкмен “Сони”». Записал для юноши в коме монолог Мелчетта, распечатал для моего лит. агента Энтони Гоффа готовую часть романа и вызвал такси, чтобы отправить пленку и манускрипт. Энтони сказал по телефону, что Сью поет о пока что сделанном мной восторженные песни. НЕ ПОЗВОЛЯЙ ЭТОМУ ОТВЛЕКАТЬ ТЕБЯ, СОСРЕДОТОЧЬСЯ.

Ну и уселся за работу. Все вроде бы соединяется у меня в голове, и, как бывает, когда дело идет хорошо, элементы, которые я внес в роман, прямо скажем, наугад — в начале работы, когда у меня не было никакого представления ни о сюжете, ни о том, чем все закончится, — внезапно обретают абсолютную осмысленность, естественный и правильный вид, как будто я всегда знал, что здесь они быть и должны. Хей-хо.

Суббота, 18 сентября 1993

Как обычно, по преимуществу работал. Подумал, что неплохо бы снабдить каждую главу заголовком — строчкой из «Гиппопотама» Элиота. По-моему, они здесь будут на месте. Я знаю, предполагается, что это стихотворение об Англиканской церкви, однако Теда вполне можно рассматривать как покрытого коркой грязи гиппопотама, который, скорее всего, восстанет, чтобы ангелы, мученики и кто-то еще омыли его. Может, и самому роману дать название «Гиппопотам»? Или получится перебор?

Прошелся по Сент-Джеймсской и Аркаде Барлингтон в поисках подарка на день рождения Аластера. Кончил тем, что купил в «Тернбулл-энд-Ассет» довольно роскошный халат. 390 фунтов, однако он того стоит. Аластер с Кимом отпраздновали этот день в их долстонской квартире. Были Ник и Сара, Хью так и не появился. Тревор Ньютон, вернувшийся из годичного отпуска в Австралии, снова преподает в Рочестере. Выглядит хорошо, однако немножко подавлен и стесняется.

Странно: в Кембридже он был бесконечно более утонченным и изысканным, чем любой из нас, но, став преподавателем, совсем отошел от Лондона; должно быть, ему трудно мириться с тем, что Ким успешно пишет для Кена Б., а Грег Сноу (он тоже

присутствовал) хорошо справляется с сочинительством. Почему преподаватель должен чувствовать себя неполноценным?.. а ведь они чувствуют. Это уж нам скорее пристало.

Мы с Кимом поговорили немного об «Оскаре». К управляется со сценарием для Кена. Сегодня показывали фильм Питера Финча, но я в это время сидел над романом и потому просто записал его, посмотрю завтра. Поспорить готов, он непревзойденно хорош: увидев его, я только расстроюсь.

Впервые за месяцы и месяцы употребил несколько дорожек кокса. Испытал причудливые ощущения, когда он снова забродил в крови. Большой молот вины бил меня по голове в такт участившимся биениям сердца. Я так поздоровел в Грейшотте, сбросил такой вес, а теперь снова лакаю как скотина розовое шампанское[99]. Вот в чем беда с этим лакомством для носа: оно подавляет аппетит, но дьявольски усиливает способность принимать спиртное. И при этом одна ночь из пятисот может оказаться фатальной. Но, чтоб меня, притягательная все-таки штука. Просто-напросто слишком шикарная и усладительная, чтобы ей доверять. Ах, как легко я могу вернуться к моим старым привычкам.

Под действием снежка заболтался и проторчал в гостях дольше обычного. Гости — по большей части оксфордские друзья Аластера: Иэн, Кери и прочие. Было весело. Домой возвратился около двух. Не так чтобы сильная, но бессонница — ноги подергиваются, кожа чешется. Заснул, вероятно, около трех.

Воскресенье, 19 сентября 1993

Проснулся около 11.00, ощущая себя так погано, как сто лет уж не ощущал. Впрочем, обошлось без большого похмелья. Чувствовал, что смогу работать, если потребуется. Махнул на все рукой и написал две с половиной тысячи слов… результат хуже прежних, однако в больших городах это дело понятное.

Посмотрел «Оскара» с Питером Финчем. Господи, он великолепен. Ужасно трогательный. А как великолепно острит. Лайонел Джеффрис[100] тоже чудесен. Какая мучительная история.

Пока в романе 69 009 слов. Сочинил дневниковые записи для гомосексуального персонажа по имени Оливер Миллс, которого Дэви «излечил» примерно так же, как кобылу. Решил саму эту сцену не описывать.

Похоже, роман обретает форму. О боже, как трудно сказать что-нибудь сверх этого. Когда сидишь внутри чего-то так долго,

что ты на самом деле про него узнаешь?

Фу-ты ну-ты. В постельку.

Понедельник, 20 сентября 1993

Снова работал. А что еще делать бедняге? И снова вроде бы хорошо продвинулся. Но одному только богу известно, значит ли это что-нибудь.

Мое «такси» вернулось из мастерской с новым приемником и кассетником, у которого подъемная крышка. Над машиной они поработали хорошо, вот только чертово радио молчит. Тьфу!

Около шести пришел Ким, мы употребили перед театром по дорожке. Пока он мельчил кокс, я распечатал для него сцену с кобылой. Кажется, читал он с интересом, — по-моему, она ему даже понравилась.

Художественно и назально взбодренные, мы покатили к герцогу Йоркскому{104} на премьеру «Олеанны». Довольно заурядное первое действие, меня разочаровавшее, а потом — шарах! — пьеса взрывается и заурядный характер происходившего до антракта обретает прямо у тебя на глазах новое истолкование. Чудесная вещь.

Никогда не видел, чтобы столько людей, покидая театр, *разговаривали* друг с другом. У каждого находилось что сказать. В зале я оказался по соседству с Эдвиной Карри, ни больше ни меньше. У нее, естественно, имеются *очень* твердые убеждения относительно всего происходящего в пьесе. Вздорные, как и следовало ожидать. «Он не оправдал ее ожиданий». Что же, и за это его надлежит лишить жены, дома и работы, так? На что походила бы жизнь самой Эдвины, если бы ее наказывали за сексуальную нескромность подобного рода?[101]

От послепремьерного приема мы отвертелись и направили стопы наши в Нилз-Ярд, в ресторан «Брикстонец», где праздновал свой день рождения друг Аластера Иэн Пуатье. Симпатичный малыш из Вест-Индии, Иэн учился с Ал. в Оксф. И уверяет, что приходится племянником великому Сиднею. Впрочем, оттуда мы тоже ушли и отправились в «Плющ», чтобы поесть. Столкнулся там с Саймоном Греем, которому, натурально, «Олеанна» не нравится. Потом домой и в койку.

Вторник, 21 сентября 1993

Снова все утро позировал Мэгги. Сегодня она начала большое

полотно маслом, надеюсь, к пятнице закончит. Это интересно, но отнимает силы. Вернулся домой, немного поработал, потом отправился на Монти-стрит, к портному Дуги Хейуарду, чтобы снять мерку для костюма. Он собирается сшить темно-синий. Никогда не носил костюм такого цвета, но может получиться недурно. Он шьет для Майкла Кейна и Джона Клиза (который его и порекомендовал) — во многом человек 60-х, как и Томми Нуттер, шьющий для Теренса Стампа и других людей подобного рода. Не уверен, что моя туша будет выглядеть в его изделии наилучшим образом, ну да посмотрим.

В семь тридцать, изрядно и вроде бы с толком потрудившись (написал сцену, в которой Дэви уговаривает четырнадцатилетнюю девочку со скобками на зубах сделать ему минет), поехал в такси на квартиру Бена. Он в состоянии не самом лучшем, бедная любовь моя. Псориаз разгулялся. Бен обратился к китайцу, Тонгу, который так помог Джо Лори, но успехов пока не наблюдается. Китаец посоветовал ему в течение года избегать дрожжей, то есть и пива, а для Бена это нож острый. Однако, если причина болезни — напряжение, в котором живет Бен, удивительно, по чести сказать, что он так легко отделался. К нему заглянули Нил и Гленис Киннок, мы пошли в «Бомбейскую пивную». Н и Г в великолепной форме. Я с изумлением и наслаждением услышал от них, что они пришли к одному со мной заключению, — если б не это, не стал бы о нем и упоминать, считая его святотатственным… — а именно: либеральным демократам и лейбористом пора бы объе-мать их-диниться и вышибить из парламента тори. Очень хорошо провел время.

Домой притащился около часа.

Среда, 22 сентября 1993

Честно говоря, день меня разочаровал. Возможности поработать не было. Дэвид Томлинсон[102] пригласил меня на ленч в ресторан «Калуччи», что на Нил-стрит. Чудесное место, баснословные грибы, хорошие вино и компания — Дэвид, Ричард Инграмс{105}, его помощница по «Олди» Изабель и Берил Бейнбридж{106}, как всегда веселая. Увы, слишком много немыслимо хорошего виски. В обалдении добрел до дома, а оттуда поехал в такси на примерку костюма Ювенала, которого буду изображать на следующей неделе. В такси же вернулся назад, полчаса поспал, затем пришлось готовиться к походу в театр. Смотрел в «Донмаре» новую пьесу Саймона Доналдса «Жизнь материи», началась плоховато, но затем воспрянула. В

значительной мере — работа молодого неопытного драматурга, однако полная души, неожиданностей и определенного остроумия (по большей части вторичного и бессвязного, если честно). Я был там с Ло и Кристианом (Саймон — клиент Ло), а кроме того, некоей Сарой и ее любовником Домиником Мингелла, братом Энтони{107} и тоже, судя по всему, сценаристом. Рядом с театром построен новый комплекс зданий, называется «У Томаса Нила», какой-то торговый центр. Отужинали там в новой «Меццалуне» — это часть той же сети ресторанов, какую видишь в ЛА и Нью-Йорке. Затем снова домой.

Четверг, 23 сентября 1993

Более продуктивный день. 77 000 слов! Господи, надеюсь, роман получится хороший. В 11.00 озвучивал рекламу «Матчмейкерс» — с Джоном Джанкином{108}, ни больше ни меньше. Тучный дяденька, дружелюбный, не кислый, ворчлив, чувствует себя обойденным, как и многие в его возрасте… Барри Ту к и проч.

Пишу это в 4.45. Нужно принять душ и переодеться к премьере «Беглеца»{109}. Веду туда Алису Фэй; заказал лимузин, чтобы он забрал ее с работы. Премьера в подновленном вест-эндском «Уорнере», оттуда мы отправимся на прием в «Савой», хотя нас пригласили также на другой прием, который устраивают Майкл и Шакира Кейн, так что придется сначала на часок заскочить к ним. Завтра все тебе расскажу, Душечка. (Душечка — сокращенное от «Дневник Душечки», так называет свой дневник в «Гиппопотаме» — название окончательное, уверен — Оливер Миллс.) Пора переодеваться. Завтра все расскажу.

Пятница, 24 сентября 1993

Ну что же, вечер получился забавный. Лимузин оказался немного длиннее крикетного питча и белее крикетного ботинка. Алису Фэй он сильно позабавил. Мы с ней выпили водочки и покатили на Лестер-сквер. Там буквально *тысячи* людей. А *занятие* у них какое-нибудь есть? Чрезвычайно странно. И по фойе сотни слоняются. На телеэкранах — организованное кинотеатром шоу в стиле «Развл. сегодня» с комиком Эндрю О’Коннором, какой-то девкой по имени Аманда и добрым старым Иэном Джонстоуном{110}, все они берут интервью у людей с улицы, знаменитостей и киношников. Зрелище неприятное.

Зашли в зал пораньше, заняли наши места. И обнаружили, что мы в зале 5, а всего их 11. «Беглеца» показывали в девяти. Мы были *не* в том зале, где смотрели фильм принцесса Ди и знаменитости первого ряда. Я страшно смутился, надеюсь, Алиса Фэй не обиделась. Не сомневаюсь, что Джон Клиз, явись он на премьеру, оказался бы среди больших шишек. На киноэкране шло посвященное знаменитостям ТВ-шоу. Сумасшедший дом. Появляется Бэз Бэмигбой{111}, возвещает, что только ничтожества включают телевизор в столь ранний час… сдвигает очки на кончик носа и смотрит в камеру.

Так или иначе, фильм мы посмотрели; дьявольски хороший триллер. Ли Джонс абсолютно первоклассен. Бежим к выходу. Видим большой белый лимузин. Он проезжает мимо, собираясь сделать по площади новый круг. Я выскакиваю наружу, чтобы его остановить. Толпа кричит громовое «ура».

Это не наш лимузин. Возвращаюсь в фойе, толпа издает громовой хохот. Я попадаю в лапы настоящих телевизионщиков, приходится разговаривать с интервьюером. Подъезжает *наш* лимузин, мы выходим. Странное возникает чувство, когда машину со всех сторон облепляют люди. Они небось решили, что внутри сидит Мадонна[103].

Сначала мы едем в отель «Гайд-парк», в новый ресторан Майкла Кейна и Пьера Уайта. И приезжаем в аккурат к вину и *friandises*[104]… большое спасибо Шакире Кейн. Майкл прекрасен, но, похоже, злится на что-то. Человек по-своему очень умный, он нередко раздражается, ожесточается. Толком понять, на что он обижен, я не могу. Думаю, он все еще считает, что британская классовая система не дает ему ходу. Не понимаю я этого, ведь он и Шон Коннери — бесспорно, крупнейшие кинозвезды, появившиеся у нас со времен войны, не считая, быть может, Ричарда Бартона, который тоже далеко не аристократ. Впрочем, в моих глазах Кейн всегда прав. Господи, он же сыграл Гарри Палмера в «Досье “Ипкресс”».

Мы возвращаемся в лимузин и едем в «Савой». Новые интервью перед камерой, затем меня оставляют в покое. Получаю столик, лопаю лобстера, пью вино. Болтаю с Мо и Иэном Джонстоун. Появляются Майкл Уайт[105] и Джерри Холл{112}. Мы решаем уехать. В 2.00 дома.

Зачем посещать такие сборища? Ну, честно говоря, только так я в кино и хожу. Премьеры почти гарантируют, что люди будут вести себя благопристойно, не станут просить автограф или хихикать, увидев тебя. По-моему, это все мои причины.

Сегодня утром встал рано, без похмелья, исправно попозировал Мэгги. Ушел от нее, простояв четыре часа подряд,

поехал за покупками для воскресного обеда. Я упоминал уже, что пригласил на него Найджела Шорта и его жену Рею, Доминика и Розу Лоусонов и Кима Харриса?[106] А завтра ничего купить не получится, еду в Кембридж.

В общем, закупился и вернулся домой. Сосредоточиться в мере, достаточной для работы над предпоследней главой, — а я уже до нее добрался — не удалось. А тут еще начался Кубок Райдера. Да — Манчестер Олимпийских игр не получит[107]. Что и неудивительно. Тем не менее это абсолютно типичная неудача Джона Мейджора. О, Австралия, везучая страна…

Так или иначе, провел бóльшую часть второй половины дня, наблюдая одним глазом за гольфом и возвращаясь временами к роману, чтобы почистить и переписать последние несколько глав. 78 685 слов. Мать честная. Иногда вспоминаю, как подавлен я был в первый понедельник Грейшотта. А ныне я на волосок от того, чтобы все закончить… не то чтобы сделанное мной всенепременно *так уж хорошо*. Надо постоянно напоминать себе об этом.

Ладно, сейчас 11.03, а лечь сегодня лучше пораньше. Поболтаем завтра, «если найдется время»…

Суббота, 25 сентября 1993

Странный день. В туманах какого-то давнего времени я согласился приехать в Кембридж, дабы изобразить своего рода «знаменитость» в игре «Дуэль университетов», которую ведет Бамбер Гаскойн. Проводится она во время «Уик-энда выпускников» — это такое новшество со звучащим по-американски названием. Я приехал пораньше, чтобы прогуляться до ленча по магазинам. Чтоб мне пропасть, Кембридж в последнее время стал очень людным — почти непригодным для проживания. Прежде в нем таких толп не наблюдалось, а если бы в Лондоне стали возникать подобные пробки, там начались бы бунты. Бунты. Купил несколько книг по анатомии и болезням лошадей — посмотреть, правильно ли я описал недуг Сирени. И купил наконец «Тайную историю» Донны Тарт, о которой столько разговоров, — наверное, стоит ее прочитать. Никаких следов книги под названием «На игле», которую порекомендовал мне Саймон Доналд, не обнаружилось. Это роман шотландца Ирвина Уэлша — по-моему, так его зовут.

В «Аспирантское Логово»[108] поспел к ленчу. Сидел за столом вице-канцлера напротив Бамбера и Жермен Грир и между двумя донами. Милый малый, экономист-австралиец по фамилии

Аркур — справа от меня и зоолог, которого зовут, насколько я запомнил, Уильям Фостер, — слева. Присутствовал также Себастьян Фолкс, что приятно, поскольку я как раз взялся за его роман «И пели птицы…». Еще одним членом нашей команды была Валери Гроув.

Игра происходила в Сиджвик-Сайт, в «Лектории леди Митчелл». Нужно ли говорить, что мы их *разгромили*. Жермен Грир потом сказала мне: «Иисусе, вы такой *боевитый*», я счел это *чрезвычайно* лестной оценкой. При всем при том она слишком добра. Разговаривая с ней, понимаешь, что она все еще испытывает постоянную необходимость что-то доказывать на свой счет, а при ее уме и самоуверенном красноречии это выглядит странно. Да нет, не выглядит. Все мы такие, с красноречием или без. Просто проявляется это у всех по-разному. Задержался в Кембридже, чтобы дать пару интервью и так далее — одно университетскому журналу «КАМ», другое газете «Универ».

По дороге домой слушал репортаж со второго дня Кубка Райдера. Чем он закончится, хрен его знает. Немного посидел перед теликом, немного потрудился над романом. Лондон это тебе не Грейшотт…

Спи, дурень.

Воскресенье, 26 сентября 1993

Проснулся довольно поздно, немножечко повозился с романом, а бóльшую часть дня провел, глядя Кубок Райдера и грызя ногти. Мы проиграли, увы-увы. Очень досадно, а виноват во всем Барри Лэйн, имевший преимущество в три лунки и потерявший его на следующих пяти. Ну и Константино Рокка тоже напортачил. Стыд и позор. Еще один мрачный провал мейджоровской Англии.

После полудня стряпал обед, к приходу Кима Доминика Лоусона, Найджела и Реи Шорт и доктора Роберта Хюбнера почти все было готово. Найджел в великолепном настроении, даром что он стоит на грани еще одного роскошного английского поражения. Ну, не совсем на грани, в субботу он основательно переиграл Каспарова. В общем, вечер удался. Ким был в прекрасной форме, мы поговорили немного о шахматах. А потом ввязались в дурацкий спор с довольно поверхностным Хюбнером на тему — меняет наше восприятие вещей саму их природу или не меняет. Он не ставит ни в грош все, что уклоняется от его германизма в духе *Ding an sich*[109]. А это, по правде сказать, глупо. В конце концов, и Шредингер был немцем[110].

И Гейзенберг. А они полагали, что наше восприятие вещей определенно их изменяет. Во всяком случае, на квантовом уровне.

Мы с Кимом пообещали на следующей неделе побывать на одной из игр Найджела. Думаю, в субботу, когда он будет играть белыми и получит шанс победить. После ухода гостей Ким задержался у меня еще на час. Дольше не смог: завтра в Шеппертоне начинаются репетиции «Франкенштейна».

Понедельник, 27 сентября 1993

Много писал — теперь выясняется, что мне трудно закончить роман. Написано больше 80 000 слов. Никогда не думал, что *этот* день настанет… но меня все еще отделяют от финиша две главы. Их нужно сделать правильно, а это очень непросто. Из квартиры не выходил. Позвонил в Ньюмаркет — ветеринару, чье имя мне назвали в Королевском колледже хирургов-ветеринаров. Он не смог припомнить болезнь, допускающую ошибочный диагноз. Это трогательно. Придется найти ветеринара, которого я смогу пригласить отобедать со мной и растолковать ему все за столом.

Смотрел первый эпизод «Кракера» Робби[{113}], отлично. Он в великолепной форме, очень хорош. Не переигрывает, само совершенство. Потом записал это. Боюсь, получилось занудно.

Пора баиньки.

Вторник, 28 сентября 1993

Ох, Найджел. Ох, Найджел, Найджел, Найджел. Упустил победу. Свою первую большую победу. О черт, черт и дважды черт. Только что видел это по ТВ. Он мог поиметь Каспарова, связал его по рукам и ногам. И прошляпил выигрыш. Бедный сукин сын, ему сейчас, наверное, тошнее тошного. Он блестяще пожертвовал ферзя и должен был выиграть. Совершенно ясно, что должен был. Даже я, мать его, видел это. Растреклятье. Что за год для британского спорта. Существует ли у нас шанс побить голландцев и выйти в финал Кубка мира? Если и существует, то слабенький. Гадость, жуть и тихий ужас.

Еще один день полностью провел дома. Ни глотка наружного воздуха. В итоге зарос щетиной и провонял, а потому зажег благовонные — или «ароматические», как их теперь все называют, — палочки. Сегодня роман продвигается лучше. Почти

добрался до отметки в 86 000 слов. Позвонил ветеринар из Ньюмаркета и присоветовал газовые колики, которые можно диагностировать как спазматические, что гораздо хуже. Может, они и сойдут, там видно будет.

Посмотрю «Городские истории», которые через полчаса начнет показывать «К-4», и лягу. Увы-увы.

Среда, 29 сентября 1993

90 113 слов. Вчера в час ночи вдруг понял, что все написанное мной за день неправильно, — расстроился. Ну, не все, почти. Понял, что последняя глава должна вытекать из предпоследней. А вчера я перенес ее действие на следующее утро и поместил сцену, в которой Тед рассказывает о результатах своего расследования, на время после ленча. Теперь она разворачивается за обедом, что, по-моему, лучше.

Встал пораньше, немного поработал и к десяти отправился на озвучку. Вернулся, купив по дороге пару «Док Мартенсов», писал до 6.00. В 6.30 встретился в клубе «Граучо» с Дэйвом Джеффкоком. Он продюсер той штуковины с Ювеналом, в которой я буду сниматься завтра и в пятницу и о которой, досточтимый Дневник Душечки, ты еще все услышишь. Напрасно я в это ввязался. Мог бы, черт подери, покончить с романом на нынешней неделе. Выпил полтора бокала красного вина. Не больше. Вернулся, кое-что подчистил, пересчитал слова. Роман уже длиннее «Лжеца». Как будто это имеет какое-нибудь долбаное значение, Стивен, мудак ты законченный.

Прошлой ночью мне *действительно* понравились «Городские истории». Дьявольски хорошо. За ними последовал по Ай-ти-ви совершенно гнетущий документальный фильм о жестоком обращении с детьми. Какой это ужас.

Джон Смит отстоял сегодня, слава Христу, принцип «один член, один голос». С очень, очень незначительным перевесом. БКТ потеряла право представительного голосования.

Охо-хо. Пойду-как я роль учить.

ПОЛНОЕ УЖАСА ДОБАВЛЕНИЕ: сделав эту запись, решил создать резервную копию «Гиппо». После возвращения из «Граучо» я провел 2,5 часа, переписывая написанное за день. В итоге сохранил не тот файл и переписал переписанное, если такое выражение имеет смысл. То есть мог бы и в «Граучо» ночь просидеть. Вся работа насмарку. Мать-перемать.

Четверг, 30 сентября 1993

Ну и денек, чтобы меня поимели маринованной луковицей. Ну и денек. Встал рано, отправился в клуб «Граучо», где Би-би-си разбила базовый лагерь.

Программа, которую ведет Иэн Хислоп, называется «Смех и ненависть», а цель ее — анализ и освещение сатиры. Первый пилотный выпуск и первый эпизод посвящены Ювеналу, коего играю я. Ну-с, как легко представить, изобразить Ювенала можно лишь одним способом — напялить тогу и разгуливать по улицам Лондона, декламируя сатиры. Не загонять же историческую фигуру в студию, убранную в тосканском дорическом стиле. Ювик с улиц, почитай, и не вылезал. Нет ничего постыднее на свете, чем стоять в тоге перед Английским банком, в нескольких милях от съемочной группы с ее длиннофокусной оптикой, и орать гневные стихи в спрятанный на тебе радиомикрофон. Туристы принимают тебя за разновидность экскурсовода, узнавшие тебя биржевые спекулянты подходят вплотную и просят автограф. Срамота невыразимая. Добавьте к этому хлипкую обувку, сандалии и самый дождливый на памяти нынешнего поколения день в конце сентября — и вы получите отменный рецепт позора и ужаса. Съемки продолжались весь день — в Сити, на станции метро под Банком и, хвала небесам, в Конвэй-Холл.

Продолжались они и вечером. Согласно замыслу нашего прод. — реж. Дэйва Джеффкока, куча знаменитостей и любителей выпить на дармовщину должна была сойтись в один из залов «Граучо» на вечеринку, во время которой эти медиапроходимцы будут с презрением отвергать меня (так и не снявшего тогу). А после я озвучу эту сцену, прочитав сатиру Ювика, в которой поэт жалуется, какой он несчастный и отверженный и как ему приходится — просто чтобы поесть — ходить на роскошные пиры, где все его игнорируют. Во время съемок настроение у меня испортилось и я — *eheu fugaces*[111] — спросил у Лиама Карсона, не может ли он раздобыть для меня пару граммов Перхоти Дьявола. Он это сделал, и большую часть вечеринки я провел на легком взводе. Среди гостей были Клайв Джеймс, Джереми Паксман, Чарлз Кеннеди — лидер партии либеральных демократов и не дурак выпить, Ангус Дейтон, Денни Бейкер и Мелвин Брэгг, последний пришел с женой, Кэт. Съемки закончились, но я задержался на какое-то время.

Денни познакомил меня с длинноволосым мужчиной, который оказался Робом Ньюманом из бесславной парочки Ньюман и Баддиел{114}. Они учились в Кембридже, поступив туда на год-два позже нас, но мы с ними знакомы не были. Эта пугающая пара очень грубо отзывалась обо всем, что я любил и что мне нравилось, поэтому я ждал от него оскорблений. На деле

же он был довольно мил, и, естественно, я сказал, что считаю его шоу, которое показывает ныне Би-би-си-2, превосходным. По правде сказать, я ни одного не видел и уверен, что они не вполне в моем *tasse d'oolong*.

Потом играл в «Перудо»[112] с Лиамом и парой других дегенератов, а потом сбежал домой, поняв, что времени уже двадцать минут второго распродолбанной ночи.

Не так завершаю я сентябрь, как начал. Вино, кокс, ложусь поздно. Хреново.

Пятница, 1 октября 1993

Почин дороже — да-да-да. Еще один до крайности конфузный день — съемки в Сохо и «Ковент-Гарден», тога, дождь. Потратил обеденный перерыв на покупку подарков к дням рождений Ника Саймонса и Гриффа Риса Джонса, оба празднуют сегодня.

Около 8.00 закончил сниматься и поскакал на Примроуз-Хилл, к Нику. Встретил там Хью, Пола Ширера, Кима и Аластера. А также Элен Наппер и Джона Кантера. Употребил оставшиеся с прошлой ночи полтора грамма.

Вечеринка Ника закончилась в одиннадцать тридцать, и я отправился на такси в Кларкенуэлл, к Гриффу. Присутствовали и нехорошо себя вели обычные подозреваемые. Ангус, Фил Поуп, Элен А-В, Клайв Андерсон, Ник Мейсон (барабанщик «Пинк-Флойд»), в этом роде. Мел Смит снимает фильм в США, а вот его жена Памела у Гриффа появилась. Накокался и напился, однако сохранил достаточно здравого смысла, чтобы около трех вызвать по телефону такси, довезти в нем Саймона Белла до центра города, ссадить его в Сохо и завалиться спать. Ах, Стивен, дорогой, ну ты и фрукт.

Суббота, 2 октября 1993

Встал в 10.30 — никакого настроения работать. Смотрел видео, потом появился Ким, чтобы отправиться со мной в «Театр Савой», понаблюдать за игрой Найджела и Газза Касп{115}. Выпили чаю, вызвали такси и приехали туда на полчаса раньше, чем следовало. Сидели в первом ряду, разговаривали. К нам присоединилась Рея, жена Найджела, и первые три четверти часа мы наблюдали за развитием партии. Найджел играл белыми, все, как обычно, свелось к сицилианской Найдорфа, — Найджел сделал любимый ход Фишера, слон c4. Каспаров ответил

домашней заготовкой: конь с6 и ко времени, когда мы покинули зал и отправились на Стрэнд — в «Симпсонс», где окопались анализирующие ход матча гроссмейстеры, — потратил на обдумывание ходов 11 минут против 52 Найджела. Большинство гроссмейстеров держались одного мнения: Найджел попал в переплет. Ким точно предсказал ход игры, сказав, что Найджел держится молодцом, особенно если учесть полученный им сюрприз. За круглым столом гроссмейстеров председательствовал Тони Майлз, бывший № 1 Англии, — он отпускал злые и глупые замечания об игре Н. Доминик Лоусон рассказывал мне, какой инфантильный осел этот Майлз. Никак не может смириться с тем, что Шорт намного сильнее, чем он, и всегда его побивает. В какой-то момент он захохотал, увидев, как Найджел сделал абсолютно необходимый, точный и верный ход. Весьма печально. Он провел некоторое время в дурдоме, обижаться на него бессмысленно. Появился Спилмен, этот был настроен по-дружески. Поговорил с Рэем Кином и другими. Найджел свел партию к ничьей, очень хорошо показав себя за доской. Возможно, немного оплошал в дебюте, но играл великолепно.

Появился Аластер, мы выпили и перешли через улицу в ресторан Джо Аллена, обедать. Видел там Мэгги Хэмблинг и, подумать только, Аманду Барри[113], сидевшую за столиком с Перси, терьером Мэгги, на коленях.

А теперь пора спать. Завтра еду в Уитон[114] к Джо (сестре) и Ричарду, на крестины моего племянника Джорджа.

Воскресенье, 3 октября 1993

Ездил в Уитон. Зашел в караулку, представился, получил пропуск и прилепил его к приборной доске. Отыскал квартиру Джо и Ричарда. Приехал туда одновременно с Роджером, Рути, Беном и Уильямом. Бен и Уильям оч. ласковы и милы. Джо выглядит замечательно, Джордж лупит ее кулачонками по груди. Чудесный малый. Никакой закоснелости, которой ждешь обычно от таких семейных сборищ.

Все почти пугающе английское. Само крещение происходило в церкви базы, довольно миловидном строении с поблескивающими стропилами. Попросту жуткая процедура крещения, взятая из «Альтернативного служебника». Они даже «Отче наш» переиначили. Симпатичный падре, но совсем коротышка. Оттуда в квартиру, угощаться булочками и плюшками.

Уехал довольно рано, вернулся в Лондон, немного ТВ и спать.

Понедельник, 4 октября 1993

Ну что же, еще один день, целиком проведенный в квартире, день, в который я закончил роман. Ладно, это *я* так говорю, но разве роман когда-нибудь заканчивается? Я поставил *point final*[115], как говорят французы, около шести тридцати и с тех пор причесывал текст, кое-что переписывая. Подозреваю, что в конечном счете получится около 96 000 слов (помешался ты на этих цифрах, Стивен).

Прервался, чтобы посмотреть второй эпизод «Кракера» Робби Колтрейна, он даже лучше первого, просто-напросто попадание в яблочко. За ним последовали «Десятичасовые новости» с картинками новой Октябрьской революции в Москве. Недели через две все это обратится в смутное воспоминание, но какой день… танковые снаряды пробивают дыры в здании Парламента, сотни убитых. А у нас здесь такое случиться может? — гадаем мы.

Единственная неприятность — я как-то не удержался и около девяти открыл бутылку вина, бóльшую часть которого уже употребил. Надо бы все же обзавестись обыкновением проводить день без спиртного.

Охо-хо. Завтра, Стивен, встань, пожалуйста, пораньше, и, быть может, все будет действительно, действительно, действительно сделано.

Спи, дурень.

Вторник, 5 октября 1993

ЗАКОНЧИЛ… ну, возможно, поработать еще придется, но я распечатал текст, послал экземпляр Хью Лори и почувствовал, что дело сделано.

Сразу позвонил Сью, однако она на Франкфуртской книжной ярмарке, поэтому текст я ей отправлю только в понедельник утром, даже если она вернется до конца недели. А вот семейству Лори я позвонил и роман Хью на такси отправил.

Бог весть, что у меня получилось. Я испытываю к роману чувства и пылкие, и прохладные сразу.

Вечер увидел меня обедающим в штаб-квартире «У. Г. Смита» — на Гольбейн-плейс, неподалеку от Слоан-сквер. На обед меня пригласил сэр Саймон Хорнби, президент компании. Прикатил туда вовремя, приняв предварительно пару дорожек — остатки того, что продал мне в четверг добряк Лиам. Поехал в своем «кэбе». Люди там были интересные: братья Ру, винный критик Хью Джонсон, Эдвард Казале, внук Вудхауза и другие. Странное

стечение обстоятельств — я обедаю у «Смита» в тот самый день, когда закончил роман. К столу подавали «Шато ла Тур» и мерсо. Замечательно вкусно, я здорово перебрал.

Среда, 6 октября 1993

Провел день, разбирая письма, скопившиеся за недели, которые я отдал «Гиппо». Потом отправил ответы и прошелся по магазинам. Позавтракал в агентстве с Ло и Кристианом. После этого… пошел на Мортимер-стрит и купил «Эппл-Ньютон». Вот! Какая вещь! Потребуется некоторое время, прежде чем она сможет читать написанное мной от руки, однако это путь, на который вступила технология, тут и сомневаться нечего[116].

Вечером отправился на выступление Виктории Вуд в «Ройял-Альберт-Холл». Встретил там Хью и Бена Элтона. Менеджер Бена, Фил Мак-Интайр, — импресарио ВВ, он устроил для нас хорошую ложу. После мы досеменили до «Бомбейской пивной» (где Бен, я и Кинноки ужинали на днях) и провели, болтая, чудесный вечер. Хью читает сейчас роман Бена одновременно с моим, — когда я услышал об этом, у меня засосало под ложечкой. Тем паче что я вдруг разуверился в «Гиппо» и гадаю теперь, как меня угораздило написать такой не поддающийся определению роман.

Четверг, 7 октября 1993

Утром приехал Хью — пора писать следующий сезон «Шоу Фрая и Лори», никакого тебе двухнедельного отдыха после напряженной работы над «Гиппо» и всего прочего. Да если подумать, когда я *вообще* отдыхал? Сделали мы не много, но как я радовался его присутствию рядом. После полудня позвонил Грифф Рис, пригласил на покер в «Граучо».

Когда Хью ушел, отправился в Гр, играл. Вы в жизни своей не видели столько кокса. Я и вообразить не могу, как удается Гриффу устоять перед ним. Там были и XY, белый порошок просто тек рекой. В покер играл хорошо и, несмотря на очень, временами, дурной расклад, сумел использовать то мелкое везение, какое мне выпадало. В конце концов обилие К и красного вина стали сказываться на мне (но ни на ком другом), и ближе к концу вечера я (срамотища) блеванул в выходящее на Дин-стрит окно. Лиам, взглянув в него, сообщил, что внизу никого нет — ни полисмена, ни какой-либо иной неудачливой жертвы моей харкотины. Это напоминает мне время, когда я и «подставьте сюда

имя великой рок-звезды, великого актера, великого продюсера› засели в подсобке круглосуточного кафе на Кингли-стрит и решили устроить соревнование на Самую Длинную Дорожку. Нарубили себе по одной, моя оказалась длиннее. Однако фокус был в том, чтобы втянуть ее в себя за один раз. Сильно ухудшенный вариант выпивки залпом. Я таки и втянул ее носом, как пылесос, — она была футов в семь длиной, но тонкая, — а когда добрался до конца стола, рот мой сам собой открылся и изверг галлоны чистой, ярко-красной рвоты.

Так вот, сегодня получилось еще хуже. Все были со мной очень милы, но какое унижение! Непонятным образом все же сумел добраться до дома.

Пятница, 8 октября 1993

Этот день оказался поспокойнее. Хью пришел поздно, мы немного поработали. Я написал пугающе двусмысленный скетч[117], после чего Хью ушел. Поиграл с новым «Ньютоном», посмотрел несколько видео и лег спать.

Суббота, 9 октября 1993

Купил несколько французских видео, чтобы поискать актеров для фильма «Анонимные холостяки», который меня просят поставить в следующем году. Семейство Лори пригласило меня на обед, и я заглянул к ним. Сегодняшнюю партию Найджел Шорт проиграл, впервые за последние несколько недель. Стыд и позор. Вернулся домой, немного выпил и описал пропущенные мной дни. Прошу прощения за краткость, одолевшую меня в последнее время.

Спи, дурачок.

Воскресенье, 10 октября 1993

Проснулся весьма и по-воскресному[118] поздно. Завтракал в «Плюще» с Джоном Рейдом, менеджером Элтона Джона, и Арлен Филлипс, хореографом. Некоторое время назад они попросили меня посмотреть, нельзя ли связать песни Элтона какой-нибудь историей, — имелась в виду вест-эндская постановка того, что в итоге получится. В феврале-марте этого года я написал либретто. Рейду и Арлен оно нравится, Джон

только что вернулся из ЛА, где показал его Берни Топину, который пишет для Элтона тексты, — ему, как я подозреваю, либретто не понравилось СОВСЕМ. Обвинил его в переизбытке штампов — это правда, но в вест-эндском/бродвейском мюзикле иначе нельзя, а ранняя жизнь Элтона с ее трансгрессивным сексом, крайностями, наркотиками и рок-н-роллом как раз и была перегружена штампами. Джон и Арлен все-таки намереваются идти дальше, поэтому я позвоню завтра Сэму Мендесу — Джон хочет, чтобы мюзикл поставил он. Джон, который будет продюсером, встретится с Сэмом на следующей неделе, когда вернется из Гонконга. Джон — продюсер не только Элтона, но и Билли Конноли (и, если не считать последнего месяца с чем-то, Барри Хамфриса).

Ну-с, может, что-то получится, может, нет. В либретто много геевских штучек, что, по крайней мере, делает его не похожим на другие. Зато мало модного нынче и вульгарного, что Топину, естественно, и не понравилось. Топин считает себя сведущим парнем из Виллиджа 60-х. Чем-то вроде клевого чувака, поэта поколения бита времен журнала «Невротика». Все еще пытается не замечать того факта, что он — деревенский парнишка из Линкольншира, доживший до средних лет и ставший миллионароидом[119].

Вернувшись домой, посмотрел ТВ и записал вот это. Французов все еще не видел и, что я думаю о пригодности французских актеров для «Анонимных холостяков», сказать не могу. Завтра снова появится Хью, будем писать материал для «Ф и Л».

Понедельник, 11 октября 1993

Немного припозднился с записью в дневнике. Будь я проклят, если помню случившееся за день. С утра и до послеполудня сочинительствовал с Хью, а что потом?..

Вторник, 12 октября 1993

Днем мы с Хью снова писали, потом заскочил в «Граучо», посмотреть, не найдется ли там немного кокса, который я мог бы переварить, прежде чем отправиться в «Л'Эскарго» обедать с Пниной, женой моего троюродного брата, и Лиорой, ее дочерью. В сущности, они неплохи, могли быть намного хуже. Сгорают от желания узнать, что думает весь прочий мир о перемирии между Израилем и ООП. «Л'Эскарго» лишь недавно открылся заново, теперешний его хозяин Джонни Лахед ужасно обрадовался, увидев меня, выставил мне коньяк и так далее. Хороший вечер. Домой вернулся почти трезвым.

Среда, 13 октября 1993

Странный день. Писал с Хью почти до 5.00, когда пришла мама за экземпляром «Гиппо», которого ей хочется прочитать. Мы с ней немного посплетничали, потом настало время приодеться к вечеру. Приглашен Тристаном Гарел-Джонсом{116} на обед. Заявился в его дом на Кэтрин-плейс первым. Чрезвычайно добродушный малый, слишком цивилизованный, чтобы убедительно изображать тори. В числе прочих гостей были канцлер казначейства Кеннет Кларк, «главный кнут» Ричард Райдер и дворянские отпрыски в ассортименте, все больше женщины (Ленора Личфилд, Джейн Гросвенор, в этом роде). Очень приятно поболтал со всеми, коснулся в разговоре завтрашних кембриджских дебатов относительно возраста согласия. Трис целиком и полностью за «свободное голосование» — если дело дойдет до палаты общин; Ричард Райдер (между прочим, член парламента от маминого с папиным Норфолкского округа) вилял-вилял и ничего толком не сказал. Жуткая дерьмовая чушь, которую правительство несет в последнее время (собственно говоря, со времени Блэкпула) о «семейных ценностях», может означать, что оно с готовностью обменяет всякие штучки вроде справедливости и равенства на голоса престарелых избирателей.

Ушел с обеда пораньше, поскольку Грифф пригласил меня в «Граучо» на игру в карты. Каковая и имела место. Довольно утомительное занятие, слишком много К. Около двух сумел добраться до дома.

Четверг, 14 октября 1993

Встать пришлось очень рано, чтобы поспеть на посвященную возрасту согласия и кембриджским дебатам программу «Сегодня». Чувствовал себя дерьмово, что и понятно после излишеств вчерашнего вечера. В конце концов, проделав долгий путь по улицам, добрался до студии, где Анна Форд и Брайан Редхед{117} уже ждали у микрофонов. Я должен был обсудить тему передачи с членом парламента от консерваторов Дэвидом Уилширом, поборником Статьи 28{118}. Вообще-то он не сказал ничего такого, с чем я не согласен: показал себя сторонником свободы личности, заявив, что не дело закона лезть в частную жизнь людей, чем и ограничился. Никаких заслуживающих упоминания споров у нас с ним не состоялось.

Вернулся домой, подремал до прихода Хью. Потратил кучу времени не на сочинительство, а на размышления о том, что я скажу вечером.

В 12.30 зашел Джон Плауман. Он и Боб Спирз собираются, как я надеюсь, продюсировать и, соответственно, режиссировать следующий сезон «Фрая и Лори»[120]. Отыскав беднягу Спирза, — тот сбился с дороги и безнадежно кружил по Сент-Джеймсской площади — мы позавтракали в «У Лангана». По-моему, эти двое будут идеальной парой, и, полагаю, Хью тоже так думает. Они очень дружелюбны и способны наделить наш фильм более высокими достоинствами. Завтрак получился приятным и веселым. Обсуждали главным образом всякие слухи, но согласились, что будем работать вместе.

Сэр Иэн Маккеллен{119} (Ким сказал, что было бы правильнее называть его «Сиреной Маккеллен») появился около половины пятого, как и Майкл Байуотер, которого зачислили в команду, оспаривающую лозунг «Мы считаем, что настало время принять закон о равном возрасте согласия для гомо— и гетеросексуалов». Бедный старина Майкл согласился участвовать в дебатах, не зная, что его зачислят в группу противников закона. И теперь, по его уверениям, не понимает, что ему сказать против этого закона.

Поехали в Кембридж, в Лондоне пробки, поэтому на преддебатный выпивон и обед немного запоздали. К зданию союза уже выстроилась черт знает какая очередь.

Обед был хороший — не торжество кулинарии, но хороший. Председательствовала на нем (и на дебатах) элегантная дама по имени Люси Фрейзер, слева от меня сидел спортивного вида парень, имя которого я не могу припомнить, он из «Кингза», изучает теологию. Почему я уже забыл его имя? Был там и Тристрам Хант, сын тех самых Хантов, что живут прямо под Хью

и Джо Лори. Совершенный миляга, состоявший в нашей команде[121].

Пришло время дебатов, мы прошествовали в зал, сопровождаемые камерами программы «Ночные новости». Меня приветствовали БУЙНЫМИ криками. Было ужасно приятно, люди в зале кричали и никак не могли остановиться. Я едва не прослезился. Председательствующая произнесла несколько слов, и дебаты открылись речью Тристрама Ханта. По четыре оратора с каждой стороны — Тристрам, Сирена Маккеллен, Анджела Мейсон{120} (из «Стоунволла») и я выступаем за принятие закона, двое старшекурсников (в том числе и тот, чье имя я забыл), Стивен Грин, участник кампании «Консервативная семья», и Майкл Байуотер выступают против.

Тристрам, благослови его небеса, изложил суть дела очень толково. Нашим первым противником-студентом был развеселый шотландский консерватор — классический коренастый рыжеватый политикан, прямое указание на то, чего нам следует ожидать, поскольку ясно было, что взглядов, которые ему пришлось отстаивать, сам он совершенно не разделяет. За ним выступил Маккеллен, выступил совершенно чудесно и очень трогательно, закончив цитатой из стихотворения Хаусмана о законах Божьих и человеческих. Следом — студент, имя которого я начисто забыл; этот проявил к предлагаемому закону такое неуважение, что Стивен Грин встал и вышел из зала, сказав: «Вернусь, когда он закончит!» Весьма презанятно.

Затем Анджела Мейсон — очень и чрезвычайно лесбиянистая активистка, руководящая группой «Стоунволл». Когда-то она состояла в знаменитой «Бригаде рассерженных»{121}, едва избежала приговора на одном из судов над бомбистами. Ого-го. Полемисткой она оказалась, как и следовало ожидать, скучной и неубедительной.

За ней — Стивен Грин. Какой жуткий и несчастный субъект. Выступление просто-напросто БЕЗНАДЕЖНОЕ. Ни остроумия, ни изящества, ни толку. Он даже не попытался обнародовать свои подлинные взгляды, а суть их в том, что ему ненавистно все, имеющее отношение к гейству. Вместо этого он попробовал привести какие-то шаткие, мелкие и туманные юридические доводы касательно возраста согласия, что вообще не имело смысла. И представил свою книгу «Мертвый тупик сексуальности», авторитетное, как нам предложено было поверить, описание ужасов жизни задомита. Бедняга. Вернулся на место под вежливый шелест — это в лучшем случае — аплодисментов.

И вот настало время выступления законодателя мнений. О да,

Стивену, как обычно, пришлось ждать, ждать и ждать, прежде чем он смог высказаться. Студенты и с нашей, и с той стороны уже выступили. Настал мой черед. Во время дебатов я набросал на обороте конверта несколько пунктов, но в остальном импровизировал, что, по-моему, самое лучшее. Я рассказал публике о Кембридже, о том, в каком университете она учится, об историях его выпускников и их принципах, — противопоставив им прелюбодеев, скрытых гомосексуалистов и распутных лицемеров, которые устраивают партийные конференции тори и имеют наглость рассуждать там о «семейных ценностях».

Короче говоря, я удостоился стоячей овации, меня даже смущение взяло. Зал просто не мог остановиться — аплодировал, кричал и все такое. Очень волнующе. За мной говорил Майкл Байуотер, сказавший, что выступает против закона о равенстве возрастов согласия, поскольку считает его неправильным: *гетеро*сексуальная любовь слишком сложна и трудна, чтобы подпускать к ней 16-леток. Другое дело гомосексуальная: она — дело равных, хорошо знающих друг дружку людей, ей можно спокойно предаваться с 16-ти. Он закончил словами: «Я уж лучше с пидорами посижу…» — пересек сцену и сел на нашей стороне.

Ну-с, как легко себе представить, мы выиграли. 693 голоса против 30. Большинство этих 30 составили те, кто счел очередь к урне «Да» слишком длинной и потому воспользовался урной «Нет». Мне пришлось задержаться почти на час — раздавал, окруженный толпой студентов, автографы. Публика по большей части не самая очаровательная: мне кричали «Рори», «Николь», «Джон» и совали под нос программку дебатов. «Пожалуйста» и «спасибо» я почти не слышал. Можно, конечно, закрывая глаза на многое, считать их застенчивыми и нервными, но, вообще говоря, меня эта орава разочаровала. Какой смысл быть блестящим, привлекательным, интеллигентным и молодым, если ты не согреваешь этими качествами тех, кто старше тебя.

В конце концов сумел пробиться в помещение, где, предположительно, подавали напитки. Бар к этому времени, разумеется, закрылся. Оно было и к лучшему, поскольку мне предстояло вести машину, чтобы вернуться в Лондон. Что я и сделал после того, как смог вырвать из лап студентов Майкла, Сирену и еще пару человек. Приехал домой и около двух тридцати лег. Длинный день. Мало я сплю в последнее время.

Пятница, 15 октября 1993

Проснулся довольно рано, чтобы к 9.00 попасть на озвучку…

по правде сказать, я теперь так часто ложусь в позднее время, что, думаю, все достижения Грейшотта уже сошли на нет. Довольно жалкая реклама хереса «Крофт». Вернулся к появлению Хью, мы просидели весь день. Позвонил, дабы сказать, что «Гиппо» ему по-настоящему понравился, Энтони Гофф (мой лит. агент), — огромное облегчение. Я, честно, думаю, что он не покривил душой.

Около 5.30 пришел Робин Гарди, мы потолкли воду в ступе на тему «Анонимных холостяков». Я сказал, что предпочел бы увидеть в главной роли Тьерри Лермитта{122}. Похоже, идея ему понравилась, он пообещал выяснить, можно ли того заполучить. В 7.00 заскочил в «Граучо», надеясь отыскать кого-нибудь из дилеров. БУ познакомил меня с малым по имени Джетро, тот продал мне грамм. Оттуда — на обед к Хью и Джо. Там были Ким и Аластер, мы весело отобедали, и я рванул домой, еще раз заглянув по дороге в «Граучо». Я с мстительным пылом возвращаюсь к прежним дурным привычкам.

Суббота, 16 октября 1993

Турне по книжным магазинам — подписывал книги. Встал рано, поехал на Юстонский вокзал, встретился там с Ребеккой Солт из «Мандарин-букс», и мы сели на поезд до Честера. Увы, поезд что-то задержало в Уотфорде. В Честер приехали с запозданием, перед самым моим «выступлением». Каковое состояло из чтения со сцены театра «Гейтуэй» и разговоров с публикой. Прочитал рассказ о Шерлоке Холмсе из «Пресс-папье»[122], затем отвечал на вопросы. Было и вправду весело; похоже, все прошло хорошо. Потом мы проглотили запоздалый ленч, потом я подписывал книги в паре магазинов честерской «Роуз». Прекрасный город, совершенно очаровательный. Машиной из Честера в Ливерпуль, там мы снова подписывали книги, а после вскочили в поезд до Лондона. На обратном пути заполнил дурацкий тест журнала «Эсквайр», определяющий степень умственного развития.

С вокзала прямиком в «Граучо», поторчал там немного. Появился Джетро, я купил 2 грамма. В постель завалился в 3.00 — в том еще состоянии.

Воскресенье, 17 октября 1993

Ленч с Ферди Фэрфаксом[123] в Клэпэме. Видел Чарлза

Старриджа с Фиби, Роберта Фокса[124] — такого рода людей[125]. Довольно приятно проведенное время, плотный воскресный ленч, множество детей, очень яркий солнечный осенний день, чудесно.

К 6.00 вернулся домой, посмотрел телик и лег рано — трезвым.

Понедельник, 18 октября 1993

Посвященный «Шталагу “Люфт”» завтрак для прессы, фотографирование и прочее. Все происходило в Имперском военном музее. Посмотрел фильм. *По-моему*, неплохо. Трудно сказать. История хорошая, значит, и принята будет хорошо. Я, естественно, слишком толст. Нику Линдхёрсту и мне пришлось отбиваться от вопросов журналистов. Им до смерти хотелось узнать что-нибудь о мюзикле Элтона Джона — к большому расстройству бедной куколки из пресс-бюро. Отделался от них в час тридцать и как раз поспел домой к появлению Хью (в 2.00), с которым и засел за скетчи.

Встречался с Крисом Паем из телекомпании «Англия» и сценаристом Энтони Горовицем; выпили и поговорили о новом детективном сериале — они хотят, чтобы я его ставил. Встречался, естественно, в «Граучо». И кого же я увидел, как не продюсера «Шталага “Люфт”» Дэвида Рейнолдса с какими-то его коллегами? Они заседали там с самого окончания просмотра. Телевизионщики, никчемные бездельники. Встреча прошла хорошо, потом появился Джон Сешнс с актрисой, игравшей в «Несчастном случае» медсестру.

Домой вернулся пьянющим и завалился спать.

Вторник, 19 октября 1993

Встал и лишь немного пришел в себя, как появился Хью. Джо (сестра), заскочила по пути из Хантингдона, чтобы позавтракать со мной и моим «личным банкиром» Джеймсом Пенни. Они обменивались фразочками наподобие «управление капиталом», вгоняя меня в такое смущение, что мне визжать хотелось. Позавтракали в банке. Боже, боже. Неужели ты и вправду дожил до этого, Стивен? Все это очень лестно. Нас провели наверх посыльные, одетые Дживсами: полосатые брюки, фраки. Там был Брюс, управляющий филиала на Лэнхэм-стрит, где я держал деньги раньше, был Джеймс Пенни, который выглядит лет на 10, но съел на финансовых делах собаку, а на коммерческих —

кошку.

Внизу, в одном из обеденных залов, где мы завтракали и попивали бургундское, Пенни сказал, что в виде наличных деньги мои бесполезны, мне следует куда-то вложить их. В облигации с золотым обрезом, считает он. Однако это всегда казалось мне жульничеством. Ладно, я зарабатываю хорошие деньги, но почему я должен делать из них другие? Но вы ведь знаете, как оно бывает, — эти люди смотрят на тебя как на недоумка. Наверное, придется вложить что-то в акции, что-то в эти самые облигации. Приятно, что я могу позволить себе перестать работать и, если мне захочется, потратить пару лет или сколько-то еще на разъезды по белу свету, не беспокоясь о налогах за прошлые годы.

Частный банк открыт с 08.00 до 8.00 и готов к любым «договоренностям». Если я нуждаюсь в наличных, мне их приносят на подносе…

Вернулся, чтобы засесть с Хью за сочинительство. В последнее время он написал пару сказочных песен. После его ухода я поковылял в «Граучо», на встречу с Алекс Хипписли-Кокс (*sic!*)[126], которая будет заниматься рекламой «Гиппо». Книга ей нравится, и это замечательно. Те, кто прочитал ее в «Хатчинсоне», нашли, что она лучше «Лжеца», — чудесно, если они правы. Поднялся наверх, посмотрел, как Норидж разбил мюнхенскую «Баварию», 2:1… невероятно. Потрясающая игра. Гол Джереми Госса долго еще будет жить в преданиях и песнях. Компанию мне составляли Спайк Дентон, кинокритик «Радио Лондон», Рори Мак-Грат и Шарль Фонтейн, владелец и шеф-повар «Знатной отбивной». Заметил Джетро и, стыдно сказать, улизнул, чтобы принять изрядную дозу кокса. Надо побыстрее с этим завязывать. Дома в 2.00.

Среда, 20 октября 1993

Поднялся в разумную рань, чтобы отправиться к Дуги Хейуарду, портному, на очередную примерку. На свет рождается синий прикидон. Хью пришел с небольшим опозданием — осматривал новые машины и искал плитку для моей кухни — вместе с женой Джо, которая оную спроектировала, да благословит ее небо от макушки до пят.

Как обычно, писал весь день, потом до 10.00 сидел дома. Посмотрел видео — «Королевское празднество» Билла Хамбли, постановщик Ферди Фэрфакс. Очень хорошая игра Руперта Грейвса. Еще посмотрел в записи шедший в понедельник эпизод «Кракера», Робби и в самом деле демонстрирует лучшую игру

своей жизни. Сказка.

В 10.00 отправился в «Граучо» — я согласился поиграть в «Перудо»{123} с Китом Алленом для какой-то снимаемой им программы, — там его целый день преследуют по всему Лондону. Глупо, но смешно. Вокруг нас жужжали камеры. Бог весть, что они увидели.

Четверг, 21 октября 1993

Озвучка в 9.30. С Джоном Гордоном Синклером. Он вроде бы в хорошей форме. Потом все утро писал с Хью, а к 7.00 отправился в «Зал Сальных Свечей» на «Обед Лучников» — меня пригласил туда старина Джон Перкинс. Чрезвычайно интересный вечер. Никогда еще не бывал на «Ливрейном обеде». Множество персонажей из Сити в мантиях и горностаях. Совершенно ясно, что заработать право на такие наряды они никакими иными способами не смогли бы, потому как мозгов у этих биржевых спекулянтов, насколько я заметил, кот наплакал. По большей части — напыщенные людишки в очках. Чистый ужас. Но Перкинс так мил. Процедура Круговой Чаши и обилие на редкость плохих речей.

Перкинс должен был вернуться в Норфолк, поэтому разошлись мы около десяти, и я заскочил в «Граучо» поиграть в карты. Около трех часов провел за покером с Гриффом, Рори и прочими, переварив при этом изрядное количество боливийского походного порошка.

Пятница, 22 октября 1993

Утром и после полудня писал. Сбегал поужинать в «Граучо». Длинный разговор с Бобом Мортимером из прославленной пары Ривз и Мортимер. Оказывается, завтра им тоже предстоит подписывать книги и тоже в Лидсе, только в другое время. Столкнулся с Z, он обеспокоен тем, что привычка к К стала у него уже слишком закоренелой. Он теперь и днем принимает. Плохая идея. Ушел домой довольно рано — это меня мысль о Z обуздала, но, с другой стороны, радовался тому, что мое положение не так опасно, как его.

Суббота, 23 октября 1993

Встал пораньше, поехал на вокзал Кингз-Кросс. Поездом до Лидса, там подписывал книги. Машиной в Шеффилд, и там тоже подписывал. Машиной в Ноттингем — и там тоже. В последнем собралась большущая очередь, и я порадовался, что он не был первым, иначе я опоздал бы во все остальные. Множество людей, все очень дружелюбны. Думаю, издание «Пресс-папье» в бумажной обложке расходится по-настоящему хорошо, это греет душу. Домой вернулся в половине десятого. Немного посмотрел телик и лег спать трезвым, умотанным тяжелой неделей.

Воскресенье, 24 октября 1993

Встал в 11.00, то есть на самом деле в 12.00, поскольку сегодня перевели стрелки. Провел день, готовясь к выступлению в «Палладиуме». Это благотворительный вечер в пользу организации «Стоунволл», часть кампании в поддержку закона о возрасте согласия, другой ее частью были дебаты в «Кембриджском союзе».

Приехал в «Палладиум» около половины седьмого. Организатором вечера был Иэн Маккеллен, присутствовали обычные подозреваемые — Джо Брэнд, Джулиан Клэри{124}, «Пет Шоп Бойз» и так далее. Я пригласил Кристиана Ходелла прийти туда и смешаться с разгульной толпой. По-моему, время он провел очень весело.

Отправляясь после шоу на прием, обнаружил, что машины моей на улице, там, где я ее оставил, нет. Иисусе, надеюсь, ее эвакуировали, а не украли. Мы с Кристианом дошли пешком до «Края» на Сохо-сквер. Потребовалось около часа, чтобы журналисты устали наконец от меня, — я вернулся домой и завалился спать, приняв пару дорожек и немного диетической коки. Какая же я жопа[127].

Понедельник, 25 октября 1993

Прежде чем идти дальше, я должен зафиксировать 71 клиренс Гэри Уилкинсона, который победил Стива Джеймса в четвертьфинале соревнований «Шкода классик». Я понимаю, вам это кажется чушью, но речь идет об одном из величайших спортивных событий. Ты, дорогой читатель, дивишься, с чего это я распространяюсь о такой странной игре, как снукер, но, как говорится, «вам стоило при этом присутствовать». Четыре невероятно трудных финальных красных и сразу за ними

клиренс. Я счастлив, что стал свидетелем такого события.

Работа с Хью, затем ленч с Максом Гастингсом в «Уилтонсе». Макс запоздал, и, ожидая его, я увидел за ближним столиком Дона Блэка[128], встречавшегося там с Джоном Барри{125}, коему я и был представлен. Барри для меня своего рода герой, знакомство с ним оч. взволновало меня. Он оказался йоркширцем до мозга костей с удивительно тонкими пальцами и кистями, совершенно очаровательным. Мы поговорили о Зальцмане и Брокколи{126} бондовских времен.

Появившийся наконец Макс объявил, что если я потребую 200 000 в год, он будет счастлив платить мне эти деньги за колонку. Странное положение. Я мог сказать «да», и 200 косых были бы моими. Мы потрепались о тори, Макс сказал, что Мейджор, с которым он довольно регулярно встречается, параноик, уверенный, что своей нынешней непопулярностью он полностью обязан а) заговору тэтчеровских перебежчиков и ренегатов и б) врагам из средств массовой информации. Даже если Мейджор *прав*, такие воззрения следует скрывать. Настоящий лидер уж наверное бы дал этим людям под зад и тем укрепил свои позиции. Поболтали мы и о горечи, с которой Ламонт принял свое увольнение. А когда пришло время покинуть ресторан, обнаружили, что Ламонт сидел в соседней с нашей кабинке. Упс! Не *думаю*, что он нас слышал. Макс оказался искренним неприятелем Мёрдока{127}. Считает его человеком злым и опасным. Почему же не высказаться об этом с большей ясностью на страницах «Телеграфа»? Тем более что Мёрдок объявил о своем намерении в ближайшие пять лет «Телеграф» уничтожить.

Домой вернулся в 2.40, мы сочинили еще кое-что, после чего Хью ушел. Часок поспал, затем поехал в Фулем обедать у Мэтью Райса и его жены Эммы Бриджуотер. Моим соседом по столу был малый по имени Джонатан Кавендиш, продюсировавший «На запад», «Невесту декабря» и так далее. Выяснилось, что он делает фильм об Оскаре Уайльде с Альфредом Молина. Хрен знает что. Домой попал вовремя, чтобы посмотреть «Кракера» и «Фильм 93». Барри Норман замечательно разругал «Грязный уик-энд», явную чушь, как и все прочие фильмы Уиннера.

Время спать.

Вторник, 26 октября 1993

Утром озвучка, запись переделанной заново рекламы портвейна старого разлива «Крофт». Потом весь день проработал

с Хью, а в 8.00 побрел в палату общин, обедать с членом парламента.

Он написал мне месяц назад — о том, как ему нравится «Лжец», — и пригласил отобедать с ним. Я, заинтригованный, согласился. Однако…

Если таковы все члены парламента, на которых опираются тори, то, счастлив сообщить, долго они на этом свете не задержатся. Нелепого обличия человек с самыми странными, какие вы когда-либо видели, манерами. Звучит это очень некрасиво, я как-никак ел его хлеб, но такова правда… Очень правого толка взгляды, бессмысленное «я добился всего собственным потом и кровью». В общем, я улизнул в сортир и принял дорожку[129].

Среда, 27 октября 1993

Снова провел утро, позируя Мэгги Х. Большой сообразительностью я в 8.30 не блистал, однако понемногу разошелся и начал получать от происходившего удовольствие. Она закончила двумя рисунками, на которых я изображен спящим — чудесными! Удивительнейшая женщина. Общество ее бодрит почище кокаина, но грубоватость манер и жесткий взгляд, наверное, отпугивают людей, не знающих, что сердце у нее — чистый маршмэллоу… Скажи я это при ней, ее бы, пожалуй, вырвало. Позировать настоящему художнику — удивительное переживание. Мэгги так *атлетична*: я раз за разом слышал, как в ее пальцах ломается уголь или как он проносится по плотной бумаге, она же все время притоптывала ногой (бессознательно, по-видимому), слегка меняя стойку, как спортсмен или гепард, — тело ее двигалось, но голова и глаза оставались поразительно неподвижными.

Домой через «Граучо», где должен был встретиться с Джетро. К сожалению, он запоздал, и я ушел, не дождавшись ни его, ни К. Вернулся в квартиру, а там Джо и Чарли, последний набрал на компьютере сообщение для меня и вообще был миляга-милягой. Ему уже пять. Странно думать, что если я не покончу с собой, не помру от передозировки и не попаду под автобус, то смогу увидеть его 25-летним[130].

После их ухода попытался что-нибудь состряпать[131], не получилось. Снова отправился в «Граучо» на встречу с Джетро… и *снова* его не дождался, потому что должен был встретиться с Энтони и Сью Ф. и отправиться с ними на обед, устроенный в честь получения «Гиппо» издательством. Роман им, похоже, и

вправду нравится. Мне было немного не по себе, вкус вина и сигарет казался каким-то странным.

Их интересовало, как я планировал построение романа, и я сказал, что во время сочинения значительной его части вел вот этот дневник, позволяющий понять, с каким запозданием приходили мне в голову некоторые ключевые идеи… Например, роль Саймона да и много чего еще. Они мне самым искренним образом не поверили. «Все это уже было у вас в голове…» Может, и было, но провалиться мне на этом месте, если я знал, как его оттуда вытащить, — чтобы увериться в этом, довольно одного взгляда на сентябрьские записи.

Лег в половине второго. Слишком много арманьяка.

Четверг, 28 октября 1993

Проснулся, чувствуя себя оч. странно. То есть попросту плохо. Как будто гриппом заболел. Потащился на Грессе-стрит, на озвучку. Кое-как управился с ней и поковылял домой, на дневную работу с Хью. Большую часть дня далеко не блистал, но все же сумел отстукать два скетча; около полудня улегся на софу и проспал часа два; наверное, это и помогло.

В шесть тридцать потопал в театр «Париж» (до него от меня две минуты ходьбы, благослови, Боже, место, в котором я живу) на «Новостную викторину»: я и Алан Корен против Ричарда Инграмса и Питера Кука{128}. Мы с Аланом одержали убедительную победу с самым большим в этом сезоне счетом — 20:6. Я напроказил — ухитрился множество раз произнести слово «клитор», что всегда приятно. Оттуда потащился в «Граучо», проверить, не излечат ли меня от гриппа покер и кокс. Как ни смешно, излечили. Одержал еще одну убедительную победу и цивилизованно удалился около 12.30 и в 1.00 лег спать.

Пятница, 29 октября 1993

Проснулся бодрым, а к приходу Хью (около 10.30) мне совсем получшело. Работали, возились со скетчами, потом в 6.00 появился Робин Гарди — пройтись со мной по сценарию «Анонимных холостяков». Идея состояла в том, чтобы посмотреть, существует ли возможность составить примерное расписание съемок. Сколько требуется съемочных дней во Франции, сколько в студии, сколько на натуре и так далее. Довольно приятно проболтали до 9.00. После этого поскакал на Бриджес-плейс, 2,

обедать с Иэном Брауном[132], Альфредо и Космо Фраем[133]. Туда же после «Букеровской ночи» явился праздновать свою победу Родди Дойл{129} с компанией. И кто же к ним присоединился, как не Салман Рушди? *В одиночку*. Весьма, я бы сказал, рискованно[134].

Приятный обед, за которым последовали две партии «Перудо». А потом вдруг, на тебе! — уже два часа ночи. Мне же завтра подниматься ни свет ни заря, тащиться поездом в Бат. Тьфу.

Суббота, 30 октября 1993

Выполз из постели в 7.30, после трех часов сна, оказался в машине какого-то маньяка, желавшего пересказать мне придуманную им идею романа: «Я на эту работу специально устроился…», — боюсь, рано или поздно я о нем еще услышу.

По городу меня водила на поводке девушка по имени Алекс Ланкастер, очень милая — обычная хорошенькая, ногастая штучка, каких подряжают для таких случаев. Чрезвычайно сексистское высказывание, которое не может быть случайным, не правда ли? В Бристоле нас встретил очаровательный представитель «Рид Паблишерз» Эндрю Уитекер. Я проглотил в бристольском «Уотерстоунсе»{130} чашку кофе и отправился встречаться с читателями. Книг пришлось подписать много, все были очень дружелюбны. По словам управляющего магазина, людей собралось рекордное количество, столь большого числа книг на таких встречах они еще не продавали[135]. Приятно. Оттуда отправился в другой «Уотерстоунс», где дал интервью телевизионщикам и снова подписывал книги.

Поехали машиной в Бат — *астрономическая* очередь, я перетрудил руку. Парочка очень странных психов-поклонников. Дрожавших, едва способных говорить, один из них пролепетал: «О боже, *я кончаю*, *кончаю*». Упс. В конце концов это испытание завершилось, я отправился в магазин «У. Г. Смит» и снова подписывал, а затем вернулся в Лондон.

Приехав туда в 7.00, как раз поспел на ту же Бриджес-плейс, дом 2, где праздновался день рождения Кима. Очень приятно провел время. Разговаривал с Шон Слово[136], Джо Лори, Кимом и множеством других милейших людей. Грег был в прекрасной форме. Хью отлучился, чтобы забрать из аэропорта своего племянника Хью Лассена и привезти его к нам на мотоцикле. Могу себе представить, какой это шик для 17-летнего парня — мчаться по городу на заднем сиденье «Триумфа», которым правит

его знаменитый дядюшка. Ушел около часа и повалился, усталый, но глупый, в постель.

Воскресенье, 31 октября 1993

Вся эта суета выродилась в *placido domingo*[137]… встал очень поздно, немного прошелся по магазинам, купил газеты и кассеты с «Новыми мстителями» и на весь день уютно устроился дома.

Затем позвонил Ким, сказать, что я забыл на Бриджес-плейс сумку. Он и Ал заглянут ко мне днем, принесут ее. Ладно. Затем, разумеется, день стал клониться к вечеру, поэтому Ким и Ал предложили встретиться с ними в ресторане Джо Аллена, там они мне сумку и отдадут.

Только я успел усесться за столик, как официант принес мне огромную рюмку арманьяка — подношение от довольно миловидного молодого человека, который сидел неподалеку от нас. Ким и Ал здорово позабавились на мой счет. Мы болтали, чесали языками, пощипывали еду, время шло. К нашему столику подходит невысокий паренек. Лет восемнадцати, я думаю, очень симпатичный.

— Простите меня за бестактность… — говорит он.

Вручает мне записку и удаляется. Записка содержит его имя; слова о том, как ему нравятся мои книги и мое выступление по поводу возраста согласия — и номер телефона. Позвоните. О боже.

Аластер довез меня до дома, я пригласил их обоих выпить. Аластер не захотел, в отличие от Кима, поэтому мы весело попрощались с ним и провели у меня часы и часы. Мы можем разговаривать бесконечно, это ужасно радует.

Так заканчивается месяц.

Понедельник, 1 ноября 1993

Встал, отправился на озвучку. Мультивитамины «Санатоген». «Вы хорошо себя чувствуете?» Недурной, черт подери, вопрос. Не без труда смог вернуться вовремя, поработать с Хью — и лишь затем, чтобы обнаружить: сегодня срок сдачи материала в «Спектейтор». А я об этой чертовщине напрочь забыл. Несколько месяцев назад на ленче «Спектейтора» согласился в течение пары недель писать для журнала колонку «Ежедневник». В итоге потратил большую часть дня не на скетч, а на эту писанину. Обормот. Так или иначе, а колонку написал. Вроде бы неплохую.

Жуткая новость: умер Ривер Феникс{131}. Оскорбительная. Я его так любил. Помню, я изменил реплику в «Друзьях Питера», чтобы упомянуть о нем. Когда героиня Эммы пробует соблазнить меня, я объясняю ей, что я своего рода бисексуал, сейчас у меня никого нет, но, если бы я задумался о выборе, она стояла бы «во главе списка моих желаний рядом с Мишель Пфайффер и Ривером Фениксом». Зрители всегда хохочут в этом месте. Такой милый мальчик. Похоже, его смерть как-то связана с наркотиками, и это странно, я всегда считал, что он человек до ужаса правильный — охрана окружающей среды и прочее симпатичное пуританство. Вот те и на! Над столом, за которым сидит, когда мы сочиняем скетчи, Хью, висит фотография Ривера. Сейчас я смотрю на нее — до чего же он все-таки красив. Из его фильмов я больше всего люблю «Бег на месте». Мне нравится все, что делает Сидни Люмет, а он сумел вытянуть из Феникса, которому никогда не восстать из пепла, лучшее, что в нем было. О боже, я даже прослезился. Примерно то же я чувствовал, когда в начале этого года умер Бобби Мур{132}.

Вечером понесся в «Гаррик» на ужин, устроенный лордом Александером, президентом «Нат-Вест-Банка». Был приглашен туда благодаря любезности Чарлза Пауэлла. Явился заблаговременно, меня приветствовал лорд А, Боб, как называют его друзья. Я сидел рядом с его женой, Мэри, на свадьбе Чарлза и Карлы, а вернее, их сына Хью. Она адвокат — прелестный мягкий ирландский голос и симпатичные мягкие воззрения к нему в придачу. Следом за мной пришел Дэнис Тэтчер — со странной женщиной по фамилии Бишофф, очень приятной, но необычно стеснительной, или нервной, или еще что.

Дэнис, должен признаться, мне страшно нравится. Взглядов он, разумеется, придерживается правых, но человек чудесный. Начитан намного лучше, чем я мог вообразить. Любит историю, знает о ней очень многое и был, по-моему, рад поговорить с человеком моих лет, о котором нельзя сказать, что он ни уха ни рыла ни в чем не смыслит. Дошел до того, что назвал меня «блестящим собеседником». Ничего себе.

Домой вернулся довольно рано. Написал несколько строчек — и спать.

Вторник, 2 ноября 1993

Встал рано, отправился в семейство Лори. Нам предстояло съездить в Норфолк и проинспектировать кухню моего дома. Джо управляла его перестройкой — столь основательной, что она и

фараона заставила бы подумать дважды.

Вместе с Хью мы приехали сереньким днем в Вест-Билни. Работа там проделана колоссальная — я попросту ничего не узнал. Деревянные конструкции заменены, крыша стала ниже, полы перестланы. Невероятно. Просто невероятно.

Несколько часов проговорил с Бренданом, строителем. Архитектор Найджел Хардинг забыл о том, что мусор надо куда-то складывать. Деталь глупая и мелкая, но фантастически важная. Я составил «перечень недоделок». Никак не могу поверить в мастерство, обязательность и доброту Джо, отдавшей в мое распоряжение столько времени и таланта. На обратном пути завернули в семейный ресторан А. Дж. с его огромными гамбургерами.

Вернувшись в квартиру, стал ждать Сэма Мендеса, который собирался зайти, чтобы обсудить мюзикл Элтона Джона. Либретто ему нравится, однако Сэм возьмется за постановку, лишь если оно станет более интересным, рискованным и резким. И он совершенно прав, а я чувствую себя дураком из-за того, что ввязался в эту затею в ее нынешнем виде. Он хочет поговорить с Джоном Рейдом. Если бы у меня была пара месяцев на то, чтобы сделать либретто куда более оригинальным, он с радостью принялся бы за работу. И этот свинтус совершенно прав. Не свинтус, конечно. Замечательный человек. Ему всего 28, а он уже один из лучших наших режиссеров. Да еще и красив, и блестяще играет в крикет. Черт! Есть же люди.

Отправился с ним в «Граучо», у входа мы столкнулись с Гриффом. Я дал Сэму рекомендацию в члены клуба, Грифф ее поддержал, и мы вошли внутрь, чтобы подкрепить силы. Там был старина Джим Мойр (он же Вик Ривз), присоединившийся к нашим увеселениям. Купил у Джетро пару граммов и в несколько взвинченном состоянии отправился домой смотреть «Шталаг “Люфт”», наконец-то выпущенный на экран. Затем постель и пустота.

Среда, 3 ноября 1993

Рано утром позвонил Хью и сказался больным, — вернее, Джо сделала это от его имени. Грипп, заложенный нос, в этом роде. В итоге я на весь день остался предоставленным самому себе. Хороший шанс «очистить мой стол» от обильной корреспонденции и прочей дряни. Скетч у меня не пошел, я написал нечто пародийное о трудностях сочинения скетча и курьером-мотоциклистом отправил это дело Хью.

Около семи пришла машина, чтобы отвезти меня к Алисе Фэй Клиз. Мы с ней должны были отправиться — как гости Майкла и Шакиры Кейн — в «Столовку», ресторан Марко Пьера Уайта. Приехав к А. Ф. заблаговременно, успел еще выпить с ней бокал вина. Сам Клиз, как всегда, «устал», для шалостей и проказ не пригоден… по каковой причине я и приставлен к А. Ф.

Мы приезжаем в Челси-Харбор, и я, приклеившись к стойке бара, смотрю, как Норидж доводит «Баварию» до ничьей, 1:1, по сумме двух матчей это получается 3:2. Опля! К нам присоединяются Майкл и Шакира… Майкл вырос в Норт-Ранктоне, неподалеку от Кингс-Линна, и потому питает тайную любовь к «Норвич-Сити». Следом подходят Дэвид и Карина Фрост, мы смотрим матч до конца. Дэвид был в юности неплохим футболистом и пробовался в Норидже, поэтому он тоже болеет за эту команду. Обед хороший. Я сидел между Кариной и Шакирой. Последняя абсолютно очаровательна и почти невозможно прекрасна. Карина столь же очаровательна, однако на великолепно взбалмошный манер. С превеликим восторгом говорит обо всех своих друзьях и подругах. За соседним столиком сидел и нес какую-то чушь Томаш Старжевски[138]. Сказал ему «конечно-конечно» и отправился играть в «Перудо». Вернулся домой около часу и сразу лег.

Четверг, 4 ноября 1993

Проснулся готовым к любым испытаниям — спасибо вчерашней воздержанности. Позвонила Джо, сказать, что Хью проведет бóльшую часть утра в постели и присоединится ко мне после полудня на озвучке рекламы «Альянса и Лестера».

В результате управляться с Крисом и Джеффом из Лейбористской партии мне пришлось в одиночку. Мы с Хью согласились сыграть в политической рекламе Уолворт-роуд[139]. Режиссер — Джефф Старк. Мы делаем это потому, что сценарий у нее довольно забавный. Джефф хочет, чтобы мы играли всех персонажей сразу, но я думаю, что лучше обойтись без этого. Прежде всего, работать придется меньше, а кроме того, какой-нибудь толковый и неожиданный актер может создать дополнительный комический эффект.

Прибежал на озвучку. Хью выглядит паршиво — бледен, еле волочит ноги, пошатывается. Все прошло хорошо, и я вернулся домой, чтобы расфуфыриться. Поехал к дому Эммы. Я сопровождаю ее на предварительный показ фильма «На исходе дня», помимо прочего, открывается Лондонский кинофестиваль.

Над Эм трудится частный косметолог, а я тем временем выпиваю и болтаю с ней. Затем она облачается в самое *ошеломительное* платье, какое я когда-либо видел. Его великолепие несколько выцветает, когда она сообщает, что это Армани и стоит 6000 фунтов. Боже милостивый, а ведь это даже и не ее платье. Эм его не *покупала*, сами понимаете, его ей *ссудили*. Вот что случается с тем, кто получает «Оскара». Усаживаемся в лимузин и катим к «Одеон Лестер-сквер». Как всегда, огромные толпы, кто-то хохочет, когда из машины вылезаю я вместо Кена. Эм, совершенно как принцесса Ди, подскакивает к барьеру, чтобы поболтать с ожидающей публикой. Я с идиотским видом стою на одной ноге, ожидая, когда она вернется ко мне. Недолгое позирование для газет, и мы заходим внутрь. Эм остается ждать внизу, поскольку, когда будут произноситься вступительные речи и так далее, ей придется выйти на сцену. Я поднимаюсь наверх и вскоре уже сижу рядом с Дженни Хопкинс, женой Тони{133} (он тоже играет в фильме), и Гретой Скакки{134}. Фильм очень приятный, может быть, малость затянутый, но Эм и Тони играют потрясающе. После него мы рысью мчим в «Кафе Ройал», на прием. Ухитряюсь принять в сортире дорожку, затем присоединяюсь к уже сидящим за столиком Киму и Шону Слово. Слово фильм, разумеется, показался *омерзительным*, Ким, по-моему, тоже далеко не в восторге. Присутствует Хью Грант с роскошной дамой. Я расспрашиваю его о «Четырех свадьбах и одних похоронах», в котором он только что снялся. Хью считает фильм дерьмом, снимался в нем с отвращением, ему все время хотелось дать Майку Ньюэллу в морду. Готов поспорить, сыграл он блестяще. Спросил его и о слухах насчет того, что Мадонне хочется с ним переспать. Они оказываются правдивыми. Присутствует также Джеймс Фокс: мил необычайно. Восхитительный малый. И в фильме он, с его чудесной траурной слабостью, очень хорош. Подошел сэр Дикки (прошу прощения, лорд Дикки), взял меня за обе руки и, любовно глядя в глаза, сказал, что я просто обязан посмотреть «Страну теней»… присутствуют и обычные подозреваемые, включая Кеннита Тродда[140], Бена Кингсли и всякого рода балласт в ассортименте. Домой вернулся около двух, измотанный, но в разумных пределах веселый.

Пятница, 5 ноября 1993

В 10.00 озвучка для «Бактола», потом весь день писал с Хью, потом поскакал в «Гаррик», чтобы выпить с Робином Бейли[141].

Он позвонил мне и рассказал о таксисте, первая жена которого была официанткой в «Челси артс клубе», ее портрет висел там в баре. Не могу ли я, как член этого клуба, свести туда Робина — посмотреть, цел ли еще портрет? Я ответил: да, давайте там пообедаем. Он предложил сначала встретиться в «Гаррике» и клюкнуть[142]. Пришел с опозданием на час. По-моему, он слегка помешался. Только и знает, что произносить путаные речи, изображая горечь по поводу своей карьеры. Печально. Мы повлачились в «Челси артс», подождали там Джонни Сешнса, который должен был присоединиться к нам. Он появился, слава богу, и смог привнести в происходившее некоторое здравомыслие и остроумие. Обед с обилием выпивки, терпеть их не могу: я и забыл, что такое «Ч. А. К.». Хорошие инициалы. Домой вернулся поздно.

Суббота, 6 ноября 1993

В 10.30 пришел Робин Гарди, и мы несколько часов провозились со сценарием «Анонимных холостяков». Под конец работы испытывал от нее радостное удовлетворение, какого не испытывал уже многие недели. Уговорил его выбросить несколько щекотливых сцен и с большей серьезностью отнестись к любовной линии. Потом сходил за кое-какими покупками в «Фортнумс», а вечер провел перед теликом. М-м. Спать лег трезвым и симпатичным.

Воскресенье, 7 ноября 1993

Встал в 11.15, как раз вовремя, чтобы влезть в костюм к появлению заехавших за мной сэра Чарлза и леди Пауэлл. Мы отправились на ленч в суссекский дом Жозефины (*nee*[143] Харт)[144] и Мориса Саатчи. Дом *весьма* величавый. Присутствовал весь белый свет с супругой. Николас Сомс с нареченной, да благословит его Бог, Сирена, Мелвин Брэгг, Саймон Каллоу с другом Кристофером[145], сэр Норман Фаулер, министр внутренних дел Майкл Говард, Джон и Джейн Берт, Алан Йентоб, Кристофер Бланд[146], Пол Джонсон Саймон Дженкинс, Гэйл Ханникат, Алистер Гудлад, Грей Гоури, Памела Харлек и другие, слишком величественные, чтобы о них упоминать. Вино и разговоры лились рекой, было довольно весело. Подписал экземпляр «Пресс-папье» сыну Саатчи, Эдмунду, ему восемь лет, он явно очень умен. Жозефина рассказала, как зашла вчера

вечером в комнату сына и застала его за чтением «Пресс-папье». Он спросил: «Мама, а что такое “биопсия”?» Как мило.

Вернулся в Лондон с теми же Пауэллами, поспел домой к телику и постели. Снова обошелся без кокса. Два вечера подряд. Это становится обыкновением.

Понедельник, 8 ноября 1993

Хью сегодня прийти не смог: у него встреча по поводу рекламы, которую он делает на следующей неделе. Я копался в корреспонденции и вообще приводил то да се в порядок. Утром озвучка, потом ко мне заскочила сотрудница Клайва Андерсона, у которого я выступаю в четверг. Пока я болтал с нею, позвонила Алиса Фэй и спросила, не желаю ли я получить ее билеты на «Мейстерзингеров», которые приводят сейчас в восторг завсегдатаев Королевского оперного театра. Я в превеликом волнении взвизгнул: «Да!» — говорят, постановка роскошная. Тут же позвонил Джонни Сешнсу, спросил, не пойдет ли он со мной. Начало, как водится, в 5.00. Он согласился с не меньшей готовностью, и остаток дня я провел в лихорадочном ожидании курьера-мотоциклиста, который должен был привезти мне билеты. Принял ванну, влез в костюм, а в 4.00 появился Джонни. Мы поехали на такси в «Гарден», заказали для себя выпивку на первый антракт. Видел сэра Блумфилда (Бромфилда?), одного из директоров Би-би-си, состоявшего прежде в ольстерской государственной службе. Я встречал его на вечерах Берта, Променадных концертах и так далее. Присутствовал также Саймон Хорнби[147].

Затем началась сама музыкальная драма. Абсолютно сногсшибательная постановка Грэхема Вика с невероятным Бернардом Хайтинком в оркестровой яме. Просто блестяще. Томас Аллен — сказочный Бекмессер, может быть, лучшая сейчас в Лондоне актерская работа, о пении я и не говорю. И Джон Томлисон, поразительно благородный, чудесно спетый Сакс. Ах, Душечка, дорогой ты мой, это был лучший мой вечер за годы и годы. Забываешь же понемногу, каким великим человеком был Вагнер. Это Искусство, совершенно волшебное, подлинное, бескомпромиссное Искусство. Гений — боюсь, это единственное слово. Несравненный гений.

Выбравшись на нетвердых ногах из театра, мы отправились ужинать в «Орсо». Там, разумеется, был Нед Шеррин{135}, мы поболтали немного, почесали языками. Я попытался рассказать Джонни о Гегеле; он сказал, что все это очаровательно, однако,

едва я умолкну, он точно забудет каждое мое слово. Вот почему я так люблю рассказывать и поучать — когда проговариваешь какие-то мысли вслух, они закрепляются в твоей голове. Если тебе, прочитавшему полную сложных идей книгу, приходится описывать ее кому-то, ты уже никогда ее не забудешь.

Мы притащились ко мне домой, немного выпили, проговорили несколько часов. Джонни обосновался в гостевой комнате, я завалился в постель и не смог заснуть до пятого часа утра.

Вторник, 9 ноября 1993

Разбудил Джонни в 8.15 и снова лег. Смутно помню, как он зашел попрощаться со мной. Джо прислала письмо с сообщением, что в «Олбани» освободилась квартира. Позвонила другая Джо, Джо Лори, сказавшая, что я должен съездить с ней в Челси, в мебельный магазин, выбрать для Вест-Билни 5 новых кроватей. Она приехала на такси вместе с Хью. Он уселся работать, а я укатил с Джо.

В течение часа я потратил 11 750 с чем-то фунтов на совершенно прекрасные кровати и еще шесть сотен на ткань для обивки одной из них. Ладно, зато вещи потрясающие.

Домой возвращался сквозь жуткие пробки (государственный визит Их Величеств короля и королевы Малайзии или кого-то в этом роде). Хью, посидев немного, отправился беседовать с директором приготовительной школы для мальчиков. Я позвонил секретарше попечителей «Олбани» и договорился, что приеду сегодня посмотреть квартиру. Договорился также с Джетро о встрече в «Граучо» в 5.00.

Немного полодырничал, но тут появилась редактура «Гиппо», и я занялся ею. Потом отправился в «Олбани». По-моему, квартира многообещающая. Правда, ее придется отделывать заново. Перспективы безусловно волнующие. Правила тут такие: никаких детей, собак, шума и публичности.

Оттуда в «Граучо», где провел около часа: получил от Джетро пару граммов, забежал наверх, чтобы продегустировать вино, оказавшееся очаровательным. Вернулся домой для встречи с неким сэром Питером Ратклиффом, руководителем благотворительной программы, от имени которой мне предстоит на следующей неделе выступить на премьере «Человека без лица». Он рассказал мне о предстоящем вечере, о том, когда я должен буду толкать речь. «Принц Уэльский *ужасно рад*, что говорить будете вы…» — и прочее. Боюсь, придется постараться.

Снова в «Граучо», еще одна дегустация, потом на Олд-Комптон-стрит, в «Плющ», где мне предстояло поужинать с Томашем Старжевски. К его дверному звонку прилеплена записка: «9.10, Стивен… ушел в “Плющ”». Меня она несколько удивила, поскольку мои часы уверяли, что времени всего лишь 8.30.

Потопал в «Плющ» — его там нет. В конце концов он объявился. Записка висит со вчерашнего дня… обалдеть! Он думал, что мы договорились встретиться в понедельник… а речь у нас точно шла о вторнике. Ну ладно, никто не пострадал. Чарующий вечер, все отлично. Он одолжил мне книгу Виткевича. Домой вернулся около часа. Читал в постели.

Среда, 10 ноября 1993

День, на который почему-то пришлось невероятное количество телефонных звонков. Договорился о посвященном «Перудо» вечере 17-го — кто будет за моим столом и так далее. Кроме того, принял более или менее важное решение заняться квартирой в «Олбани», которую осматривал вчера. Потребуется большая работа, надо будет отправить туда Джо Лори с ее командой, — однако может получиться нечто, я так думаю.

Обзвонил нескольких людей, чтобы получить рекомендации для попечителей «Олбани». Банкира плюс еще двух персон. Попытался найти Чарлза Пауэлла, но, похоже, он мотается по всему городу. Сумел дозвониться до секретарши Джона Битта; та сказала, что шеф мне перезвонит… что он вскоре и сделал. По правде сказать, что бы о нем ни говорили, со мной он всегда был замечательно любезен. Поговорил с Карлой, и та пригласила меня на официальный ужин, который она устраивает в честь Колина Пауэлла, возглавлявшего во время Войны в Заливе комитет начальников штабов США. Она хороший друг и приглашает едва ли ни весь белый свет, поэтому я чувствую себя *довольно* польщенным. Какая все-таки пара!

Карла рассказала мне нечто *удивительное*. Пол Джонсон, с которым я встречался всего два раза (и в обоих случаях он был несколько угрюм), и она, Карла, были нынче утром в католическом храме: Карла молилась там за своего сына Никки, которому предстоит пройти сканирование мозга («Слишком много трахается, дорогой. Я знаю. Он — мой чудесный сын, но у него слишком много баб»), а Пол, судя по всему, оттуда просто *не вылезает*. Пол сказал, что его жена Мэриголд, бывшая с ним в воскресенье на ленче Саатчи, большая моя поклонница и хотела

бы познакомиться со мной. С другой стороны, Пол, услышав от Карлы, что я нравлюсь и ей, проворчал: «Но он же социалист, не так ли?» На что Карла немедля ответила: «Как и вы, дорогуша, — в его возрасте!» Пол согласился с ней и сказал, что им следует помолиться за то, чтобы я отвратился от социализма. Вот так. Карла и Пол Джонсон молились в католическом храме Лондона за мое обращение в консерватора. Чуднее не придумаешь.

Рассказывая мне об этом, Карла покатывалась со смеху. Ну, она итальянка и ко всему относится образцово. Однако что же это такое, господи прости?

Так или иначе, она полагает, что Чарлз с радостью даст мне рекомендацию. Правда, человек он занятой, и потому мне, может быть, лучше обратиться за таковой к Максу Гастингсу.

Ухитрился написать маленький скетч. Хью весь день отсутствовал — репетиции рекламы. Затем вернулся к корректуре «Гиппо». Пришлось заняться ею сегодня, иначе я не поспею ко времени и не получу в декабре пробного оттиска книги. Редактор (Хью де Клее… роскошное имя) поработал, по-моему, великолепно. Несколько мелочных придирок в сцене охоты, но человек он очень внимательный. Постоянно напоминая себе об этом, провел над редактурой три-четыре часа.

В шесть отправился в «Савой», чтобы встретиться с Кимом перед премьерой «Евровидения»[148]. Посидели, потягивая «Олд фешн» и здороваясь с Нейлом Теннантом, Джулианом Ллойдом Уэббером и прочими, кто там был, затем потопали в театр. Встретили Джо, ожидавшую Хью, которого она не видела целый день. В конце концов он объявился — все напрочь забывший, Хью приехал домой и вспомнил о премьере, лишь увидев сидевшую с малышкой Мелиссу.

Спектакль оказался таким манерным, какой только можно себе представить. Сколько-нибудь сносным его делает лишь изумительная игра актера по имени Джулиан Дрейфус[149]. За ним несомненно стоит последить. В целом до невероятия любительское «произведение» с плебейской структурой. Несколько прекрасных фарсовых сцен с участием призраков Адриана и Антиноя, ни больше ни меньше, но почему-то и они выглядят глуповато. Даже гейской публике такое не интересно, потому что она видела все это прежде в «Мадам Джо-Джо», в миллионах разбросанных по стране ночных клубов и на хэппенингах гей-театров. Из нашей компании представление больше всего понравилось, промежду прочим, Джо Лори. Хотя и ей оно опротивело, когда во втором действии начались разглагольствования о любви.

Потом пошли кормиться в «Плющ». Я нюхнул в сортире кокса, и Джо с Хью, вне всяких сомнений, это заметили. О господи, какая же я жопа. Думаю, в скором времени мне придется испытать то, что, насколько я знаю, принято именовать «вмешательством». Я то и дело рисую себе эту картину. Все мои друзья набрасываются на меня, я ни в чем не сознаюсь, пока они не выворачивают мои карманы. Стыдоба. Много вина, кофе, домой вернулся в четверть первого. А там тупо смотрел ТВ, решал кроссворд и нарезал новые дорожки. Лег в половине третьего. Глупо. Глупо, глупо, глупо.

Четверг, 11 ноября 1993

Годовщина дня перемирия, семьдесят пятая{136}. В такой день следует сидеть дома и работать. Получил плохую новость. Позвонила секретарша из ТВС по поводу аренды квартиры «Олбани» и сказала, что еще до меня квартиру осматривал один господин, который теперь вдруг проявил к ней нешуточный интерес, и потому они считают своим долгом отдать предпочтение ему. Пф. Однако коллекцию рекомендаций я собрал впечатляющую. Одна от сэра Чарлза Пауэлла, другая от Джона Берта, третья от Макса Гастингса. И все распрекрасны. Чарлз начал свою с типичной для него прелестной помпезностью: «Джентльмены…» Хей-хо. Если этот тип даст в последний момент задний ход или не сумеет получить хорошие рекомендации, я, похоже, смогу ожидать продолжения.

Около семи пришла машина, чтобы отвезти меня в студию на «Клайв Андерсон огрызается». Второй участник — Бамбер Гаскойн, третий — мастер по пирсингу (и ходячая демонстрация оного). У него гвозди в языке, по большому шипу в носовой перегородке и в нижней губе, кольца в сосках и еще одно — хотя его он никому не показывает — в «принце Альберте». Охламон. Думаю, я прав. Публика, похоже, была страшно рада видеть меня и прием мне устроила потрясающий. Свист, приветственные клики. Весьма лестно. Представляю, однако, с каким раздражением приняли это телезрители. Поговорил о политике и о лошадиной сцене в «Гиппо». Произнес монолог о «семейных ценностях» — жестковатый, пожалуй, но приняли его хорошо.

Из «Лондонских Студий» отправился в «Граучо» играть в покер. Грифф, Боб (Ринго) и актриса по имени Кэролайн. Очень мила, но предложила играть в «анаконду» и только что не раздела меня догола. Я уже много лет так не продувался. Сие да послужит мне уроком. Слишком много кокаина. Лег в два.

Пятница, 12 ноября 1993

Встал очень рано — озвучка. Происходила она на Оксфорд-стрит, поэтому, закончив ее, прошелся по магазину «М-энд-С». Потом вернулся домой — Хью, сочинение скетча, обычные дела, — а около семи отправился в «Квоглинос», ужинать с Альфредо и Патриком Кинмотом, моим давним школьным приятелем, которого я за последние двадцать лет видел всего два раза. Он прекрасен. Художник, теперь еще и театральный. Очень талантливый, очень милый. Ужин был хорош — спасибо Патрику, обладателю обеденных талонов «Квога», которые он получил за роспись одной из колонн главного зала.

Оттуда ко мне, поболтать. Я каждые десять минут скрывался в сортире, но они этого вроде бы не замечали, разошлись в 3.00; ну да ничего, в эту субботу я впервые за сто лет могу проспать столько, сколько мне захочется.

Суббота, 13 ноября 1993

Проснулся в 12.20, чувствуя себя хорошо отдохнувшим. Вышел из дома, купил в «Тауэр Рекордз» несколько пленок, потом кое-что в «Фортнумсе» и домой — поесть и посмотреть телик. Блаженство. Впервые за сто лет. В шесть тридцать — на обед к Лори. Ким, Ал, Ник и Сара. Было весело. Воздержался от приема кокса в их сортире, поскольку знаю, что они знают, и знаю, что это их расстраивает. В половине второго дома.

Воскресенье, 14 ноября 1993

Очень занятой день — заканчивал колонку для «Спектейтора» (к следующей неделе) и писал речь, которую произнесу во вторник на кинопремьере. Управившись с этим, посмотрел немного телик, потом уложил вещи и поехал на такси к Юстонскому вокзалу, чтобы отправиться спальным вагоном в Данди[150]. Выпил немного скотча и съел два сэндвича. *Огромная* ошибка. По какой-то причине они наградили меня жутчайшим из вообразимых расстройством желудка. Такая досада — кислота разъедала меня изнутри, пока поезд летел, громыхая, сквозь ночь. Почти не спал.

Понедельник, 15 ноября 1993

Следующая станция — Данди, прибытие без пяти шесть. Мерз на платформе как цуцик, чертов поезд прикатил на десять минут раньше, и мне пришлось торчать там в ожидании комитета по встрече, каковой должен был отвезти меня на завтрак. Комитет состоял из Джима Дункана (советника ректора), президента Студенческого союза Айеши и его старшего вице-президента Дуги. Приятные люди. Айеша — девушка стильная, блестящая, лучшая из трех президентов, с какими я пока свел знакомство. Уверен, что она могла бы *с легкостью* получить любую работу — референта Клайва Андерсона/Дж. Росса, в таком роде. Мила и энергична. И к тому же не дура.

Приехали в дом Джима, это уже традиция, чтобы поглотить потрясающий завтрак, приготовленный его прелестной женой Хильдой. Обилие апельсинового сока, кровяная колбаса, ветчина и так далее. Как обычно, просидели около часа, разговаривая, меня вводили в курс неотложных проблем университета (в настоящий момент таковые, слава богу, отсутствуют), затем я отправился с моим первым «визитом». Я сам ввел этот обычай — при каждом заседании совета мне показывают пару факультетов. Несколько отдает принцем Уэльским, но всем вроде бы нравится, а я нахожу это «совершенно *очаровательным*».

По пути мы заехали в логово Айеши, потому что она обещала своим соседкам по квартире привезти меня туда. Они, как оказалось, еще не встали — пара светловолосых красоток, типичные растрепанные студентки. Такие милые. Пока они продирали глаза, я пил кофе. Первым портом захода стал факультет бухгалтерского учета и бизнеса. Не такое волнующее, как вы, может быть, думаете, место, однако глава факультета Боб Лайон был дружелюбен и все его сотрудники тоже. Встретился с международной группой студентов, до смешного похожей на ООН: Шри-Ланка, Саудовская Аравия, Бангладеш и так далее. Компьютерный умелец, бородатое чудо по имени Роз, показал мне компьютеры, мы немного полазили по интернету, отыскивая следы Дугласа Адамса. Кофе в преподавательской, разговоры, после чего я улизнул на факультет политики и социальной политики. Снова очень дружелюбные люди. *Смотреть* тут, в сущности, не на что, не то что на факультетах, которые я посещал раньше, там можно было потаращиться на медицинское оборудование, лаборатории и так далее, однако люди очаровательные. Довольно левых взглядов, что для Данди редкость. Сколько я знаю, из этого университета вышли Чарлз Кеннеди и Джордж Роберстон{137}. Меня нагрузили книгами и брошюрами.

Уже полдень, пора посетить главу университета Майкла

Хамлина. Выглядит он плоховато: какой-то отек под подбородком, припухлости вокруг глаз. Человек, я так понимаю, нездоровый. В конце года он уходит в отставку. Мы проговорили три четверти часа, он, как обычно, называл меня «Саймоном».

Пришло время предваряющего заседание ленча. Сидел рядом с каким-то ослом, имени не запомнил, обычная резиновая курятина и распадающийся на фракции майонез. Да поможет им бог. Затем, в 2.00, дальше тянуть было невозможно, началось заседание совета. Засыпал трижды. В первый раз меня разбудил сидевший рядом Джим Дункан, в остальные два — смена одного голоса другим или что-то еще. Нет на свете ничего столь до онемения задницы скучного, как комитет ученых мужей, обсуждающий университетские дела. Единственным, что меня за это время взбодрило, было негодование, с которым обсуждалось письмо некоего онколога, интересовавшегося, чем может университет оправдать — в моральном смысле — выделение курительных комнат, которые способствуют «распространению наркомании среди студентов». Я вас умоляю.

Заседание закончилось в рекордный срок — за два часа. Мне осталось убить час до моего назначенного на 5.00 выступления перед первокурсниками. Мы пошли в «Бар Пита», это наверху здания Студенческого союза, выпили немного скотча. Вокруг нас толпились студенты, все как один очаровательные. К 5.00 я пришел в «Клуб усопших», где собрались, чтобы послушать своего ректора, сотни студентов. О необходимости выступить я узнал лишь этим утром, времени на подготовку у меня не было, пришлось импровизировать. Я сказал им, что нет на свете ничего менее привлекательного, чем молодой человек, напяливший маску жесткого цинизма, — я, мол, все уже повидал и знаю настоящую цену этому миру. Сказал, что их непременный долг каждое утро смотреться в зеркало, убеждаясь, что лица у них прелестные, открытые, добрые и улыбчивые.

Проговорил целый час; вышло, по-моему, неплохо. Затем еще час в баре, перед обедом, который дали в мою честь сами милейшие студенты. Для определения участников обеда они тянули жребий, поскольку не хотели, чтобы собралась неуправляемая толпа. Как и всегда, *corpus studenti* испытывал, похоже, горячее желание напоить меня в лоск. Моя задача была такой: переходить от стола к столу и отсиживать с каждой студенческой компанией достаточно долгое время. Все были очень любезны и радушны. В конце концов Джим и Дуги (Айеша к этому времени нализалась) проводили меня, пошатывавшегося после выпитого и втянутых в нужнике пары дорожек, на вокзал. Времени было 10.55. Заснуть сумел сразу, несмотря на дороги,

кокаиновые и железную, что было своего рода чудом.

Вторник, 16 ноября 1993

Проснулся в 7.00 на Юстоне. Такси в Сент-Джеймс, два часа в кровати, потом вылез — и на озвучку. Такие дела. Вернулся в одиннадцать, почта, чашка кофе и такси на Уайтфилд-стрит ради четырехчасовой фотосессии для обложки «Гиппо» и рекламных материалов.

Все неплохо: очаровательный фотограф Колин Томас, Марк Мак-Каллум и Сью Ф.[151], старые друзья. Попробовали различные варианты — я выхожу, весь в мыле, из ванной комнаты и так далее. Надеюсь, получится не слишком вульгарно. Книга все-таки не об этом. По крайней мере, *я* так думаю…

Развязался в половине третьего, страстно желая вернуться домой и подготовить речь. Уже в такси, которое везло меня к Сент-Джеймсу, сообразил, что оставил в студии плащ — а в его кармане ключи. *Жопа*.

Зашел к нашему замечательному местному парикмахеру, позвонил Колину Т., попросил мигом отправить все с таксистом. Сью, Марк и я засели в пабе «Красный лев», заказали по полпинты «Гиннесса» и так далее. Такси приехало, я снова в деле.

Речь, по-моему, получилась. Правда, времени на ее заучивание у меня нет, придется читать по бумажке. Не идеально, но сойдет. Около шести сорока пяти появляется Алиса Фэй, совершенно *потрясающая* в бесконечно элегантном и прекрасном платье от Старжевски. Мы проглатываем по джину с тоником, садимся в машину и едем в «Одеон Лестер-сквер». Толпа, естественно. Очаровательная старая курица по имени Ширли встречает нас и проводит за кулисы, вернее, за экран. Слоняюсь там, пока трубачи продувают свои трубы, а экран показывает одну знаменитость за другой. Наконец появляются члены королевской семьи.

Фанфары, государственный гимн, я выхожу на сцену и произношу приветственную речь. Говорю о Благотворительном фонде кино и телевидения и его «работе». Принимают речь вроде бы хорошо. Затем меня проводят на мое место в королевской ложе, я смотрю фильм, который мне, должен сказать, понравился. Он очень старательно *выписан*, но хуже от этого не стал. Интеллигентный и, по большей части, гуманный, с лучшей, попросту говоря, детской ролью, какую я когда-либо видел. По-настоящему блестящий мальчишка Ник Стал{138}, совершенно замечательный, ничем не хуже Джоди Ф. в «Таксисте»{139}. Ну

и Мел Гибсон — прекрасная игра, хорошая режиссура. Фильм не из великих, не культовый, но *достойный*: им можно гордиться.

Едва все закончилось, как меня погнали вниз, на встречу с П. У. Он повел себя совершенно по-приятельски, спросил: «Вы ведь *сами* написали речь, верно?» «Верно, сэр», — ответил я. Он: «Мел Гибсон спросил у меня, сами ли вы ее написали, и я гневно ответил: *конечно* сам!» Я представил его Алисе Фэй, они поговорили немного о Клизе и «Франкенштейне».

После того как ЕКВ удалился, мы отправились машиной на прием в «Планете Голливуд». Выпили водочки, затем поехали в «Плющ» поужинать. Честно говоря, приемы в «Планете Г». ужасны. Поужинали хорошо. Поговорили. Алиса Фэй сказала, что мои короткие сочинения нравятся ей (и Джону) больше, чем мои же романы. Меня это сильно уязвило. Я чувствовал, что «Лжец» из тех вещей, которые должны не нравиться Клизу, поскольку, несмотря на его комический гений, а может, и по причине оного Джон не понимает одной глубокой истины: комические вещи гораздо серьезнее серьезных. Серьезнее и правдивее. Такова плата за его комедиантство, и она же отражается в его нелепо завышенной оценке абстрактных спиритуалистских писаний наподобие «Тибетской книги мертвых», сочинений Гурджиева, Коэльо и прочего вздора. Если бы он почитал настоящих мистиков наподобие автора «Облака незнания» или матери Юлианы, то знал бы, что абстракция и витающее в облаках мышление чужды подлинной духовности. Я попытался внушить кое-что из этого Алисе. Не знаю, многое ли она поняла. Однако на себя я разозлился — за эту самую уязвленность. Лег поздновато.

Среда, 17 ноября 1993

Какой странный день. Начался он рано. До ужаса. Начался с «Большого завтрака» на «Канале-4». Я согласился прийти на него, чтобы помочь раскрутке «Перудо». Космо Фрай попросил, а я, бесхарактерный болван, согласился. По пути туда пребывал в брюзгливом настроении… черт бы их всех… *Чтоб тебя!* К тому же я знал, что, когда все закончится, мне придется запрыгивать в другую машину и лететь аж в Уондзуорт, чтобы снова позировать Мэгги.

Впрочем, когда я приехал, лихорадочная и дружеская атмосфера программы вмиг развеяла мою омраченность. Я поиграл в «Перудо» с ведущим Крисом Эвансом. Дал «Совет шоумена» насчет того, как говорить на холоде, не пуская пар изо

рта. Весь фокус в том, чтобы посасывать кусочек льда. После этого меня какое-то время показывали сосущим лед. А когда я его вынул, у меня изо рта — естественно — повалил пар. Давно не чувствовал себя таким дураком.

Машине потребовалось всего-навсего пятьдесят минут, чтобы доставить меня к Мэгги. Сеанс получился хороший — наверное, последний в этом году. Мэгги рассказала забавную историю про Марджи Кинмонт, кузину моего школьного друга Патрика Кинмонта. (Боюсь, читатель запутается: Мэгги, Марджи…) С Марджи я не так давно сидел на ленче у Ферди Фэрфакса[152], оказывается, она вместе с Дон Френч снимает некий документальный фильм, цель которого в том, чтобы показать, как чудесно быть толстушкой. Он должен помочь Дон в продаже ее коллекции одежды для крупногабаритных женщин и заодно продвинуть идею, что избыточный вес не следует считать проклятьем. У Патрика случилась по этому поводу размолвка с Марджи: он решился высказать мнение, что полнота не так уж и желательна, и привел несколько причин, по которым мы обычно находим ее неприятной как в себе, так и в других. Марджи и слышать ничего из этого не пожелала, осыпав его стандартными аргументами в духе «проблему полноты выдумали феминистки». Но это все к слову. Вчера Марджи позвонила Мэгги и спросила, не позволит ли Мэгги Х. снять ее для этого толстоментального фильма пишущей портрет Дон.

Мэгги — художница и вообще человек своеобразный — ответила, что а) работая, она никогда не позволяет камерам снимать что-либо поверх ее плеча и б) женщин она обычно пишет ню, а Дон это вряд ли устроит, ведь так? Поначалу Марджи К. только мычала и ахала, а потом спросила: ню? М-м, это *голыми*, что ли? Ну, сказала Мэгги, неосмотрительно возжелавшая искоренить всяческое ханжество, ведь ваша идея состоит в том, чтобы восславить плоть во всем ее изобилии, не так ли? Марджи К. только заикала от смущения. Бедная старушка Дон: если она откажется позировать голышом, выставив напоказ свой растекающийся, точно лава, живот, получится, что она вовсе не верит в то, что говорит. А с другой стороны, винить ее за то, что она предпочитает выходить на люди одетой, тоже нельзя, верно?

Я, далеко не такой красивый, как Дон, также не стал раздеваться, позируя Мэгги, и наш четырехчасовой сеанс прошел весело и увлекательно.

В час дня я, опять же машиной, отправился с Ребеккой Солт в турне по городу, имевшее целью подписывание книг. Ну и неделька.

Первым портом захода стал магазин «Уотерстоунс»

на Чаринг-Кросс-роуд. Изрядная очередь, сумасшедших не так уж и много, все вполне дружелюбны. Оттуда мы перешли через улицу в «Букс et cetera», где я подписал книги, только еще предназначенные для продажи. Оттуда на Пиккадилли, в «Хатчардз», — то же самое. Сейчас «Пресс-папье» числится в «Хатчардзе» главным лидером продаж, что довольно приятно. Затем мы отправились на Стрэнд: там стоит книжный магазин, в котором я должен буду подписывать книги начиная с 5.00. Поскольку времени было 4.00, Ребекка и присоединившаяся к нам Линн Дрю из «Мандарина» предложили зайти в «Уолдорф» и выпить чаю. Они уже заказали там столик, зная, что у нас будет часовой перерыв. Я втайне обозлился: они могли бы рассчитать время получше или распорядок магазинов выбрать другой. Почему было не сделать последним «Хатчардз», от которого я мог бы пешком добраться до дома? Эхе-хе.

Столик, как ни странно, оказался на шестерых. «Ха-ха, — подумал я. — Какой-то подвох». И удивленно осведомился: «А это наш столик?» «Ну, никогда же не знаешь, кто может тебе подвернуться во время чаепития в “Уолдорфе”», — ответила Ребекка. Тут явно что-то *заваривается*, рассудил я. И точно, вдруг ни с того ни с сего появился Джон Поттер, *capo di tutti capi*[153] «Рид Букс». А за ним — Элен Фрейзер из «Хейнеманна» и Анджела, главный редактор. Так-так-так.

Получилось замечательно мило: они хотели отпраздновать со мной успех «Лжеца», продажи которого перевалили за полмиллиона. Очень трогательно. Но потом… *потом*… появилась сестрица Джо! Совершенное чудо и оч. трогательное. Они подарили мне переплетенного в кожу с золотым тиснением, украшенного капталами «Лжеца». Я чуть не прослезился. Напился чаю, налопался плюшек, а после мы с Джо поехали домой. Как раз успел принять ванну и переодеться, перед тем как отправился на Нортумберленд-стрит, где начинался турнир «Перудо». В семь появился Хью — и мы пошли.

Турнир разыгрывался в Королевском колледже — не то институте — Содружества, что-то в этом роде. Зал медленно наполнялся обычными подозреваемыми. Множеством клевых, роскошных людей. По преимуществу симпатичных. Где-то около 8.30 я сумел добраться до микрофона и обратиться к собравшимся как Распорядитель игры. Правила турнира довольно сложны, но все игроки выказали великое воодушевление, напористость и благородство. Я играл за одним столом с Питером Куком, Карлой Пауэлл, Алисой Фэй и (ура!) Джетро, Джо и Хью. Х., голова которого была занята его рекламой, довольно скоро нас покинул. Игра шла бодро-весело, мы вышли во второй круг

турнира. После двух с лишним часов половина игроков вылетела из игры и я смог объявить состав команд второго тура. Времени было полдвенадцатого, мне, Питеру и Лин Кук, Алисе Фэй, Томашу, Дэвиду Уилкинсону и другим пора было отправляться праздновать день рождения Питера в «Гран-Парадизо», что в Пимлико. На самом деле уходить мне совсем не хотелось, я предпочел бы остаться. Тем более что получил пару граммов от Джетро и Б. Не вышло.

Праздник у Кука получился хороший. Мы с Алисой поговорили немного о Дж. Клизе — тема, которая никогда меня не утомляет, поскольку он мой комический герой и так далее. Джон не приехал на праздник, потому что весь день снимался в Шеппертоне с Робертом де Ниро и чувствует, что сыграл плохо.

«Кен разочаровался во мне» — таков был его вердикт. Я попытался объяснить А. Ф., что это вряд ли. Уехал в 1.15, повозился дома с кроссвордом, потом лег.

Уф! Странные денечки. С Большого завтрака на Большое чаепитие, а оттуда на Большой ужин. И продолжалось это безостановочно с той минуты, как я отправился в Данди.

Четверг, 18 ноября 1993

Не такой уж и фантастический день. Бóльшую часть утра провел дома — у Хью все еще продолжается монтаж его рекламы. В 12.15 забежала мама, повела меня на ленч в «Фортнумс». В 1.45 у нее некие дела в палате общин. Что-то связанное с Гарриет Гарман и женским вопросом. Что именно, я так и не понял. Сегодня официальное открытие сессии парламента, поэтому движение в Лондоне ужасное.

Мы очень приятно позавтракали, и в час тридцать я усадил ее в такси. Вернулся домой. Хью прийти так и не смог — из-за монтажа и прочего. Позвонил в «Кристис», поскольку слышал, что там будут продаваться два письма Оскара Уайльда, предложил пять тысяч за первое и пятнадцать за второе. Сам на аукцион прийти не смогу. Просидел дома до шести и решил заскочить в «Граучо», посмотреть, не играют ли там в покер. Обнаружил Кита Аллена и Саймона Белла, посидел с ними немного, выпил, к нам присоединились Джим Мойр (Вик Ривз) и еще пара людей. В восемь Кит, Лиам, Саймон и я отправились наверх, играть. Агент Кита, известный как Т., радостно лез игрокам под руку, давая советы. Я довольно прилично выиграл, все мы переварили изрядное количество белого порошка, но я сохранил достаточно здравого смысла, чтобы лечь спать в 1.00.

Пятница, 19 ноября 1993

В 7.00 приехала, чтобы отвезти меня в Шеппертон, машина. Мы с Хью согласились сняться в политической рекламе лейбористов. Играем пару сомнительных таксистов, Вивера и Доджа, которые дают целой череде толстосумов советы насчет уклонения от налогов. Там были Роджер Брайерли (Глоссоп в первых двух сезонах «Дживса и Вустера»), Робин Бейли, Джереми Чайлд и Тим Уэст{140}. Идея состояла в том, чтобы показать, как оставленные тори налоговые лазейки могут лишить казначейство миллиардов фунтов. К ленчу еще не снимавшийся Робин Бейли впал в отвратительно вздорное состояние. Вздорно-визгливое, если точнее… гонял помощника режиссера и художника, как прислугу. Хью такие фокусы сильно не нравятся, поэтому, когда Бейли попытался обратиться к нему, он отреагировал довольно резко (и правильно сделал). Бейли, весьма чувствительный в подобных случаях, остался решительно недовольным. Он сейчас несколько не в себе, история получилась неприятная. В конце концов он ушел. К этому времени стало ясно, что съемки затянутся допоздна. Джо с Хью ждали к обеду Грега, Кима и Аластера, и Хью чувствовал себя обманутым — его не предупредили, что съемки займут так много времени. Если Лейбористская партия и вообще столь неэффективна, то, начав управлять страной, она всех нас в гроб загонит, как сказал бы персонаж Джорджетт Хейер.

В три пополудни я узнал, что мое предложение аукциону оказалось успешным… и попросил, чтобы имя мое сохранили в тайне. Четыре тысячи за первое, тринадцать за второе. С комиссионными получилось 18 700 фунтов стерлингов. Да уж!

Съемки тянулись и тянулись. Джереми Чайлд очарователен, кажется абсолютным архетипом итонского баронета, коим и является, однако ясно — уже по его участию в этой затее, — что голосует он совсем не так, как большинство представителей его класса. Он рассказал забавную историю о Джимбо Виллерсе[154]. Джимбо рассказывал о Саймоне Уильямсе, переживавшем тогда тяжелое время, — он снимался, играл на сцене и навещал в больнице мать (теперь уже скончавшуюся). Проезжал по четыреста миль в день. «Надеюсь, он не подкрепляет силы приемом каких-нибудь веселеньких таблеток», — сказал Джимбо. Превосходная фраза. Время все шло, шло; отпустили нас около 11.00. Хью был не так чтобы очень доволен, отчасти и потому, что он проявил себя брюзгой. «Теперь от меня воротит с души у двадцати человек», — сказал он. О господи. Я почувствовал себя виноватым в том, что весь день оставался по большей части

веселым. Конечно, ни у кого от Хью с души не воротит. Это невозможно.

Поехали в Тафнелл-парк, где нас поджидали Ким, Ал, НС[155] и Джо. Пробыли там час, потом НС подвез нас в своей машине до моего дома, и там мы просидели, выпивая и коксуя, до 5.15. Жуть.

Суббота, 20 ноября 1993

Поднялся в 1.15 с легким похмельем и ощущением, что я — кусок дерьма. Успел кое-что сделать, а потом пришло время отправляться в «Колизей», чтобы встретиться с Кимом и Алом на премьере «Лоэнгрина» в АНО[156].

Оба прекрасно оправились от излишеств прошлой ночи. Спектакль был великолепный. Не такой, конечно, как «Мейстерзингеры» в КОТ, но все-таки великолепный. Чарующие декорации Хильдегард Бечтлер. Особенно хороши они в первом акте. В третьем вышла небольшая накладка — белый занавес не пожелал разойтись, представление пришлось прервать.

Публика, натурально, смеялась и шикала. И все же хороший вечер и превосходное исполнение. Очень красивый молодой человек в партии Готтфрида (Годфри, как они его зачем-то переименовали). Я все-таки не сторонник переводов.

Потом ужинали в Бриджес-плейс, 2, там было очень приятно. Сидел с колбасками и жареным камамбером перед огнем; Род, владеющий этим заведением вместе с Альфредо, дал мне бланк, заполнив который я стал членом клуба, в коем (к моему смущению) до сих пор не состоял.

Лег в полночь — долгий, долгий, долгий, долгий сон.

Воскресенье, 21 ноября 1993

Очень, очень тихое воскресенье. Такое *placido domingo*, что лучшего и желать не приходится. Встал около часу: груды и груды корреспонденции, в которой пришлось разбираться, множество телепередач, которые пришлось посмотреть. Лег рано (ну, в двенадцать), смотрел в постели «Заговор “Параллакс”». Часть программы Би-би-си-2 — «это было сегодня тридцать лет назад». Празднование годовщины Кеннеди. М-м, «празднование» — слово неверное. День памяти. Странно, в тот же день скончался К. С. Льюис, но, естественно, его смерть отошла на второй план. Интересная идея для телепьесы или рассказа: человек, чья смерть

или какое-то достижение, что угодно, полностью оказывается в тени великого, потрясшего весь мир события.

Понедельник, 22 ноября 1993

Утром озвучка. Учебный фильм, Грифф в роли менеджера. Времени заняла пятнадцать минут, после поехал на такси в Южный Кенсингтон, чтобы забрать письма Оскара. Мэри Хелен, куколка, которая распоряжается там книгами и автографами, вела себя очень дружелюбно, как ей и следовало после получения чека на 18 997 фунтов, черт бы его подрал. Показала мне собранную Генри Блофилдом коллекцию первых и редких изданий П. Г. Вудхауза. Просто чудесную. Просто-просто чудесную. Но довольно устрашающую. Они хотят не выставлять ее одним лотом, но распродать, а это морока, поскольку некоторые из книг обойдутся, по моим представлениям, в изрядные суммы. Старый бедолага потерпел крушение из-за «Ллойдса»[157], сколько я понимаю. Сейчас, надо полагать, многие «Имена» распродают свое имущество — что на руку людям вроде меня, «Кристис» и «Сотбис».

Вернулся вовремя, успел кое-что написать с Хью, а в три тридцать отправился в Кембридж, на обед. Идея принадлежала Полу Хартлу. Когда я учился в Кембридже, Пол был молодым доном в «Сент-Катеринз», ныне он возглавляет Научно-исследовательский отдел английской литературы. Я, Найджел Хакстеп (давний кембриджский знакомый, хотя он старше меня на несколько поколений), Роб Уайк (*ditto*[158]: теперь директор Уинчестера), Эмма Томпсон, Аннабель Арден и Саймон Мак-Берни[159] собрались в отдельном кабинете CATs{141}, чтобы вкусно поесть и обменяться воспоминаниями. А также отпраздновать то обстоятельство, что Аннабель получила на этот год «стипендию Юдит И. Уилсон». Что такое «стипендия Юдит И. Уилсон», понять мне так и не удалось, однако Аннабель с превеликим, похоже, удовольствием преподает и читает лекции. Так или иначе, обед получился чудесный — вино и прочая выпивка в количествах, определить которые способны только научные сотрудники. Глен Кавальеро[160] заглянул в квартиру Пола, чтобы вкусить предобеденного аперитива. Все веселы, все в добром здравии. Эмма в круглых очках а-ля Пози Симмондз{142}. Нализался и в половине второго завалился спать у Пола. Завтра меня ожидает «Остановка на Рождество»{143}. Не было печали.

Вторник, 23 ноября 1993

Встал в девять тридцать. Потащился к «Королеве»{144}, выпить в студенческой столовой кофе. Королева горестно написала, что я многое сделал для дебатов в Кембриджском союзе, но не сделал чего-то там для БАТС[161], в котором просила меня появиться. Кучка ее друзей-первокурсников стояли вокруг меня с вытаращенными глазами, пока я притворялся веселым и забавным. Странная публика. Все такие до скрипа чистенькие, некурящие, ясноглазые и как один ходят на лекции. Удрав в десять тридцать, устремился в Лондон. Приехал к полудню, Хью уже ждал меня. Писали до вечера, потом отправился на такси в ЛУТ (или «Лондонские Студии», как они себя теперь называют), чтобы сняться в этой их «Остановке на Рождество». О боже, боже, боже, боже. Идея жуткая, и зачем я с ней связался? Пришлось одеться Сантой и на ходу придумывать реплики, без репетиции. Плохо отрепетированный кошмар. Абсолютно безнадежно. Лиа Делария восхитительна в роли лесбиянки, но в остальном — полный мрак. Хороший австралиец, произносящий тронную речь; Квентина Криспа снимали в Нью-Йорке; Мартина Навратилова просто позвонила, чтобы сказать «здрасьте»; Саймон Каллоу и Энтон Шер проделали нечто странное, а затем, под самый конец, появился я и был ужасен. Правда, лицо мое полностью скрывала борода, стало быть, никто все равно не поймет, кто я, к чертям собачьим, такой. Я пал духом и был очень, очень плох. Иисусе, как противно.

Рванул оттуда в «Граучо», чтобы прийти в себя. Столкнулся с Тимом Ротом, это ж надо. Видеть его очень приятно, он снимается тут в чем-то. Задержался в клубе, чтобы поболтать с ним и его новой женой. Появились Дон Бойд и Хилари, а с ними Руфус Сьюэлл, и я смог поздравить его с великолепной игрой в «Аркадии». Похоже, хороший малый, причудливо красивый. Поиграл немного в «Перудо» и в 1.30 ушел. Сильно пьяный молодой человек в коротком пальто все подсаживался слишком близко ко мне… в конце концов выяснилось, что он — редактор журнала «Санди таймс» или еще чего-то такого. А тут еще режиссер Роджер Помфри раз за разом пытался выпросить у меня кокс, что мне совсем не нравилось. Сбежав, испытал облегчение. Когда уходил, Грег с «Канала-4» (фамилию не помню) сказал мне, что, написав в «Спектейторе» о двух геях в нынешнем кабинете министров, а затем повторив это у Клайва Андерсона, я открыл ящик Пандоры. Джон Джунор опубликовал в «Мэйл-он-Санди» статью, в которой спрашивает, почему мне не хватило духу назвать их по именам? То есть самую-то суть моих доводов он

проигнорировал — а состояла она в том, чтобы обвинить их не в преступлении, а в ханжестве, с которым они упорно объясняют нам, как следует жить, исповедуя «глубинные ценности», и возглашают свое «назад к основам». А «Стандард» напечатала статью, в которой указывается, что Рори Бремнер показал скетч, где он изображает Джона Мейджора, произносящего: «Портилло, Лилли[162]… не думайте, что я не знаю, чем вы занимаетесь за моей спиной». Вернувшись домой, написал сэру Джону Джунору письмецо, но отправлять его, скорее всего, не стану. Какой смысл?

Среда, 24 ноября 1993

День тихих достижений. Хо, черт дери, хо-хо. Начал с озвучки — реклама процессоров Intel. Зашел в «Фортнумс», чтобы купить сестре Джо подарок на день рождения, который послезавтра. Потом завернул в «Берри Браз. — энд-Радд» заказать вино на Рождество. Застал там Саймона Берри, мы приятно поболтали. Заказал нечто великолепное.

Домой вернулся к ленчу. Хью запаздывал: у него показ для прессы сериала «Все или ничего». Он там харизматичен, как всегда, но сценарий нравится мне не очень. Когда-нибудь Хью получит хороший материал и явится нам как Джеймс Бонд или еще кто-то и станет мировой звездой. У него есть все необходимые для звезды качества, коих мне явно недостает. Надеюсь, что, когда придет этот день, никто не подумает, будто я ему завидую. Он появился только в четыре тридцать, мы сочинительствовали в течение часа, потом Хью утек. Найдя, впрочем, время переговорить со мной, как мужчина с мужчиной, об «Анонимных холостяках». Изложил свое мнение так деликатно, как мог. «Стивен, — сказал он, — ты *уверен*, что хочешь иметь к этому отношение?» И едва эти слова слетели с его губ (*господи*, как он мудр, этот парень), я понял, что Хью прав. Втайне, в глубине души (я даже *тебе* не признался в этом, Душечка, дорогой) я чувствовал, что а) сценарий — вздор и решительно ничто спасти его не сможет и б) что Робин Гарди вовсе не тот человек, рядом с которым я могу уютно провести месяцы и месяцы. Хью сказал: ты был слишком скромен и слишком польщен, чтобы понять: он попросил тебя поставить фильм просто потому, что это позволит ему собрать деньги на съемки. Следует сознавать это и браться только за *правильные* проекты, и уж тем более не из одной благодарности человеку, которому хочется привлечь тебя к этому.

Тяжелый разговор с Ло, однако она чудо — пообещала позвонить ему и вытянуть меня из этой трясины. Перезвонила час спустя и сказала, что ей это удалось, правда, он сильно расстроился и рассердился. Да уж! Скальпелем лучше было орудовать в *начале* подобных проектов. Ну почему я такая жопа?

Хью сказал: «Хочешь поставить фильм, напиши его сам: пусть он будет таким личным и чудесным, как хочется *тебе*. Если идея окажется хотя бы наполовину достойной, деньги найдутся. Не забывай — твое имя кое-что значит». И это подвигло меня принять решение: впредь я буду осторожен с Проектами Других. Пора бы уже, Стивен.

Хью ускакал в 5.30, а я провозился до восьми с чем-то, потом поехал на своей машине в Баттерси/Уондзуорт/Клэпэм, где живут Иэн Хислоп и его жена Виктория.

Тихий обед *à trois*[163]. Странно и утешительно буржуазный дом, примерно как у Дэна Паттерсона. Модные обои с нанесенным по трафарету рисунком, слишком, возможно, опрятные якобы антикварные кресла. Книг никаких не увидел, как не почувствовал и жизни, беспорядка, размаха. Странно сравнивать это жилище с увлекательно дезорганизованным кабинетом Иэна в «Частном соглядатае» — особенно помня, какие Иэн и Тори литературные люди. Впрочем, обед чудесный. Думаю, Иэн человек порядочный, но ненадежный: по-моему, он должен понимать разницу между приватным обедом и перемыванием чужих костей. Я по какой-то причине помалкивал о том, что знаком с Тристаном Гарел-Джонсом, и рассказывал о возрасте согласия, о встрече с Кеном Кларки и так далее. Надеюсь, он этого не напечатает, иначе я почувствую себя полной жопой. Домой вернулся около двенадцати. Кроссворды, кокс, кровать. Идиот.

Четверг, 25 ноября 1993

Простой, отданный сочинительству день. Хью пришел в обычное время, а затем — болтовня, истерический хохот и попытки вытянуть из себя скетч.

Вечером отправился в «Граучо», играл в покер. Выиграл кучу денег, вынюхал кучу кокса. Присутствовали Рори Мак-Грат, Грифф, Кит Аллен. Обычные подозреваемые. Лег в три. Дважды проклятый сукин сын. Смотрел записи партийной рекламы лейбористов, показанной в девять и в десять. Мне в моем затуманенном состоянии они показались хорошими.

Пятница, 26 ноября 1993

Мы с Хью немножко поработали, а потом понеслись в Холланд-парк, чтобы позавтракать с Дэвидом Лиддиментом в новом ресторане Джо Аллена и Орсо, названном «У Орсино». Лиддимент — преемник Джима Мойра[164] на посту главы развлекательного отдела Би-би-си. Высокий, худой, в очках, с манчестерским выговором; на самый первый взгляд кажется дико необщительным. Потом обнаруживается застенчивость самого достойного толка. Думаю, хорошо, что мы с ним познакомились. И харч был приличный.

Я вернулся домой, Хью отправился на студию для перезаписи. Очередная работа над рекламой «Селлнет». В семь тридцать прошелся до «Парижских Студий», чтобы записать пару эпизодов «Минуточки». По-моему, получилось толково. Играл против Питера Джонса и Пола Мертона. У первого был гостем Пит Мак-Карти[165], у второго — Джен Рейвенс[166]. Джен блеснула, изображая дур с глупыми голосами и мнениями. Мертон и Джонс были, по обыкновению, роскошны. Я был таким, как всегда, полагаю. Многого это не стоит, но в обеих играх я победил.

Оттуда побежал, буквально, в «Ле Каприс», обедать с Клизами, Мерилин Лаунз[167] и Лорис с Биллом Голдманом. Обещал покончить с записью около восьми тридцати, а попал туда в 9.45. Впрочем, все были в хорошем настроении и радовались возможности использовать меня как мишень для дружеских надругательств. Билл Голдман, по обыкновению, рассыпал советы о том, как преуспеть в киношном деле. Хорошо бы ему *huevos*[168] оторвать. Протрепались до двенадцати. Правда, закончилось все на кислой ноте. На улице у ресторана собрались папарацци. Хью хватило ума смыться через кухню. Я же попер напролом и вынудил сделать то же Джона К.

Суббота, 27 ноября 1993

Большую часть дня радостно просидел дома, вышел в семь, чтобы поехать на такси в Хаммерсмит. Бен (Элтон) в «Аполло». Сначала увидел его за сценой: Фил Мак-Интайр[169] организовал там бесплатный бар. Множество милейших людей. Эм с Кеном, Хью, Эйд с Дженни, Боб Мортимер, Рик Мэйолл… кого только не было. Бен в потрясающей форме. Господи, эти козлы из прессы, рассуждающие о Бене как о квинтэссенции всего комедийного зла… они и малейшего понятия о нем не имеют, попросту не

имеют. Мало того, что он — один из мягчайших, добрейших миляг на свете, он также забавнее и умнее, чем они вообще могут себе представить.

Прием после его выступления был попросту абсурдным. Автор этих строк выпил слишком много водки. И вынюхал слишком много боливийского походного порошка. В какой-то миг X пожелал получить дорожку, и я нарубил ему одну в сортире. Y тоже обойтись без нее не способен. Ушел в два, народ еще гулял вовсю.

Воскресенье, 28 ноября 1993

Воскресные газеты, кофе. Норман Фаулер «консультируется со своими адвокатами», после того как в партийной рекламе лейбористов было сказано, что он, приватизировав «Национальную грузовую», стал членом правления новой компании. «Они не упомянули о том, что между этими событиями прошло девять лет», — жалуется он (и, возможно, жалуется справедливо). О боже, боже, боже. Мне слегка жаль его, потому что он — один из немногих членов кабинета Тэтчер, которые мне по-настоящему нравятся. Эпидемия СПИДа свалилась ему на голову, когда он был министром здравоохранения, и, давно уже уйдя в отставку, он продолжает работать в этом секторе и привлекать к своей работе все новых людей, хотя никаких, кроме собственной порядочности, причин у него для этого нет.

К Клизам на свадьбу сына Алисы Фэй. Встретил многих из тех, с кем плавал по Нилу. Питера Кука, Билла Голдмана, Иэна и Мо Джонстоун, Томаша Старжевски и т. д. и т. д. Свадьба прошла хорошо, хотя в парковом гроте было холодновато. Хорошая еда и вино, потом я по просьбе Алисы Фэй произнес небольшую речь. Потом поиграл в «Перудо» с Питером К., Томашем, Мартином и Брайаном Кингом. Билл Голдман обещал зайти ко мне в восемь, посмотреть мой компьютер.

Что и сделал. Он только что купил «Мак» и хотел понять, как тот работает. Билл не из тех, кого зовут технофилами, однако он положенным образом ахал и охал, пока я показывал ему, что умеет делать «Мак». Потом мы потопали в «Ле Каприс», поужинать. Я все еще протираю глаза и щиплю сам себя, стараясь поверить, что знаком с человеком, который сочинил «Буча Кэссиди» и «Марафонца» и так сильно вдохновил меня своими «Приключениями киношного ремесленника».

Понедельник, 29 ноября 1993

День проработал с Хью, правда, около двенадцати нас сбила с пути Эмма Томпсон, явившаяся с просьбой спасти ее погибшие труды. Она писала на «Маке» сценарий «Разума и чувств», используя для этого «беловой экземпляр». Каким-то образом все у нее сбилось. Текст она сохранила, но утратила форматирование и так далее. Мне удалось привести все в божеский вид, однако дефрагментация и прочее отняли очень, очень много времени.

Ей очень хочется, чтобы полковника Брэндона сыграл Хью, и столь же, как я понимаю, сильно — чтобы меня в этом фильме не было. Охо-хо, она совершенно права, тут и сомневаться нечего.

К шести отправился в галерею «Крис Битлз». Они устроили что-то вроде приема с продажей иллюстраций в пользу Национального общества предотвращения жестокости по отношению к детям. Присутствовали обычные подозреваемые — Клиз, Терри Джонс, Терри Гиллиам{145}, лорд Арчер, Фрэнк Торнтон[170] (ну ладно, он к обычным подозреваемым не относится) и многие другие. Провел там недолгое время, подписывая футболки, а затем оба Терри уговорили меня пойти куда-нибудь покормиться. Мы выбрали «Граучо».

Надрался, выпив много вина. Терри ушли, а я остался и еще пуще нарезался с Гриффом и Хелен Миррен{146}. Дома в час.

Вторник, 30 ноября 1993

Волнующий день. Я знал, что впервые за сто лет проведу вечер дома. Пришла верстка «Гиппо». Шрифт, который они выбрали, мне *ненавистен*. Но что я могу сделать? Это «Палатино», а самое неприятное в нем — раздражающие меня “перевернутые запятые”, не скругленные, как вот “эти”, а безвкусно прямые, отвратные. Гарнитура, которой пользуюсь я, намного приятнее. А их гола, груба и попросту паршива. Полное говно.

Написали мы с Хью не много, вместо этого смотрели обсуждение бюджета, а после принялись читать сценарий Эммы, который я распечатал по ее просьбе для Хью. Работу она проделала потрясающую. Читается просто замечательно: у меня слезы текли, я в этот сценарий влюбился. История, конечно, отличная. Хью был бы великолепным Брэндоном.

А Эмме пять с плюсом — по-настоящему блестящая работа. Хреново то, что она права — для меня тут нет абсолютно *ничего*. Хоть плачь. Эта роль сделает Хью звездой, чего он полностью заслуживает[171], а искренне вашему придется сидеть как дураку дома, когда Хью, став Важной Персоной, полетит в Голливуд. Всегда знал, что так и случится, мне только трудно будет

пережить всеобщие соболезнования…

Лег в разумно раннее время, совершенно трезвый.

Конец месяца, Душечка, пора тебя распечатать.

На этом — к добру или к худу — дневник неожиданно обрывается. Ну, не обрывается, конечно, однако все остальное я, похоже, на время утратил. Может, оно и правильно — предложить вам лишь это извлечение, а остальной дневник напечатать, вытянув его из пришедших в негодность жестких дисков, дискет и не раскрывающихся больше архивных файлов, после того, как я помру. Тогда мне уже не придется больше сохранять тайны личностей и обыкновений тех, кого я пока засекретил.

Скажу честно, прочитав приведенные здесь страницы, я попросту перепугался. Почувствовал себя человеком, который идет босиком по неосвещенному чердаку, то и дело наступая на рассыпанные кирпичики «лего». Прошел всего лишь двадцать один год, а мне кажется, что я заглянул в совершенно другой мир. Вот уж не думал, что я был столь деятельным, беспутным, энергичным и непоправимо глупым. Вести такую жизнь и каждодневно с таким усердием описывать ее — ни того ни другого я совершенно не помню. И даже не вполне понимаю, кем я в то время был. Если бы я сейчас вернулся в клуб «Граучо» 1993 года и увидел себя играющим в бильярд, бегающим каждые десять минут в мужскую уборную, то, весьма вероятно, не удержался бы и зарезал этого типчика. Как мне удалось столько всего написать и сыграть, не отдав концы, я и представить себе не могу. Если вы моложе, чем я, то — поверьте мне на слово, — решив, что вам удастся повторить мой порочный, порочный путь, вы сильно ошибетесь. Лучше считайте меня генетическим уродом, который сумел выжить на этом пути, — у вас такое не получится. И даже не пытайтесь проверить истинность этого утверждения. *Verb sap.*, как говаривал мой школьный преподаватель латыни, — другое дело, что я его не слушал. *Verbum sapienti sat est* — умный понимает с полуслова.

У меня сохранились со времени детства четкие черно-белые воспоминания об интервью, которое Майкл Рамсей, архиепископ Кентерберийский, давал раболепному корреспонденту ночной воскресной программы Би-би-си.

— Ваше преосвященство, знакомые с вами люди считают вас, насколько я знаю, очень мудрым человеком.

— Меня? Меня? Силы небесные. Интересно, правда ли это.

— Ну, возможно, вы могли бы сказать нам, что такое, по-вашему, мудрость?

— Мудрость? Мудрость? Хорошенькое дело. Я думаю, что мудрость — это, пожалуй, способность к преодолению, нет?

Лучшего определения мудрости я с тех пор не слышал. Конечно, мудрость не имеет ничего общего с познаниями или силой интеллекта. Существуют блестящие умы, не способные правильно сесть на унитаз, и совершенно необразованные люди, которые посрамляют всех нас стойкостью и чувством юмора, позволяющим им преодолевать такие трудности существования, какие нам показались бы непереносимыми.

Противоположностью мудрости обычно считают безрассудство — впрочем, в нынешние времена это слово не в ходу. Существуют, разумеется, глупости разных видов. Я зарабатывал на жизнь, изображая дурака на телевидении, на сцене, на радио. Стал чем-то вроде дипломированного дурака во дворцах и в частных жилищах. Я валял дурака с моим телом — в особенности с мозгом и слизистой оболочкой ноздрей, едва не заставив их выбросить белый флаг капитуляции.

Теперь я часто лежу без сна — не по прежней причине, не потому, что моя кровь наполнена пагубным, вкрадчивым, злостно влекущим к себе возбуждающим средством, но потому, что мой разум ходит и ходит кругами, пытаясь понять, как ухитрился я довести себя в молодости до такого состояния. Куда привела бы меня жизнь, если бы я без малого не выбросил ее лучшее время на помойку, прожигая ее, как человек, решивший выяснить, что она способна выдержать?

Я как-то не помню, чтобы подсознание нашептывало мне приказы насчет самоуничтожения, однако, оглядываясь назад на десятилетия, читая впервые за двадцать лет мой дневник, изумленно покачивая головой при виде отчаянного, импульсивного, глупого, тщеславного, высокомерного, нарциссического, опрометчивого бега по дороге к забвению, которую я, похоже, избрал для себя, волей-неволей заключаю, что без желания смерти тут не обошлось.

И чем я могу извинить то, что пустил по ветру избыток выпавшей на мою долю удачи, в которую мне тогда поверить не удавалось, — да я и теперь нахожу ее невероятной? Впрочем, не исключено, что ответ кроется в самом этом вопросе.

Конечно, это дешевая кабинетная психология, от которой вы, наверное, в испуге застонете, и все же скажу: возможно, я не считал себя достойным моего невероятного счастья и делал все, чтобы избавиться от него. И это возвращает меня к первой моей мемуарной книге, «Моав — умывальная чаша моя», где я описываю чувство, общее, как я надеюсь и верю, для многих детей: за мной наблюдают, меня оценивают. Когда род

человеческий был еще юн, *все* люди испытывали это чувство и называли его Богом. Ныне большинство из нас называют его совестью, ощущением вины, стыдом, самоотвращением, низкой самооценкой, нравственным самосознанием… какие только слова и выражения не кружатся в танце у самого жерла бурлящего вулкана нашей психики.

Сам этот стыд может парадоксальным образом объяснять мою браваду — примерно так же, как защитники совершеннейшего и зарвавшегося хама могут объяснять поведение их дружка тем, что он «страшно застенчивый». Мне не составило труда объявить себя геем, а позже открыто признать, что я страдаю душевным недугом, который толкал меня к попыткам самоубийства. Я и по сей день продолжаю выпаливать, не подумав, слова, которые заставляют таблоиды набрасываться на меня и повергают в смятение моих друзей и родных. Какая-то часть меня искренне верит, что честность есть, как любят повторять школьные учителя, «лучшая политика» — причем во всех случаях. Она спасает меня от «разоблачения», а также — надеюсь, это не покажется вам самохвальством и лицемерием, — помогает тем, кому далеко не всегда удается почувствовать себя комфортабельно в том положении, в какое они попали. Не вдаваясь в обсуждение природы альтруизма и вопроса о реальном его существовании, скажу просто: я знаю, что написал, более-менее, те книги, какие хотел бы прочесть, когда мне было… ну, скажем, от четырнадцати до тридцати лет, наверное, так.

Мемуары, акт литературного воспоминания, обретают, сдается мне, форму диалога с моим прежним «я». Что ты делаешь? Почему ведешь себя так? Кого ты пытаешься одурачить? Перестань! Не делай этого! Побережись!

Книги тоже могут принимать форму диалога. Я льщу себя надеждой, возможно пустой, что у меня и с вами получился диалог. Можете считать это свидетельством моего умопомрачения. Я произношу монолог, а вы либо внимательно слушаете, либо устало пробегаете глазами по абзацам, пока не добираетесь до конца. Но я и вправду слышу то, что считаю голосом читателя, *вашим* голосом. Да-да, вашим. Вас сотни тысяч, вы морщитесь, поджимаете губы, смеетесь там, шипите здесь, киваете, прищелкиваете языком, сравниваете вашу жизнь с моей, стараясь оставаться объективно честным — насколько это вам дано. Существуют вероятия, что вам повезло с материальной стороной жизни меньше, чем мне, но существуют и другие (возможно, вам будет трудно в это поверить, но, умоляю вас, попробуйте): вы счастливее меня, более приспособлены к жизни и просто-напросто лучше как человек.

Если что-то и бесит моих наиболее верных и регулярных читателей, так это моя привычка предаваться публичному самобичеванию. Я стараюсь бороться с ней, однако она — часть меня самого. Я все еще глуп, но приобрел несколько большую веру в целительную силу времени. Может быть, возраст приносит мудрость. Правда, наблюдение за многими нашими политиками средних и преклонных лет заставляет усомниться в оправданности этой надежды.

Есть хорошее предание о царе Соломоне, мудрейшем из всех царей Израилевых. Возможно, вы его уже знаете, но по-другому. Не суть важно. История красивая, грех ее не повторить.

Однажды у царя Соломона гостил великий персидский царь. Они беседовали, и персидский царь сказал:

— Ты очень богат, силен и мудр, Соломон. Скажи, слышал ли ты о волшебном золотом перстне?

— О каком перстне?

— Говорят, что, если ты счастлив, он может опечалить тебя, а если печален, сделать счастливым.

Соломон на миг задумался, а затем хлопнул в ладоши, призывая служителя. И пошептал что-то ему на ухо. Служитель, поклонившись, удалился, а Соломон снова хлопнул в ладоши и велел, чтобы ему и его гостю принесли фиников и шербета.

Они угостились финиками и шербетом, а спустя недолгое время вернулся служитель, приведший с собой золотых дел мастера в кожаном фартуке. Мастер склонился перед царями и подал Соломону золотой перстень.

Соломон обратился к гостю:

— У меня есть перстень, который даст тебе, печальному, счастье и опечалит, если ты счастлив.

— Но это невозможно! — воскликнул гость. — Этот перстень — легенда. Такой нельзя изготовить по мановению твоего ока.

— Прочти, что на нем написано, — сказал Соломон.

Царственный гость взял перстень, еще хранивший тепло кузнечного горна, и прочел на нем слова: «И это пройдет».

Хорошее время пройдет, и это печальная мысль. Но и дурное пройдет, а это мысль радостная. Полагаю, довольно помнить об этом и, сталкиваясь с непоправимой, бессмысленной глупостью нашего мира, находить в этой мысли малое утешение; быть немного похожим на созданного Рафаэлем Сабатини Скарамуша, который «появился на свет, умея смеяться и сознавать безумие мира».

Впрочем, хорошо зная себя и непостоянство, дарованное мне от рождения, я далеко не уверен, что затвердил этот урок.

Дури во мне еще хватает.

Послемыслие

Предисловия у нас не было, значит, будет послемыслие. Я должен поблагодарить столь многих. Литературные роды бывают такими же грязными и кровавыми, как те, что требуют участия акушерки. Эта книга не смогла бы появиться на свет без тех, кто потратил немало умственных сил и энергии на расчистку зарослей моих ангажементов и обещаний, благодаря чему у меня образовалось достаточно времени для сочинительства. В число этих людей входят (ими не ограничиваясь) мой литературный агент Энтони Гофф и театральный Кристиан Ходелл. И в особенности, конечно, та, кому эта книга посвящается, ей я обязан всем, — моей терпеливой, деятельной, доброй и чудесной Личной АсСестрице Джо.

Люди, с которыми я имел дело в «Пингуин Букс», были грандиозно профессиональны, полезны, мудры, веселы и всепонимающи, — и прежде всего мой эпически совершенный редактор Луиза Мур и ее звездная команда: Хана Осман, Катя Шипстер, Кимберли Аткинс, Беатрикс Мак-Интайр, Рой Мак-Миллан и многие другие. Дон Джонсон в который раз взял на себя организацию авторского турне, съемок и прочих странных дел, без коих в двадцать первом веке книгу в свет не выпустишь. Его мастерство и опыт сделали нечистоплотную сторону книгопродаж куда более приятной, чем она была бы без него.

Вклейка

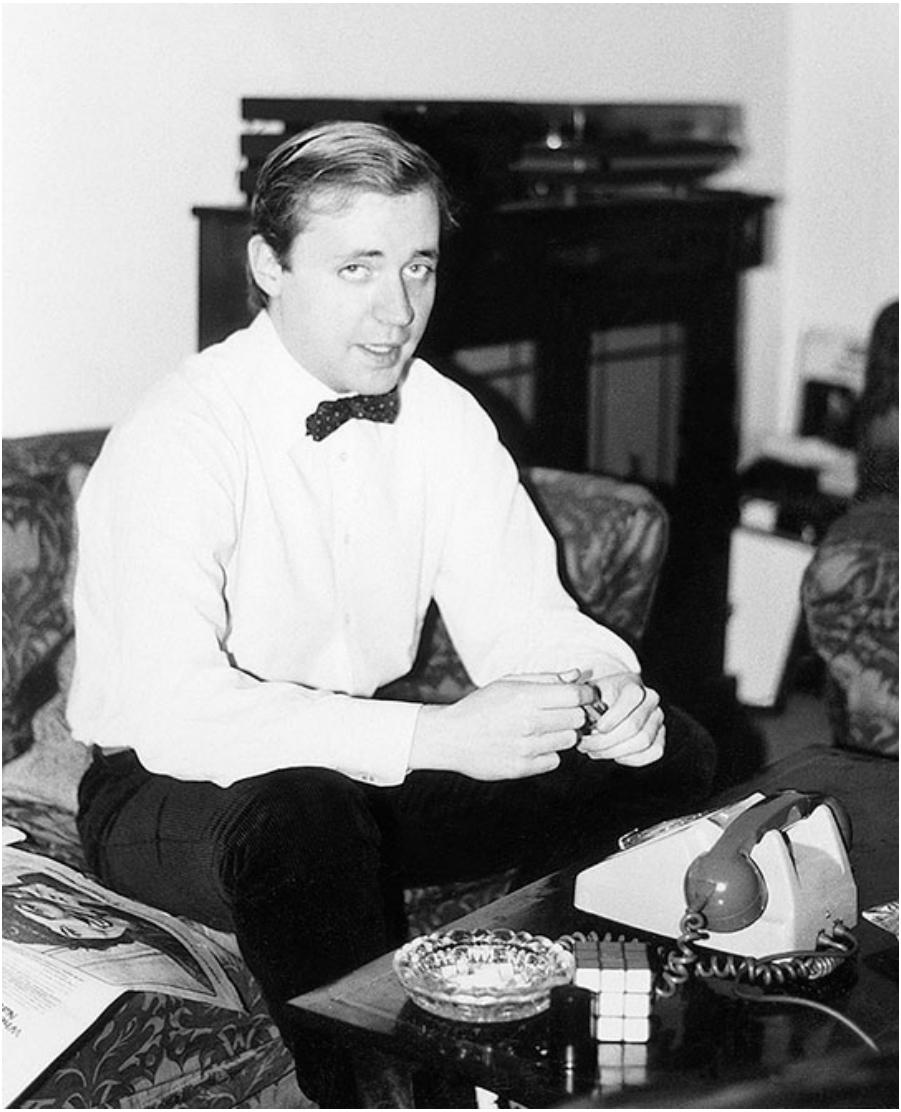
Челси. О господи

Разве это не трата времени — повязать галстук, но пренебречь бритьем?

Ким Харрис, Челси

Ким в Дрейкотт-плейс, снято мной (я тоже справился с кубиком Рубика, но через месяцы после того, как его легко одолел мой отец)

Ким Харрис в нашей квартире в Челси

Мои возлюбленные родители

Моя Личная АсСестрица занимается тем, что она делает лучше всех

В 1986 году на продажу был выставлен классический для Западного Норфолка кирпичный дом. Читатель, я его купил

Remsenburg N.Y.
April 30.1974

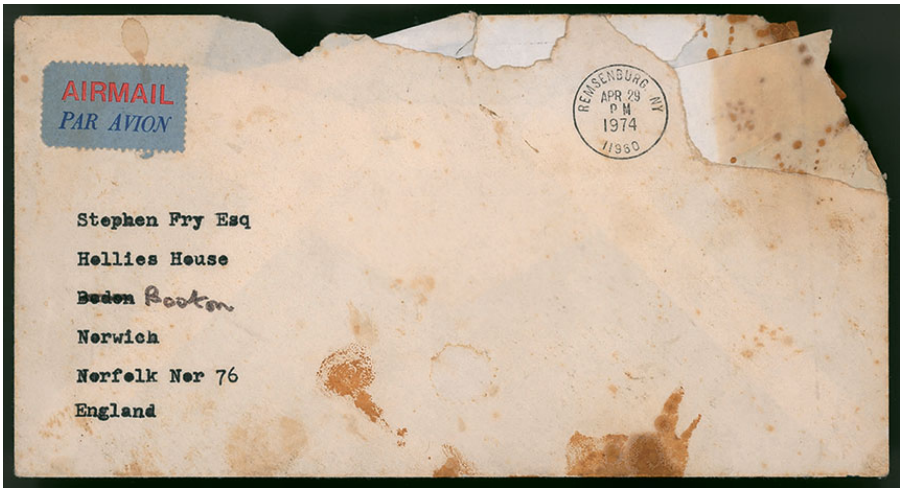
Dear Mr Fry.

Many thanks for your letter. Much appreciated.

I found what you told me about yourself very interesting. Here is a little about myself. I have been living in this hamlet, eighty miles from New York. for twenty years with a wife, a sister in law, two dogs and six cats. I am a terrific enthusiast on baseball, never missing a New York Mets game on TV. My legs having gone back on me, I do nothing these days but read and write. I have just finished a new Jeeves novel which my London agent and published think is the best I have done, and am now trying (vainly at present) to get a plot for another.

All the best
Yours

P. G. Wodehouse

Письмо от П. Г. Вудхауза

Челси. Трубка и усердный труд. Подписанная фотография П. Г. Вудхауза говорит сама за себя. Как и «Календарь Рубика», помещенный сюда из хвастовства

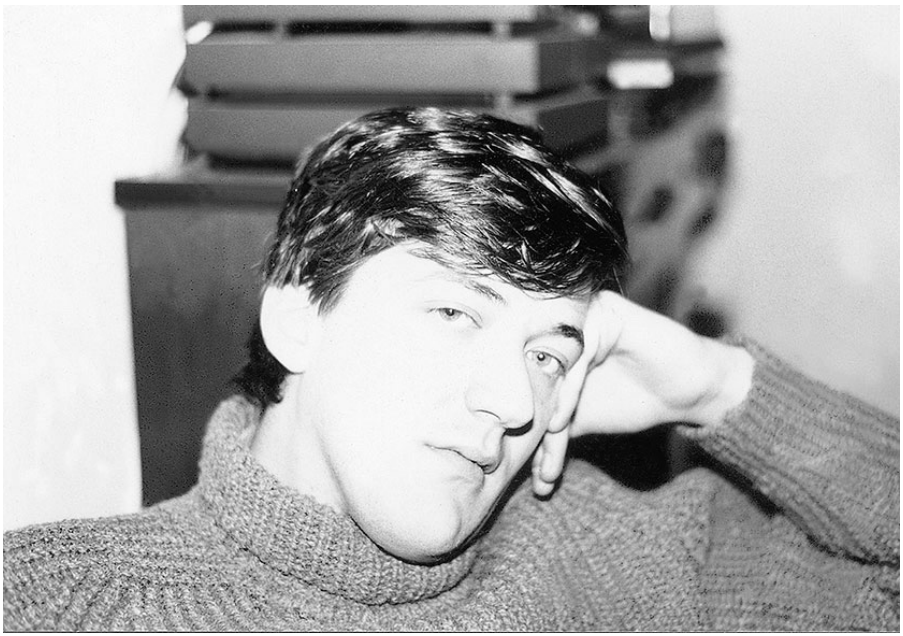
Квартира в Челси, над чем-то работаю. Слева виден краешек подписанной фотографии П. Г. Вудхауза

Необъяснимая способность Роуэна отыскивать что-то более интересное, чем я

Попытка изобразить хорал. Рождество, Норфолк, 1987

Челси. Проклятье, как жаль, что у меня больше нет этого свитера

Все подробности на хлопушке

Тихий, благородный, простой. Эйлин Айгас, Инвернессшир, 1993

Хью, перфекционист во всем, никогда не выходит из роли: снимаясь в «Дживсе и Вустере», он от рассвета до заката оставался несущим околесицу отъявленным трусом

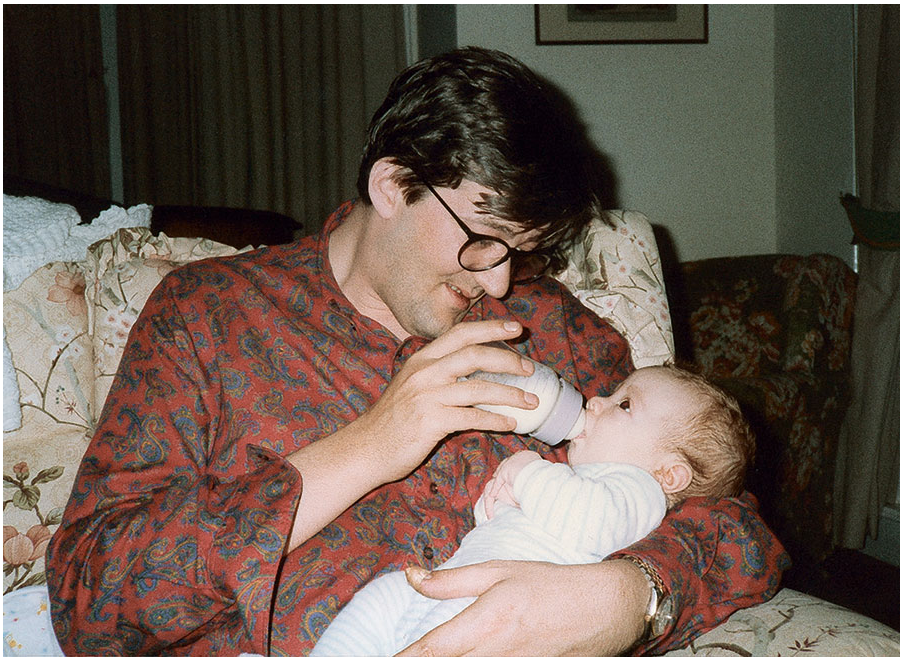

На съемках «Дживса и Вустера» все и всегда норовили усесться рядом со мной

Официальный рекламный снимок для «Дживса и Вустера». Помню все так, точно это было двадцать пять лет назад

Съемки «Дживса и Вустера» в Фарнэме, 1989. Приехала сестра Джо

Скармливаю Чарли Лори его ежедневный коктейль — водка с йогуртом. Рождество, 1988

Образец мужественности. Рождество, 1988

Новорожденный Чарли Лори, обожающий крестный отец, 1988

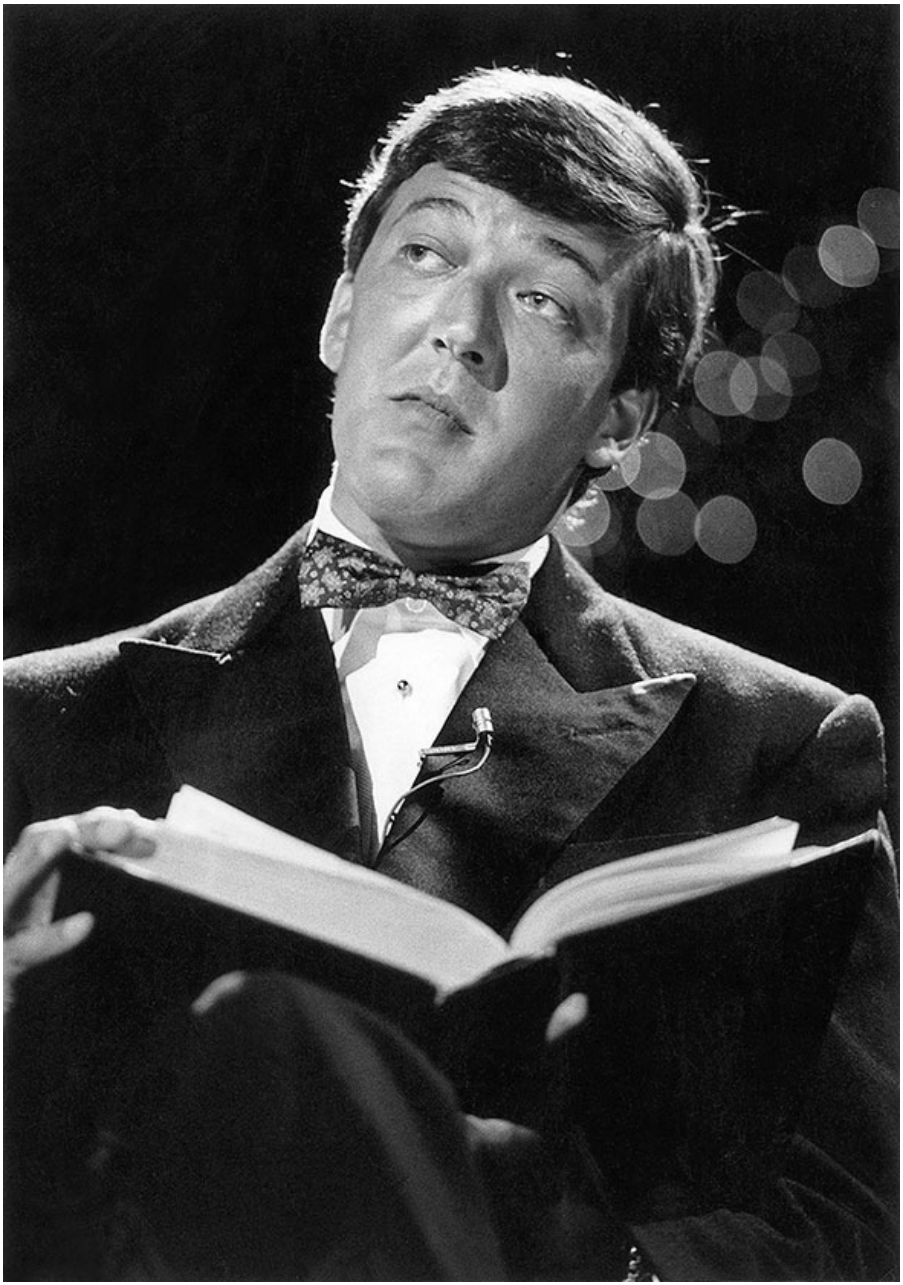
Выход мачо, 1987

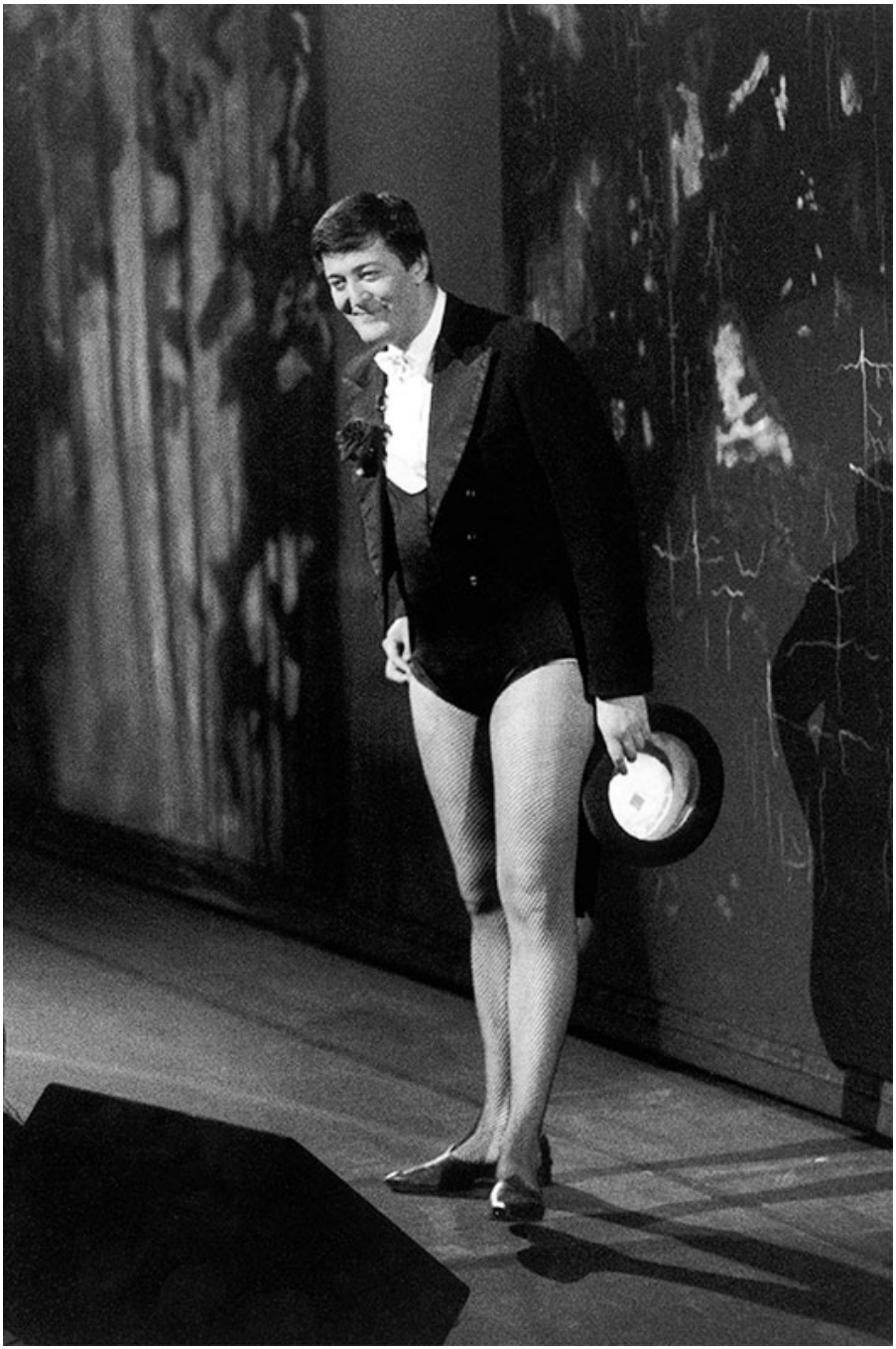
Снимок для рекламы «Истерии», 1991

За кулисами благотворительного шоу «Истерия». «Садлерс-Уэллс», 1989

Читаю на шоу «Истерия», по-моему (из собрания автора)

Я знаю, что вы думаете, так вот, перестаньте

Я, Бен Элтон, Робби Колтрейн, Грифф Рис Джонс, Мел Смит, Роуэн Аткинсон

Идиот и имбецил

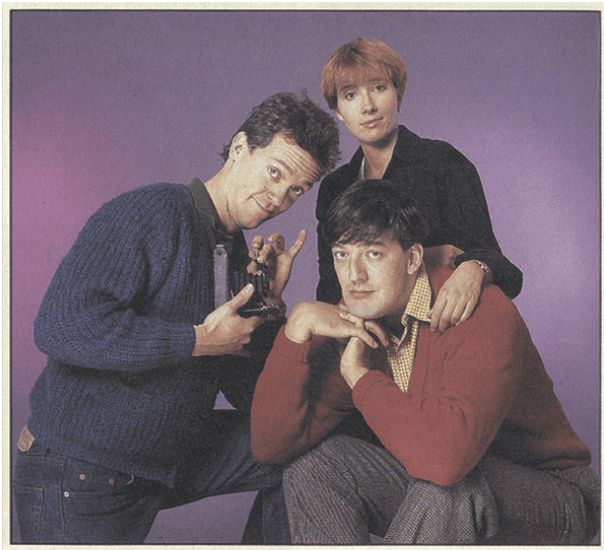
Готов отдать жизнь за мою страну

Законченный идиот и нечленораздельный имбецил

11.00 Saturday-Night Fry
A programme in the direct line of comedy that runs like a silken vase from Aristophanes to the *Today* programme.
A show identical in spirit to the great Mary Queen of Scots tapestry that hangs in Osterley House.
Starring **Stephen Fry**
Hugh Laurie and
Emma Thompson
A special guest appearance by a special guest
Written by STEPHEN FRY
Additional material by IAN BROWN and JAMES HENDRIE
Producer DAN PATTERSON. *Stereo*
(Re-broadcast Wednesday at 7.45pm)

Frying tonight
Saturday-Night Fry is, according to Stephen Fry (right), 'a radio comedy that roams between E. M. Forster, Jimmy Savile and a small town in Venezuela with the graceful ease of a mastodon migrating from grassy uplands to a marshy swamp'. It's written by Stephen himself and co-stars old chums Hugh Laurie (who also joins Stephen in a BBC2 special) and Emma Thompson (of *Fortunes of War*).

'The show is Stephen's own peculiar brand of humour,' explains Emma (currently writing her own comedy for BBCtv). 'It's got a sort of story running through it, but basically it's a continuous stream of madness.'
Q. Who did Stephen play in *Blackadder II*?

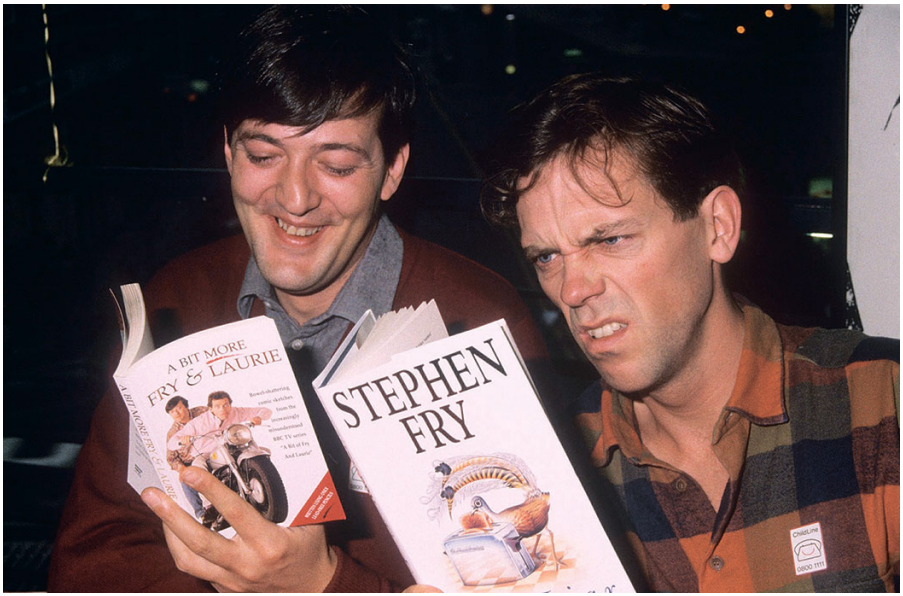
Материал о «Субботнем вечере с Фраем» в рождественском номере «Радио Таймс», 1988

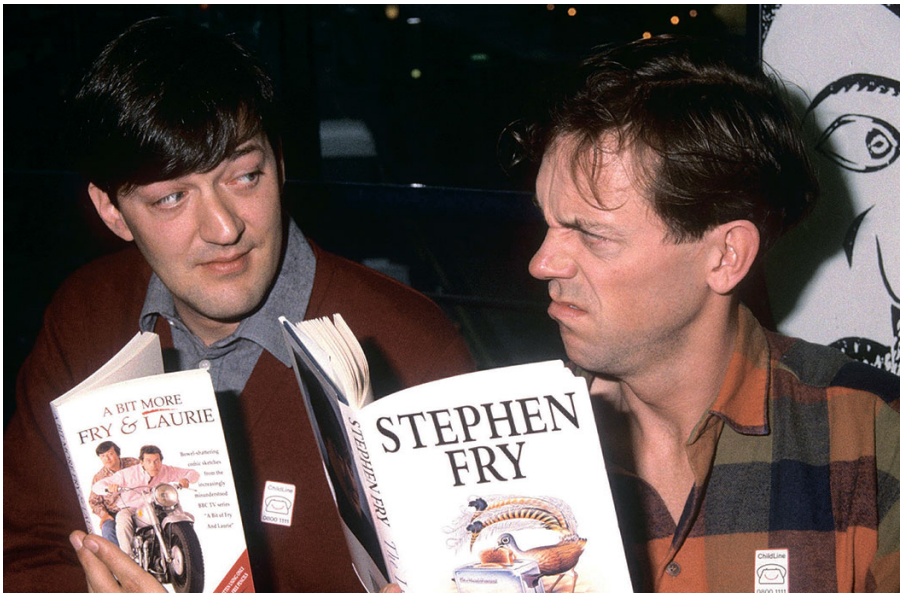
Хью, Джо и я

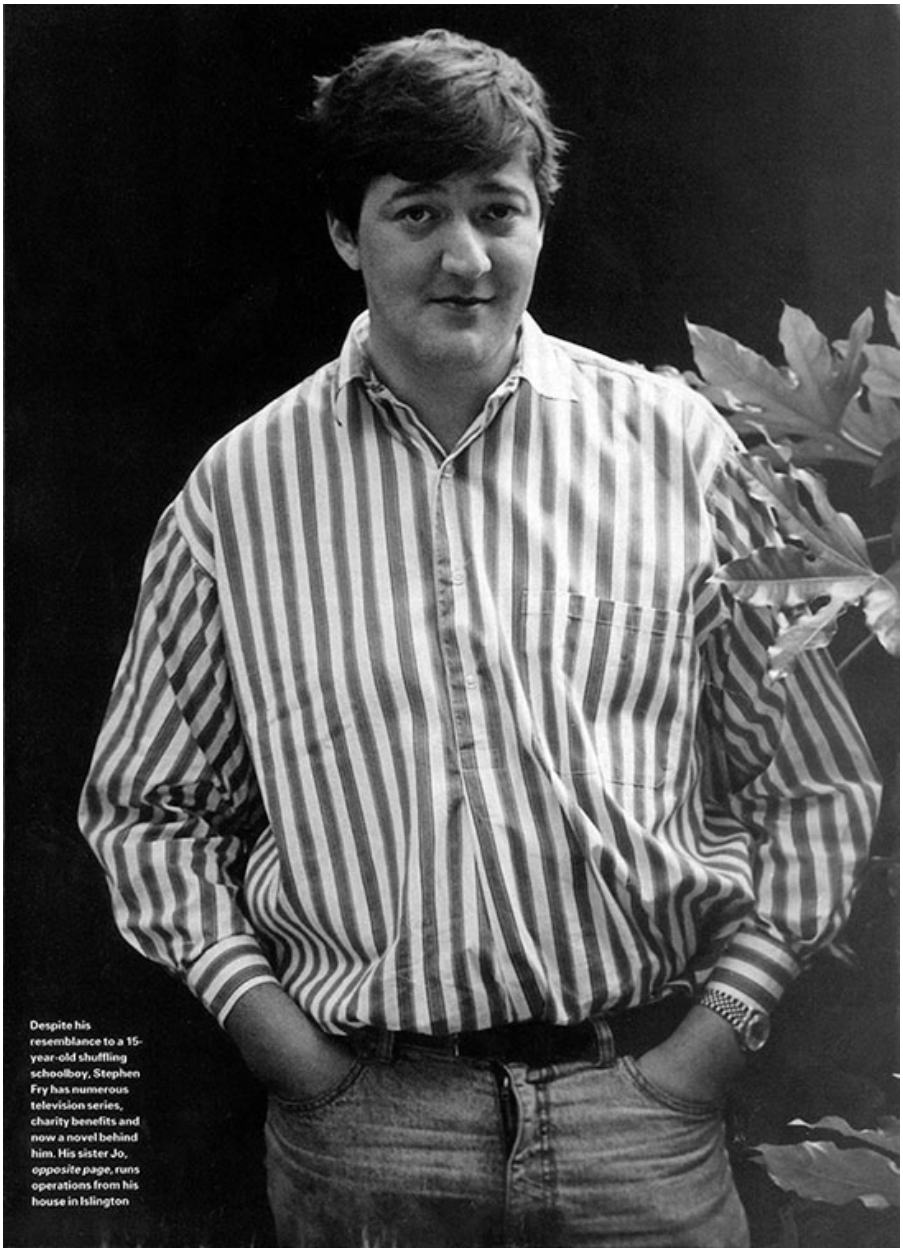
С сестрой Джо

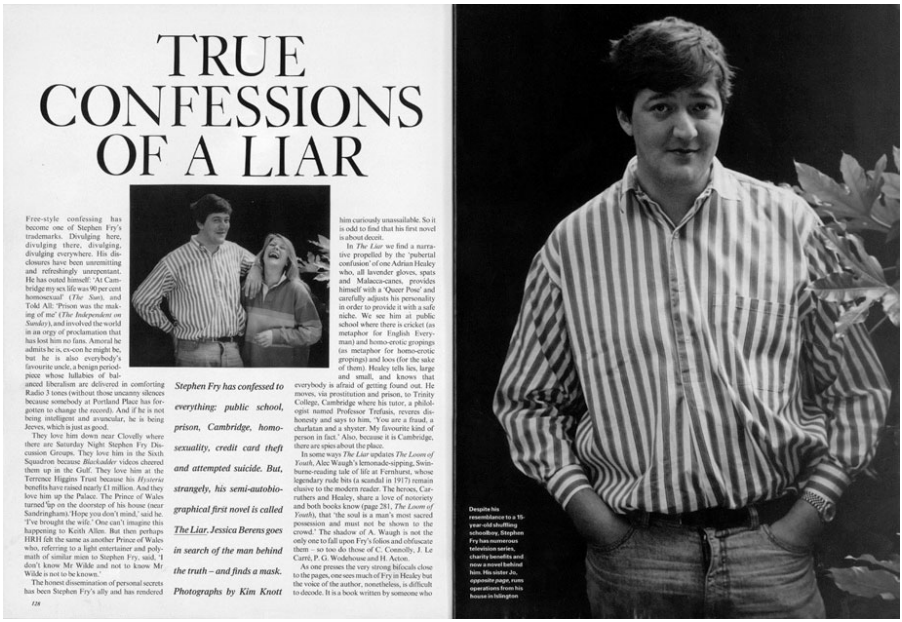

Подписываем книги в магазине «Диллонз». Лондон, 1991

Самый теплый, самый одобрительный взгляд Хью, 1991

Despite his resemblance to a 15-year-old shuffling schoolboy, Stephen Fry has numerous television series, charity benefits and now a novel behind him. His sister Jo, *opposite page*, runs operations from his house in Islington

TRUE CONFESSIONS OF A LIAR

Free-style confessing has become one of Stephen Fry's trademarks. Divulging here, divulging there, divulging, divulging everywhere. His disclosures have been unremitting and refreshingly unrepentant. He has outed himself: 'At Cambridge my sex life was 90 per cent homosexual' (*The Sun*), and Told All: 'Prison was the making of me' (*The Independent on Sunday*), and involved the world in an orgy of proclamation that has lost him no fans. Amoral he admits he is, ex-con he might be, but he is also everybody's favourite uncle, a benign period-piece whose lullabies of balanced liberalism are delivered in comforting Radio 3 tones (without those uncanny silences because somebody at Portland Place has forgotten to change the record). And if he is not being intelligent and avuncular, he is being Jeeves, which is just as good.

They love him down near Clovelly where there are Saturday Night Stephen Fry Discussion Groups. They love him in the Sixth Squadron because *Blackadder* videos cheered them up in the Gulf. They love him at the Terrence Higgins Trust because his *Hysteria* benefits have raised nearly £1 million. And they love him up the Palace. The Prince of Wales turned 'lip on the doorstep of his house (near Sandringham). 'Hope you don't mind,' said he. 'I've brought the wife.' One can't imagine this happening to Keith Allen. But then perhaps HRH felt the same as another Prince of Wales who, referring to a light entertainer and polymath of similar mien to Stephen Fry, said, 'I don't know Mr Wilde and not to know Mr Wilde is not to be known.'

The honest dissemination of personal secrets has been Stephen Fry's ally and has rendered him curiously unassailable. So it is odd to find that his first novel is about deceit.

In *The Liar* we find a narrative propelled by the 'pubertal confusion' of one Adrian Healey who, all lavender gloves, spats and Malacca-canes, provides himself with a 'Queer Pose' and carefully adjusts his personality in order to provide it with a safe niche. We see him at public school where there is cricket (as metaphor for English Everyman) and homo-erotic groupings (as metaphor for homo-erotic groupings) and loos (for the sake of them). Healey tells lies, large and small, and knows that everybody is afraid of getting found out. He moves, via prostitution and prison, to Trinity College, Cambridge where his tutor, a philologist named Professor Trefusis, reveres dishonesty and says to him, 'You are a fraud, a charlatan and a shyster. My favourite kind of person in fact.' Also, because it is Cambridge, there are spies about the place.

In some ways *The Liar* updates *The Loom of Youth*, Alec Waugh's lemonade-sipping, Swinburne-reading tale of life at Fernhurst, whose legendary rude bits (a scandal in 1917) remain elusive to the modern reader. The heroes, Carruthers and Healey, share a love of notoriety and both books know (page 281, *The Loom of Youth*), that 'the soul is a man's most sacred possession and must not be shown to the crowd.' The shadow of A. Waugh is not the only one to fall upon Fry's follies and obfuscate them – so too do those of C. Connolly, J. Le Carré, P. G. Wodehouse and H. Acton.

As one presses the very strong bilocals close to the pages, one sees much of Fry in Healey but the voice of the author, nonetheless, is difficult to decode. It is a book written by someone who

Stephen Fry has confessed to everything: public school, prison, Cambridge, homosexuality, credit card theft and attempted suicide. But, strangely, his semi-autobiographical first novel is called The Liar. *Jessica Berens goes in search of the man behind the truth – and finds a mask. Photographs by Kim Knott*

Despite his resemblance to a 15-year-old shuffling schoolboy, Stephen Fry has numerous television series, charity benefits and now a novel behind him. His sister Jo, *opposite page*, runs operations from his house in Islington

Статья о лжеце, предварившая публикацию «Лжеца», 1991; с сестрой Джо

Туррет-сюр-Лу — моя лучшая публика

Туррет-сюр-Лу — нашел себе компаньона одних со мной размеров

В таком виде мы с Хью отдыхаем по уик-эндам

Концерт в честь дня рождения Манделы, стадион «Уэмбли», 1988. Собираемся выступить перед 80 000 зрителей. Совсем не нервничаем. О нет

Мне так удобно, я чувствую себя таким ЖИВЫМ

Невероятно, но эта рубашка все еще у меня. Не прожег, не порвал…

Мы с Хью выпиваем, закусываем и тычем пальцами в Сунетру Аткинсон

«Еще одно шоу Фрая и Лори»

В Кап-Ферра с миссис Лори

Кап-Ферра, 1991. Чарли Лори, на сей раз заскучавший от моих попыток развлечь его, и правильно

Я полосатый

Я и я в Национальной портретной галерее. Мэгги Хэмблинг закончила работу

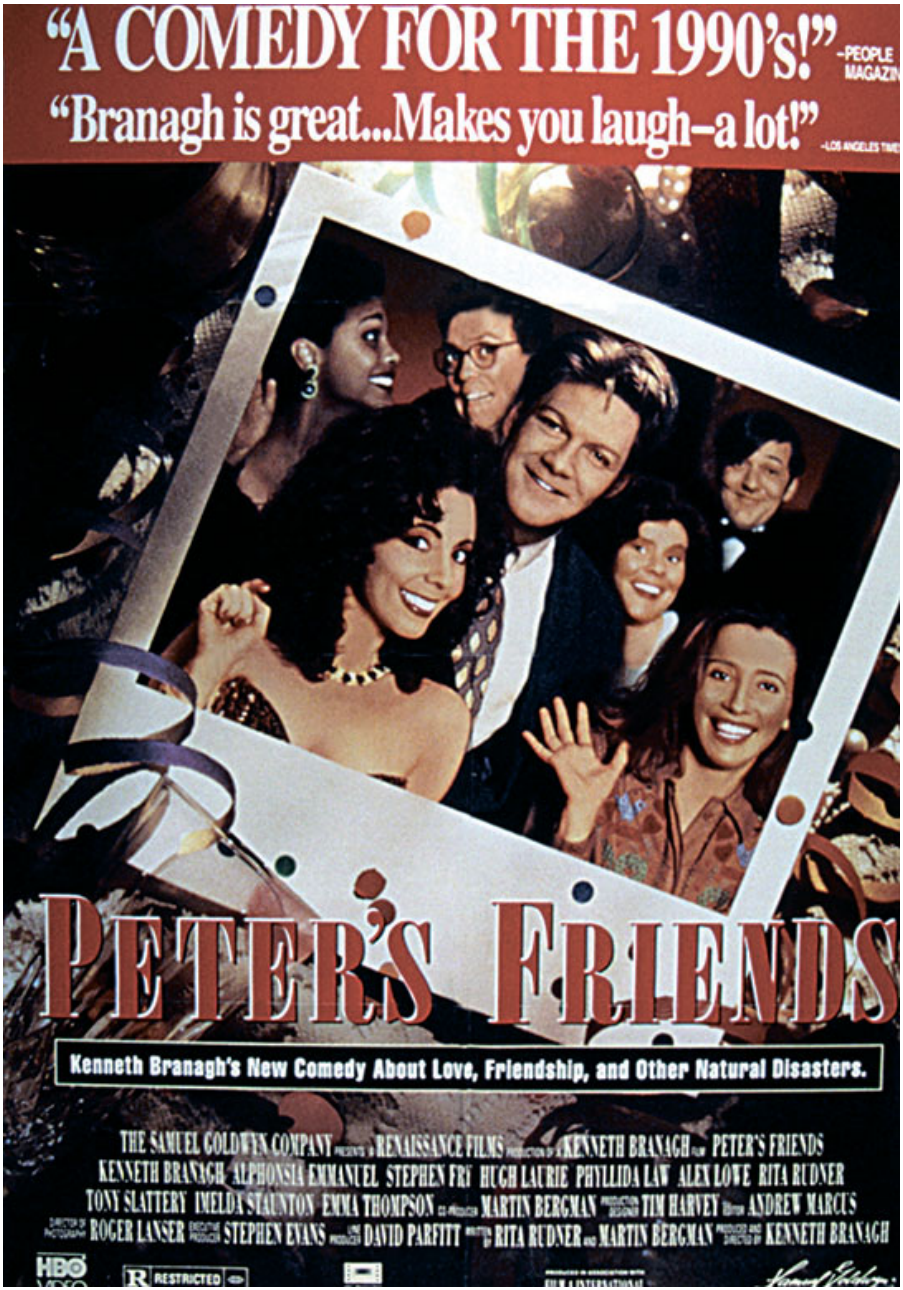
Рядом со сделанным Мэгги Хэмблинг портретом (уголь), заказанным Национальной портретной галереей. На волосы НЕ ОБРАЩАЙТЕ ВНИМАНИЯ

Мой портрет работы Мэгги Хэмблинг в Национальной портретной галерее

Наслаждаемся красными сапожками: жизнь не меняется в лучшую сторону, 1990

Американская афиша «Друзей Питера»

Снимок для рекламы «Друзей Питера». Слева направо: Эмма, я, Хью, Рита, Альфонсина, — ясно, что я думаю о критике «Тайм-аута»

Все актеры «Друзей Питера», 1992. Слева направо: Рита Раднер, Кен Брана, Алекс Лоу, Эмма Томпсон, я, Альфонсина Эммануэль, Имельда Стонтон, Тони Слаттери, Хью, Филлида Лоу

Реклама «Истерии», 1992. Нет слов

Я

Гала-концерт, посвященный сбору средств для партии лейбористов. Рядом с Дикки Аттенборо и Мелвином Брэггом

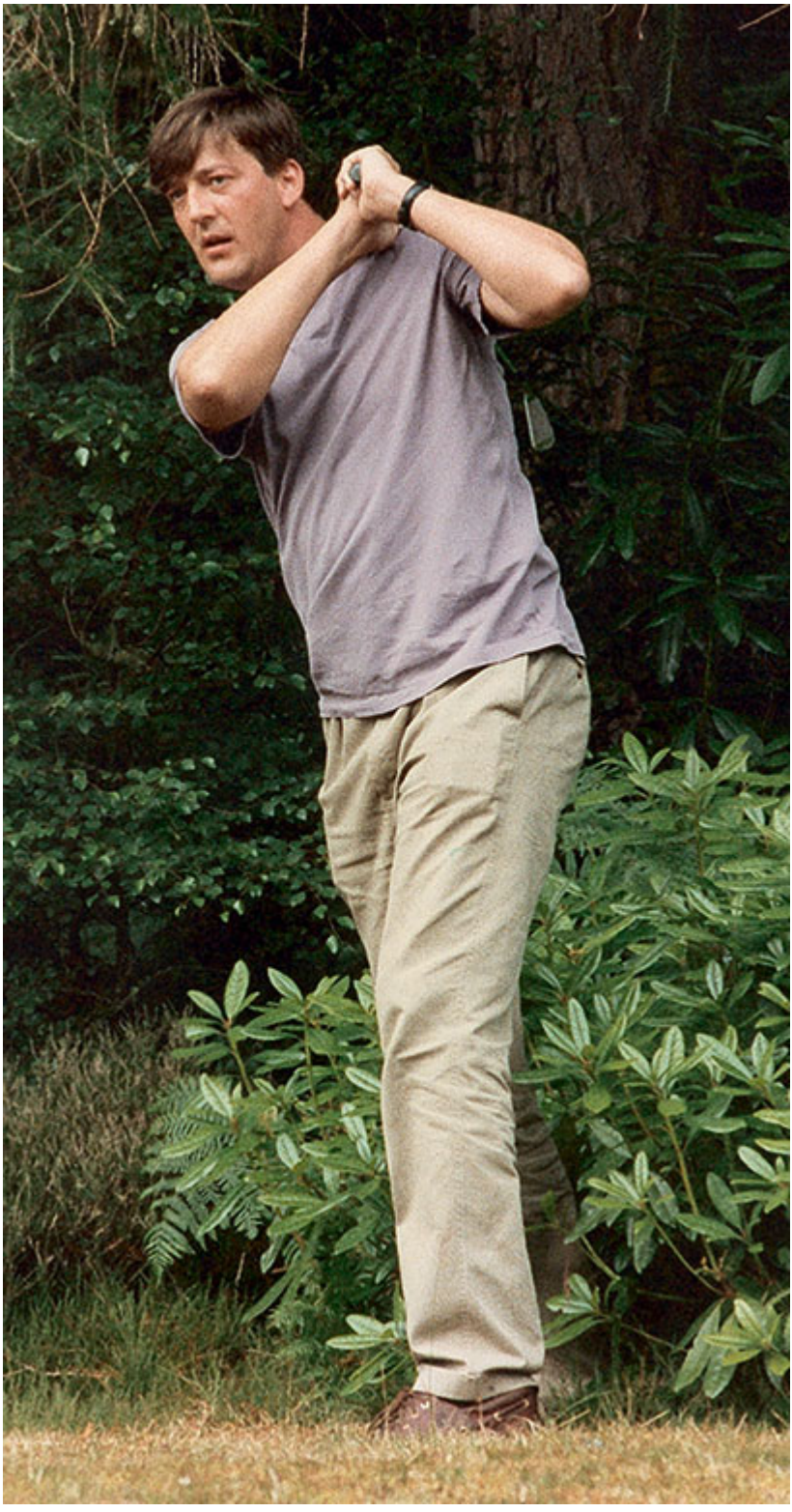
Сэр Пол Фокс, принц Уэльский, я, Алиса Фэй Клиз: премьера «Человека без лица»

С Алисой Фэй на премьере «Человека без лица»

Реклама «Комик Релиф», апрель 1991, — Хью Лори и Эмма Фрейд, я, Дженнифер Сандерс, Тони Слаттери

Заметьте, откуда я наношу удар. Совсем другая история. Инвернесс, 1994

Джо и мой третий племянник, совершенно прекрасный Джордж

Карла Пауэлл проверяет, настоящая ли у меня борода. Настоящая

Не могу объяснить, почему я сижу в такой позе. Наверное, чтобы пиджак не помялся

notes

Сноски

1

Предыдущие части автобиографии Стивена Фрая выходили в «Фантом Пресс» — также в переводе Сергея Ильина.

2

Черт возьми! (*фр.*).

3

Женская вспомогательная служба (ВВС).

«Жизнь Фрайская» и «фреска жизни» разом (*искаж. фр.*).

5

Священное собеседование (*лат.*).

Наоборот (*лат.*).

Впоследствии С. Фрай напишет книгу «В Америке», которая вышла в переводе С. Ильина в издательстве «Фантом-Пресс».

8

Ископаемое, окаменелость (*англ.*).

9

Положение обязывает (*фр.*).

10

Самолюбие, гордость (*фр*.).

И так далее (*лат.*).

12

Уже после того, как я это написал, местная радиостанция выгнала своего диджея за то, что бедный сукин сын проиграл старую запись этой песенки. О Боже! (*прим. СФ*).

13

Расхожая некогда фраза, теперь, похоже, никому не известная, — посмотрите в словаре, она того стоит (*прим. СФ*).

14

Редкая птица (*лат.*).

15

О коке (*нем.*).

16

Перевод А. Радловой.

17

Игольник (*фр*.).

18

Перевод М. Лорие.

19

Зашифрованный роман (*фр.*).

20

После трех выпусков его шоу до кого-то из чиновников Би-би-си наконец дошла ужасная правда: имя придуманной Эвереттом вульгарной бабы, *Cupid Stunt* («все, знаете, в самом лучшем вкусе»), дает при перестановке первых букв черт знает какую похабень. И в следующем выпуске появилась другая, в точности такая же, но звавшаяся *Mary Hinge*. «Вот видите, стало намного лучше, — сказал чиновник. — Чтобы смешить, вовсе не обязательно быть непристойным» (*прим. СФ*). — *Переводчик от пояснений воздерживается: возрастная категория 68+.*

21

Как и в случае смартфонов, премудрость кокаинистов гласит, что если зарыть мокрый пакетик в рис, он со временем высохнет, — однако у меня это ни разу не получилось (*прим. СФ*).

22

Не отредактировал… только ошибки наспех исправил (*прим. СФ*).

23

Нам и не удалось (*прим. СФ*).

24

Строго говоря, Антероса, конечно, но какого лешего? (*прим. СФ*)

25

Вторую — в Центральном Лондоне — по качеству. Первая принадлежит, конечно, молодому человеку с Веллингтон-плейс, увековечившему память пулеметчиков Первой мировой. Его безупречного совершенства ягодицы открываются каждому, кто едет по Парк-лейн на юг, к Гайд-Парк-Корнер. Тут все намертво забывают о красном свете (*прим. СФ*).

26

Многие годы назад Морей создал исчерпывающий образ полковника Бантри, работая бок о бок с Джоан Хиксон, создавшей столь же исчерпывающий образ мисс Марпл (*прим. СФ*).

Вернее сказать, по сортам винограда — «совиньон блан», «шираз», «мерло» и т. д. — в противоположность традиционной для Британии, сбивающей с толку манере указывать винодела, не упоминая о лозе. Этот некогда революционный подход стал теперь, разумеется, стандартным (*прим. СФ*).

28

Примерно такая же описана в «Остатке дня» К. Исигуро, только эта была несколько более живой и компанейской (*прим. СФ*).

Так называемый (*фр.*).

30

См. «Моав — умывальная чаша моя» (*прим. СФ*).

31

Мужем и женой они не были. Я говорю о двух разных приемах (*прим. СФ*).

32

«Гиппопотам», изданный «Фантом Пресс» в переводе Сергея Ильина, — это, по сути, литературная игра в детектив; Стивен Фрай в этом романе очень ловко примерил на себя одеяния Агаты Кристи.

33

Неуклюже обыгранное слово «муджахед», коим обозначался афганский повстанец времен советско-афганской войны (*прим. СФ*).

34

В конце концов, у королевской семьи имеется дом неподалеку от моего и принцы Уильям и Гарри нередко заглядывают в один из моих любимейших пабов, так что появление в нем какого-то урода с телевидения никого там особенно не волнует (*прим. СФ*).

35

В мире более широком известен танцем с воздушным шариком, который он исполнял голышом. Харди утонул в возрасте 55 лет и был оплакан тем, что обозначалось тогда оксюмороном: «альтернативный истеблишмент». Микрофонные его выступления были, о чем я мог бы и не упоминать, ошеломляюще несмешными, поскольку стоили ему огромных усилий. Однако сам он был человеком поразительно смешным. Вот тут и думай (*прим. СФ*).

36

Так он, во всяком случае, назывался, однако толстеть мне нисколько не мешал (*прим. СФ*).

Распутники, повесы, тертые калачи (*фр.*).

38

Я слышал однажды, как кто-то сказал, что ему действительно понравилась новая пьеса Хэйра в Национальном… (*прим. СФ*)

39

Действующий, по должности (*лат.*).

40

Мне хватило ума послать Хью рукопись этой книги — вдруг он найдет в ней какие-нибудь неточности. Я иногда слышу обвинения в том, что у меня слишком хорошая память, однако она умеет хранить лишь вещи бесполезные. А память Хью и вместительна, и полезна. Вот его отзыв на последний абзац: «…не то чтобы это имело значение, но я точно помню, ковер пылесосил Роуэн. Отчетливо помню также, как он съездил на заправочную станцию — в новогодний день открыта только она и была — и вернулся, господи прости, с инжирным рулетом, который, скорее всего, пролежал там с предыдущего Нового года». (*прим. СФ*).

41

Но устал, по-видимому, не настолько, чтобы суметь заснуть… (*прим. СФ*)

42

Под бипегую зелень могучей секвойи опускается бизакатное солнце.

43

Под бимедвенеющими небесами бидержит путь…

Там и сям (*лат.*).

Часть как целое (*лат.*).

46

Экс-президент кембриджских «Огней рампы». Президентом он был задолго до моего времени, но продюсировал наше 1981 года турне по Австралии, столь великолепно описанное в «Хрониках Фрая» (*прим. СФ*).

47

Фантастически смешная эстрадная актриса. «Не понимаю, почему производители косметики делают духи, которые пахнут цветами. Мужчины не любят цветов. Хотите завлечь мужчину, назовите ваш парфюм “Внутренность нового автомобиля”…» (*прим. СФ*).

Откуда мне знать, может, все это полное вранье и «Тайм-аут» осыпал нас расточительными хвалами. Заглядывать в него мы боялись. Помню, за несколько лет до того Рик Мейолл открыл этот журнал, чтобы прочитать рецензию на второй сезон «Молодых»: «Ничего похожего на прекрасный, полный новизны первый сезон», и пролепетал на присущий ему манер: «Они же *охаяли* первый. Козлы!» (*прим. СФ*)

49

Панна котта с клубникой (итальянский десерт).

Ее муж, Ричард, был пилотом ВВС (*прим. СФ*).

51

Я помнил (мама, посмотрев сколько-то лет назад фильм с Миллсом, рассказала мне об этом, а она в таких делах разбирается), что сэр Джон вот уж пятьдесят лет как придерживался раздельного питания. В молодые годы его поразила язва желудка, бывшая тогда в Британии наиболее распространенной причиной смерти людей, не доживших до сорока. Сегодня, конечно, самой популярной причиной стало самоубийство. Кто-то порекомендовал ему придуманное Уильямом Хеем раздельное питание, при котором белки и углеводы никогда не смешиваются. Овощи считаются «нейтральными». Вы можете съесть бифштекс и салат или салат и макароны. Можете употреблять бутерброды с огурцом, но не булочки с сыром. На завтрак — яичница с ветчиной или просто оладьи. В общем, идея понятна. Язва его зарубцевалась, к тому же он до конца своих дней сохранил худощавость и стройность (*прим. СФ*).

52

К тому времени Джонни лет самое малое пять как плохо видел и тратил немало сил, помогая Королевскому лондонскому обществу слепых (*прим. СФ*).

53

Роман «Лжец» неоднократно выходил по-русски в «Фантом Пресс» в переводе Сергея Ильина.

54

Почти наверняка Валерия Гергиева, ставшего позже моим другом (*прим. СФ*).

• *Pest* — чума, моровая язва (*англ.*).

• Одно из значений англ. *fleece* — ободрать как липку (о чем см. ниже) (*англ.*).

• *Shirk* — человек, от чего-то увиливающий, сачок (*англ.*).

• *Twat* — очень ненормативное слово (*англ.*).

• *Wank* — онанировать; *torn* — рваный (*англ.*).

• *Labial scar* — губной шрам (*англ.*).

• *Leech* — пиявка, кровопийца (*англ.*).

• *Sill* — сель, грязевой поток; *wash* — смывать (*англ.*).

• *Clit* — клитор (*груб.*); *shine* — сиять (*англ.*).

• *Oar* — весло, мешалка (*англ.*).

• *Coke Toper* — кокаиновый забулдыга (*англ.*).

• *Gowns* — мантии (*англ.*).

• *Slim* — худой, поджарый (*также* — стукач); *noble* — титулованная особа, дворянин (*также* — ханжа) (*англ.*).

• *Cool* — клевый (*англ.*).

• *John* — сортир (*англ.*).

• *Cider* — сидр (*англ.*).

• *Glue* — клей (*англ.*).

56

Кто-нибудь может счесть ее анаграмму уместной — если учесть, сколько денег она получила, разведясь с ДК. Комментировать не стану (*прим. СФ*).

57

Посвященная искусству программа «Радио-4», предшественница программы «Первый ряд» (*прим. СФ*).

58

Английская писательница Вирджиния Вулф (1882–1941) покончила с собой, утопившись в реке.

59

Написанная Дэвидом Ноббсом комедия из жизни военнопленных. В начале этого года я снимался в ее экранизации вместе с Хью Бонневилем, Николасом Линдхерстом и другими (*прим. СФ*).

Вообще-то он печально известен тем, что в 9 вечера начинает зевать и откланивается (*прим. СФ*).

61

В дни, когда не было «Мировой паутины», «Амазона» и так далее, найти «источник» книги было непросто… (*прим. СФ*)

Англиканская церковь.

63

Ведущий телевизионного ток-шоу; человек попросту прелестный; умер в 1988-м от гепатита Б (*прим. СФ*).

Безвременная кончина Рассела стала для Джейми тяжким испытанием, однако затем он написал «На плаву, два мальчика», один из лучших ирландских романов за какое угодно число лет (*прим. СФ*).

65

Порочный прохвост из «Мэнсфилд-парка» Джейн Остин, мимоходом заметивший, что он мог бы, если бы захотел, стать хорошим священником, приведя этим в ужас героиню романа Фанни, которую, если честно, в ужас приводит все (*прим. СФ*).

И правильно сделал. Книга получила в итоге Готорнденскую премию (недавно воскрешенную щедрейшей Дрю Хайнц, вдовой «57 соусов»), а ее автор Тим Пирс написал очень успешный роман «Земля многих» (*прим. СФ*).

Бен играл Булаву (*прим. СФ*).

Гораздо меньше, чем теперь, Стивен, молодой ты дурачок (*прим. СФ*).

69

Альфонсина Эммануэль и Тони Слаттери, также снимавшиеся в «Друзьях Питера». Ричард Кёртис, прославившийся «Четырьмя свадьбами», не по-доброму заметил, что имя «Альфонсина Эммануэль» давным-давно вываляно в грязи… Вы можете держаться того же мнения, а я от суждения воздерживаюсь (*прим. СФ*).

Тони С. (*прим. СФ*).

Они и сейчас вместе ‹сентиментальный вздох› (*прим. СФ*).

Ныне между 300 и 700 фунтами в день (*прим. СФ*).

73

Сделанный в 1983-м ремейк «Шаровой молнии» с Шоном Коннери в главной роли. В нем ненадолго появлялся Роуэн Аткинсон (*прим. СФ*).

«Сказал Тед» (*англ.*).

75

Продюсер «Недевятичасовых новостей», «Вылитого портрета», «Черной Гадюки» и — в 2003-м — *QI* (*прим. СФ*).

Имелось в виду, что обычно я застреваю (*прим. СФ*).

77

Адриан Моул — герой классика английской юмористики Сью Таунсенд, все книги «Дневники Адриана Моула» выходили (и продолжают выходить) в издательстве «Фантом Пресс».

78

Ныне известный всему миру по роли даунтонского дворецкого (*прим. СФ*).

79

Закон Бойля, Стивен, тут и *рядом* не лежал — он толкует о газах (*прим. СФ*).

Последние три имени носили тогдашние руководители Би-би-си. Чекланд (прозванный «Чековой книжкой», поскольку он вышел из рядов администраторов и бизнесменов, а к созданию программ отношения не имел) был генеральным директором корпорации (*прим. СФ*).

81

Эпоним «Портрета Дориана Грея» прячет портрет не на чердаке, как скажет вам первый встречный, а в бывшей классной комнате. Впрочем, только я могу быть в дневнике таким педантом (*прим. СФ*).

Впоследствии Роуэн Аткинсон все-таки вернул эту пьесу к жизни (*прим. СФ*).

83

Обаятельно сумасшедший старый продюсер «Шоу обормотов» и «До самой смерти»; в 1982-м перенес на Би-би-си шоу кембриджских «Огней рампы» — со мной, Хью, Эммой и Тони С. (*прим. СФ*).

Хеммингс (*прим. СФ*).

85

Мой любимый племянник Джордж. Разумеется, всех трех моих племянников я люблю в равной мере. Племянницы, увы, отсутствуют — и сестра, и невестка просто не умеют толком сосредоточиться. На самом деле, если вдуматься, пол определяется спермой. Спасите, я заразился. Сочиняю сноски в дневниковом стиле. Так я и до восклицательных знаков докачусь! О милосердные небеса!! Нет!!! (*прим. СФ*)

Воспитание и закон не позволяют переводчику повторить вслед за автором непотребное слово, содержащееся в этом названии, — но вдумчивому читателю не придется долго напрягаться в догадках *(прим. перев.)*.

87

Художник и скульптор. Национальная портретная галерея заказала ей мой портрет, каковой она и сама давно хотела сделать (*прим. СФ*).

Причисленная ныне к лику святых Эдвина Карри предложила палате общин личный законопроект, который приравнивает «возраст сексуального согласия» для гомосексуалов к таковому же для гетеросексуалов. В то время первый составлял двадцать один год и был результатом рекомендаций, содержавшихся в «Отчете Уолфендена» и узаконенных тридцать один год назад. Окончательного равенства пришлось ждать до 2000-го, третьего года администрации Блэра (*прим. СФ*).

0-86719-371-9 (*прим. СФ*).

90

Киму было примерно в семь тысяч раз виднее. Он гроссмейстер, учился с Найджелом Шортом в одной школе и познакомил его с французской защитой и множеством ее вариантов, — Ким предпочитает тот, что для черных (*прим. СФ*).

91

Последний губернатор Гонконга, руководил завершившейся в 1997 году передачей вымоченной дождем коронной колонии Китаю. Ныне председатель совета попечителей Би-би-си и, судя по состоянию корпорации, не исключено, что также последний (*прим. СФ*).

92

Несколько месяцев спустя премьер-министр Джон Мейджор снял Нормана Ламонта с поста министра финансов. Произнося в парламенте фальшиво спокойную прощальную речь, он заметил: «Создается впечатление, что это правительство не стоит у власти, а состоит в должности» (*прим. СФ*).

93

Предположительный сочинитель Пёрселлова *Trumpet Voluntary*, хотя мне доводилось слышать теорию, согласно которой его сочинил некто по имени Мад (*прим. СФ*).

В то время — заместитель директора Би-би-си (*прим. СФ*).

95

Попытки дипломатическими средствами остановить резню, происходившую на развалинах прежней Югославии (*прим. СФ*).

Миссис Миггинс в «Черной Гадюке Третьего» (*прим. СФ*).

97

В то время управлявший Королевским оперным театром «Ковент-Гарден» и формально возглавлявший «Канал-4» (*прим. СФ*).

Увы, шесть лет спустя его забрала из нашего мира лейкемия, он тогда работал с Мелом Бруксом над музыкальной версией «Продюсеров» (*прим. СФ*).

99

На обычное шампанское у меня аллергия, на розовое нет. Вот и думай тут. Розовое шампанское — социалист (*прим. СФ*).

100

В роли гонителя Уайльда, маркиза Куинсберри (*прим. СФ*).

101

Ха! Тогда мы не знали, что в середине 80-х у нее был роман с будущим премьер-министром Джоном Мейджором (*прим. СФ*).

102

«Мэри Поппинс», «Набалдашник и метла» и прочее в этом роде (*прим. СФ*).

103

Просто не знаю, каким местом я думал. Белый лимузин? Может, они и не были в то время непременной принадлежностью девичника. И все же… (*прим. СФ*)

Сладости, лакомства (*фр.*).

105

Продюсер первого фильма «Монти Пайтонов» и импресарио, ответственный за популярность «О, Калькутта!», «Шоу Рокки Кошмара» и многого, многого другого. Помешан на теннисе (*прим. СФ*).

Нет, Стивен, похоже, не упоминал (*прим. СФ*).

Летних, 2000 года (*прим. СФ*).

108

Пренеприятнейшее прозвище Кембриджского аспирантского центра (*прим. СФ*).

109

Вещь в себе (*нем.*).

110

Ну ладно, австрийцем, но вы же понимаете, о чем я (*прим. СФ*).

111

Начало фразы *Eheu! fugaces labuntur anni* — «Увы, быстро проходят годы» (*лат.*).

112

«Перудо» — игра в кости, в которой можно блефовать, ее часто называют «костью андского вруна». Я описал ее как второй по силе наркотик, завезенный к нам из Южной Америки (*прим. СФ*).

113

«Ну держись, такси», «Улица Коронации». Узнав Аманду получше, я уже не удивлялся, когда видел ее в обществе Мэгги (*прим. СФ*). Аманда Барри была любимой моделью Мэгги Хэмблинг (*прим. перев.*).

114

База ВВС, на которой служил Ричард, муж Джо и отец Джорджа (*прим. СФ*).

Финальная точка (*фр*.).

116

Увы, «Ньютон» несколько опередил свое время, но технология и вправду пошла по этому пути. Портативность, сенсорный экран (хоть и со стилом)… много такого, чем можно любоваться и восхищаться (*прим. СФ*).

117

Известный как «Отзывчивый бармен». Ныне я им даже горжусь. Думаю, мы считали его сатирой на инсинуации в стиле Ронни Баркера, но, разумеется, такие инсинуации забавны сами по себе: *https://www.youtube.com/watch?v=U8ko2nCk_hE* (*прим. СФ*).

118

Мой электронный календарь подтверждает: 10 октября 1993 года действительно было воскресеньем (*прим. СФ*).

119

Ужасно. Я познакомился с Берни Топином год с чем-то спустя и обнаружил, что он едва ли не самый очаровательный человек, какого я когда-либо встречал, отнюдь не питающий на свой счет никаких иллюзий и нимало не развращенный огромным успехом, который принесло ему сотрудничество с Элтоном (*прим. СФ*).

120

Так и случилось. Боб Спирз, теперь уже, увы, скончавшийся, был многоопытным трудягой Золотого века, поставившим десятки эпизодов «Папиной армии», «Вас уже обслужили?», «И вполовину не так жарко, мама» и, главное, второй сезон «Башен Фолти», что позволяет причислить его к лику святых. Джон Плауман — старый друг со времен «На воздухе» студии «Гранада», который стал и еще продолжает быть самым долгоживущим руководителем комедийного отдела Би-би-си, крестным отцом «Еще по одной», «Офиса», «Маленькой Британии» и т. д. (*прим. СФ*).

121

Ныне член парламента от лейбористов и лихой телеведущий, делает хорошие документальные фильмы (*прим. СФ*).

122

Моя ранняя книга, салмагунди из самой разной писанины, — вы наверняка сочтете ее упоительной, а кроме того, это лучший подарок для тех, кто вам отвратителен (*прим. СФ*). Книга выходила в «Фантом Пресс» в переводе Сергея Ильина.

123

Режиссер двух сезонов «Дживса и Вустера» — и его, увы, уже нет с нами (*прим. СФ*).

Продюсер, брат актеров Джеймса и Эдварда (*прим. СФ*).

125

Чарлз поставил «Возвращение в Брайдсхед», когда лет ему было до нелепого мало, и женился на Фиби Николлс, сыгравшей Корделию (совершенно блестяще) (*прим. СФ*).

Так! (*лат.*)

127

Ныне и «диет-кока» лишила бы меня сна на несколько часов, не говоря уж о «дикой коке» (*прим. СФ*).

128

Изумительно плодовитый и успешный, нередко в сотрудничестве с Джоном Барри, автор песенных текстов (*прим. СФ*).

129

См. выше (*прим. СФ*).

130

И увидел. Сейчас он подбирается к тридцати. Все такой же миляга (*прим. СФ*).

131

Написать скетч (*прим. СФ*).

Иэн Браун, мой друг, кинопродюсер (*прим. СФ*).

133

Альфредо Фернандина, перуанец, учредитель клуба, который стоит в почти невероятно узком проулке неподалеку от театра «Колизей» на Сент-Мартин-лейн. Отпрыск могущественной перуанской семьи, он познакомил Британию с «Перудо» и с помощью своего друга Космо Фрая создал для этой игры рынок. Космо Фрай — элегантный плейбой, мой далекий родственник, наследник шоколадной империи (*прим. СФ*).

Фетва сохраняла тогда полную силу (*прим. СФ*).

135

Думаю, я имею право сказать, что в той очереди стоял студент Деррен Браун и что я поощрил его на усердные труды по совершенствованию присущего ему мастерства иллюзиониста. О господи. Это снисходительность или что? (*прим. СФ*) Д. Браун позже стал известным психологическим иллюзионистом (*прим. перев.*).

136

Дочь сценариста Джо Слово, видного борца с апартеидом. Поскольку Джо Слово был коммунистом и евреем, африканеры правого крыла ненавидели его пуще прочих. При Манделе он стал министром, а в 1995-м умер (*прим. СФ*).

137

Это по-испански — «тихое воскресенье», ну да вы и сами знаете (*прим. СФ*).

138

Родившийся в Польше британский кутюрье, платья которого очень любила принцесса Диана (*прим. СФ*).

139

Где находилась в то время штаб-квартира Лейбористской партии (*прим. СФ*).

140

Продюсер Би-би-си (да, именно так он свое имя и произносит), более всего известный сотрудничеством с Деннисом Поттером и Саймоном Греем (*прим. СФ*).

141

Актер, который задолго до вашего рождения сыграл дядюшку Морта в «Не знал, что вас это волнует». Он же был рассказчиком в «Историях, рассказанных в баре». За год до этого мы оба играли в благополучно провалившемся в Вест-Энде «Смотри, смотри!» (*прим. СФ*).

142

Старомодный вариант таких слов, как «дерябнуть» или «вмазать». Выпить, одним словом (*прим. СФ*).

Урожденная (*фр.*).

144

Писательница, жена Мориса Саатчи, ныне, увы, покойная. Приобрела известность сильными, несколько шокирующими повестями с названиями из одного слова: «Вред», «Прегрешение», «Забвение»… (*прим. СФ*)

145

Кристофер Вуд, дизайнер. Ныне сотрудничает с фотографом Джонни Шэнд Киддом (*прим. СФ*).

146

Директор БТ, председатель несчетных правлений — Совета директоров Би-би-си, Королевской шекспировской труппы и т. д. Славный малый (*прим. СФ*).

147

Глава уже упомянутой компании «У. Г. Смит», последний из возглавлявших ее членов семьи (*прим. СФ*).

148

Мюзикла, а не странноватого телевизионного конкурса (*прим. СФ*).

149

Подразумевался Джеймс Дрейфус — если только он не сменил имя. Впоследствии прославился, играя в бессмертном «Дай, дай, дай» (*прим. СФ*).

150

Я был ректором Университета Данди и к этому времени уже отслужил часть второго из трехлетних сроков пребывания в должности. Пост почетный, он существует только в старых университетах Шотландии, а занимающий его человек обязан заботиться о соблюдении интересов студентов, которые сами же ректора и избирают. Я ездил в Данди, чтобы участвовать в заседаниях Университетского совета и проводить «приемы» студентов (*прим. СФ*).

151

Рекламный агент и редактор, соответственно, издательства «Хейнеманн», в котором выходит «Гиппо» (*прим. СФ*).

152

Режиссер 3-го и 4-го сезонов «Дживса и Вустера», к сожалению покинувший наш мир прежде времени (*прим. СФ*).

153

«Босс всех боссов» (*ит.*) — так у мафии (сицилийской и американской) именуется самая главная из «семей».

154

Великий Джеймс Виллерс. В 1960-х он занимал в череде наследников престола двадцатое с чем-то место. Джон Осборн, как говорили, отпечатал список из девятнадцати человек, начиная с королевы и далее по нисходящей, которые стояли между Виллерсом и троном. Виллерс размножил этот список на мимеографе и дарил его друзьям. «Если повстречаете кого-то из этих, — говорил он, — убейте на месте. Вы и ахнуть не успеете, как Джимбо станет королем, а каждый житель страны получит столько джина с тоником, что ему хватит до скончания дней». (*прим. СФ*).

155

Не скажу (тайна личности) (*прим. СФ*).

156

Английская национальная оперная труппа, выступавшая в театре «Колизей», когда она не отправлялась в турне со своим репертуаром великих опер, исполнявшихся на английском языке *(прим. СФ)*.

157

Страховая компания «Ллойдс» пережила катастрофические потери. Их пришлось компенсировать «Именам» — людям, которые были, если воспользоваться ее жаргоном, «андеррайтерами синдикатов» этой организации. Крикетный комментатор Генри Блофилд (брат человека, чье имя Ян Флеминг отдал одному из бондовских злодеев) стал, увы, одним из таких неудачников (*прим. СФ*).

То же самое (*ит.*).

159

Саймон — прославленный основатель и путеводная звезда *Theatre de Complicite*, чрезвычайно успешной труппы, получившей больше наград, чем любая другая на свете. Аннабель ныне ставит главным образом оперы, но неоднократно сотрудничала с Саймоном МБ *(прим. СФ)*.

160

Очаровательно старомодный кембриджский дон. Великий знаток семейства Поуис — Джона Каупера, Луэллина, Филиппы и Т. Ф. (*прим. СФ*).

161

Театральный клуб Куинз-колледжа (*прим. СФ*).

162

А они, как выяснилось, и геями-то не были, — это так, к сведению (*прим. СФ*).

163

Втроем (*фр.*).

Это не Вик Ривз (*прим. СФ*).

165

Комедиант и писатель, к сожалению отнятый у нас раком в 2004 году (*прим. СФ*).

166

Кембриджская подруга. Поставила в 1981-м «Подпольные записи» — шоу «Огней рампы», ее голос звучал в «Вылитом портрете», а после она блистала в «Связанных насмерть» (*прим. СФ*).

167

Известная более как Мерилин Коулс. Чрезвычайно интеллигентная и совершенно очаровательная, она вышла замуж за Виктора Лаунза, американца, управлявшего британским «Плейбоем» (*прим. СФ*).

Яйца (*исп.*).

169

Стародавний менеджер Бена. Все еще «на посту» (*прим. СФ*).

170

Бессмертный капитан Пикок из «Вас уже обслужили?», разумеется (*прим. СФ*).

Полковника Брэндона сыграл Алан Рикман, а Хью достался, что попросту смешно, мистер Палмер (*прим. СФ*).

Примечания переводчика и редактора

1

Кэти Прайс, она же Джордан (р. 1978), Катрина Эми Александра Алексис Инфилд — британская певица, автор песен, фотомодель, телеведущая, писатель, актриса, модный дизайнер и прочее.

2

«White Heat» — гангстерский фильм-нуар 1949 г., у нас известнее под названием «Белая горячка».

3

Герой фильма «Побег из Шоушенка» (1994), которого сыграл Тим Роббинс.

4

Построенный в 1770-х фешенебельный жилой дом на Пиккадилли. В нем, помимо прочих, жили Байрон, Маколей, Гладстон, Хаксли, Пристли.

5

«Весьма нескладен, но выстроен в правильном духе» — так отозвался знаменитый архитектор Эдвин Лаченс (1869–1944) о бутонском соборе Св. Михаила Архангела, не раз упоминаемом в этой главе.

6

Биггльз, он же майор Джеймс Биггльзуорт, — авиатор и авантюрист, персонаж многочисленных рассказов английского летчика и писателя У. Э. Джонса (1893–1968).

Энид Блайтон (1897–1968) — английская детская писательница. По числу изданий она уступает Шекспиру, но превосходит Ленина.

Джорджетт Хейер (1902–1974) — популярная (и поныне) английская писательница, автор романтически-исторических и детективных романов.

7

Мистер Микобер — персонаж «Жизни Дэвида Копперфилда» Чарлза Диккенса, фонтанирующий оптимизмом в самых ужасающих обстоятельствах.

8

«Траппер» Трабли появляется в одной из книг о приключениях Биггльза писателя У. Э. Джонса.

9

Жермен Грир (р. 1939) — английская феминистка, писательница и телеведущая.

Клайв Джеймс (р. 1939) — английский писатель, критик, переводчик, телеведущий.

Дуглас Адамс (1952–2001) — английский писатель и драматург, автор знаменитой «трилогии в пяти частях» «Автостопом по Галактике».

Сэр Дерек Джекоби (р. 1938) — английский актер театра и кино.

Сэр Иэн Маккеллен (р. 1939) — британский актер кино и телевидения (Гэндальф в кинотрилогии «Властелин колец»).

Сэр Питер Холл (р. 1930) — английский режиссер театра и кино.

Сэр Ричард Айр (р. 1943) — английский режиссер театра, телевидения и кино.

Сэр Николас Хайтнер (р. 1956) — английский режиссер театра, телевидения и кино.

10

Малколм Гладуэлл (р. 1963) — канадский журналист и писатель. Упоминаемая книга увидела свет в 2008 г.

11

На самом деле Певзнер процитировал Лаченса.

12

Сэр Джон Бетчеман (1906–1984) — английский поэт и писатель, один их основателей «Викторианского общества».

13

Сэр Бэнистер Флетчер (1866–1953) — английский архитектор и историк архитектуры, написавший вместе с носившим то же имя отцом образцовый учебник «История архитектуры».

14

Институт истории искусства, входящий в состав Лондонского университета; основан текстильным фабрикантом и коллекционером Сэмюэлем Курто.

15

Огастэс Пьюджин (1812–1852) — английский архитектор и теоретик архитектуры, создатель Биг-Бена; Джилберт Скотт (1811–1877) — английский архитектор; оба прославились как корифеи неоготики.

16

Гертруда Джекилл (1843–1932) — английский садовод и парковый архитектор, создавшая более 400 парков в Британии и США.

17

Написанная Энид Блайтон серия детских детективов.

18

Нэнси Митфорд (1904–1973) — английская писательница и журналистка. Была редактором названного Фраем сборника статей, в котором и сама участвовала как автор.

19

Марка одежды для подростков и молодежи.

20

Филип Ларкин (1922–1985) — британский поэт. С. Фрай обыгрывает строку из его стихотворения «Aubade» («Утренняя серенада»): On me your voice falls as they say love should, Like an enormous yes.

21

Оскар Уайльд. «Как важно быть серьезным» (пер. *И. Кашкина*).

22

Тим Бернерс-Ли (р. 1955) — британский ученый, изобретатель Всемирной паутины (совместно с Робертом Кайо) и действующий глава Консорциума Всемирной паутины. Автор множества других разработок в области информационных технологий.

23

Псевдоним Фредерика Уильяма Рольфа (1860–1913) — английского писателя и эксцентрика.

24

Норман Дуглас (1868–1952) — английский писатель, автор знаменитого «Южного ветра».

Томас Катберт Уорсли (1905–1964) — английский писатель и критик.

Роберт Сесил Роумер Моэм, второй виконт Моэм Хартфилдский (1916–1981) — английский драматург и романист, племянник Сомерсета Моэма.

Ангус Джон Макинтош Стюарт (1936–1998) — английский писатель.

Майкл Дэвидсон (1897–1976) — английский журналист и мемуарист.

Роджер Пейрфитт (1907–2000) — французский дипломат и писатель.

Анри де Монтерлан (1895–1972) — французский писатель, эссеист и драматург.

Жан Жене (1910–1986) — французский писатель, певец дна. Гомосексуалист, левак, зек, вор и бродяга.

Уильям Сьюард Берроуз (1914–1997) — американский писатель поколения битников, оказавший серьезное влияние не только на современную литературу, но и культуру в целом.

Юджин Лютер Гор Видал (1925–2012) — американский писатель, эссеист, кино— и театральный драматург.

Джон Франсиско Ричи (р. 1931) — мексиканский и американский романист, эссеист, мемуарист, драматург. Центральная тема его творчества — гомосексуализм.

25

Пол Боулз (1909–1999) — американский писатель и композитор, автор знаменитого романа «Под покровом небес», много лет проживший в Марокко. В состав его «танжерской компании» входили Гор Видал, Трумен Капоте, Теннесси Уильямс, Алек Гинсберг, Уильям Берроуз и другие.

26

Дентон Уэлч (1915–1948) — английский писатель и живописец.

27

Братья Артур Кристофер Бенсон (1862–1925) — английский поэт и эссеист, и Эдвард Фредерик Бенсон (1867–1940) — английский романист, биограф, мемуарист и археолог.

Рональд Фербенк (1886–1926) — английский писатель.

Стивен Теннант (1906–1987) — английский аристократ.

Гарольд Эктон (1904–1994) — английский писатель и ученый.

28

У. Оден. «О, скажите мне правду о любви» (пер. *Е. Тверской*).

29

Горацио Нельсон (1758–1805) — великий английский флотоводец.

30

«Суини» (*The Sweeney*) — британский криминальный телесериал (1975–1978), в России более известный под названием «Летучий отряд Скотленд-Ярда».

31

Детективный телесериал «Инспектор Морс» продержался на экранах 12 сезонов, с 1987 по 2000 год.

32

«Вверх и вниз по лестнице» — британский сериал из жизни светского общества 1930-х годов, продержался два сезона, с 2010 по 2012 год.

33

Имеется в виду «Аббатство Даунтон» — очень популярный британский сериал, рассказывающий о жизни обитателей аристократического поместья в начале XX века; выдержал уже 5 сезонов.

34

В документальной книге «Дети солнца» (2008) английский писатель Мартин Грин рассказывает о блестящих молодых людях, которые впоследствии станут цветом нации, сознательно выбравших декаданс как образ жизни и мировоззрение, — И. Во, К. Ишервуде, У. Х. Оден, Д. Оруэлле и других.

35

Дж. Кларксон и А. Мэй — телеведущие и журналисты, ставшие звездами благодаря их шоу *To p Gear*. Они первыми добрались на автомобилях до северного магнитного полюса Земли.

36

Уильям Голдман (р. 1931) — романист, драматург и один из самых авторитетных и успешных голливудских сценаристов, дважды лауреат премии «Оскар», киноклассик.

37

Джон Клиз (р. 1939) — британский актер, сценарист, режиссер, участник легендарных «Монти Пайтон».

38

Себастьян Хорсли (1962–2010) — художник, «последний лондонский денди», бравировал своей зависимостью.

Рассел Брэнд (р. 1975) — английский комик, всерьез увлекавшийся «веществами», но с 2002 г. не пьет, не курит и не дружит с наркотиками.

Филип Сеймур Хоффман (1967–2014) — американский актер, считалось, что он умеет абсолютно все. Еще в юности у него начался роман с веществами, расширяющими сознание.

39

Василий Константинович фон Анреп (1852–1927) — русский врач, физиолог и фармаколог, пионер местного обезболивания. Член III Государственной думы.

40

Паоло Мантегацца (1831–1910) — итальянский врач и гигиенист, много путешествовал, в том числе по Южной Америке, и написал на основе своих впечатлений очерки.

41

Буквально «жующие листья» — так испанцы называли индейцев Южной Америки.

42

Сонет Перси Биши Шелли (1817).

43

Кенни Эверетт (1944–1995) — английский радио— и телевизионный комик и пародист.

44

Эдди Иззард (р. 1962) — английский актер; один из самых популярных сейчас комиков Британии. Известен, прежде всего, как стендап-комик, на стиль которого серьезно повлияло творчество группы «Монти Пайтон».

Вик Ривз (р. 1959, настоящее имя Джеймс Родерик Мойр) — английский актер и режиссер, ставший известным благодаря комедийному шоу «Вик и Боб» с Бобом Мортимером (р. 1959). В 2003 году газета «Обсервер» назвала Ривза и Мортимера в числе 50 самых смешных комиков Британии, они славятся своим абсурдистским, сюрреалистическим чувством юмора.

45

Таллула Брокмен Бэнкхед (1902–1968) — американская актриса, знаменитая остроумием, красотой, хриплым голосом и артистичностью.

46

Делия Смит (р. 1941) — ведущая кулинарных телепрограмм и автор популярных поваренных книг, совладелица футбольного клуба «Норвич Сити».

47

Герой комедийно-детективного американского телесериала «Монк» (2007–2009; на нашем ТВ был назван «Дефективный детектив»), страдающий обсессивно-компульсивным расстройством.

48

Томас Верити (1837–1891) — английский театральный архитектор.

49

Пенелопа Кит (р. 1940) — британская актриса, известная, прежде всего, ролями в телесериалах и неуемной тягой к садоводству, а на что намекает СФ, осталось неведомым.

50

Сэр Генри Ирвинг (1838–1905) — великий трагик Викторианской эпохи.

51

Фрэнк Финлей (р. 1929) — один из старейшин британского актерского цеха, в его послужном списке множество превосходно сыгранных ролей в театре, кино и на телевидении.

52

Кристофер Хитченс (1949–2011) — американский журналист и писатель, убежденный атеист.

53

Процитировано стихотворение «Шепотки бессмертия» (пер. *А. Сергеева*).

54

Джон Бакен (1875–1940) — британский государственный деятель, писатель (автор «39 ступеней») и генерал-губернатор Канады.

55

Моретон-ин-Марш — тишайший английский курорт.

56

Лу Рид (1942–2013) — американский рок-музыкант и поэт, один из основателей группы *The Velvet Underground,* значительная фигура в рок-музыке.

57

Гилберт Крош (р. 1943) и Джордж Пассмор (р. 1942) — английские художники-авангардисты, изображающие сами себя (фотографии, перформанс — «живая скульптура»).

58

Джон Минтон (1917–1957) — английский живописец и график, ключевая фигура неоромантизма, на работы которого наложила сильный отпечаток его гомосексуальность.

Джон Дикин (1912–1992) — английский фотограф, много работал вместе с художниками, в том числе с Фрэнсисом Бэконом.

Дэниэль Фарсон (1927–1997) — английский писатель и телеведущий, работал на частных телеканалах, и его программы отличались куда большей резкостью и глубиной, чем все, что делалось на Би-би-си; не скрывал своей гомосексуальности.

59

Кеннет Далглиш (р. 1951) — шотландский футболист и тренер.

60

Атенеум — основанный в 1824 году лондонский клуб, членами которого были многие прославленные люди — от Диккенса и Дарвина до Черчилля и Элиота.

61

Кит Аллен (р. 1953) — валлийский актер, писатель, музыкант, подростком прошел через колонию и всегда славился своей склонностью к невероятным выходкам.

62

Джереми Вайн (р. 1965) — английский радио— и тележурналист, имеет привычку вставлять в свои программы христианские проповеди и всячески подчеркивать, что он истинно верующий и остальным тоже полагается стать таковыми поскорее.

63

«*Vespa*» — марка итальянского мотороллера.

64

Грифф Рис Джонс (р. 1953) — английский комик, лауреат Премии Лоуренса Оливье за лучшее комедийное шоу.

65

Джеффри Бернард (1932–1997) — журналист-легенда, своего рода британский Веничка Ерофеев, ставший героем пьесы Кейта Уотерхауса «Джеффри Бернард нездоров». С 1975 года помимо прочих колонок Бернард вел рубрику «На дне», прозванную «Запиской самоубийцы с недельной отсрочкой», материалы для которой писал, напиваясь за стойкой бара.

66

Джеймс (Джим) Бродбент (р. 1949) — один из самых популярных и востребованных сейчас английских актеров, лауреат премии «Оскар», премии «Золотой глобус» (дважды) и многих других.

67

Нил Киннок (р. 1942) — один из самых авторитетных сейчас деятелей Лейбористской партии, с 1983 по 1992 год был лидером лейбористов. Его жена Гленис также активистка Лейбористской партии. Оба из рабочих семей, отец Нила — шахтер, отец Гленис — железнодорожный стрелочник.

68

Гарольд Вильсон (1916–1997) — лейбористский премьер-министр с 1964 по 1970 и с 1974 по 1976 год, один из самых выдающихся британских государственных деятелей XX века.

69

Уильям Хейг (р. 1961) — политик-консерватор, министр иностранных дел (2010–2014) в правительстве Дэвида Кэмерона. Гарриет Рут Гарман (р. 1950) — политик-лейборист, председатель палаты общин с 2007 по 2010 год, заместитель председателя Лейбористской партии с 2007 года и поныне.

70

Гамлет в разговоре с Полонием: «Если обходиться с каждым по заслугам, кто уйдет от порки?» (акт II, сцена 2, *пер. Б. Пастернака*).

Ч. Диккенс «Рождественская песнь в прозе» (пер. *Т. Озеровой*).

72

QI (Quite Interesting — «Весьма интересно») — научно-популярное телешоу, которое ведет Стивен Фрай. В программе иронично и вполне авторитетно обсуждаются всевозможные стереотипные утверждения из самых разных областей знаний, которые во многих случаях далеки от истины. Авторы программы Джон Митчинсон и Джон Ллойд в содружестве с Фраем занялись также выпуском книг *QI*: «Книга всеобщих заблуждений», «Книга животных заблуждений», «Книга мертвых», «Книга цитат», «Вторая книга всеобщих заблуждений», «1339 фактов, от которых у вас челюсть отвиснет», «1227 фактов, от которых вы обалдеете». Все эти занимательные и остроумные энциклопедии выходят на русском языке в издательстве «Фантом Пресс».

73

Бабушка принца Чарлза со стороны отца, принца Филиппа, — Алиса Баттенберг, дочь Ольги Константиновны, великой княжны из дома Романовых.

74

Дорнфорд Йейтс (настоящее имя Сесил Уильям Мерсер, 1885–1960) — популярный в период между двумя мировыми войнами английский писатель.

75

Сатирическое телевизионное паппет-шоу, в котором часто высмеивается королевская семья.

76

Клайв Джеймс (р. 1939) — журналист, критик, режиссер, писатель и много кто еще, один из главных эрудитов и интеллектуалов современной Британии.

77

«Риллингтон-стрит, 10» — фильм 1981 года, рассказывающий о реально существовавшем серийном убийце Джоне Кристи.

78

Том Стоппард (р. 1937, урожденный Томаш Штраусслер) — британский драматург, мастер парадоксов и интерпертатор классики, значительная фигура современного английского театра. Алан Беннет (р. 1934) — известный английский драматург, обладающий острым, абсурдистским чувством юмора. Гаролд Пинтер (1930–2008) — классик английского театра и литературы, лауреат Нобелевской премии, наиболее влиятельный драматург своего поколения.

79

Вивиан Стэншолл (1943–1995) — английский музыкант, фронтмен одной из самых необычных групп в истории рок-музыки *Bonzo Dog Doo-Dah Band,* сплавивших в своем творчестве музыкальную комедию и дадаизм. Его называли «придворным шутом британского андеграунда».

80

Джон Эдвард «Джек» Хокинс (1910–1973) — британский актер, карьера которого длилась более 40 лет; снялся во многих кинолентах, ставших классикой, его военные роли считаются хрестоматийными.

81

Кеннет Уильямс (1926–1988) — английский актер, комедиант, в телесериале «Carry On» снимался с 1958 по 1976 год. Начиная с 1940-х годов и до самой смерти вел дневник.

82

Джеймс Нокости (р. 1951) — британский радиоведущий, много лет читает новости.

83

Алиса Фэй (р. 1944) — американский психотерапевт, также много сотрудничала с радио; в период, о котором рассказывает Стивен Фрай, она была замужем за классиком британской комедии, участником труппы «Монти Пайтон» Джоном Клизом.

84

Уильям Джиллетт (1853–1937) — американский актер, сыгравший заглавную роль в американском немом фильме «Шерлок Холмс» (1916). Бэзил Рэтбоун (1892–1967) — английский актер, один из популярнейших исполнителей роли Холмса (в 14 фильмах).

85

К следующей сноске Фрая: Альфонсина Плесси (настоящее имя Мари Дюплесси) — французская куртизанка, прообраз героини романа Дюма-сына «Дама с камелиями» (отсюда и нарицательное «Альфонсинка» у Салтыкова-Щедрина); Эммануэль — героиня памятных многим фильмов 70-х годов.

86

26-й эпизод 2-й серии шпионского сериала «Мстители» (1963).

87

Имельда Стонтон (р. 1956) — популярная английская актриса, за роль в фильме «Вера Дрейк» режиссера Майка Ли получила премии Венецианского и Нью-Йоркского фестивалей, премию BAFTA и была номинирована на премию «Оскар».

88

Дэвид Хэйр (р. 1946) — драматург, сценарист, театральный и кинорежиссер, лауреат немалого числа театральных премий. На сценарном поприще главный успех ему принесли фильмы «Часы» (по роману М. Каннингема) и «Чтец» (по роману Б. Шринка). Саймон Грей (1936–2008) — английский драматург, писатель и мемуарист. Автор пяти романов и нескольких десятков пьес, но основную известность ему принесли дневниковые мемуары.

89

Издательство «Faber and Faber» — одно из самых уважаемых в Британии, среди его бывших редакторов немало людей, ставших впоследствии гордостью английской литературы.

Билл Коттон (1928–2008) — британский телепродюсер, продюсировавший среди прочего легендарный «Летающий цирк Монти Пайтон».

Питер Селлерс (1925–1980) — выдающийся комедийный актер, наиболее известен ролью растяпистого инспектора Клузо из фильмов «Розовая пантера».

Томас Фридрих «Томми» Купер (1921–1984) — британский иллюзионист и комедиант, умер от сердечного приступа прямо во время своего представления, транслировавшегося по телевидению в прямом эфире, вовремя помощь ему не оказали, приняв смерть экстравагантного иллюзиониста за очередной необычный фокус.

Барри Крайер (р. 1925) — британский писатель и комик, автор скетчей для множества известных артистов.

91

Найджел Шорт (р. 1964) — британский шахматист-вундеркинд, взрослую шахматную карьеру начал в 12 лет; в 1993 году, обыграв в полуфинале Анатолия Карпова, играл матч за мировую шахматную корону с Гарри Каспаровым.

92

Зажим Мароци — пешечная конфигурация в шахматах, полностью блокирующая позицию противника, автор этого шахматного приема — Геза Мароци (1870–1951) — венгерский гроссмейстер, один из сильнейших в начале XX века.

Шимон Винавер (1838–1920) — польский шахматист, один из сильнейших своего времени, автор контргамбита Винавера.

93

«Фотоувеличение» (*Blowup,* 1966) — фильм Микеланджело Антониони по рассказу Хулио Кортасара «Слюни дьявола». В 1967 году фильм получил «Золотую пальмовую ветвь» Каннского фестиваля. Главные роли сыграли Дэвид Хеммингс и Ванесса Редгрэйв, во второстепенных и даже в массовке засветились люди, которые впоследствии станут настоящими звездами, — Джейн Биркин, Майкл Пэйлин, Джимми Пейдж, Джефф Бек.

Речь о Бене Элтоне и его будущей жене, австралийке Софи. Бен Элтон, помимо прочего, еще и отличный романист. На русском языке его книги выходят в издательстве «Фантом Пресс».

Хью Лори является автором единственного романа (хотя последние лет десять клянется и божится, что вот-вот закончит второй) «Торговец пушками», в русском переводе неоднократно выходившего в издательстве «Фантом Пресс».

96

Созданная в 1989 г. организация, отстаивающая права лесбиянок, геев и бисексуалов Великобритании. Названа по имени нью-йоркского ресторанчика «Стоунволл Инн», около которого произошло в 1969-м «сражение» геев с полицией, положившее начало их легализации.

97

Сэм Уонамейкер (1919–1993) — американский актер и режиссер, ставший инициатором восстановления шекспировского театра «Глобус», которое завершилось в 1997 году.

98

Чарлз Пауэлл (р. 1941), барон Бэйсуотерский — британский дипломат и политик, в 1980-х был советником Маргарет Тэтчер по внешнеполитическим вопросам.

99

Терри Гиллиам так и не снял своего «Дефективного детектива» (к телесериалу «Монк», который на российском ТВ шел под названием «Дефективный детектив», эта задумка Гиллиама не имеет никакого отношения). Гиллиам собирался снять фильм о сыщике, расследующем исчезновение юной девушки и блуждающем в причудливом мире своих фантазий.

100

Денис Тэтчер (1915–2003) — муж Маргарет Тэтчер.

101

Майкл Хезелтайн (р. 1933) — один из старейших британских политиков, член парламента от партии тори с 1966 по 2001 год, с 1983 по 1986 год был министром обороны в правительстве Маргарет Тэтчер.

102

The Ink Spots — группа чернокожих музыкантов, просуществовавшая с 1931 по 1964 год, работали на стыке джаза и популярной эстрады, критики определяли их стиль как «ритмичный вокализ». Оставили значительный след в музыке 20-го века, их композиции охотно используют в кино.

103

Лорд Мелвин Брэгг (р. 1939) — английский радио— и тележурналист, сценарист и писатель. Его передача «The South Bank Show», посвященная искусству, шла по Би-би-си более трех десятков лет, с 1978 по 2010 год.

«Театр герцога Йоркского» в лондонском Вест-Энде.

105

Ричард Ингрэмс (р. 1937) — английский журналист, один из учредителей сатирического журнала «Частный глаз» и редактор-учредитель сатирического журнала «Олди».

106

Берил Бейнбридж (1932–2010) — английская писательница, пять раз была номинирована на премию Booker, в 2008 году газета «Таймс» включила ее в список лучших английских писателей начиная с 1940 года.

107

Энтони Мингелла (1954–2008) — британский режиссер и сценарист, как режиссер получил «Оскара» за фильм «Английский пациент» (1996). Его брат Доминик Мингелла работал над сценариями, среди прочего, двух популярных и превосходных британских сериалов «Доктор Мартин» и «Хэмиш Макбет».

108

Джон Джанкин (1930–2006) — почти забытый сейчас английский актер, много работавший для телевидения, пик его популярности пришелся на конец 1960-х и 1970-е годы. Среди прочего сыграл в музыкальном фильме «Вечер трудного дня» группы *The Beatles*.

109

Имеется в виду триллер Эндрю Дэвиса «Беглец» (1993) с Харрисоном Фордом и Томми Ли Джонсом в главных ролях.

110

Иэн Джонстоун (р. 1943) — английский режиссер-документалист, продюсер и писатель, автор документальных фильмов о «Монти Пайтон», Дастине Хоффмане, Марлоне Брандо и др. Автор биографий Клинта Иствуда и Тома Круза.

111

Бэз Бэмигбой — авторитетный английский кино— и телекритик.

112

Джерри Холл (р. 1956) — модель и актриса, известная, впрочем, больше своим браком с солистом *The Rolling Stones* Миком Джаггером, с которым начала встречаться еще в конце 1970-х, а в начале 1990-х они поженились, у них четверо детей.

113

«Кракер» («Взломщик») — британский детективный сериал (таинственно трансформировавшийся на российском ТВ в «Метод Крекера», хотя никаких печенек и даже людей с такой фамилией там нет); в главной роли полицейского психолога, «взламывающего» натуру преступника, обаятельного пьяницы доктора Фитца — Робби Колтрейн.

114

«Ньюман и Баддиел» — комедийный дуэт, у которого в начале 1990-х была своя программа на ТВ. Их шоу пользовалось большим успехом у зрителей, но телекритики едва ли не единодушно его ненавидели. Шоу на ТВ продержалось недолго, затем дуэт отправился в турне по Британии, во время которого установил рекорд по числу зрителей на выступлении комиков — на лондонский стадион «Уэмбли» пришло более 12 000 человек. Вскоре дуэт распался.

115

В Британии за Гарри Каспаровым закрепилось прозвище «Газза».

116

Уильям Арманд Томас Тристан Гарел-Джонс, барон Гарел-Джонс (р. 1941) — британский политик, член партии тори, среди консерваторов считается «белой либеральной овцой», в период правления Тэтчер был сторонником евроинтеграции, что шло вразрез с линией консервативной партии; к политике Тэтчер относился неодобрительно.

117

Анна Форд (р. 1941) — одна из самых известных британских теле— и радиожурналистов, долгие годы (1986–2006) вела на «Радио-4» аналитическую программу «Сегодня». Брайан Редхед (1929–1994) — писатель, журналист и продюсер, «голос» «Радио-4», бессменный ведущий программы «Сегодня» с 1975 по 1994 год.

118

Статья 28 закона о местном самоуправлении Великобритании (принята в 1988, отменена в 2003) предписывала местным органам власти «не допускать содействия в распространении гомосексуальности или материалов с целью его поощрения», а также «не допускать в процессе обучения в школах материалов о приемлемости гомосексуальности».

119

Сэр Иэн Мюррей Маккеллен (р. 1939) — британский «шекспировский» актер, в первую очередь театральный, но мировую известность получил благодаря кино — и прежде всего роли Гэндальфа из кинотрилогии «Властелин колец». В 1988-м в эфире Би-би-си объявил о своей гомосексуальности, а в 1990-м одним из первых открытых геев был удостоен рыцарского титула.

120

Анджела Мейсон (р. 1944) — британская гражданская активистка, выступала за права сексуальных меньшинств, лидер правозащитной организации «Стоунволл».

121

Британская анархическая группировка, совершившая между 1970-м и 1972-м череду взрывов (всего 25), — небольшие взрывные устройства закладывались в банках, посольствах, домах парламентариев-консерваторов.

122

Тьерри Лермитт (р. 1952) — очень популярный французский актер комедийного склада. Широко известным стал после фильма «Откройте, полиция!» (1984), где он сыграл в паре с Филиппом Нуаре.

123

В 1990-х годах в Британии случился настоящий «Перудо»-бум. В кости играли везде и всюду, даже проводился чемпионат страны. Стивена Фрая приглашали во всевозможные программы, рекламировавшие игру и связанные с ней товары.

Джозефина Грейс «Джо» Брэнд (р. 1957) — бывшая медсестра, променявшая психбольницу, в которой работала, на театральные подмостки, звезда комического жанра, обладающая убийственной иронией. Джулиан Клэри (р. 1959) — комик, открытый гей, появился на сцене в 1980-х и выделялся среди коллег демонстративно «особенным» внешним видом.

125

Джон Барри (1933–2011) — английский композитор и дирижер, написавший музыку для множества прославленных фильмов (в том числе фильмов о Бонде).

Продюсеры фильмов «бондианы».

127

Руперт Мёрдок (р. 1931) — австралийский и американский медиа-магнат.

128

Алан Корен (1938–2007) — английский юморист, редактор журнала «Панч», регулярно появлялся на радио и ТВ. Питер Эдвард Кук (1937–1995) — английский писатель и комедиант, чрезвычайно влиятельная фигура в британской комедии, стоял у истоков комедийного бума, начавшегося в Британии и Америке в 1960-х годах.

129

Родди Дойл (р. 1958) — замечательный ирландский писатель, известность к нему пришла после выхода книги «Коммитментс» (впоследствии успешно экранизированной Аланом Паркером). Премию Booker он получил в 1993 году за роман «Пэдди Кларк Ха-ха-ха», на русский, увы, так и не переведенный.

«Уотерстоунс» — британская сеть книжных магазинов.

131

Ривер Джуд Феникс (1970–1993) — американский актер, подававший большие надежды, в 18 лет был номинирован на премию «Оскар» за лучшую мужскую роль второго плана в фильме «Бег на месте»; за роль в фильме «Мой личный штат Айдахо» получил премию Национального общества кинокритиков США. Умер от передозировки наркотиков.

132

Бобби Мур (1941–1993) — английский футболист, капитан сборной Англии, выигравшей чемпионат мира в 1966 году.

133

Сэр Энтони Хопкинс (р. 1937) — британский актер и режиссер, сыграл множество заметных ролей, в том числе — в фильме Джеймса Айвори «На исходе дня», о котором идет речь; партнершей его в фильме была Эмма Томпсон. Лауреат «Оскара», «Эми» и BAFTA.

134

Грета Скакки (р. 1960) — британская актриса, наполовину англичанка, наполовину итальянка.

135

Нед Шеррин (1937–2007) — британский актер, популярный теле— и радиоведущий.

136

Имеется в виде Компьенское перемирие — соглашение о прекращении военных действий в Первой мировой войне, заключенное 11 ноября 1918 года между Антантой и Германией рядом с французским городом Компьень.

137

Чарлз Питер Кеннеди (р. 1959) — британский политик, член Либеральной партии, затем партии Либеральных демократов, самый молодой член парламента (избран, когда ему было 23 года). Джордж Истли Макнилл Робертсон (р. 1949) — британский политик, член Лейбористской партии, с 1999 по 2004 год — Генеральный секретарь НАТО.

138

Стивен смотрел режиссерский дебют Мела Гибсона, фильм «Человек без лица» (1993), в котором дебютировал американский молодой актер Ник Стал (р. 1979).

139

Речь про Джоди Фостер (р. 1962), сыгравшей в 14 лет в фильме Мартина Скорсезе «Таксист» (1976), за эту роль она была номинирована на премию «Оскар».

Робин Бейли (1919–1999) — английский театральный актер.

Джереми Чайлд (р. 1944) — английский актер, среди прочего сыграл в блестящей комедии «Рыбка по имени Ванда», где на полмига появляется и Стивен Фрай.

Тимоти Уэст (р. 1934) — английский актер, мэтр британской сцены, сыграл множество ролей в театре и кино, президент Лондонской академии музыки и театра.

141

CATs (Cambridge Arts & Sciences) — кембриджский колледж для иностранных студентов.

142

Розмари Элизабет «Пози» Симмондз (р. 1945) — британская художница, карикатурист и автор иллюстрированных детских книг, с ней ассоциируются большие очки в тонкой проволочной оправе, которые она всегда носила.

143

«Остановка на Рождество» — рождественское телешоу 1993 года, в котором снялись многие известные персоны нетрадиционной сексуальной ориентации, от Стивена Фрая и Педро Альмодовара до Мартины Навратиловой.

Имеется в виду кембриджский Куинз-колледж (*Queens College*).

145

Терри Джонс и Терри Гиллиам — участники «Монти Пайтон». Если для Джонса «Монти Пайтон», наверное, остались пиком творчества, то Гиллиам, перебравшись в «большое» кино, является сейчас одним из самых значительных режиссеров.

146

Хелен Миррен (Хелен Лидия Миронофф, р. 1945) — британская актриса с русскими корнями, известность ей принесли в 1960-х годах роли в шекспировских постановках, в кино снималась у выдающихся режиссеров; критики ее прозвали «секс-символом для интеллектуалов».